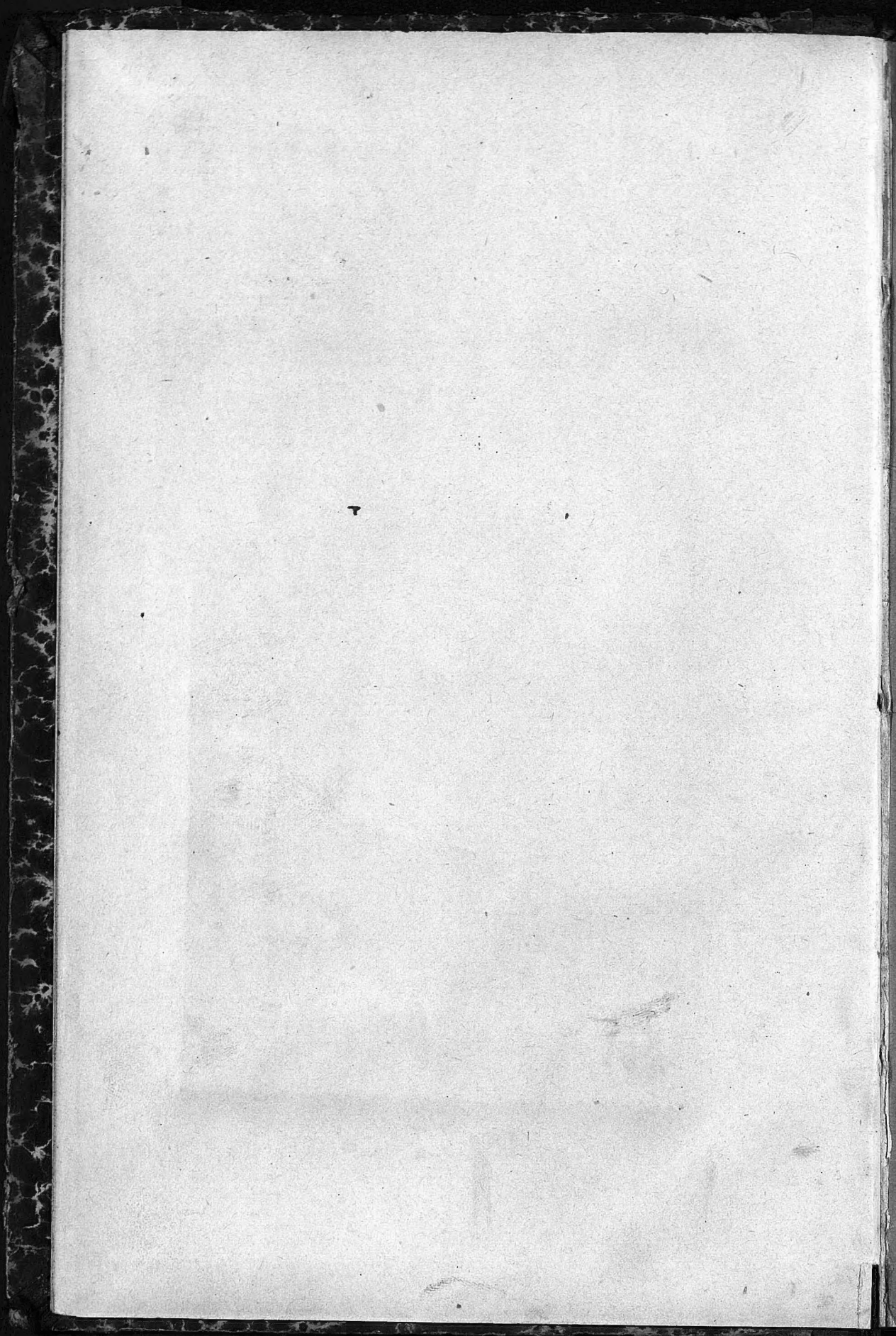

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Исключительного Совета
Профессиональных Союзов,

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLV-й.

ФЕВРАЛЬ.

1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году.	I	Михайловичъ Донесенія австр. посланника при русскомъ дворѣ Лебелльтерна. В. Тимошукъ.	368—377
II. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя. А. О. Кони.	243—280	XII. Люди и нравы за полѣвка. Н. Морозова.	378—385
III. Житейскія встрѣчи. А. О. Кони.	281—296	XIII. Александръ I и польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. В. Тимошукъ.	386—395
IV. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. Сооб. А. А. Половцова.	297—305	XIV. Изъ времени царя Михаила Теодоровича. И. Мордвинова.	396—402
V. Торжества въ честь Императоровъ Александра I и Наполеона I и другихъ коронованныхъ особъ, происходившія въ Веймарѣ и въ Ленѣ. Сообщ. А. С. Лапинскій.	306—323	XV. Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку, подъ ред. и съ прим. В. Яковлева.	403—437
VI. Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры. Ставлева.	324—331	XVI. Встрѣча. (Изъ воспоминаній порть-артурца). Г. Артурова.	438—443
VII. Тайнственный преступникъ. П. И. Степанова.	332—335	XVII. Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 году. Сообщ. Б. В. Каховскій.	444—462
VIII. Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ. М. В. Станиславскаго.	336—342	XVIII. Изъ архивныхъ документовъ. Сообщ. С. Н. Введенскій.	463—467
IX. Дневникъ академика В. П. Безобразова. Сообщ. М. В. Безобразова.	343—351	XIX. Изъ записной книжки «Русской Старины»: а) Эпизодъ изъ жизни Императора Павла I. Григорія де-Воллана.	468—469
X. Изъ жизни инженера путей сообщенія. Л. Н. Любимова.	352—367	б) Исторія повторяется. Сообщ. В. П. Федоровъ.	470
XI. Великій Князь Николай		XX. Библиографическій листокъ (на обложкѣ).	

Приложенія: Портреты: Александра Васильевна Плетнева, Ольга Владиміровна Градовская и Евгенія Николаевна Воронова, и рисунки—Изображеніе большой охоты на козъ, устроенной Герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ 6 октября 1808 г. въ честь Императоровъ Александра и Наполеона, въ Эттерсбергѣ, близъ Веймара.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1914 года.

Библиографическій листокъ.

Б. Модзалевскій. Къ біографіи Новикова. Письма его къ Лабзину, Чеботареву и др. 1797—1815. Спб. 1913 г.

Письма эти очень важны и цѣнны для біографіи Новикова послѣдняго періода его жизни, ярко рисуя и его самого, и ту обстановку, въ которой онъ, почти совершенно разоренный, жилъ въ деревнѣ по снятіи съ него опалы Императоромъ Павломъ. Къ сожалѣнію, дошли далеко не все письма его, а нѣкоторыя изъ тѣхъ, что дошли, сохранились не въ полной исправности. Они найдены Б. Модзалевскимъ въ остаткахъ когда-то весьма большого, но въ значительной части уже уничтоженнаго архива И. Е. Великопольскаго, женатаго на единственной дочери масона М. Я. Мудрова, челоѣка близкаго и самому Новикову и Лабзину. Всѣхъ писемъ собрано здѣсь—26. Крайне любопытенъ, какъ замѣчаетъ редакторъ, ихъ постоянно шутильвій тонъ, и самый слогъ, литературно-обработанный, хотя и съ нѣкоторыми особенностями; интересны нѣкоторыя разсужденія Новикова, напр. о вѣрѣ (письмо № 20), масонскія наставленія, цитаты изъ св. Писанія, а на-ряду съ этимъ—житейскія сообщенія о погодѣ, просьбы о нюхательномъ табакѣ, курьезные медицинскія совѣты (письмо № 23) и т. д. Какъ приложение къ письмамъ, напечатаны сохранившіяся съ ними въ архивѣ Великопольскаго 4 мистико-религіозныхъ разсужденія Н.—а: „Что есть Адамъ и Христосъ въ одномъ лицѣ и какой челоѣкъ безъ грѣха?“, „О поврежденіи благороднаго древа, т. е. образа Божія въ челоѣкѣ“, „О міроправленіи“ и „Письмо Б. Г. о внутреннемъ возрастаніи и объ осторожностяхъ при началѣ оного“. Издано это собраніе какъ отдѣльный оттискъ журнала „Русскій Библиофилъ“—отлично.

Заграфскій Трифологіи. Со статьями А. И. Соболевскаго, прот. М. Лисицына, прот. В. Металлова и А. В. Преображенскаго. Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1913.

Отрывокъ интереснаго болгарскаго документа XIII вѣка, изданный въ фототипическихъ снимкахъ, является единственной южно-славянскою рукописью съ нѣсколькими строками, снабженными нотными знаками для пѣнія; эти пять строкъ, замѣчаетъ А. И. Соболевскій, „все, что наука пока имѣетъ въ своемъ распоряженіи для знакомства съ церковною музыкою южныхъ славянъ періода XI—XIV вѣковъ... Нотные знаки обличаютъ между прочимъ, что глухіе гласные звуки Ъ и Ь еще произносились тогда. Пѣвческое письмо здѣсь греческаго типа, но распѣвъ стихиры славянскій; такъ думаетъ прот. М. Лисицынъ, къ тому же склоняется прот. В. Металловъ, а А. В. Преображенскій считаетъ нотописаніе даннаго памятника индивидуальнымъ и случайнымъ. Въ этомъ вопросѣ еще придется разбираться; жаль, что до сихъ поръ не изданы и не изслѣдованы хранящіеся въ Обществѣ любителей древней письменности снимки съ афонскихъ нотныхъ рукописей.

Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томы VIII, X, XV, XVI, XX. Спб. 1911—1913.

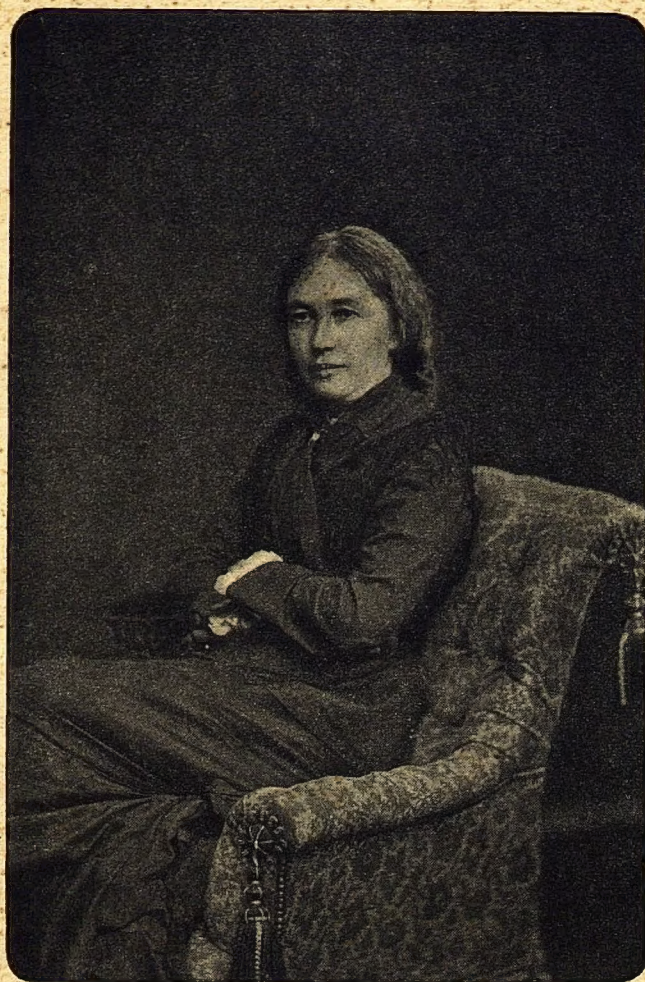
Необходимое историкъ и законодателью описаніе документовъ, хранящихся въ архивѣ нашего высшаго государственнаго учрежденія, быстро подвигается впередъ. Особенно богаты историческими матеріалами томы XV и XVI. Въ первомъ исчислены дѣла секретнаго комитета и главныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и объ устройствѣ сельскаго собранія, 1857—1862 г.г.; во второмъ—разнообразныя дѣла всѣхъ учрежденныхъ при Государственномъ Совѣтѣ комитетовъ, комиссій, совѣщаній и присутствій, временнаго департамента и особенныхъ засѣданій военнаго департамента, дѣла и бумаги предсѣдателей и членовъ Государственнаго Совѣта и нѣкоторыхъ отдѣленій Государственной Канцеляріи. XX томъ отведенъ документамъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго съ 1826 по 1835 г.г.

Алексій Некрасовъ. Очерки изъ исторіи славянскаго орнамента. Человѣческая фигура въ русскомъ тератологическомъ рукописномъ орнаментѣ XIV вѣка. Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1913.

Тератологическій орнаментальный стиль заглавныхъ буквъ и виньетокъ, первоначально возникши главнымъ образомъ изъ нерусскихъ эле-

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА
ПЛЕТНЕВА.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: А. О. Кони.—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣателя“. „Житейскія встрѣчи“. Дневныя записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Θεодора Алексѣевича и Петра Великаго С. Е. О.—„Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ о взятіи Парижа“. „Письмо Императрицы Маріи Θεодоровны“. П. А. Зотова.—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.“. Записки Н. В. Исакова.—„Военныя дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ“. Г. И. Бобринкова.—Воспоминанія. Е. С. Шумигорскаго.—„Крестинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I“. „Смольный монастырь“. „О запискахъ Екатерины II“. А. З. Попельницкаго.—„Спеціальная цензура книгъ“. П. К. Козлова.—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ“. А. М. Колонтай.—„Записки генерала М. А. Домонтовича“. П. Л. Юдина.—„Посольство Марини къ шаху Аббасу“. „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ“. А. С. Панкратова.—„Старообрядцы и Наполеонъ I“. В. А. Андерсона.—„Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 г.г.“. Н. К. Полеваго.—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г.“ (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). Сообщ. Е. С. Шумигорскій.—„Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года“. „Изъ записокъ гр. О. И. Головкина“. „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I“. Н. А. Вилламова.—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. С. Н. Брайловскаго.—„Александръ Θεодоровичъ Фондербринкенъ на родинѣ“. А. С. Лапинскаго.—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году“. В. А. Арсеньева.—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову“. Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. П. А. Висковатова.—„Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу“. И. В. Мѣшанинова.—„Два письма Аракчеева“. И. П. Мордвинова.—„Гибель крамольнаго рудомета“. „Демократъ двадцатыхъ годовъ“. „Непризнанный геній“. Ф. П. Уловича.—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій“. Н. А. Мурзанова.—„Къ біографіи декабристовъ: кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Лунина“. В. Дометти.—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ“. Н. П. Хитрово.—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году“. М. В. Безобразовой.—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. В. А. Степанова.—„Таинственный преступникъ“. А. М. Самбурскаго.—„Очерки изъ семейной жизни“. Владиславлева.—„Подонки родины“. С. В. Тяпѣева.—„Курьезы старой Москвы“. З. А. Слезинской.—„Неудачная опека“. С. С. Чеха.—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты“. М. В. Станиславскаго.—„Э. Ф. Направникъ“. С. Н. Введенскаго.—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ“. „Демонскіе лики въ Рязани“. Т. М. Оленникова.—„Геромонахъ Юрьева монастыря Платонъ и его рукописи“. Е. С. М.—„Депутатъ отъ Россіи“. Н. Ф. Мельницкаго.—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну“. Д. М. Лаврова.—„Углицкій ссыльный колоколъ“. Н. И. Морозова.—„Люди и нравы за полвѣка“. Б. В. Каховскаго.—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г.“. Е. К. Андріяшевой.—„Воспоминанія стараго педагога“. Воспоминанія Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣателей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа Н. П. Игнатьева о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольф“, Гостинный дв., 18 и Невскій, 13

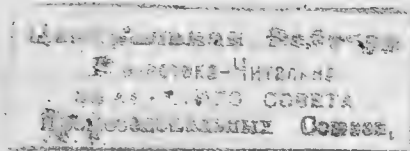
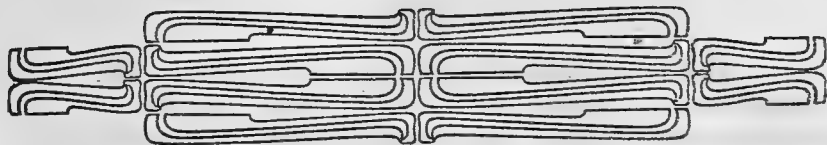
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи cadaго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя.

XX¹⁾.

Присяжные засѣдатели.

Серьезной причиной оправдательныхъ приговоровъ, волнующихъ общественное мнѣнiе, потому что ни въ событiи тяжкаго преступленiя, ни въ сознательной виновности въ послѣднемъ подсудимаго не можетъ быть никакого сомнѣнiя—являлись, какъ я уже говорилъ, не только руководящiя напутствiя, но также и *разъясненiя* предсѣдателя *присяжнымъ ихъ правъ и обязанностей*, дѣлаемые въ началѣ каждой сессiи, въ связи съ приводомъ къ присягѣ. Они далеко не всегда,—по крайней мѣрѣ за то время, когда я служилъ въ „дѣйствующей армiи“ судебного вѣдомства,—соотвѣтствовали своему назначенiю. Въ нихъ больше всего обращалось вниманiе присяжныхъ на технику ихъ работы, и лишь упоминались вскользь вопросы о *внутреннемъ убѣжденiи*, о *сомнѣнiи*, о значенiи признанiя присяжными подсудимаго „заслуживающимъ снисхожденiя по обстоятельствамъ дѣла“ и т. п. Между тѣмъ именно по этимъ вопросамъ прежде всего слѣдуетъ вооружить присяжныхъ здравыми и правильными понятiями. Излишне говорить, какъ важно, напримѣръ, разъясненiе присяжнымъ разницы между сомнѣнiемъ въ виновности, остающимся послѣ тщательнаго взвѣшиванiя всего, что говоритъ за и противъ нея, и тѣмъ сомнѣнiемъ, которое легко возникаетъ тамъ, гдѣ умственная работа недостаточно напряжена или гдѣ легко возникающее сомнѣнiе даетъ соблазнительный поводъ отъ этой умственной работы уклониться. Точно такъ же необходимо съ полной ясностью и нагляд-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ Январь 1914 г.

ностью объяснить присяжнымъ, что ихъ рѣшеніе, въ основу котораго должно быть положено внутреннее убѣжденіе, не есть простое мнѣніе ихъ по дѣлу, а является чреватымъ послѣдствіями для подсудимаго и для общества приговоромъ ихъ совѣсти, призываемой ограждать общество и отъ поощренія зла путемъ безнаказанности преступленія, и отъ того несчастія, которымъ должно быть признано осужденіе невиннаго. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ еще меньше печатныхъ образцовъ такихъ объясненій присяжнымъ, чѣмъ печатныхъ руководящихъ напутствій, такъ что почти нѣтъ примѣровъ для подражанія или руководства. Мнѣ извѣстно лишь одно такое объясненіе, превосходное по формѣ и по содержанію, произнесенное при открытіи сессіи присяжныхъ моимъ старымъ сослуживцемъ, товарищемъ предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда В. К. Случевскимъ, и напечатанное въ „Новомъ Времени“ 1879 года № 309.

Я уже говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ о дѣлѣ Жюжанъ о томъ, какъ мало обращалось у насъ долгое время вниманія на выработку руководящихъ напутствій и какъ большинство изъ нихъ отличалось безцвѣтностью и отсутствіемъ внутренняго содержанія, которое должно бы содѣйствовать облегченію задачи присяжныхъ. Печать, удѣляя по громкимъ процессамъ мѣсто рѣчамъ сторонъ, почти никогда не помѣщала рѣчи предсѣдателя, такъ что даже и тамъ, гдѣ она представляла полезный образецъ для подражанія, эта рѣчь оставалась неизвѣстной никому, кромѣ присутствовавшихъ. Такимъ образомъ, пропали для изученія и подражанія нѣкоторыя изъ слышанныхъ мною превосходныхъ напутствій присяжнымъ со стороны А. А. Сабурова въ Петербургѣ и Э. Я. Фукса въ Харьковѣ. По этой же причинѣ нынѣ я могъ бы указать лишь на напечатанныя руководящія напутствія А. М. Кузминскаго въ Петербургскомъ окружномъ судѣ по дѣлу Меранвиль - де - Сенклера и одного изъ товарищей предсѣдателя Московскаго окружнаго суда по дѣлу офиціанта Куликуна, обвиняемаго въ сводничествѣ своихъ малолѣтнихъ дочерей, — какъ вполне отвѣчающія своему значенію и назначенію. Не могу не выразить при этомъ крайняго сожалѣнія, что превосходныя напутствія нынѣшняго предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда С. В. Кудрина не были напечатаны. Но за то я могъ бы отмѣтить цѣлый рядъ слышанныхъ мною руководящихъ напутствій, состоявшихъ изъ усыпительнаго повторенія статей закона или изъ такихъ толкованій, которыя вносили смуту въ

умы присяжныхъ и вызывали недоумѣнія даже въ участвующихъ въ дѣлѣ лицахъ. Такимъ было, напримѣръ, ничѣмъ не вызванное тяжкодумное объясненіе разницы между заявленіемъ о *подложѣ* акта и споромъ о его *недѣйствительности*,—объясненіе, вслушиваясь въ которое можно было добросовѣстно признать, что никакой разницы между ними не существуетъ; или авторитетное объясненіе различія между *выемкой* и *обыскомъ*, сводившееся къ тому, что когда *ищутъ*, то это обыскъ, а когда что-нибудь при этомъ *нашли*, то это выемка. Вообще говоря, на предварительную, спокойную и обдуманную подготовку руководящаго напутствія вѣдъ судебного засѣданія и теченія судебного слѣдствія, особливо по серьезнымъ и сложнымъ дѣламъ, у насъ, повидимому, обращалось мало вниманія, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень важное объясненіе о составѣ преступленія, его существенныхъ признакахъ и общественномъ значеніи можетъ быть обдуманно и построено еще до открытія судебного засѣданія. Между тѣмъ я помню случаи, гдѣ въ этомъ отношеніи допускалась торопливая импровизація или обдумываніе предстоящаго напутствія совершалось въ самый разгаръ преній сторонъ, безъ необходимаго сосредоточенія вниманія на нихъ предсѣдателя. Такъ, мнѣ пришлось въ Сенатѣ участвовать въ разсмотрѣніи дѣла, въ которомъ сторонами въ рѣчахъ были сдѣланы совершенно недопустимые на судѣ выпады противъ подсудимаго и нѣкоторыхъ свидѣтелей, направленные къ возбужденію и разжиганію племенныхъ страстей и оставленные предсѣдательствовавшимъ не только безъ своевременной остановки беззащитиво зарвавшихся противниковъ, но и безъ всякаго указанія въ руководящемъ напутствіи на ихъ болѣе, чѣмъ неумѣстный характеръ. Въ объясненіи, представленномъ Сенату, этотъ предсѣдатель наивно говорилъ, что не могъ обратить вниманія на такія выходки, потому что былъ погруженъ во время судебныхъ преній въ подготовленіе своего „резюме“. Этотъ „погруженный въ обдумыванье“ предсѣдатель, не отдающій себѣ отчета въ происходящемъ вокругъ, напоминаетъ мнѣ невольнаго рассказъ объ одномъ предсѣдателѣ, находившемся въ такихъ же условіяхъ. Въ то время, когда онъ всецѣло отдавался созерцанію мысленной постройки своего будущаго напутствія присяжнымъ, стоящій сбоку подсудимаго, бывшаго подъ стражею, солдатъ задремалъ и наклонилъ ружье въ сторону присяжныхъ. Ихъ это стало тревожить и, наконецъ, старшина, перебивая рѣчь защитника, воззвалъ къ предсѣдателю. „А? что?“ спросилъ тотъ, оторванный отъ своей творче-

ской работы, и еще весь находясь подъ ея вліяніемъ. „Да вотъ, господинъ председатель, вотъ этотъ нижній чинъ такъ держитъ ружье... присяжные опасаются... какъ бы оно не выстрѣлило... вѣдь кого-нибудь изъ насъ убить можетъ“...— „Убить? разсѣянно сказалъ председатель, все еще пребывая въ своемъ авто- гипнозѣ: но вѣдь у насъ есть *запасные* (т.-е. присяжные засѣдатели)!“.

Я давалъ заключеніе въ Сенатѣ по надѣлавшему шуму дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ. Важнѣйшимъ изъ основанийъ къ отмѣнѣ приговора присяжныхъ послужило въ немъ руководящее напутствіе председателя Тамбовскаго окружнаго суда, въ которомъ онъ совѣтовалъ присяжнымъ засѣдателямъ „обогащать свою житейскую опытность наблюденіемъ за тѣмъ, какъ себя выказываютъ и проявляютъ своимъ поведеніемъ во время засѣданія подсудимые“, т.-е. рекомендовалъ имъ самыя неправильныя, смутныя и неустойчивыя основанія для сужденія о человѣкѣ, поставленномъ въ условія для него необычныя, тягостныя и роковыя. Затѣмъ онъ внушалъ присяжнымъ, что возложеніе уголовной кары на людей, „увлекшихся теченіемъ и направленіемъ времени“ и которые „не пожелали оставаться на скромныхъ ступеняхъ житейской лѣстницы, а пустились въ аферы, спекуляціи и биржевую игру, было бы равносильнымъ неисполненію возложенной на присяжныхъ обязанности, такъ какъ подложныя документы, счета и отчеты были составлены въ данномъ случаѣ людьми, которые, лишь вслѣдствіе сложившихся, быть можетъ, въ ихъ жизни обстоятельствъ, не захотѣли ограничиться ролью труженика и мирнаго гражданина, но, вслѣдствіе среды, въ которой вращались, и неособеннаго умственнаго развитія и направленія, пожелали плавать шире и глубже“. Не меньшее значеніе имѣютъ и неправильныя объясненія председателя присяжнымъ способа оцѣнки ими доказательствъ, а также разъясненіе имъ ограничительныхъ отвѣтовъ на вопросы, ставящіе ихъ иногда въ безвыходное положеніе. Такимъ образомъ пришлось отмѣнить оправдательный приговоръ присяжныхъ о жестокомъ и возмутительномъ убійствѣ, по которому на ихъ разрѣшеніе былъ поставленъ вопросъ о виновности съ двумя отягощающими обстоятельствами: обдуманнѣмъ заранее намѣреніемъ и предварительнымъ съ другими соглашеніемъ, при чемъ присяжные, не находя въ дѣлѣ признаковъ этихъ отягощающихъ обстоятельствъ, просили председателя объяснить имъ, могутъ ли они въ своемъ отвѣтѣ таковыя отвергнуть?

Предсѣдатель имъ сказалъ, что отрицаніе этихъ обстоятельствъ не можетъ имѣть вліянія на судьбу подсудимаго, поставивъ ихъ тѣмъ въ необходимость или вопреки своему убѣжденію признать эти обстоятельства, или, если совѣсть ихъ съ этимъ не мирилась, то оправдать подсудимаго. Они избрали второе.

Необходимымъ условіемъ для руководящаго напутствія является разумная увѣренность предсѣдателя въ законмѣрности и житейской цѣлесообразности даваемыхъ имъ разъясненій, въ которыхъ, разбирая относительную силу представленныхъ доказательствъ для правильнаго уразумѣнія ихъ присяжнымъ, онъ не долженъ однако обнаруживать личнаго мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго. Къ сожалѣнію, далеко не всегда напутствіе удовлетворяетъ этому требованію. Анализъ вѣса и значенія доказательствъ по дѣлу въ видѣ общихъ началъ, преподаваемыхъ присяжнымъ, дѣло не легкое и требующее большой вдумчивости, а фарватеръ между Сциллой и Харибдой обвиненія и оправданія узокъ и извилистъ. Поэтому бываютъ случаи, когда въ дѣлахъ, требующихъ именно вѣскаго и твердаго слова, въ напутствіи проявляются неуѣренность и колебаніе или, наоборотъ, вмѣсто разбора доказательствъ навязываніе присяжнымъ своего мнѣнія о виновности, приводящее къ отрицательнымъ результатамъ. Тамъ, гдѣ предсѣдатель, вмѣсто судьи, обращается въ дополнительнаго прокурора, напоминая президентовъ французскихъ ассизовъ, съ ихъ всегдашнимъ предубѣжденіемъ противъ подсудимаго, тамъ присяжные обыкновенно теряютъ довѣріе къ его разъясненіямъ и склонны рѣшать дѣло, какъ выражается народъ, „своимъ средствѣмъ“. Выдающийся примѣръ такого рода былъ предметомъ моего доклада въ Сенатъ по громкому дѣлу о священникѣ Тимофеевѣ, обвинявшемся вмѣстѣ со своимъ работникомъ въ лишеніи жизни крестьянина Аксенова съ цѣлью продолженія связи съ женою послѣдняго, которая еще малолѣтнею была развращена и растлѣна подсудимымъ. По этому дѣлу предсѣдатель просилъ присяжныхъ, возстановляя въ своей памяти обстоятельства дѣла, не руководиться его собственнымъ ихъ изложеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставить вовсе безъ обсужденія показанія одного изъ свидѣтелей, какъ данное разнорѣчиво при дознаніи, слѣдствіи и на судѣ. Такимъ образомъ имъ, въ сущности, была упразднена необходимость возстановленія истинныхъ обстоятельствъ дѣла, что придавало его напутствію характеръ безцѣльной траты времени. Въ этомъ дѣлѣ, возбуждавшемъ страстное къ себѣ отношеніе, предсѣдатель предоставилъ присяжныхъ исключительно

ихъ собственнымъ силамъ и снабдилъ ихъ совершенно неправильнымъ совѣтомъ не утруждать себя сопоставленіемъ разнорѣчивыхъ показаній свидѣтеля, а оставить ихъ вовсе безъ разсмотрѣнія. Какъ далеко это отъ тѣхъ здравыхъ взглядовъ на руководящее напутствіе, которыхъ держится англійская судебная практика. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ сэръ Кокбернъ въ своемъ напутствіи присяжнымъ въ знаменитомъ процессѣ самозванца Тичборна: „По мнѣнію моему, тотъ судья не исполняетъ долга своего, который только воспринимаетъ приводимыя доказательства съ тѣмъ, чтобы ихъ передать потомъ присяжнымъ, не указывая на существенные факты и на тѣ выводы, которые изъ нихъ естественно, неизбежно вытекаютъ. Судья долженъ устанавливать вѣсы правосудія такъ, чтобы они висѣли ровно, но онъ обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ обстоятельства дѣла, по мѣрѣ того, какъ они раскрываются, клались сообразно той категоріи, къ которой они принадлежатъ, въ ту или другую чашу вѣсовъ. Его дѣло позаботиться о томъ, чтобы заключенія, къ которымъ приводятъ послѣдовательно факты, были указаны присяжнымъ, и поддерживать себя при этомъ отраднымъ сознаніемъ, что, если онъ ошпбется, то подъ бокомъ у него находятся двѣнадцать человѣкъ, знакомыхъ съ явленіями ежедневной жизни, которые исправятъ ошибки, въ которыя онъ быть можетъ впалъ. Но если одна чаша вѣсовъ перетянетъ другую при разложеніи обстоятельствъ дѣла на вѣсахъ, то это не вина судьи, а является лишь плодомъ дѣйствительности“.

Встрѣчались въ моей практикѣ, къ прискорбію, и обратные случаи, гдѣ предсѣдатель, оцѣнивая доказательства, дѣлалъ это въ такой формѣ, которая, оскорбляя участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, въ то же время содержала и явное мнѣніе о виновности или невиновности подсудимаго. Такъ, согласно съ моимъ заключеніемъ, Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу, въ которомъ предсѣдатель охарактеризовалъ подлежащее рѣшенію присяжныхъ дѣло пословицей: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“, — и неоднократно называлъ подсудимаго „щуккой“. Выдающееся и очень характерное въ этомъ же отношеніи дѣло доходило до Сената изъ Московскаго окружного суда. Одинъ изъ извѣстныхъ московскихъ негоціантовъ, желая отдѣлаться отъ иностранной артистки, учившейся играть на арфѣ, подбросилъ ей свой золотой портсигаръ и обвинилъ ее въ кражѣ. Лживость обвиненія, удостовѣренная судебнымъ разбирательствомъ и слѣдствіемъ, вызвала преданіе его суду за ложный доносъ. Товарищъ предсѣдателя, допустившій защитника подсу-

димаго безвозбранно сказать по адресу потерпѣвшей, что хотя она и говоритъ, что училась играть на арфѣ, „но всѣмъ ясно, на какомъ инструментѣ играла эта госпожа“, со своей стороны въ руководящемъ напутствіи позволилъ себѣ выразиться: „вы, быть можетъ, г. г. присяжные засѣдатели, скажете себѣ, что наука, которую она хотѣла себѣ усвоить, была наука не въ сферѣ искусства, а наука страсти нѣжной, о которой упоминаетъ поэтъ, но только на денежной подкладкѣ“. Сенатъ призналъ такое поведеніе председателя неопозволительнымъ и въ установленномъ порядкѣ предалъ его суду за бездѣйствіе власти по отношенію къ защитнику и за совершеніе при отправленіи должности непристойнаго поступка (2-ая часть 347 ст. Улож. о наказ.). Но этимъ дѣло не кончилось. Судебная Палата нашла однако въ дѣйствіяхъ обвиняемаго* лишь простое упущеніе, выразившееся въ нѣкоторомъ недостаткѣ вниманія по отношенію къ допущенному имъ „игривому“ (?) выраженію, не заключающему въ себѣ ничего непристойнаго, такъ какъ слова о „наукѣ страсти нѣжной“ заимствованы изъ „Евгенія Онѣгина“—романа, читаемаго въ институтахъ благородныхъ дѣвицъ. Этотъ, въ свою очередь, „игривый“ приговоръ не былъ однако опротестованъ прокуратурой. Сенатъ, разсмотрѣвъ въ порядкѣ надзора дѣйствія Палаты и признавъ ея разсужденія явно неосновательными и ошибочными, сдѣлалъ замѣчаніе самой Судебной Палатѣ, а о бездѣйствіи прокурорскаго надзора передалъ на усмотрѣніе министра юстиціи. Вообще председатель въ своемъ руководящемъ напутствіи никогда не долженъ забывать второй части уже приведенный мною цитаты изъ Пушкина: „блаженъ, кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ мгновенно прошипѣвшую змѣю“. Еще недавно председателемъ по дѣлу генерала Левашова, обвинявшагося въ убійствѣ земскаго начальника Шпанова подъ вліяніемъ жестокаго оскорбленія, нанесеннаго ему послѣднимъ,—былъ данъ примѣръ совершеннаго непониманія этого золотого правила, и по отношенію къ подсудимому, не имѣющему права возражать и возможности защищаться, въ напутствіи былъ употребленъ тонъ и способъ выраженій, недопустимый въ устахъ председателя, понимающаго свои обязанности.

Постановка вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ суда. Отъ умѣлаго ея выполненія въ большинствѣ случаевъ зависитъ правильный отвѣтъ присяжныхъ. Поэтому законъ даетъ въ рядѣ статей подробныя указанія о содержаніи и формѣ вопросовъ, при чемъ требуетъ, чтобы предлагаемые присяжнымъ вопросы составлялись въ об-

щеупотребительныхъ выраженійхъ, а не въ видѣ принятыхъ закономъ опредѣленій. Нельзя однако сказать, чтобы отъ этихъ правилъ не дѣлались довольно частыя отступленія, ставящія иногда присяжныхъ втупикъ или заставляющія ихъ отвѣчать на непонятныя имъ юридическіе термины, недостаточно разъясненные предсѣдателемъ; къ тому же эти вопросы то страдаютъ чрезмѣрной краткостью, допускающей произвольныя толкованія, то содержать въ себѣ такое изложеніе фактической стороны событія преступленія, со включеніемъ въ него уликъ и доказательствъ, которое затемняетъ передъ присяжными смыслъ ожидаемаго отъ нихъ отвѣта. Къ сожалѣнію, я не нахожу возможнымъ привести здѣсь редакціи нѣкоторыхъ вопросовъ, предложенныхъ по дѣламъ, разбираемымъ при закрытыхъ дверяхъ. Въ нихъ преступленіе описывалось съ такими нефужными подробностями и перечисленіемъ уликъ судебно-медицинскаго характера, что, смѣшивая существенное съ несущественнымъ и случайнымъ, разсѣивая, а не концентрируя вниманіе присяжныхъ, эти вопросы могли бы зато доставить лакомое развлеченіе любителямъ фривольнаго чтенія. Одинъ изъ такихъ вопросовъ, по дѣлу о покушеніи на изнасилованіе, представляя массу вводныхъ и придаточныхъ предложеній, занималъ три страницы убористаго письма! На-ряду съ этимъ требованіе *общеупотребительныхъ* выраженій понимается нашей судебной практикой весьма своеобразно, и это пониманіе со своей стороны влечетъ за собою добросовѣстное непониманіе присяжными — о какихъ именно признакахъ преступленія спрашиваетъ ихъ судъ? Такъ, вслѣдствіе указаній Сената признаются *вполнѣ* понятными для присяжныхъ, хотя бы и состоящихъ изъ крестьянъ, выраженія: „порицаніе“, „насиліе“, „оскорбленіе“, „тайное похищеніе“, и въ то же время считаются *не общепонятными* выраженія: „приготовиться“, „ошибка“, „умышленно“, „истязанія“, „растрата“ (вмѣсто этого рекомендовано *понятное* слово: „израсходование“); „намѣреніе“, „сопротивленіе“, „грабежъ“ и даже „открытое похищеніе“ и т. д. Такое едва-ли на чемъ-нибудь основанное раздѣленіе словъ богатаго и изобразительнаго русскаго языка на „понятныя“ и „непонятныя“ для народа, къ сожалѣнію, нашло себѣ мѣсто и въ новомъ Уголовномъ Уложеніи, гдѣ, напримѣръ, въ 550 статьѣ говорится о *поврежденіи* рыбы въ чужихъ водахъ посредствомъ отравленія воды, при чемъ въ объясненіяхъ къ ней проводится мысль, что это поврежденіе можетъ вызвать *истребленіе* рыбы. А въ проектѣ Уложенія, очевидно признаваемое „непонятнымъ“ народу слово *поджогъ* было замѣнено выраже-

ніемъ *поврежденіе огнемъ*, которое Особое совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ замѣнило словами *поврежденіе поджогомъ*, тоже считая, что поврежденіе заключаетъ въ себѣ и понятіе истребленія. Въ своихъ—по меньшей мѣрѣ оригинальныхъ—разсужденіяхъ Особое совѣщаніе, вопреки ясному смыслу русскаго языка, нашло, что „поврежденіе чужой вещи проявляется не только въ формѣ ея порчи, но и въ истребленіи, которое уже заключается въ понятіи поврежденія, имѣющемъ много степеней, начиная съ самаго незначительнаго измѣненія, имѣющаго вліяніе лишь на существо или назначеніе вещи, и кончая полнымъ ея истребленіемъ. Слѣдуетъ при этомъ принять также во вниманіе, что, строго говоря, въ природѣ ничто не уничтожается и не истребляется, а только *трансформируется*“. — Дозволительно усомниться, чтобы обыкновенный русскій присяжный засѣдатель, не изучившій книги Молешотта „*Kreislauf des Lebens*“, могъ ясно представить себѣ, что сгорѣвшій до-гла домъ, скирда, изгородь и т. п. не уничтожены, а лишь повреждены или *трансформированы*, или что отбитіе у статуи пальца или у бюста кончика носа или разбитіе цѣлаго барельефа на мелкіе осколки одинаково покрываются словомъ *поврежденіе*.

За состоявшеюся отмѣной широкаго права *немотивированнаго отвода* присяжныхъ указывать вредъ такого права сторонѣ не приходится. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ прежніе годы, благодаря ему, не только составлялось болѣе или менѣе тенденціозное съ точки зрѣнія прокурора или защитника, присутствіе присяжныхъ по дѣлу, но очень часто совершенно исключался наиболѣе подходящий для суда элементъ въ лицѣ развитыхъ и образованныхъ людей, если предстоялъ процессъ о нарушеніяхъ изъ области банковской, акціонерной или служебной дѣятельности, неясной въ своихъ тонкостяхъ и специальныхъ условіяхъ для простыхъ людей. Это стремленіе къ союзу съ предполагаемымъ невѣжествомъ и темнотою даже не умѣрялось коррективомъ *мотивировки*, какъ это дѣлается въ Англіи, или провозглашеніемъ именъ отводимыхъ, какъ это существуетъ въ Германіи. Въ особенности право прокурора вычеркивать изъ списка присяжныхъ шесть человекъ представлялось мнѣ всегда несогласнымъ съ ролью государственнаго обвинителя, который долженъ стоять выше мелочныхъ заподозриваній и не подбирать ни судей, ни законы, употребляя выраженіе великаго Петра „масть къ масти“. Поэтому въ бытность мою прокуроромъ я никогда не отводилъ никого изъ присяжныхъ засѣдателей въ надеждѣ, что правое дѣло само постоитъ за себя безъ ненужнаго оскорбленія от-

дѣльныхъ присяжныхъ засѣдатель, которые всегда легко могли догадаться о послѣдовавшемъ отводѣ вслѣдствіе совершенно произвольнаго сомнѣнія въ ихъ непристрастіи. Этого же образа дѣйствій рекомендовалъ я держаться и моимъ товарищамъ, и, хотя отсутствіе прокурорскихъ отводовъ и вызывало недоумѣніе у высшихъ должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, но я не слышалъ ни одного заявленія моихъ сослуживцевъ о томъ, что оправдательный приговоръ послѣдовалъ вслѣдствіе предполагаемаго вреднаго вліянія того или другого изъ неотведенныхъ присяжныхъ.

Нужно ли затѣмъ говорить о томъ, какіе результаты вызывало до послѣдняго времени *сокрытіе отъ присяжныхъ наказанія*, грозящаго подсудимому — эта своеобразная игра съ ними въ прятки? Конечно, присяжные, исполняя свою обязанность, должны разсматривать обстоятельства, которыми было окружено и сопровождалось преступленіе, такъ сказать, смотря назадъ отъ событія преступленія, но нельзя требовать отъ нихъ, чтобы они не смотрѣли и впередъ, т.-е. на то, что послѣдуетъ съ подсудимымъ, котораго они судятъ. Если они имѣли право знакомиться съ личностью обвиняемаго, то, конечно, они должны были имѣть и право ознакомиться съ послѣдствіями ихъ приговора для подсудимаго. На практикѣ послѣ первыхъ двухъ — трехъ дѣлъ о кражахъ присяжные уже знали, какое наказаніе постигнетъ осужденнаго ими, но по цѣлому ряду другихъ дѣлъ имъ было извѣстно лишь то, что ихъ суду подлежатъ преступленія, сопряженныя съ лишеніемъ правъ и иногда съ очень суровыми карами, а о томъ, какова эта кара, они составляли себѣ представленіе нерѣдко изъ разъясненій какого-нибудь случайно находившагося въ ихъ средѣ самозваннаго юриста, считающаго себя знатокомъ уголовныхъ законовъ, потому что онъ служилъ въ уѣздномъ судѣ или полицейскомъ управленіи. Мнѣ пришлось председательствовать въ восьмидесятихъ годахъ по дѣлу сына купца-милліонера, извѣстнаго своимъ уголовнымъ процессомъ. Состоя въ связи съ одной женщиной, молодой человѣкъ ожидалъ, вслѣдствіе заявленія ея и приглашенной акушерки, скорѣе сдѣлаться отцомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ былъ приглашенъ къ умирающей родильницѣ, которая подарила ему сына. Уступая ея желанію, тронутый ея судьбой и рожденіемъ ребенка, который, по словамъ акушерки, былъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды, онъ далъ ей шесть тысячъ рублей для того, чтобы успокоить ее, быть можетъ, въ послѣднія минуты ея жизни, за сына. Черезъ три дня акушерка пришла къ нему и сказала, что

съ такой мошенницей, какъ недавняя родильница, дѣла имѣть не желаетъ и щадить ея не хочетъ, такъ какъ будущая родильница общала 3.000 руб., а дала за труды только 300 руб. При этомъ она объяснила, что беременность была притворная, „гуттаперчевая“, а ребенокъ былъ взятъ напрокатъ. Такимъ образомъ возникло дѣло о шантажѣ, но, такъ какъ нашъ законъ шантажа не знаетъ до сихъ поръ, то по аналогіи приходилось примѣнить постановленія о мошенничествѣ. Подсудимыя сознались, а извѣстный адвокат Александровъ просилъ только о списхожденіи, но присяжные послѣ четверти часа совѣщанія вынесли оправдательный приговоръ. И когда я въ разговорѣ со старшиной присяжныхъ указалъ на трудно объяснимый и странный результатъ ихъ совѣщаній, онъ мнѣ сказалъ: „помилуйте, г. председатель, кабы за это тюрьма была, то мы бы съ дорогой душой обвинили, а вѣдь за это каторжные работы“. Когда же я ему указалъ, что подсудимымъ слѣдовало наказаніе отъ 1 до 3 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, то старшина пришелъ въ крайнее изумленіе, сожалѣя, что они впади въ такую ошибку вслѣдствіе того, что въ составѣ присяжныхъ былъ отставной чиновникъ, который ихъ увѣрилъ, что за это преступленіе непременно должны быть назначены каторжные работы. Это незнаніе о наказаніи особенно бывало вредно по дѣламъ о преступленіяхъ, кончающихся лишеніемъ жизни. Есть между этими преступленіями такія, которыя вовсе не заслуживаютъ и не влекутъ по закону вышлага по строгости наказанія—каторжныхъ работъ. Таково, наприкладъ, убійство въ дракѣ, нанесеніе побоевъ безъ умысла на убійство, но вызвавшее, однако, смерть, убійство новорожденного уroda, не имѣющаго человѣческаго образа и т. п. Между тѣмъ, всѣ эти дѣла подсудны присяжнымъ засѣдателямъ. У нихъ являлась мысль: тутъ убійство, смерть, а разъ смерть, конечно, будетъ и самое строгое наказаніе, каторга. Имъ никто не имѣлъ права объяснить, что тутъ о каторгѣ нѣтъ и помину, что тутъ наказаніе гораздо болѣе слабое. Защитникъ не имѣлъ права упоминать о наказаніи, но иногда онъ говорилъ горячую рѣчь, въ концѣ которой его паеосъ увеличивался, и рѣчь кончалась обыкновенно словами: „г. г. присяжные засѣдатели, я надѣюсь, что вашъ приговоръ не заставитъ подсудимаго въ тундрахъ Сибири, подъ холоднымъ полярнымъ кругомъ, въ снѣгахъ и стужѣ, вспоминать нынѣшній роковой день“. Председатель восклицалъ: „Вы не имѣете права говорить о наказаніи!“ Защитникъ отвѣчалъ: „Я кончилъ“. Затѣмъ подсудимый говорилъ послѣднее слово. Но какъ удержать простаго человѣка—а ихъ

большинство—отъ того, чтобы онъ не сказалъ: „помилюте, кормильцы, куда же вы меня теперь въ Сибирь: у меня жена, дѣти“... Не даромъ въ 1895 г. съѣздомъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ большинствомъ 19 противъ 1 было признано необходимымъ въ цѣляхъ правосудія допустить оглашеніе передъ присяжными наказанія, которое грозитъ обвиняемому. Однако это пожеланіе осуществлено лишь чрезъ 15 лѣтъ...

Нельзя затѣмъ не отмѣтить и тѣхъ *неудобныхъ*, но, къ сожалѣнію, трудно отвратимыхъ *условій*, которыя косвеннымъ образомъ могутъ отражаться на настроеніи и расположеніи духа присяжныхъ засѣдателей, нарушая въ нихъ сосредоточенность, душевное равновѣсіе и спокойствіе, столь необходимое при исполненіи ихъ важной обязанности. Присяжные по всеѣмъ дѣламъ, имѣющимъ серьезное значеніе, окружены своего рода оградой, которая стойко поддерживается съ разныхъ сторонъ всеѣми участвующими въ процессѣ,—черезъ которую никто и ничто не переходитъ и у входа въ которую стоитъ кассачія, какъ библейскій ангелъ со своимъ мечомъ. Но сдѣлано ли что-либо для присяжныхъ внутри этой ограды—одинаковое и равномѣрное повсюду? Созданы ли условія, устраняющія ихъ физическое и нравственное утомленіе? Приходится отвѣчать отрицательно. Пребываніе присяжныхъ въ судѣ по дѣламъ, длящимся не только нѣсколько дней, но и цѣлыя недѣли и болѣе (харьковское дѣло о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ продолжалось шесть недѣль), представляетъ для нихъ во многихъ отношеніяхъ тяжкое испытаніе. Указанія Сената и основанная на нихъ практика судовъ представляютъ значительныя колебанія. Такъ разрѣшеніе отпуска присяжныхъ домой и освобожденіе ихъ отъ отяготительнаго ночного пребыванія въ судѣ ставилось сначала, въ теченіе долгаго времени, въ зависимость отъ важности обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ было разрѣшено дѣлать различіе между угрожающимъ подсудимому *уголовнымъ* или *исправительнымъ* наказаніемъ. Потомъ признано допустимымъ отпускать присяжныхъ и при угрозѣ уголовнымъ наказаніемъ при полной невозможности оставаться имъ въ зданіи суда. Наконецъ, циркулярнымъ указомъ Сената по дѣламъ, влекущимъ уголовное наказаніе, такой отпускъ не дозволенъ „ни подъ какимъ видомъ“. Послѣ этого указа, однако, снова начались колебанія, и отпускъ присяжныхъ домой возлагается всецѣло на отвѣтственность предсѣдателя и не служитъ поводомъ къ отмѣнѣ приговора, если не будетъ доказано, что присяжные со вредомъ для безпристрастія ихъ рѣшенія входили въ сно-

шеніе съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ. Въ виду всего этого въ дѣлахъ, представляющихъ особую важность по возбуждаемому ими въ обществѣ интересу или волненію, присяжные засѣдатели безусловно лишаются иногда на долгое время свободы. Не говоря уже о томъ, что въ большей части провинціальныхъ судовъ, при постройкѣ новыхъ зданій или приспособленіи старыхъ, на устройство отдѣльныхъ помѣщеній для ночлега присяжныхъ не было обращено особаго вниманія, а въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ происходятъ выѣздыя сессіи, такихъ помѣщеній и вовсе не существуетъ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы и въ столицахъ и въ наиболѣе крупныхъ центрахъ эти помѣщенія были устроены съ необходимыми удобствами и предусмотрительностью. Но даже если бы таковыя и существовали, то есть рядъ причинъ, по которымъ безотлучное пребываніе присяжныхъ въ судѣ въ теченіе долгаго времени не можетъ не вліять на нихъ удручающимъ образомъ. Стоитъ представить себѣ картину пребыванія присяжныхъ въ судѣ при очень длинныхъ засѣданіяхъ въ насильственномъ сообществѣ людей, весьма часто по своему воспитанію, образу жизни, привычкамъ общегитія и т. п. чуждыхъ другъ другу. Необходимость оставить надолго управленіе домашними или торговыми дѣлами, служебныя или профессиональныя занятія не можетъ не нарушать душевнаго спокойствія присяжныхъ, тревожа ихъ и заставляя невольно задаваться мыслью: „а что-то тамъ, дома, въ лавкѣ, въ бюро и т. д.“ Плохія гигиеническія и дорогія кулинарныя условія вмѣстѣ съ отсутствіемъ оживляющихъ впечатлѣній, особливо тамъ, гдѣ, до девяностыхъ годовъ, иногда цѣлыми днями тянулась скучная и сложная бухгалтерская или банковская экспертиза, не могли не отражаться на присяжныхъ, усугубляясь долгое время еще и запрещеніемъ отпускать ихъ для прогулки въ зданіи или во дворѣ суда. Въ своемъ циркулярѣ по этому поводу Сенатъ говорилъ о предоставленіи присяжнымъ для отдыха *зама засѣданій*. Но имъ нужно движеніе, а не пребываніе въ залѣ, гдѣ цѣлый день находилось и дышало множество народа и гдѣ обычно не существуетъ правильно устроенной вентилляціи. Быть можетъ, все это въ нѣкоторыхъ случаяхъ и неизбежно, но нельзя не учитывать обращенія судебного помѣщенія въ изоляціонную камеру для присяжныхъ при оцѣнкѣ справедливости тѣхъ категорически-суровыхъ приговоровъ, которыми присяжные признаются не только виновными, но и не заслуживающими снисхожденія. И вотъ что еще надо замѣтить: коронныя суды во всѣхъ инстанціяхъ признаются—

и справедливо—гарантированными отъ постороннихъ вліяній и отъ разсѣянія своего вниманія и вдумчивости въ дѣло свиданіемъ съ семьей и пребываніемъ въ привычной домашней обстановкѣ, между тѣмъ, какъ ими рѣшаются, вмѣстѣ съ сословными представителями, дѣла о преступленіяхъ государственныхъ и противъ порядка управленія, влекущихъ за собою безсрочную каторгу и смертную казнь. То же признается и относительно сословныхъ представителей, которые при томъ далеко не всегда, за исключеніемъ неизмѣннаго волостного старшины, являются въ первоначальномъ составѣ, начертанномъ Судебными Уставами. Губернскихъ предводителей дворянства часто замѣняютъ уѣздные, а уѣздныхъ—члены депутатскихъ собраній и дворянскихъ опекъ, а городскихъ головъ—члены управъ и даже смотрители отдѣльныхъ хозяйственныхъ городскихъ предпріятій. Если къ этому прибавить, что эти представители судейской присяги не приносятъ, то несомнѣнно понятно, почему по отношенію къ нимъ не предпринимаются, хотя бы отчасти, тѣ мѣры огражденія, которыя признаются необходимыми для присяжныхъ засѣдателей. По отношенію къ послѣднимъ Сенатъ не допускаетъ, подъ угрозой отмѣны приговора, даже и простой, вызываемой необходимостью и совершенно не касающейся обстоятельствъ дѣла, бесѣды съ ними председателя суда. Въ извѣстномъ дѣлѣ Гулакъ-Артемовской, обвиняемой въ подлогѣ векселей, въ засѣданіи, длившемся нѣсколько дней,—судебное слѣдствіе было закончено въ началѣ перваго часа ночи. Присяжные засѣдатели, желавшіе вернуться домой, просили меня черезъ судебного пристава вести засѣданіе непрерывно до конца и не оставлять ихъ ночевать. Я отвѣчалъ отказомъ, предвидя, что рѣчи прокурора, двухъ защитниковъ и повѣреннаго гражданскаго истца, постановка вопросовъ и мое руководящее напутствіе займутъ съ необходимыми перерывами, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести часовъ, и что такимъ образомъ присяжные уйдутъ совѣщаться лишь около 7 часовъ утра, послѣ бессонной ночи. Присяжные, однако, настойчиво повторили свою просьбу, и я счелъ себя вынужденнымъ войти въ сопровожденіи судебного пристава въ ихъ комнату и объяснить имъ мотивы моего отказа, обративъ ихъ вниманіе на необходимость приступать къ рѣшенію участи подсудимой не подъ вліяніемъ крайняго утомленія и искусственнаго нервнаго возбужденія. Хотя Сенатъ, въ виду представленнаго мною объясненія и не отмѣнилъ по этому поводу обвинительнаго приговора, но, однако, призналъ, что въ крайнихъ случаяхъ председатель долженъ объясняться

25422
 съ присяжными въ присутствіи сторонъ, а не ограничиваться заявленіемъ имъ о существѣ происшедшей бесѣды при открытіи продолжающагося судебного засѣданія. Такой взглядъ, исполненный страннаго недовѣрія къ предсѣдателю суда, объясняющемуся *со вѣльмъ составомъ* присяжныхъ засѣдателей, несогласный при томъ съ точнымъ смысломъ статьи 675 Устава Уголовнаго Судопроизводства, въ силу которой присяжнымъ засѣдателямъ воспрещается входить въ сношенія съ лицами, *не принадлежащими къ составу* суда, не получивъ на то *разрѣшенія предсѣдателя*, — вызвалъ на практикѣ не мало затрудненій. Приходилось, иногда по маловажнымъ поводамъ, во время перерывовъ судебныхъ засѣданій, посылать разыскивать представителей сторонъ и въ присутствіи ихъ разъяснять присяжнымъ какое-либо совершенно чуждое дѣлу житейское недоразумѣніе или объяснять невозможность удовлетворенія ихъ просьбы. Я уже не говорю о томъ, что бывають случаи, гдѣ присутствіе сторонъ стѣсняетъ присяжныхъ въ свободномъ выраженіи основаній своего желанія. Такъ, напримѣръ, нерѣдко именно излишнія и чрезмѣрно продолжительныя упражненія участниковъ судебныхъ преній въ элоквенціи и побуждаютъ присяжныхъ просить поскорѣе „отпустить ихъ душу на покаяніе“. Страхъ передъ входомъ предсѣдателя въ комнату присяжныхъ принималъ иногда трагикомическіе размѣры. Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ старшій предсѣдатель одной изъ Судебныхъ Палатъ южной половины Россіи рассказывалъ мнѣ слѣдующій, трогательный за сердце и вмѣстѣ вызывающій невольную улыбку, случай. Во время засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ уѣздномъ городѣ заслуженный и весь отдавшійся судебному дѣлу товарищъ предсѣдателя почувствовалъ себя очень дурно. Его перенесли въ единственную непроходную комнату, изъ которой удалили на время присяжныхъ, и положили на диванъ. Старое усталое сердце отказывалось продолжать служить, но предъ кончиной умирающій пришелъ въ себя и спросилъ: „гдѣ я?“ — „Въ комнатѣ присяжныхъ засѣдателей“, былъ отвѣтъ. „Ахъ!“ воскликнулъ онъ съ волненіемъ и упрекомъ: „зачѣмъ это? вѣдь это *кассационный поводъ*!“ И это были его послѣднія слова...

Нужно ли затѣмъ говорить, какъ дѣйствуютъ *речи сторонъ* въ смыслѣ утомленія присяжныхъ, направленія ихъ мысли по ложному пути и нарушенія спокойствія ихъ душевнаго настроенія, необходимаго для одинаково справедливой оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ дѣла? Гораздо меньшая важность боль-

шинства дѣлъ, разсматриваемыхъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и самый составъ суда, для котораго судебное разбирательство есть дѣло привычное и однообразное, накладываютъ нѣкоторыя границы на словоохотливость сторонъ. Но этого не существуетъ на судѣ присяжныхъ, гдѣ нѣкоторая подробность объясненій вполне законна и часто полезна. Къ сожалѣнію, правомъ на такую подробность изложенія нерѣдко злоупотребляютъ въ особенности тѣ изъ судебныхъ ораторовъ, которые выступаютъ вновь или впервые и, подготовивъ дома свою рѣчь, не рѣшаются пожертвовать ея сомнительными „красотами“, забывая совершенно о томъ, что вниманіе и терпѣніе слушателей имѣютъ свои предѣлы. Надо, впрочемъ, замѣтить, что у насъ неумѣіе поставить себя въ положеніе слушателей свойственно не однимъ судебнымъ ораторамъ, а и вообще лицамъ, говорящимъ публично. Каждый членъ многочисленной коллегіи это знаетъ по собственному горькому опыту. Знаютъ это и посѣтители торжественныхъ собраній ученыхъ обществъ и учреждений. Имъ нерѣдко приходится выслушивать длиннѣйшія двухчасовыя и болѣе рѣчи, въ которыхъ говорящій, не обращая никакого вниманія на публику, созванную его послушать, упражняется въ техническихъ подробностяхъ, совершенно непонятныхъ большинству, подвергая его словесному истязанію съ самодовольствомъ, граничащимъ съ тупоуміемъ. По отношенію къ такимъ ораторамъ невольно приходится припомнить слова Монтескье: „ce qui manque aux orateurs en profondeur, ils le donnent en longueur“, и пожалѣть, что они не слѣдуютъ совѣту малороссійскаго народнаго философа: „лучше ничего не сказать, чѣмъ сказать ничего“. Къ сожалѣнію, такое злоупотребленіе количествомъ словъ встрѣчалось и встрѣчается въ судебной практикѣ нерѣдко и утомляетъ присяжныхъ до крайности, разсѣивая ихъ вниманіе вмѣсто того, чтобы его сосредоточить, и раздражая ихъ—людей, оставившихъ свои занятія и семьи—напрасной тратой времени. Въ моихъ „воспоминаніяхъ судебнаго дѣателя“ я приводилъ типическій случай, въ которомъ, на мой отказъ отъ обвиненія, о чемъ согласно 740 ст. У. У. С. я заявилъ суду „по совѣсти“, молодой защитникъ отвѣчалъ двухчасовою рѣчью, среди которой повторилъ заранѣе заготовленную патетическую фразу: „напрасно обвинитель силится утверждать...“, забывая, что я не только ничего не утверждалъ, но и признавъ невозможность утверждать что-либо, сложилъ оружіе. Покойный Боровиковскій передавалъ мнѣ случай, бывшій при немъ въ Симбирскомъ окружномъ

судѣ вскорѣ послѣ его открытія. Присяжные засѣдатели, просидѣвъ въ судѣ на двухъ дѣлахъ, приступили къ слушанію третьяго, весьма немногосложнаго, въ виду собственного сознанія подсудимаго въ кражѣ со взломомъ, и могли разсчитывать, что на этотъ день ихъ тяжелая обязанность скоро окончится. Но защитникъ оказался весьма словоохотливымъ и началъ свою рѣчь съ заявленія, что такъ какъ кража есть преступленіе противъ чужой собственности, то необходимо прослѣдить развитіе понятія о собственности, начиная съ перваго лица, положившаго ей, согласно утвержденію Жанъ-Жака Руссо, основаніе, вплоть до настоящаго времени. Затѣмъ въ теченіе часа, при благодушномъ попустительствѣ предсѣдателя, онъ разсматривалъ взглядъ на собственность у народовъ патріархальнаго и родового быта, а затѣмъ въ Египтѣ, Вавилонѣ, Римѣ и въ средніе вѣка. Присяжные—преимущественно изъ торговаго сословія—сидѣли, понутивъ голову. „Теперь перехожу къ обстоятельствамъ дѣла“, сказалъ защитникъ и, сдѣлавъ паузу, сталъ наливать себѣ стаканъ воды. Старшина присяжныхъ засѣдателей, старикъ-купецъ съ сѣдою бородою, поднялъ голову, взглянулъ на своихъ товарищей, посмотрѣлъ на образъ и на судей и, сказавъ громко: „эхе-хе-хе-хе!“ тяжело вздохнулъ и спова поникъ головой. „Я кончилъ“, неожиданно провозгласилъ защитникъ и, сконфуженный, сѣлъ на свое мѣсто. Надо къ этому замѣтить, что чѣмъ меньше судебный ораторъ въ засѣданіи, при перекрестномъ допросѣ, обнаруживаетъ знанія дѣла, тѣмъ больше въ его рѣчи банальныхъ, общихъ мѣстъ и пустопорожнихъ разсужденій, такъ что, слушая его, иногда невольно хотѣлось бы повторить восклицаніе Альфреда де-Виньи: „*Mon Dieu, quel supplice! avoir une seule tête et deux oreilles par lesquelles on vient vous verser des sottises!*“

Но не одно количество словъ составляетъ терпія для бѣдныхъ присяжныхъ засѣдателей. Наравнѣ съ нимъ играетъ роль и *качество* словъ, которыми ловко и искусственно подмѣнивается настоящій смыслъ понятій, и создается трескучая или сентиментальная фразеологія, содѣйствующая тому, что простые и здравыя понятія уступаютъ мѣсто болѣзненнымъ и ложнымъ. Благодаря искусно подобраннымъ софизмамъ извращается правильная перспектива дѣла, и вмѣсто обыкновеннаго слабовольнаго или увлеченнаго чловѣка, нарушившаго уголовный законъ и впаившаго въ преступленіе, передъ глазами присяжныхъ изображаютъ или мрачнаго злодѣя или невиннаго агнца. „Я возстаю“,—писалъ въ своей статьѣ о дѣлѣ Тичборна И. П. За-

кревскій, бывшій въ то время убѣжденнымъ защитникомъ суда присяжныхъ, — „противъ превращенія суда, въ которомъ засѣдаютъ присяжные, въ арену для высказыванія софизмовъ, для возбужденія всякаго рода эмоцій въ судящихъ и слушающихъ, для разрисовки ненужныхъ психологическихъ этюдовъ, для представленія зрѣлищъ, какъ говорилъ Миттермайеръ, которыя бы и дамамъ нравились (dass die Damen auch dabei ihr Vergnügen haben)“ — Некрасовъ со свойственною ему поэтической чуткостью подмѣтилъ и охарактеризовалъ проявленіе этого словеснаго блудословія. „Передъ вами стоитъ гражданинъ чище снѣга Альпійскихъ вершинъ!“ восклицаетъ у него защитникъ. А что говоритъ обвинитель, явствуешь изъ утѣшенія поэта подсудимому: „а невиненъ — отпустить домой, окативши ушатомъ помой“. Нѣтъ сомнѣнія, что эти крайности, практическіе примѣры которыхъ я уже приводилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, не могутъ не вызывать невольной реакціи въ душѣ присяжныхъ засѣдателей и не нарушать равновѣсія въ ихъ сужденіяхъ. Самая *форма* выраженій повсюду, гдѣ относительная истина вырабатывается путемъ словесныхъ преній, — будетъ ли то судъ, ученый диспутъ или законодательное собраніе — играетъ немаловажную роль. Грубость или пошлость выраженій оставляютъ свой слѣдъ на слушателяхъ, иногда совершенно противоположный той цѣли, съ которой они были употреблены. Вообще говоря, шуточки, язвительныя выходки и дешевое остроуміе не находятъ себѣ отголоска у присяжныхъ засѣдателей, которые именно потому, что для нихъ судъ дѣло не обычное и не повседневное, желаютъ и ищутъ серьезной обстановки для той работы, къ которой государство призываетъ ихъ совѣсть. Такія выходки, оскорбляя въ нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ чувство эстетическаго такта, почти у всѣхъ идутъ въ разрѣзъ съ ихъ нравственнымъ настроеніемъ. Одинъ присяжный засѣдатель рассказывалъ мнѣ, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на него и на его товарищей начало рѣчи обвинителя по дѣлу о дворникѣ, который въ сообществѣ съ кухаркой совершилъ кражу у ея хозяевъ. „Господа присяжные засѣдатели!“ развязно началъ обвинитель: „жилъ-былъ дворникъ, и жила-была кухарка. Снюхались они и...“ — „Развѣ можно такъ говорить на судѣ?“ негодовали присяжные: „вѣдь это не за чаемъ въ трактирѣ!“ Я замѣчалъ со своей стороны, что обычно присяжные засѣдатели хранятъ серьезное молчаніе даже и тогда, когда показанія свидѣтеля заставляютъ судей невольно улыбнуться, и никогда во время двѣнадцатилѣтней работы съ присяжными

засѣдателями не видѣлъ я ихъ смѣющимися даже въ такія минуты, когда публикой овладѣвалъ неудержимый хохотъ.

Тѣ, кто кричитъ противъ отдѣльныхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, грѣшатъ тѣмъ, что или не знаютъ или не хотятъ знать о громадной *работѣ* присяжныхъ, почти ежедневно совершающейся на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, за исключеніемъ окраинъ, и о той массѣ вполне правильныхъ приговоровъ, о которыхъ никто изъ хулителей даже и не упоминаетъ. Свойственное нашему обществу забвеніе „вчерашняго дня“ сказывается и въ этомъ случаѣ. Рѣшенія присяжныхъ, давашія нравственное удовлетвореніе общественной совѣсти суровымъ и заслуженнымъ словомъ осужденія виновнаго, никогда не вспоминаются тамъ, гдѣ общественная неосвѣдомленность или предубѣжденіе, не разбирая причинъ оправданія, выдвигаютъ огульное обвиненіе этого противъ суда. А между тѣмъ, я увѣренъ, что каждый судебный дѣятель можетъ припомнить въ своей практикѣ не одно изъ такъ называемыхъ громкихъ дѣлъ, въ которыхъ, несмотря на усилія блестящихъ представителей адвокатуры, присяжные—и подчасъ довольно скромнаго состава—вынесли обвинительный вердиктъ, не поддавшись „внушенію“ красивыхъ словъ и яркихъ декораций и соблазну снять съ себя тяжесть отвѣтственности, ссылаясь на услужливое сомнѣніе или замѣщая настоящаго виновнаго отвлеченными подсудимыми, о которыхъ уже говорилъ въ началѣ этихъ страницъ. Я не могу не вспомнить безъ глубокаго уваженія къ суду присяжныхъ ряда процессовъ, гдѣ они съ честью разобрались въ самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ и свято исполнили свой долгъ передъ обществомъ. Дѣла Овсянникова (о поджогѣ паровой мельницы), игуменіи Митрофаніи (о подлогѣ векселей и духовнаго завѣщанія) говорятъ сами за себя. Но и по менѣе громкимъ, хотя иногда еще болѣе сложнымъ дѣламъ, по которымъ мнѣ приходилось выступать обвинителемъ или предсѣдательствовать (обвинительныя рѣчи и руководящія напутствія по которымъ собраны въ моей книгѣ „Судебныя рѣчи“), я не могу указать ни одного рѣшенія присяжныхъ, которое оставило бы въ моей душѣ впечатлѣніе поруганной правды и оскорбленной справедливости. А между тѣмъ, по многимъ изъ нихъ присяжнымъ приходилось сидѣть по цѣлой недѣлѣ и держать свой курсъ среди прилива и отлива энергической защиты и обвиненія, въ водоворотѣ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній и сложныхъ, далеко не всегда единогласныхъ, экспертизъ. И въ кассационной моей практикѣ мнѣ встрѣчалось

немало исполнѣ разумныхъ рѣшеній, постановленныхъ по дѣламъ, въ которыхъ не только подсудимые, но подчасъ и нѣкоторые мѣстные общественные слои принимали всѣ мѣры, чтобы повліять на провинціальныхъ присяжныхъ рѣчами блестящихъ столичныхъ гастролеровъ, напускнымъ негодованіемъ вліятельныхъ свидѣтелей, глубоко возмущенныхъ „привлеченіемъ невиннаго“, и показаніями свѣдущихъ людей, расходившихся, несмотря на свое ученое высокомеріе, со спокойной и убѣдительною логикою фактовъ. Присяжные засѣдатели не разъ вступались за житейскую правду дѣла, несмотря на искусное перемѣщеніе центра тяжести дѣла въ область безразличныхъ, съ точки зрѣнія уголовного закона, дѣяній. Они вошли въ положеніе несчастной дѣвушки, сдѣлавшейся предметомъ покушенія на ея цѣломудріе со стороны наглаго „красавца-мужчины“ и жертвой лживаго медицинскаго освидѣтельствованія, доведшаго ее до отчаянія и самоубійства, при чемъ по вскрытіи трупа оказалось, что она, провозглашенная чуть не профессиональною проституткою и шантажисткою, была совершенно дѣвственна. Они осудили купца-милліонера, истязавшаго въ далекомъ заграничномъ курортѣ маленькую дѣвочку, взятую для развлечения его дочери и подвергавшуюся жестокому съченію, продолжительному стоянію на колѣняхъ, подъ которыя предварительно ставились горчичники, и сидѣнію обнаженными частями на обширномъ горчичникѣ, крѣпко привязанною къ стулу, — несмотря на то, что весьма ученый судебный врачъ призналъ слѣды этихъ истязаній, о которыхъ съ ужасомъ рассказывала простая женщина — няня въ домѣ купца, за возможные послѣдствія золотухи. На представителей общественной совѣсти не подѣйствовали ни обычные памеки на шантажъ со стороны родителей потерпѣвшей, ни заявленіе настоятеля мѣстной заграничной церкви о великомъ благочестіи подсудимаго, выразившемся въ разныхъ щедрыхъ вкладахъ на облаченія, ни лестныя для подсудимаго показанія со стороны хозяина отеля, прислуги и другихъ лицъ, для полученія которыхъ ѣздили специально за границу особый присяжный повѣренный. Сколько прошло черезъ мои руки дѣлъ, въ которыхъ, на примѣръ, при благосклонномъ содѣйствіи мѣстныхъ властей, здоровыхъ людей, лишь съ нервной организаціей, упрятавали родственники или будущіе наслѣдники въ дома умалишенныхъ или добивались признанія ихъ сумасшедшими, — дѣлъ, въ которыхъ предприимчивые люди пользовались для своихъ корыстныхъ цѣлей умственнымъ разстройствомъ потерпѣвшихъ, питавшихъ къ нимъ неограниченное довѣріе; на-

конецъ, дѣлъ, въ которыхъ противъ слабыхъ, беззащитныхъ и безгласныхъ жены или дѣтей, а тѣмъ паче пасынковъ или падчерицъ, практиковалась систематическая, безжалостная жестокость, сопровождаемая побоями, голодашемъ, смертельнымъ истощеніемъ и всякаго рода нравственными пытками, не говоря уже о проявленіяхъ садизма или мщенія за отказъ въ удовлетвореніи противоестественной похоти! И замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ суровое нравственное осужденіе, находившее себѣ выраженіе въ обвинительномъ рѣшеніи, исходило отъ простыхъ, трудовыхъ, сѣрыхъ людей, на которыхъ многіе изъ подсудимыхъ съ высоты своего матеріальнаго и общественнаго положенія и умственнаго развитія привыкли смотрѣть пренебрежительно и свысока.

Вообще надо замѣтить, что тамъ, гдѣ преступленіе являлось результатомъ страстнаго порыва, которому предшествовали душевныя терзанія подсудимаго, какъ результатъ ревности, перенесенной обиды, постоянного униженія и т. п., присяжные часто бывали склонны къ широкому снисхожденію, а иногда и къ оправданію. Не слѣдуетъ думать, что это было съ ихъ стороны признаніемъ, что страсть все *извиняетъ*, тогда какъ она лишь многое *объясняетъ*, — нѣтъ! Это являлось результатомъ сознанія перенесенныхъ подсудимымъ мукъ, прежде чѣмъ онъ совершилъ свое злое дѣло, страданій, выпавшихъ на его долю до того, какъ онъ предсталъ предъ судомъ, и соображенія о томъ, что ему еще предстоитъ въ случаѣ обвинительнаго вердикта. Изъ такихъ соображеній вытекли, по всѣмъ вѣроятіямъ, и тѣ оправдательныя рѣшенія столичныхъ присяжныхъ по дѣламъ объ облитіи сѣрною кислотою, которыя возбудили основательную тревогу въ обществѣ, какъ бы знаменуя собою практическую безнаказанность одного изъ самыхъ ужасныхъ видовъ мщенія. Полоса подобныхъ рѣшеній прошла въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и во Франціи, начавшись съ вызвавшихъ страстную полемику дѣлъ Маріи Бьеръ, Тилли и др. Повидимому, эти приговоры были своего рода протестомъ, хотя и неумѣстнымъ, но объяснимымъ для тѣхъ, предъ кѣмъ, на судебномъ слѣдствіи, раскрылась житейская драма подсудимой, — протестомъ противъ правовъ, допускающихъ легкомысленное, грубо-животное и безсердечное отношеніе къ душѣ потерпѣвшей и къ самому ея существованію. Въ бездушно брошенной на произволъ судьбы дѣвушкѣ (иногда матери вѣбравныхъ дѣтей) послѣ того, какъ прошла ея молодость, и ея миловидность утратила пріятную заманчивость въ глазахъ того, кто ими

воспользовался „въ свое удовольствіе“,—въ женѣ, сдѣлавшейся, безъ всякой вины, предметомъ надругательства и глумленія со стороны внезапно появившейся, ничѣмъ не связанной съ общимъ супружескимъ прошлымъ, соперницы — присяжные сердцемъ почувствовали жертву, доведенную до отчаянія. Такъ оправдали они еще недавно—охарактеризованную свидѣтелями съ лучшей стороны швею, плеснувшую кислотой въ шеффера при знатномъ домѣ, когда на судѣ обнаружилось, что послѣ девятилѣтняго ухаживанья, онъ обольстилъ ее обѣщаніемъ жениться, а когда возникъ вопросъ о днѣ свадьбы, грубо оскорбилъ ее, заявивъ: „у меня такихъ, какъ ты, много,—не могу я на всѣхъ жениться“. Такъ, не рѣшились они обвинить двухъ женъ, брошенныхъ съ малолѣтними дѣтьми мужьями, и облившихъ кислотой соперницъ, нагло издѣвавшихся надъ обреченными на нищету... Совсѣмъ иначе поступили они въ Петербургѣ, не давъ даже „снисхожденія“, когда предъ ними предсталъ лукавый искатель богатыхъ невѣстъ, ослѣпившій, съ медленно созрѣвшимъ и тщательно обдуманымъ умысломъ, молодую великодушную дѣвушку въ отместку за отказъ выйти за него замужъ.

Почти всегда, несмотря на неблагопріятную обстановку дѣла, присяжные являлись сознательными противниками тѣхъ подсудимыхъ, бездушная, черствая, холодно-разсчитанная, обдуманно-корыстная дѣятельность которыхъ вела къ страданіямъ, несчастію и горю потерпѣвшихъ. Но и при этомъ они отводили обыкновенно большое мѣсто даже и въ такихъ преступленіяхъ — накопившейся горечи и раздражительности обвиняемаго, вызваннымъ условіями его несчастной личной жизни. Такимъ образомъ, отнесясь строго и безъ признанія смягчающихъ обстоятельствъ къ женѣ чиновника, воспитанницѣ института, доведшей падчерицу до голодной смерти отъ такого истощенія, что въ ея исхудаломъ тѣлѣ, подъ кожей, завелись насѣкомыя,—или къ вышеупомянутому купцу-истязателю, они, однако, какъ видно было изъ доходившаго до Сената дѣла, оправдали несчастную чахоточную поденщицу, брошенную своимъ любовникомъ, расправлявшуюся послѣ тяжелаго рабочаго полуголоднаго дня слишкомъ круто съ жившими въ „углу“ и вызывавшими жалобы другихъ квартирантовъ дѣтьми. Присяжные по моимъ воспоминаніямъ, особливо въ провинціи, рѣдко бывали увлечены нѣкоторыми изъ защитниковъ, любившихъ одно время совѣтовать имъ вдуматься въ слова Шекспира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!“. Продолженіе этихъ словъ: „однѣ злодѣя въ золото—стальное копые закона сломится безвредно, однѣ его въ лохмотья—и погибнетъ

онъ отъ пустой соломинки пигмея"—огромному числу изъ нихъ было, конечно, неизвѣстно, но житейскій смыслъ и голосъ состраданія, очевидно, побуждали ихъ войти въ положеніе одичавшей въ борьбѣ за кусокъ хлѣба носительницы „дохмотьевъ“ и твердо удержатъ въ рукѣ по двумъ другимъ дѣламъ „стальное копье закона“.

Отсюда видно, какъ огульныя нападки на присяжныхъ по многимъ дѣламъ болѣе поспѣшны, чѣмъ справедливы, особенно потому, что при этомъ совершенно забывается дѣятельность суда короннаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ присяжныхъ засѣдателей, или въ учрежденіяхъ, гдѣ они замѣнены сословными представителями. Можно указать немало случаевъ оправданій, состоявшихся въ Судебныхъ Палатахъ, которыя вызвали бы несомнѣнно рѣзкую критику и осужденіе, будь они постановлены присяжными засѣдателями. Въ кассационной практикѣ встрѣчались примѣры такихъ приговоровъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ ставимыхъ въ вину присяжнымъ „помилованій“. Достаточно указать хотя бы на дѣло помѣщика Западнаго Края, обвинявшагося въ подстрекательствѣ и попустительствѣ шестнадцати своихъ рабочихъ къ двухдневному при участіи урядника и при угощеніи водкой истязанію „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“ четырехъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ у него тройки лошадей, при чемъ крики ихъ разносились далеко за предѣлы усадьбы. Одинъ изъ истязуемыхъ лишился навсегда работоспособности, а другой не перенесъ истязаній и умеръ. Судебная Палата, выслушавъ краснорѣчивыя рѣчи о вредѣ конокрадства въ сельскомъ быту, постановила оправдательный о всѣхъ подсудимыхъ приговоръ. Чѣмъ этотъ приговоръ отличается отъ оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ объ убійствѣ конокрадовъ, за что ихъ обвиняютъ въ извиненіи самосуда? Ихъ упрекали иногда также и въ томъ, что они признаютъ извинительнымъ покушеніе на убійство, когда мотивомъ къ нему послужило желаніе подсудимаго обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на свое тяжелое положеніе или на какіе-либо вопіющіе поступки лицъ, власть имущихъ. Достаточно вспомнить нареканія на присяжныхъ по поводу дѣла Вѣры Засуличъ, когда одинъ лишь лѣнивый не бросалъ въ нихъ не только камнями, но, по выраженію автора „Былого и думъ“, даже цѣлой мостовою. Однако въ 1902 году одна изъ Судебныхъ Палатъ, рассматривая дѣло о счетоводѣ городского общественнаго банка Хахалинѣ, обвиняемомъ въ томъ, что, имѣя намѣреніе лишить жизни директора банка Степашкина,

онъ произвелъ въ него почти въ упоръ выстрѣлъ, при чемъ пуля, пробивъ сюртукъ и жилетъ, контузила потерпѣвшаго, въ лѣвую часть живота, отвергла *намереніе* обвиняемаго убить, признавъ, что подъ давленіемъ мысли о несправедливости начальства онъ рѣшился своимъ выстрѣломъ вывести эту несправедливость за стѣны банка на судъ общественнаго мнѣнія, и оправдала его, т.-е. признала заслуживающимъ уваженія тотъ же мотивъ, который приводила и Засуличъ въ объясненіе своего поступка. Наконецъ, мнѣ пришлось давать заключеніе въ Сенатѣ по дѣлу предсѣдателя самарской земской управы Алабина, преданнаго суду Судебной Палатой съ участіемъ сословныхъ представителей за бездѣйствіе власти, выразившееся въ томъ, что осенью 1891 года, въ самый разгаръ голода, постигшаго приволжскія губерніи, онъ не только ничего не предпринялъ для обезпеченія добросовѣстнаго исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя поставщиками муки и зернового хлѣба на 700.000 рублей, но приобрѣлъ въ видѣ муки пятого сорта, вопреки постановленію земскаго собранія, совершенно негодный продуктъ съ умышленной примѣсью куколя и другихъ сорныхъ травъ, а также гнилую муку, вызвавшую тяжкое заболѣваніе 1.272 крестьянъ, потребителей ея, и обусловившую смерть одной крестьянки. Палата оправдала Алабина, объясняя неисполненіе имъ своей святой въ данномъ случаѣ обязанности его *неумѣlostью* распорядиться имѣвшимися у него средствами. Не говоря уже о томъ, что простое утвержденіе о неумѣlosti человѣка, находящагося на службѣ 48 лѣтъ, бывшаго управляющимъ удѣльною конторой и палатою государственныхъ имуществъ, губернаторомъ въ Болгаріи и самарскимъ городскимъ головою, — звучало болѣе, чѣмъ странно, надо замѣтить, что законъ требуетъ отъ всякаго служащаго „человѣколюбія, усердія къ общему добру и покровительства къ скорбящимъ“, вмѣняя должностному лицу въ „главнѣйшее поношеніе упущеніе должности и нерадѣніе по части блага общаго, ему ввѣреннаго“. Такого приговора, конечно, никогда не изrekli бы присяжные засѣдатели, противопоставивъ, подобно Палатѣ и сословнымъ представителямъ, какъ нѣчто равносильное, *неумѣlostь* опытнаго человѣка и *жестокое бдѣствіе*, постигшее населеніе цѣлой губерніи. Коронно-сословный судъ, въ данномъ случаѣ, не могъ не понять, что начало *неумѣlosti*, какъ основаніе къ оправданію, недопустимо потому, что, получивъ право гражданства, оно явилось бы разлагающимъ по отношенію къ началу долга, на которомъ зиждется всякое служеніе. Это начало было бы *опаснымъ*, такъ какъ въ силу его

представлялась бы возможность, относясь легкомысленно, невнимательно, высокомерно или бездушно къ общественному бѣдствію и даже усугубивъ его такимъ отношеніемъ къ дѣлу, уходить изъ-подъ карающей длани закона и драпироваться въ удобную и безопасную мантию неумѣлости. Это начало было бы *несогласнымъ съ требованіями нравственности*, такъ какъ при допущеніи его призываемый по долгу службы на помощь противъ общаго несчастія, рѣшаясь взяться за дѣло, сталъ бы руководиться, вмѣсто смиренія предъ важностью задачи и строгой провѣрки себя и своихъ силъ,—одними лишь аппетитами къ власти, вліянію и разнаго рода наградамъ.

Присяжныхъ засѣдателей одно время жестоко упрекали за частые оправдательные приговоры по преступленіямъ должности. Подъ вліяніемъ этихъ обвиненій дѣла по преступленіямъ должности были изъяты отъ суда присяжныхъ вмѣсто того, чтобы улучшить условія производства этого рода дѣлъ до поступленія ихъ въ судъ. Въ Судебныхъ Уставахъ отдѣлъ о преслѣдованіяхъ по преступленіямъ должности всегда составлялъ самую слабую часть. На ней сильнѣе всего отразилось вліяніе того „ветхаго Адама“ нашего стараго бюрократическаго строя, „совлечь“ который съ нашей судебной жизни были не въ силахъ, несмотря на все свое желаніе, составители этихъ Уставовъ. Дача этимъ дѣламъ законнаго хода почти всецѣло была предоставлена усмотрѣнію начальства обвиняемаго. Слишкомъ большой просторъ, данный въ этомъ случаѣ личному взгляду, и отсутствіе законныхъ сроковъ для истребованія объясненій обвиняемыхъ создавали цѣлый рядъ ненормальныхъ отступленій отъ правильнаго и правосуднаго хода этихъ дѣлъ. Къ производству слѣдствія приходилось приступать зачастую при вполнѣ остывшихъ и изглаженныхъ слѣдахъ преступленія. Наибольше крупнымъ участникамъ преступленій удавалось во многихъ случаяхъ занять положеніе простыхъ свидѣтелей, а на скамьѣ подсудимыхъ фигурировалъ обыкновенно традиціонный „стрѣлочникъ“. Если же судебная власть пыталась привлечь дѣйствительно виновнаго, то ей предстоялъ цѣлый рядъ мытарствъ, именуемыхъ въ законѣ „пререканіями“, какъ по вопросу о привлеченіи къ отвѣтственности, такъ и по вопросу о преданіи суду. Это затягивало дѣло еще на новые сроки и давало поводъ обвиняемому ссылаться на разные злословія, пережитыя имъ до судебного засѣданія, что въ свою очередь не могло не вліять на приговоръ присяжныхъ. Какъ на типическій примѣръ ненормальныхъ условій предварительнаго до-

судебнаго производства дѣлъ по преступленіямъ должности, я могу указать на дѣло полицеймейстера одного изъ большихъ приволжскихъ городовъ, который, грозя вслѣдствіе анонимнаго доноса, двумъ дѣвушкамъ изъ мѣстной „буржуазіи“ зачисленіемъ ихъ въ разрядъ проститутокъ, вынудилъ ихъ для снятія съ себя оскорбительнаго и незаслуженнаго подозрѣнія подвергнуться медицинскому освидѣтельствованію въ компаніи зарегистрированныхъ публичныхъ женщинъ, при чемъ несчастныя опозоренныя дѣвушки оказались невинными. Жалобы ихъ родителей оставлены были начальствомъ, на лонѣ котораго покоился предприимчивый полицеймейстеръ, безъ послѣдствій. Тогда вступился въ дѣло прокуроръ, но и его домогательства о привлеченіи виновнаго встрѣтили отпоръ въ Губернскомъ Правленіи, и лишь Сенатъ, разсмотрѣвшій пререканія между Губернскимъ Правленіемъ и прокуроромъ, предписалъ привлечь полицеймейстера къ отвѣтственности. Но и затѣмъ, когда слѣдствіе съ заключеніемъ прокурора о преданіи суду поступило въ Губернское Правленіе, послѣднее съ нимъ не согласилось. Тогда вновь возникло пререканіе, которое было разрѣшено постановленіемъ Сената о преданіи суду. Покуда медленно двигалась громоздкая колымага пререканій, дѣло въ значительной степени выпвѣло, и въ концѣ концовъ виновный въ возмутительномъ надругательствѣ надъ честию и достоинствомъ двухъ беззащитныхъ предъ ввѣренной ему властью дѣвушекъ отдѣлался пустяками и остался на своемъ мѣстѣ, при чемъ этотъ приговоръ былъ постановленъ не присяжными засѣдателями.

Большая часть неудовлетворительныхъ рѣшеній присяжныхъ относилась къ растратамъ ввѣренныхъ по службѣ суммъ. При разбирательствѣ—съ одной стороны обнаруживалось полное отсутствіе какихъ бы то ни было началъ правильной отчетности въ нашихъ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ, а съ другой стороны присяжныхъ не могло не смущать то, что карательные законы за должностную растрату не допускаютъ смягченія наказанія и уменьшенія отвѣтственности въ случаяхъ обязательства пополнить растроченное по легкомыслію, что однако существуетъ по отношенію къ растратамъ въ частномъ быту. Уже двадцать четыре года дѣйствуетъ по этимъ дѣламъ Судебная Палата съ сословными представителями, но участіе этихъ представителей именно по этимъ дѣламъ не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ и во многихъ отношеніяхъ представляетъ своеобразные недостатки, которые приписывали суду присяжныхъ его противники. Въ 1895 году многіе изъ стар-

шихъ предсѣдателей Палаты присоединились къ заявленію одного изъ нихъ, что „временные члены“ относятся весьма пассивно къ своимъ обязанностямъ и во всякомъ случаѣ не осуществляютъ той строгости, въ расчетъ на которую дѣла по преступленіямъ должности были отняты у присяжныхъ засѣдателей. По заявленію одного старшаго предсѣдателя, обыкновенно, по входѣ въ совѣщательную комнату для рѣшенія дѣла, представители дворянства спрашиваютъ о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе, и съ размѣромъ его соображаютъ и выводъ свой о виновности;—представители города спрашиваютъ у предсѣдателя, нельзя ли оправдать подсудимаго; волостные старшины на вопросъ объ ихъ мнѣніи обращаются въ свою очередь къ предсѣдателю съ вопросомъ: „какъ прикажете?“. Поэтому, въ сущности, дѣло рѣшаютъ коронные судьи, присутствіе которыхъ вызываетъ во временныхъ членахъ равнодушное отношеніе къ подаваемому мнѣнію, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ оно упорно тенденціозно и слѣдовательно неправосудно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показала практика Палаты, *надлежащія* сословные представители дворянства и городовъ всемирно уклоняются отъ исполненія своихъ судебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно неподходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлею и т. п. Еще въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ тогдашній прокуроръ Петербургской Судебной Палаты, Муравьевъ, сдѣлалъ въ юридическомъ обществѣ очень поучительный докладъ, въ которомъ со свойственной ему ясностью и категоричностью доказалъ съ цифрами въ рукахъ, какъ шатки и произвольны надежды, возлагаемыя на особую репрессивность суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ онъ поддерживалъ—уже въ качествѣ министра юстиціи—замѣну сословныхъ представителей специальными присяжными засѣдателями особаго состава съ повышеннымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. А нынѣ теперешній министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ, при обсужденіи въ мартѣ истекшаго года въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта законопроекта о порядкѣ преслѣдованія должностныхъ лицъ, на основаніи многолѣтняго и разносторонняго опыта, высказался рѣшительнымъ образомъ за возвращеніе дѣлъ о преступленіяхъ должности суду присяжныхъ засѣдателей.

Есть еще одинъ упрекъ, дѣлаемый присяжнымъ ихъ теоретическими и практическими противниками,—упрекъ въ пассивности и малой самостоятельности. Но и этотъ упрекъ, по моимъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, несправедливъ. Судебная практика представляетъ случаи, гдѣ коронные судьи пользовались предоставленнымъ имъ статьею 818 Уст. Угол. Суд. правомъ и, находя, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, передавали дѣла другому составу присяжныхъ для новаго разсмотрѣнія. Въ семидесятыхъ годахъ обратило на себя вниманіе дѣло домовладѣлицы одного изъ уѣздныхъ городовъ Петербургской губерніи, обвиняемой въ поджогъ своего дома съ цѣлью полученія преувеличенной страховой преміи. Несмотря на существующую вообще трудность добычи и выясненія *доказательствъ* поджога, присяжные признали подсудимую виновной. Сенатъ отмѣнилъ приговоръ по судопроизводственнымъ нарушеніямъ, и присяжные снова вынесли обвинительное рѣшеніе. Тогда судъ примѣнилъ 818 статью, но новый составъ присяжныхъ согласился со своими предшественниками. То же самое произошло въ одной изъ южныхъ губерній въ восьмидесятыхъ годахъ по дѣлу о священникѣ и его женѣ, обвиняемыхъ въ отравленіи дьячка. Нужно ли затѣмъ упоминать о такихъ, напримѣръ, случаяхъ, вовсе не свидѣтельствующихъ о пассивности присяжныхъ, какъ очень частыя просьбы присяжныхъ о постановкѣ судомъ дополнительныхъ вопросовъ, подлежащихъ ихъ разрѣшенію;—какъ заявленіе о томъ, что обвиненіе, въ смыслѣ квалификаціи дѣянія подсудимаго, должно быть поставлено строже, и на мѣсто вопроса о запальчивости и раздраженіи слѣдуетъ поставить вопросъ о предумышленіи;—какъ отказъ отъ разрѣшенія дѣла, представляющагося неяснымъ по отсутствію на судѣ важнаго свидѣтеля или сообщника подсудимаго,—какъ, наконецъ, просьбы нѣкоторыхъ присяжныхъ объ освобожденіи отъ ихъ обязанностей, такъ какъ еще до судебного засѣданія у нихъ, по слухамъ и частнымъ свѣдѣніямъ, составилось непреодолимое убѣжденіе въ виновности или невиновности подсудимаго, могущее оказать давленіе на товарищей.

Остается сказать еще о тѣхъ вызывающихъ нареканія приговорахъ присяжныхъ засѣдателей, которые смущаютъ чрезмѣрно широкимъ примѣненіемъ понятія о невмѣняемости подсудимаго въ то время, когда весь образъ его дѣйствій, разсчитанная и подготовленная жестокость преступленія, обдуманное сокрытіе слѣдовъ послѣдняго или система своего оправданія—заставляютъ

невольно усомниться въ томъ, что суду пришлось имѣть дѣло съ больнымъ. Психіатрическая экспертиза въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе переходитъ изъ области одного изъ видовъ доказательства въ область рѣшительныхъ приговоровъ, обвиненныхъ всѣми внѣшними атрибутами непререкаемой научности. Кто слѣдилъ за объясненіями свѣдущихъ людей въ столицахъ и большихъ центрахъ по вопросамъ о вѣреніи, не можетъ не замѣтить, какъ подъ ихъ вліяніемъ постепенно расширяется понятіе о невѣренности и суживается понятіе объ отвѣтственности. Въ большинствѣ такъ называемыхъ сенсационныхъ процессовъ предъ присяжными развертывается яркая картина эгоистическаго бездушія, нравственной грязи и безпощадной корысти, которыя, въ поискахъ не нуждающагося въ трудѣ и жаднаго къ наслажденіямъ существованія, привели обвиняемаго на скамью подсудимыхъ. Задача присяжныхъ при созерцаніи такой картины должна имъ представляться хотя и тяжелою „по человѣчеству“, но, однако, не сложной. Но вотъ фактическая сторона судебного слѣдствія окончена, допросъ свидѣтелей и осмотръ вещественныхъ доказательствъ завершёнъ, и на сцену выступаютъ служители науки во всеоружіи страшныхъ для присяжныхъ словъ: нравственное помѣшательство, неврастенія, абулія, психопатія, вырожденіе, атавизмъ, наслѣдственность, автоматизмъ, автогипнозъ, навязчивое состояніе, навязчивыя идеи и т. п. Краски житейской картины, которая казалась такою ясной, начинаютъ тускнѣть и стираться, и, вмѣсто человѣка, забывшаго страхъ Божій, заглушившаго въ себѣ голосъ совѣсти, утратившаго стыдъ и жалость въ жадномъ желаніи обогатиться во что бы то ни стало, утолить свою ненависть мщеніемъ или свою похоть насиліемъ—выступаетъ по большей части не отвѣтственный за свои поступки по своей психофизической организаціи человѣкъ. Не онъ управлялъ своими поступками и задумывалъ свое злое дѣло, а во всемъ виноваты злыя мачехи—природа и жизнь, пославшія ему морелевскія уши или гутчинсоновскіе зубы, слишкомъ длинныя руки, или сѣдлообразное нѣбо или же наградившія его,—въ данномъ случаѣ къ счастью,—въ боковыхъ и восходящихъ линіяхъ близкими родными, изъ которыхъ нѣкоторые были пьяницами, или болѣли сифилисомъ, или страдали падучей болѣзнью, или, наконецъ, проявляли какую-либо ненормальность въ своей умственной сферѣ. Въ душѣ присяжныхъ поселяется смущеніе,—и боязнь осужденія больного—слѣпой и безсильной игрушки жестокой судьбы—диктуетъ имъ оправдательный приговоръ, чему

способствуетъ благоговѣнное преклоненіе защиты передъ авторитетнымъ словомъ науки и почти обычная слабость знаній у обвинителей въ области психологіи и ученія о душевныхъ болѣзняхъ. На нашихъ глазахъ создалось и проникло въ науку ученіе о неврастеніи, впервые провозглашенное американцемъ Бирдомъ, и разлилось безбрежною рѣкою, захватывая множество случаевъ слабости воли, доходя до совершенно немыхъ проявленій невмѣняемости въ родѣ мнительности, склонности къ сомнѣніямъ, боязни острыхъ и колющихъ предметовъ (belanofobia), антививисекціонизма, болѣзненной наклонности къ опрятности и, наконецъ, такого естественнаго, хотя и печальнаго чувства, какъ ревность. И несмотря на то, что современная жизнь съ ея ухищреніями и осложненіями, съ ея гипертрофіей духа и атрофіей тѣла, съ ея беспощадной борьбой за существованіе, конечно, не можетъ не отражаться на нервности современнаго человѣка, ничуть не исключаящей вмѣняемости, приходится часто слышать въ судахъ разсужденіе о томъ, что подсудимый страдаетъ какимъ-нибудь признакомъ неврастеніи, или по новѣйшей терминологіи психастеніи, — освобождающей его отъ отвѣтственности или во всякомъ случаѣ ее уменьшающей. Когда недавно вызвали справедливыя ропотъ и понятное смущеніе дѣйствія судебнаго слѣдователя, допустившаго въ своихъ протоколахъ рядъ искаженій и умышленныхъ поддѣлокъ въ дѣлахъ раздутія объема изслѣдуемаго имъ политическаго преступленія, эксперты наши, что онъ страдаетъ цереброспинальной неврастеніей, которая, однако, не помѣшала ему считаться способнымъ и усерднымъ — быть можетъ слишкомъ усерднымъ — слѣдователемъ и затѣмъ членомъ судебной коллегіи. На нашихъ глазахъ появился и терминъ „психопатія“, впервые произнесенный въ русскомъ судѣ на процессѣ Мироновича и Семеновы, обвиняемыхъ въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Эта психопатія получила тоже чрезмѣрное право гражданства въ судѣ. Слово стало популярнымъ. „Признаете ли вы себя виновнымъ?“ спрашиваетъ предсѣдатель человѣка, обвиняемаго въ рядѣ крупныхъ мошенничествъ и подлоговъ. „Что же мнѣ признавать?“ не безъ горделиваго задора отвѣчаетъ подсудимый: „я вѣдь психопатъ“... „Дѣйствовалъ въ состояніи психопатіи“, пишетъ въ своей кассационной жалобѣ отставной фельдшеръ, обвиненный въ умышленномъ отравленіи, „я не могу признать правильнымъ состоявшимся о мнѣ приговоръ“ и т. д. Такимъ образомъ это слово служить какъ бы для опредѣленія такого со-

стоянія, въ которомъ все дозволено, и которое составляетъ для подсудимаго своего рода position sociale или, вѣрнѣе, antisociale. Въ благородномъ стремленіи оградить права личности подсудимаго и избѣжать осужденія больного и недоразвитаго подѣ видомъ преступнаго нѣкоторые представители положительной науки иногда доходятъ до крайнихъ предѣловъ, противъ которыхъ протестуетъ не только логика жизни, но подчасъ и требованія нравственности. Наслѣдственность, несомнѣнно существующая въ большинствѣ случаевъ лишь какъ почва для дурныхъ вліяній среды и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и при томъ исправляемая приливомъ новыхъ здоровыхъ соковъ и силъ, является лишь эвентуальнымъ факторомъ преступленія. Ее нельзя разсматривать съ предвзятой односторонностью и чрезвычайными обобщеніями, приводящими къ мысли объ атаквизмѣ, къ силѣ котораго современное общество, по мнѣнію итальянскихъ антропологовъ-криминалистовъ, заключаетъ въ себѣ огромное количество людей—до 40% всѣхъ обвиняемыхъ, представляющихъ запоздалое одичаніе, свойственное ихъ прародителямъ первобытной эпохи. Насколько эти обобщенія бываютъ произвольны, видно, напримѣръ, изъ того, что къ одному изъ признаковъ вырожденія извѣстнымъ Ломброзо и его послѣдователями долгое время бывала относима страсть людей преступнаго типа къ *татуировкѣ*. Однако на международномъ антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ было доказано, что всего болѣе татуировка распространена не въ мірѣ нарушителей закона, страдающихъ атрофіей нравственнаго чувства, или прирожденныхъ преступниковъ, а въ высшихъ кругахъ лондонскаго общества, гдѣ существуютъ особые профессора татуировки, получающіе за свои рисунки на тѣлѣ разныхъ дэнди и лэди суммы, доходящія до 100 фунт. стерлинговъ за узоръ. Понятно, что подѣ вліаніемъ этихъ взглядовъ и теорій, при которыхъ главное вниманіе экспертовъ направляется не на поступки подсудимаго и другія фактическія данныя дѣла, а на отдаленные и лишь возможные этиологическіе моменты предполагаемаго въ немъ состоянія невмѣняемости въ моментъ совершенія преступленія,—присяжные иногда послѣ долгихъ колебаній не рѣшаются произнести обвинительнаго приговора. Мнѣ пришлось однажды слышать въ засѣданіи суда мнѣніе весьма почтеннаго эксперта, доказывавшаго, что подсудимый, обвиняемый въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, долженъ быть признанъ невмѣняемымъ, потому что находится въ состояніи душевнаго разстройства, характеризуемаго отсутствіемъ или

подавленностью нравственныхъ началъ, очевиднымъ изъ того, что по дѣлу онъ представляется хитрымъ и тщеславнымъ эгоистомъ съ наклонностью къ жестокости и разврату. Мнѣ хотѣлось спросить эксперта, не находитъ ли онъ, въ виду такихъ выводовъ, что только тихіе, великодушные и нравственно-чистые люди являются субъектами, представляющими исключительный матеріалъ для вмѣненія, и что эти ихъ свойства, въ случаѣ совершенія преступленія въ страстномъ порывѣ, неминуемо должны обращаться имъ во вредъ?

Въ годы моей непосредственной работы съ присяжными крайности экспертизы, направленной въ сторону широкихъ обобщеній и односторонне понимаемаго человѣколюбія, были сравнительно рѣдки, но въ послѣдніе годы они значительно участились. Молодой человѣкъ университетскаго образованія, отлынивающій отъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, въ теченіе четырехъ лѣтъ занимается искусно обставленной и ловко задуманной кражей дорогихъ шубъ въ гостиницахъ, театрахъ и публичныхъ собраніяхъ, а также, выдавая себя за мѣстнаго мирового судью, требуетъ довѣрія къ своимъ заказамъ въ дорогихъ ресторанахъ, отказываясь затѣмъ платить по счетамъ. Психіатрическая экспертиза утверждаетъ, что онъ представляетъ признаки физическаго и психическаго вырожденія и поэтому невмѣняемъ. — Пятнадцати и восемнадцати-лѣтнія дѣвушки, возненавидѣвъ воспитательницу старшей изъ нихъ, достаютъ цѣпистый кали и пускаютъ его въ дѣло, но въ недостаточной дозѣ; затѣмъ принимаютъ мѣры, чтобы добыть стрихнинъ, но, когда и онъ недостаточно скоро дѣйствуетъ, то убиваютъ старуху во время сна топоромъ—и, по мнѣнію экспертовъ, совершаютъ это все, дѣйствуя *безъ разумнія*. — Молодой человѣкъ, о которомъ всѣ отзываются, какъ объ умномъ, хитромъ, очень способномъ и понятливомъ, но лѣнивомъ, рѣшительно не желаетъ учиться, а желаетъ жить и кутить на счетъ богатаго отца и, когда послѣдній требуетъ отъ него трудовыхъ занятій, грозитъ ему убійствомъ, старается раздобыть ядъ и револьверъ и, наконецъ, подкравшись ночью къ спящему отцу, зарѣзываетъ его припасеннымъ ножомъ, выписавъ предъ тѣмъ въ записную книжку статьи Уложенія—о наказаніяхъ за отцеубійство. Послѣ убійства, восклицая: „собакѣ собачья смерть!“ онъ идетъ съ пріятелемъ выпить и закусить и отправляется въ объятія проститутки, а изъ-подъ ареста спрашиваетъ письмами, нельзя ли пригласить защитника, умѣющаго гипнотизировать присяжныхъ, и какая часть наслѣд-

ства послѣ отца достанется ему въ случаѣ оправданія. На судѣ эксперты находятъ, что у подсудимаго ассиметрія лица и приросшія мочки ушей (морелевскія уши); покатый лобъ и длинныя ноги; у него притуплено нравственное чувство, онъ угрюмъ и не сразу отвѣчаетъ на вопросы, подергиваетъ плечомъ и неумѣстно улыбается. Кромѣ того, его отецъ лѣчился отъ ревматизма, а мать страдала бессонницей и дважды лѣчилась отъ нервовъ. Все это, какъ дважды два доказываетъ, что подсудимый глубокой вырожденецъ, заслуживающій состраданія, а не осужденія. И вотъ присяжные, не рѣшаясь идти противъ такого многосторонняго вывода, давашаго, конечно, благодарный матеріалъ для гипноза защитительной рѣчи, выносятъ оправдательный приговоръ. Можно ли ихъ винить за это, когда и коронный судъ, быть можетъ, затруднился бы мотивировать свое несогласіе съ категорическимъ взглядомъ нѣсколькихъ специалистовъ, говорящихъ отъ имени и во имя науки. Но позволительно спросить, не смѣшали ли они въ данномъ случаѣ послѣдствія съ причинами, не нашли ли, что *post hoc ergo propter hoc* и не слишкомъ ли щедро одарили они злого бездѣльника дарами болѣе чѣмъ сомнительной наслѣдственности, причисливъ, между прочимъ, къ признакамъ вырожденія и то, что сидящій на скамьѣ подсудимыхъ отцеубійца не находится въ свѣтломъ настроеніи духа, а угрюмъ и, разсчитывая, какъ онъ самъ заявлялъ при слѣдствіи, быть признаннымъ дѣйствующимъ въ умоизступленіи, медлитъ отвѣтами на вопросы о предумышленности своего злодѣянія.

Для полноты обзора условій дѣятельности присяжныхъ остается еще указать на нѣкоторыя явленія въ нашей судебной жизни, вслѣдствіе которыхъ присяжные вызываютъ противъ себя нареканія, будучи, въ сущности „безъ вины—виноватыми“. Такъ бывають случаи, когда Судебная Палата по обвинительной камерѣ, встрѣтаясь съ недостаточностью уликъ, не прекращаетъ своимъ властнымъ словомъ дѣла, а рѣшаетъ лучше предоставить высказаться присяжнымъ, суду коихъ и предаетъ обвиняемаго. Взваливая, такимъ образомъ, свое законное бремя на ихъ плечи, Палата забываетъ о своей обязанности *оправдать*—обвиняемаго отъ лишеннаго достаточныхъ основаній преданія суду и сопряженныхъ съ этимъ напрасныхъ страданій,—а присяжныхъ отъ еще большихъ сомнѣній, чѣмъ ея, что почти неминуемо должно повлечь оправдательный приговоръ послѣ судебной процедуры, которую слѣдовало своевременно предотвратить. Таковы также случаи, когда судебный слѣдователь, по какимъ-либо причинамъ, не

держится строго установленных для него рамок слѣдственнаго судьи, а смѣшивая и переплетая негласный *розыскъ со слѣдственными дѣйствіями*, становится игрушкою въ рукахъ служебныхъ и добровольныхъ сыщиковъ, всегда одностороннихъ, часто нечистоплотныхъ въ приѣмахъ и нерѣдко лично заинтересованныхъ въ направленіи слѣдствія по тому или другому пути. Собираніе и оцѣнка доказательствъ обращается при этомъ въ необдуманная порыванія въ разныя стороны съ ущербомъ для ясности дѣла и если оно ставится на судъ, то присяжные, подавленные сумбуромъ противурѣчивыхъ данныхъ и отсутствіемъ обдуманной послѣдовательности въ ихъ добываніи — видятъ, и совершенно справедливо, въ оправдательномъ рѣшеніи спасительный исходъ изъ своихъ сомнѣній.

Говоря о присяжныхъ засѣдателяхъ, нельзя забывать и педагогическаго значенія суда присяжныхъ и значенія ихъ рѣшеній, какъ показателей для законодателя, не замыкающагося въ канцелярскомъ самодовольствѣ, а чутко прислушивающагося къ общественнымъ потребностямъ и къ требованіямъ народнаго правового чувства. Важная *педагогическая* роль этого суда состоитъ въ томъ, что люди, оторванные на время отъ своихъ обыденныхъ и часто совершенно безцвѣтныхъ занятій и соединенные у одного общаго, глубокаго по значенію и по налагаемой имъ нравственной отвѣтственности дѣла, уносятъ съ собою, растекаясь по своимъ уголкамъ, не только возвышающее сознаніе исполненнаго долга общественнаго служенія, но и облагораживающее воспоминаніе о внимательномъ отношеніи къ людямъ и о достойномъ обращеніи съ ними. А это такъ полезно, такъ необходимо въ виду многихъ привычекъ и замашекъ, воспитанныхъ нашею обыденною жизнью! Не менѣе важенъ судъ присяжныхъ и какъ *показатель для законодателя*. Примѣромъ оправдательныхъ приговоровъ, составлявшихъ свыше 62% всего числа постановляемыхъ присяжными и заставившихъ законодателя призадуматься и выйти изъ созерцательнаго положенія, — явились приговоры по паспортнымъ дѣламъ. Предъ присяжными не было потерпѣвшаго, не было ничьего матеріальнаго ущерба, не было со стороны подсудимаго ни мщенія, ни ненависти, ни корысти — а было нарушеніе отжившихъ свой вѣкъ правилъ... Потерпѣвшею являлась *паспортная система*, грозившая за неуваженіе къ себѣ тяжкими карами. А между тѣмъ обстановка и житейскія условія обвиняемаго зачастую указывали на то, что онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ нарушенію формальныхъ правилъ, обрекающихъ

его на неизбежныя нравственныя страданія или трудовыя затрудненія. И паспортныя преступленія были коррекціонализированы, т.-е. наказаніе за нихъ уменьшено настолько, что дѣла о нихъ пришлось распредѣлить между безприсяжнымъ судомъ и мировыми судьями. Къ сожалѣнію, однако, рѣдко оказывалось наше законодательство столь отзывчивымъ на голосъ общественной совѣсти, звучащій въ оправдательномъ рѣшеніи присяжныхъ. Оно предпочитало, при повторяемости такихъ рѣшеній, передавать дѣло отъ присяжныхъ—сословнымъ представителямъ, т. е. въ сущности, какъ мною уже замѣчено, коронному суду, не утруждая себя пересмотромъ хотя бы отдѣльныхъ статей Уложенія о Наказаніяхъ съ точки зрѣнія ихъ житейской примѣнимости. Во время моего предѣдательства, въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ было вынесено присяжными оправданіе восемнадцатилѣтнему письмоносцу Алексѣву, обвинявшемуся въ утайкѣ и растратѣ части ввѣренной ему корреспонденціи, просидѣвшему восемь мѣсяцевъ подъ стражей и чистосердечно сознавшемуся, ссылаясь на полную невозможность аккуратной и своевременной доставки массы писемъ, приходившихся на его долю. Оправданіе это вызвало не только „негодование“ и „возмущеніе“, но даже и одну изъ министерскихъ „бесѣдъ“ о дальнѣйшей судьбѣ суда присяжныхъ. А между тѣмъ, почти вслѣдъ за слушаніемъ этого дѣла, былъ опубликованъ отчетъ о дѣятельности письмоносцевъ въ Петербургѣ; изъ него оказывалось, что въ послѣднее трехлѣтіе предѣломъ Алексѣева число письмоносцевъ увеличилось на 66 человекъ (всего было 592 лѣтомъ и 537 зимой), а число доставленныхъ писемъ увеличилось на 6.164.000, такъ что каждому приходилось вмѣсто 36.000 писемъ въ годъ разнести 50.000, при чемъ на содержаніе письмоносцевъ почтовый департаментъ испрашивалъ ежегодно сумму въ 75.000 р. Казалось бы, что вмѣсто негодованія на присяжныхъ слѣдовало прислушаться къ ихъ рѣшенію и подумать объ улучшеніи соотношенія между силами письмоносцевъ, лежащимъ на нихъ трудомъ и вознагражденіемъ за него. Казалось бы... но въ дѣйствительности департаментъ экономіи Государственнаго Совѣта въ близорукихъ заботахъ о сокращеніи расходовъ уменьшилъ испрашиваемую ничтожную сумму на пять тысячъ...

Въ нынѣшнемъ году наступаетъ пятидесятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ, создавшихъ и водворившихъ судъ присяжныхъ въ Россіи. Много пришлось ему пережить тяжелаго и даже опаснаго для его существованія. По странной судьбѣ многихъ изъ

нашихъ учрежденій эпохи „великихъ реформъ“ опасность эта грозила одновременно и со стороны враговъ, и со стороны равнодушныхъ, и со стороны слѣпыхъ приверженцевъ. Не желая видѣть ненормальности многихъ условий, въ которыя была поставлена дѣятельность этого суда, *враги* обращали отдѣльные, спорадическіе факты, возможные во всякомъ дѣлѣ человѣческаго несовершенства, въ огульное обвиненіе и раздували рѣдкіе острые случаи въ неизлѣчимый хроническій недугъ. *Равнодушные*, облеченные властью и починомъ для устраненія недостатковъ этого суда, давали имъ зрѣть и укореняться годами и даже десятилѣтіями и замыкались въ близорукомъ бездѣйствіи законодательной рутинѣ. *Приверженцы* боялись сознаться, что у суда присяжныхъ есть и могутъ быть недостатки, чтобы не дать новаго оружія въ руки его враговъ. Но никѣмъ не охраняемые и подчасъ яростно осуждаемые, какъ „судъ улицы“, русскіе присяжные дѣлали свое дѣло, не считывая на награды и повышенія, и не страшась личнаго неудовольствія начальства или отвѣтственности за то, что послушались голоса совѣсти. Когда въ 1895 году состоялось въ Петербургѣ специально созванное совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, — ихъ общій выводъ былъ безусловно въ пользу присяжныхъ сравнительно съ другими формами суда. Изучившіе его на своей многолѣтней практикѣ, эти лица нашли, что судъ присяжныхъ есть судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія. Не отходить въ область недалекихъ преданій, а окончательно укрѣпиться въ русской жизни долженъ онъ. Русскій присяжный засѣдатель, въ особенности изъ крестьянъ, которые кладутъ, какъ неоднократно замѣчено, призывную повѣстку, сулящую имъ тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, за *образа* — честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому его подвергъ законодатель. Думалось, что послѣ такого приговора свѣдущихъ людей, изучившихъ и испытавшихъ судъ присяжныхъ на дѣлѣ, въ его статикѣ и динамикѣ, а не на страницахъ газетныхъ отчетовъ о процессахъ, — можно было считать его прочностью обезпеченною. Но у насъ, въ странѣ „неожиданныхъ возможностей“, случилось не такъ. Безъ всякаго внѣшняго повода, при затишьѣ въ лагерьъ противниковъ, министромъ юстиціи Муравьевымъ былъ возбужденъ въ Комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ (при чемъ необходимый и полезный ремонтъ ихъ грозилъ обратиться, во многихъ отноше-

ніяхъ, въ коренную и легкомысленную ломку) вопросъ о самомъ существованіи у насъ суда присяжныхъ, и по его настоянію были открыты для похода противъ послѣдняго страницы офіціального журнала Министерства Юстиціи. На его страницахъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ появились „обличительныя статьи“ практическихъ противниковъ этого учрежденія, встрѣтившія горячій и достойный отпоръ со стороны Г. А. Джаншіева („Судъ надъ судомъ присяжныхъ“). Затѣмъ совершенно неожиданно выступилъ со страстными статьями и юридическими фельетонами, исполненными инсинуаций противъ заступниковъ за присяжныхъ, бывший прокуроръ Харьковской Судебной Палаты сенаторъ И. П. Закревскій, перешедшій, „avec armes et bagages“ во вражескій станъ. Такое обращеніе виднаго судебнаго дѣятеля изъ „Павловъ въ Савлы“ было знаменательно и представляло тревожный признакъ новыхъ испытаній для суда присяжныхъ. Но страшнѣе сонъ да милостивѣе Богъ! Въ многолюдномъ, *ad hoc*, засѣданіи Комиссіи лишь трое изъ противниковъ этого суда, никогда, впрочемъ, не скрывавшіе своего мнѣнія, прямодушно подали голосъ противъ него и остались вѣрными себѣ, а Закревскій беззащитно заявилъ, что его возраженія имѣли лишь значеніе теоретическое, и снисходительно допустилъ существованіе этой формы суда для Россіи. Такимъ образомъ надо думать, что вопросъ объ упраздненіи у насъ суда присяжныхъ окончательно отошелъ въ область прошлаго, и что наши представительныя законодательныя учрежденія никогда сами не поднимутъ его и, во всякомъ случаѣ, никогда его не поддержать. Хочется надѣяться, что наши судебные дѣятели будутъ, въ своей совмѣстной работѣ съ присяжными, облегчать имъ ихъ высокую задачу и, любовно руководя ими, не станутъ подвергать ихъ тяжелымъ испытаніямъ необдуманными обвиненіями или одностороннимъ освѣщеніемъ дѣла.

Несомнѣнно, что судъ присяжныхъ, какъ и всякій судъ, отражаетъ на себѣ недостатки общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ и изъ нѣдръ котораго онъ выходитъ. Поэтому иногда, слушая ссылки на „общественное негодованіе“ по поводу нѣкоторыхъ оправдательныхъ приговоровъ, обыкновенно отмѣняемыхъ кассационнымъ судомъ по нарушенію формъ и обрядовъ судопроизводства, невольно вспоминаешь Гоголя. „Надъ кѣмъ смѣетесь?! восклицаетъ онъ въ Ревизорѣ устами городничаго:— надъ собой смѣетесь!“— „Чѣмъ возмущаетесь?“ хочется сказать этимъ ярымъ хулителямъ, говорящимъ отъ лица общества: „собой

возмущаетесь!“ По этому поводу интересно отмѣтить, что, по сообщенію газетъ, въ Москвѣ недавно состоялось въ одномъ изъ литературныхъ собраній „засѣданіе“, посвященное суду надъ женоубійцей изъ ревности—героемъ пьесы Арцыбашева. Были избраны присяжные, допрошенъ экспертъ, докторъ Каннабихъ, признавшій, что обвиняемый дѣйствовалъ не въ патологическомъ, а въ физиологическомъ аффектѣ и потому вмѣняемъ, были произнесены „увлекательныя“ и „горячія“ рѣчи обвинителемъ и двумя гражданскими истцами, покрытыя аплодисментами публики,—затѣмъ сказаны „красивыя, но безъ подъема“ рѣчи двухъ защитниковъ, и при общемъ „твердомъ убѣжденіи“, что женоубійца *не* будетъ оправданъ,—присяжные ушли совѣщаться и... вынесли оправдательный приговоръ. Можно себѣ представить, какія нареканія вызвалъ бы такой приговоръ, будь онъ произнесенъ *настоящими* присяжными. А вѣдь они въ значительной степени „плоть отъ плоти, кость отъ кости“ того общества, представители котораго собрались судить „по всѣмъ правиламъ искусства“ героя Арцыбашева, съ тою только разницей, что передъ ними стоялъ бы живой человѣкъ со слабой волей и уязвленнымъ сердцемъ, судьба котораго зависѣла бы отъ ихъ „да! виновенъ“.

А. Ѳ. Кони.

Ольга Владиміровна
ГРАДОВСКАЯ.

† 1912

Житейскія встрѣчи¹⁾.

V.

Mortuos plango!

„... А станешь стариться, нарви — цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ, — и ими сердце оживи“, — совѣтуетъ Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній, и дѣйствительно, въ жизни, если не у каждаго, то у многихъ, наступаетъ такое время, когда предстоящее уже короткое будущее теряетъ свою прежнюю загадочную заманчивость, а прошлое — напоминаетъ о себѣ рядомъ могилъ. Цвѣты, о которыхъ говоритъ поэтъ, это — дорогіе образы тѣхъ, съ кѣмъ шелъ вмѣстѣ или встрѣтился въ жизни и кто не оставилъ послѣ себя горькихъ воспоминаній или непоправимыхъ посмертныхъ разочарованій. Эти образы возникаютъ въ своей цѣльности лишь послѣ смерти. Она освобождаетъ ихъ отъ случайныхъ и преходящихъ осложненій и, по большей части, заставляетъ исчезнуть и зло — радость клеветы и искательство лести. Смерть соединяетъ съ усопшимъ болѣе, чѣмъ жизнь. Представляя послѣдній постепенно замолкающій или внезапно прерывающійся аккордъ жизни, — послѣднюю черту, оставляемую умершимъ въ памяти близкихъ и знающихъ его, смерть вызываетъ раскрытіе такихъ сторонъ въ личности ушедшаго, всплытіе наружу такихъ невѣдомыхъ дотолѣ обстоятельствъ его жизни, о которыхъ умалчивала скромность однихъ, забывчивость другихъ. И благодаря этому *жизнь* усопшаго становится понятнѣй и ярче *послѣ* его смерти.

Судьба послала мнѣ встрѣчу и общеніе съ нѣсколькими

¹⁾ См. „Русская Старина“, 1909—1911 г.

выдающимися русскими женщинами, оставившими свой слѣдъ въ нашей умственной и общественной жизни. Это были: баронесса *Эдита Федоровна Раденъ*, сотрудница Великой Княгини Елены Павловны—этой „нимфы Эгеріи“ Александра II-го въ лучшихъ дѣлахъ его царствованія; *Анна Павловна Философова* и *Варвара Павловна Тарновская* въ ихъ чуткой и отзывчивой общественной дѣятельности; *Прасковья Николаевна Тарновская* съ ея замѣчательными трудами изъ области антропологии. Но не о нихъ хочется мнѣ вспомнить на этихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что двумъ первымъ изъ нихъ я отдалъ посильную дань душевнаго уваженія въ моей статьѣ объ Еленѣ Павловнѣ („Главные дѣатели освобожденія крестьянъ“ 1903 г.) и въ очеркѣ личности А. П. Философовой для сборника, посвящаемаго ея памяти. Мнѣ хочется здѣсь вспомнить о нѣкоторыхъ другихъ менѣе блестящихъ, не громкихъ по тѣсному кругу своей дѣятельности, оставившихъ на общественной нивѣ менѣе замѣтный слѣдъ, но въ сердцѣ, знавшемъ ихъ, прочное и яркое воспоминаніе. Ихъ замкнутая въ области заботы о *ближнихъ* и теплаго участія къ *далнимъ* жизнь выходила, конечно, далеко за предѣлы начертанныхъ германскимъ императоромъ рамокъ, выраженныхъ четырьмя словами: „Kirche, Kinder, Küche, Kleider“ уже потому, что вмѣсто обрядовой церковности онѣ шли свободно и смѣло на житейское осуществленіе завѣтовъ Христа,—не умѣли *раздѣваться* во вкусѣ надвигавшейся современной моды,—не предавались безъ оглядки разнымъ видамъ спорта—этого „труда роскошествующихъ“—и безъ сомнѣнія, будучи хорошими хозяйками, были плохими „кухарками“. Но онѣ понимали, что одной изъ главныхъ задачъ женщины въ жизни должно быть: „иногда *исцѣлять*, часто *облегчать* и всегда *утѣшать*“ и своими душевными проявленіями осуществляли мнѣніе князя Одоевскаго о томъ, что жизнь хорошаго человѣка есть *доброе дѣло* въ жизни другихъ людей.

Объ одной изъ нихъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ („Очерки и воспоминанія“ 1906 г.). Это была *Вѣра Александровна Еракова-Данилова*, рано вглядѣвшаяся въ жизнь и всю сложность ея явленій, постигшая умомъ и почувывая сердцемъ, что въ сущности люди (и не всегда притомъ по собственной винѣ) раздѣляются на умѣющихъ страдать и умѣющихъ причинять страданія, на плачущихъ явно или невидимо и на способныхъ заставлять плакать. Проницательная и вдумчивая, она научилась отличать вторыхъ отъ первыхъ и идти на помощь послѣднимъ, раздѣляя завѣтъ „святого доктора“ Гааза: „торопи-

тесѣ дѣлать добро!“ Еще не будучи замужемъ и принадлежа къ состоятельной семьѣ, она усердно давала уроки, „чтобы имѣть свои рубли“ для помощи, которую оказывала щедро и деликатно, обыкновенно безъ указанія истиннаго источника, выдавая себя лишь за исполнительницу чужихъ порученій. Никогда не унывая, несмотря на ошибки и разочарованія въ людяхъ, она продолжала непоколебимо вѣрить въ нихъ, стараясь судить о каждомъ съ благородной справедливостью—по лучшимъ проявленіямъ его природы, а не по прозаическому повседневному „прохожденію жизни“. Заботы о семейномъ очагѣ и о нѣжно любимыхъ дѣтяхъ ни на минуту не заслоняли отъ нея чужого горя и скорбей. Постоянно къ нимъ приглядываясь и присматриваясь, она вѣчно отдавалась хлопотамъ о ихъ облегченіи. Поэтому тѣ, кому послѣ ея смерти удалось заглянуть въ тщательно скрываемую ею область ея добрыхъ дѣлъ, прозвали еѣ *маленькимъ докторомъ Гаазомъ* и это прозвище вполне объясняетъ учрежденіе въ память ея кровати въ Московскомъ пріютѣ имени О. П. Гааза для бездомныхъ дѣтей. Она вошла въ дѣятельную жизнь въ то время, когда высшее женское образованіе у насъ еще только зарождалось. Но любовь къ литературѣ и искусству были потребностью ея тонкой натуры. Не выдвигаясь впередъ, скромно и, какъ бы застѣнчиво обнаруживая свое обширное образованіе, которое было настоящимъ *личнымъ самообразованіемъ*, она умѣла цѣнить всѣ проявленія истиннаго таланта и неподдѣльнаго творчества, чему, конечно, способствовали частыя встрѣчи въ домѣ отца съ его друзьями Плещеевымъ, Некрасовымъ и Салтыковымъ. Она глубоко любила и понимала музыку—этотъ „языкъ невыразимыхъ словами чувствъ“,—участвовала въ составленіи разумныхъ книжекъ для дѣтскаго чтенія и печатала подъ псевдонимомъ повѣсти и рассказы, отражавшіе, среди яркихъ картинъ природы и вѣрныхъ психологическихъ наблюденій, главныя душевныя свойства автора: вдумчивое, съ оттѣнкомъ грусти, отношеніе къ жизни и широкую способность прощенія и пониманія людскихъ слабостей. Смерть похитила еѣ 16-го марта 1896 года, послѣ успѣшно прошедшей операціи, когда ея сердце, такъ умѣвшее биться для другихъ и за другихъ, не нашло силъ продолжать биться для себя.

Обращаясь къ другому привлекательному женскому образу—женѣ и затѣмъ вдовѣ профессора Александра Дмитриевича Градовскаго, *Ольга Владиміровна Градовской*—приходится сказать нѣсколько словъ объ ея усопшемъ, но живомъ въ памяти знавшихъ

его, мужъ. Глубокій ученый и вмѣстѣ учитель, — учитель молодежи въ качествѣ профессора и учитель общества въ качествѣ публициста, — онъ оставилъ по себѣ огромный научный трудъ — своего рода монументальное зданіе, въ которомъ зодчій и практическій строитель слились воедино. Одинъ — начерталъ планъ и способы исполненія, обдумавъ каждую подробность и исходя изъ неизблемаго для него идеала; другой — выполнилъ этотъ планъ, трудясь постоянно и неустанно, „не покладая рукъ“ и собравъ поразительную по своему обилію и разнообразію массу матеріала. Всѣ его публицистическіе труды, его многотомное „Государственное право Европейскихъ державъ“ и „Русское государственное право“, его мелкія замѣтки и публичныя лекціи — были проникнуты идеей о правовомъ началѣ, оберегающемъ личность и помогающемъ ей свободному развитію. Настаивая на политическомъ воспитаніи личности и, слѣдовательно, цѣлаго общества, Градовскій вносилъ въ свой трудъ біеніе горячаго и нѣжно любящаго свой народъ сердца и вкладывалъ въ него и свои упованія и свое негодованіе. Вся его разнообразная дѣятельность, выражавшаяся между прочимъ и въ живомъ участіи въ разныхъ законодательныхъ работахъ, требовала большой траты силъ. Ихъ у него, съ его физически больнымъ сердцемъ, было не много, а способность страстно влагать въ каждое дѣло всю свою душу, конечно, не содѣйствовала ихъ накопленію. Жизнь не щадила его и наносила ему подчасъ глубокіе удары. Впечатлительный, нервный и гордый, онъ съ трудомъ оправлялся отъ нихъ, а стародавній недугъ шелъ быстрыми шагами, и „судьбой отсчитанные дни“ были отпущены ему съ жестокою скупостью. Послѣдній годъ его жизни былъ сплошною агоніей, безнадежною борьбою его душевныхъ силъ съ явно и грозно надвигавшеюся смертью. Онъ вынужденъ былъ оставить любимый университетъ и, послѣ безплодныхъ и отяготительныхъ странствованій по Германіи, слечь въ Петербургѣ, чтобы уже больше не вставать. Ему не пришлось дожить до измѣненія нашего законодательнаго строя, но несомнѣнно, что въ насажденіи здравыхъ понятій о значеніи, условіяхъ и задачахъ народнаго представительства, его труды сыграли выдающуюся роль.

Градовскій сочетался въ 1867 году бракомъ съ шестнадцатилѣтнею дочерью воронежскаго помѣщика Владиміра Дмитріевича Шидловскаго. Почти одновременно онъ сдѣлался профессоромъ Петербургскаго университета, и молодая супруга сразу вступила въ кругъ его товарищей, — ученыхъ дѣятелей, еще полныхъ впечатлѣніями и завѣтами „эпохи великихъ реформъ“.

Нѣжная и преданная жена, подарившая мужу сына и двухъ дочерей, она заняла достойное мѣсто въ томъ кругу, въ который ввелъ ее мужъ. Раздѣляя всѣ его взгляды, поддерживая его бодрость, окружая его чуткой заботой, она прошла съ нимъ въ духовномъ сліяніи двадцать два года. Сознательная и глубокая душевная близость этихъ двухъ существъ—мужа, который работалъ, „упорствуя, волнуясь и спѣша“, и жены, всегда спокойной, вдумчивой и уравновѣшенной—была для всѣхъ знавшихъ эту семью и испытавшихъ въ ней то, что французы называютъ „гостепріимствомъ мысли“, такъ очевидна и осязательна, что въ ихъ представленіи образъ Александра Дмитріевича всегда неразрывно сливался съ образомъ Ольги Владиміровны. Она, однако, не была покорнымъ и слѣпымъ отзвукомъ умственной жизни своего мужа. Въ ея миломъ русскомъ лицѣ и серьезномъ взглядѣ умныхъ глазъ чувствовалась самостоятельная работа мысли, умѣло развивавшей и примѣнявшей взгляды своего мужа къ явленіямъ практической жизни. Прекрасная домоправительница и рачительная воспитательница дѣтей, она умѣла сдѣлать свой семейный очагъ чуждымъ мѣщанскому самодовольству и разливающимъ теплоту далеко за свои предѣлы.

Печаленъ былъ закатъ Градовскаго въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ, готовыхъ на плодотворную работу въ пользу родины, къ потребностямъ которой онъ приросъ всѣми корнями души, о которой говорилъ постоянно то серьезнымъ тономъ мыслителя, то съ любящимъ юморомъ. Вдали отъ родины, въ горныхъ окрестностяхъ Гейдельберга за полгода до смерти, которая вѣяла вокругъ него и уже коснулась его концомъ крыла, онъ, измученный долгими страданіями, дыша трудно и прерывисто, все говорилъ о далекой Россіи и, мысленно воскрешая ея сѣрыя картины, то переживалъ прошлое, то пытливо заглядывалъ въ будущее. Но на его „закатъ печальный“ лила свои лучи, выражаясь словами поэта, „любовь улыбкою прощальной“! Она смягчала его горечь, облегчала ему боль, несмотря на то, что сердце жены, лившее эти лучи, было втайнѣ истерзано ожиданіемъ безвременной, неминуемой кончины мужа и истомлено годами заботъ и неумолкающихъ тревогъ, когда приходилось безъ усталости, съ нѣмымъ достоинствомъ скрываемой печали заслонять его отъ смерти чуткимъ и нѣжнымъ уходомъ.

Когда скончался Градовскій, Ольга Владиміровна не растерялась, не опустила безсильно руки и не погрузилась, какъ это очень часто дѣлается, исключительно въ свое горе, которое обыкновенно обращается затѣмъ къ тихую печаль, переходящую впоследствии

въ привычное унылое состояніе вдовы замѣчательнаго человѣка, вызывающей къ себѣ почтительное, но, въ сущности холодное отношеніе знавшихъ и любившихъ ея покойнаго мужа. Она не стала *вдовой*—и больше ничѣмъ. Нѣтъ! Она глубоко поняла, что выдающимся человѣкомъ и упорнымъ трудолюбцемъ, съ которымъ она прошла значительную часть жизненнаго пути, ей какъ-бы завѣщаны двѣ задачи: исполнить до конца, стойко и отзывчиво, долгъ матери его дѣтей и увѣковѣчить память о немъ. Въ послѣднемъ отношеніи она осуществила всей своей дальнейшей жизнью то, что въ старину русскіе люди называли *потрудилца* и *сослужебница*. Она закрѣпила трудъ мужа и дала послѣднему возможность и за гробомъ продолжать служить русскому обществу и молодымъ поколѣніямъ своимъ знаніемъ и своими возвышенными нравственными идеалами. Когда семейныя ея заботы съ выходомъ замужъ дочерей за академика Шахматова и за профессора Вальтера оставили ей отчасти нѣкоторый досугъ, она посвятила почти все свое время усиленному подготовленію и собранію сочиненій мужа. Это была работа чрезвычайно трудная, потому что кромѣ научныхъ трудовъ и статей, выходившихъ за его подписью, имъ въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника „Голоса“, было напечатано огромное число передовыхъ статей и фельетоновъ на общественныя темы, изъ которыхъ лишь немногіе были подписаны псевдонимомъ „Виленскій житель“ (по мѣсту нахожденія принадлежавшей ему дачи). Пришлось розыскать и пересмотрѣть массу печатнаго матеріала, свѣрить его съ черновыми замѣтками покойнаго, съ его перепиской, со своими личными воспоминаніями и съ редакціонными книгами „Голоса“. Духовное единство съ мужемъ помогало во многихъ случаяхъ Ольгѣ Владиміровнѣ въ неподписанныхъ статьяхъ и въ отдѣльных отрывкахъ чужь душевный складъ мужа, его живой и образный способъ выраженій, и высказанные имъ по поводу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ мысли и взгляды.

Въ пожелтѣлыхъ страницахъ давно закрытой попечительнымъ начальствомъ вліятельной газеты для нея оживалъ образъ любимаго человѣка, и изъ нихъ слышался его голосъ. Но это воссозданіе когда-то живой работы ума и сердца, замолкнувшихъ навѣкъ, эта своего рода *литературная палеонтологія*, которою по кусочкамъ восстанавливалось цѣлое, было дѣломъ нелегкимъ и требовало усидчивости, настойчивости и крайняго напряженія физическихъ и душевныхъ силъ. Въ 1897 году Ольгѣ Владиміровнѣ удалось составить библіографическій списокъ трудовъ А. Д. Градовскаго, а съ 1899 года по 1904 годъ она

выпустила девять томовъ его сочиненій, прочитавъ каждый листъ изъ семи томовъ этого изданія. Провѣряя всѣ многочисленныя цитаты, выписки изъ законодательныхъ актовъ и ссылки на статьи Полнаго Собранія законовъ, она должна была постоянно напрягать зрѣніе, которое къ концу этой работы въ значительной степени ослабѣло, что повергало ее въ большую скорбь и не за себя, а за невозможность окончить служеніе памяти спутника своей жизни. Постоянной мечтой ея было изданіе двухъ дополнительныхъ томовъ къ собранію сочиненій мужа—и постоянной тревогой мысль о томъ, что послѣ ея смерти сочиненія, для нихъ предназначенныя, не увидятъ свѣта.

Эта работа переплеталась у нея съ принятымъ на себя сердечнымъ и самоотверженнымъ уходомъ за больнымъ внукомъ,—впавшимъ въ параличное состояніе отъ перенесеннаго имъ менингита,—до самой его смерти. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ она не знала личной жизни иначе какъ въ формѣ неустанной и нѣжной заботы о страдальцѣ. Лишь изрѣдка собирались у нея немногіе остававшіеся въ живыхъ друзья и сверстники ея мужа и въ душевной бесѣдѣ, сопровождаемой иногда какимъ-либо литературнымъ докладомъ, вспоминали дорогое для нея прошлое.

Осенью 1911 года силы стали ей окончательно измѣнять и послѣ пребыванія въ больницѣ Евгеніевской общины она скончалась въ деревнѣ своего зятя А. А. Шахматова на рукахъ своей дочери 12-го іюня 1912 года. Такъ угасла эта цѣльная, полная внутренняго содержанія жизнь. Судьба, пославшая ей радость быть истиннымъ другомъ замѣчательнаго ученаго и прекраснаго человѣка,—*длительно* любившимъ его не только при его жизни, но и послѣ смерти,—давшая ей пережить не мало испытаній, была къ ней, въ концѣ концовъ, милостива: Градовская ушла, по-своему „свершивъ въ предѣлѣхъ земномъ все земное“, изъ среды любящей и преданной семьи, не доживъ одного года до тяжкаго несчастія сына, потерявшаго жену во время Двинской желѣзнодорожной катастрофы и до неожиданной смерти своей дочери Софьи Александровны Вальтеръ, такъ живо напоминавшей внѣшнимъ и внутреннимъ обликомъ своего отца.

Говоря о „потрудилицѣ“ для своего мужа, невольно вспоминаешь и другую русскую женщину, память которой въ глазахъ знавшихъ ее окружена тихимъ свѣтомъ доброты и привѣтливаго отношенія къ людямъ. Она скончалась годъ на-

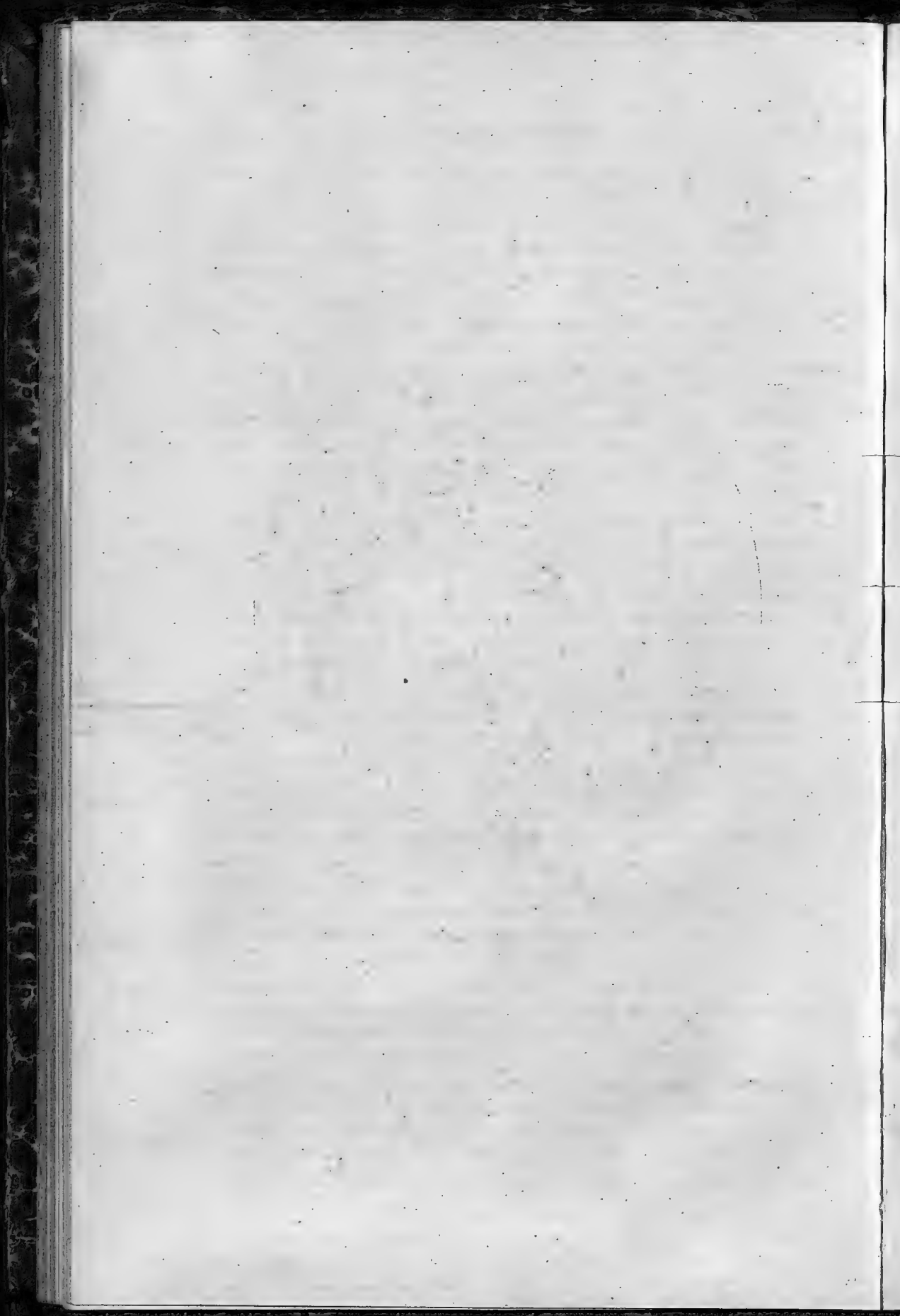
задѣ, сразу оставивъ послѣ себя незаполнимую пустоту. Это была *Евгенія Николаевна Воронова*, рожденная Беревкина, проводшая свое дѣтство и первую молодость въ коренной русской обстановкѣ, сначала въ Кинешмѣ, а затѣмъ въ Костромѣ. Живая, способная и остроумная, она уже съ пяти лѣтъ увлекалась чтеніемъ, — на школьной скамьѣ зачитывалась облагораживающими духъ и расширяющими душевные горизонты произведеніями писателей пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, знакомясь въ то же время съ лучшими образцами иностранной литературы, чему помогало прекрасное знаніе языковъ, дававшее ей впослѣдствіи завидную возможность, держа предъ собою оригиналъ на чуждомъ языкѣ, немедленно пересказывать его ясно, красиво и точно по-русски. Къ этимъ ея умственнымъ свойствамъ присоединялась богатая фантазія. Еще въ дѣтствѣ, когда старушка-няня, рассказывая ей, на сонъ грядущій, сказку, начинала дремать и всхрапывать, она принималась плести по канвѣ этой сказки свои собственные узоры. Услышавъ голосокъ ребенка, няня стряхивала съ себя сонъ и, удивленно вслушиваясь, пробовала убѣдительно и авторитетно перебивать его рассказъ: „что ты, матушка, откуда ты это взяла? никогда этого съ Иваномъ-царевичемъ не бывало“. Выйдя двадцати одного года замужъ за капитана генеральнаго штаба П. Н. Воронова и переселившись вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, воспріимчивая и наблюдательная молодая женщина попала сразу въ двойное общество: въ общество профессоровъ академіи и офицеровъ генеральнаго штаба и въ общество, собиравшееся у перваго редактора „Русской Старины“ М. И. Семевского, женатаго на теткѣ Вороновой.

Въ *первомъ* изъ этихъ обществъ ей пришлось вращаться, пылливо вслушиваясь въ серьезные рассказы военныхъ ученыхъ и историковъ, въ родѣ Леера, Пузыревскаго и другихъ, общеніе съ которыми вызвало въ ней интересъ къ очеркамъ изъ военного быта, печатавшимся ею въ извѣстныхъ изданіяхъ Березовскаго. Во *второмъ* — у радушнаго хозяина собирався весь тогдашній литературный и артистическій міръ. Встрѣча съ такими людьми, какъ Тургеневъ, Гончаровъ и Горбуновъ, какъ Рубинштейнъ и Самойловъ, и присутствіе при ихъ бесѣдахъ давало одновременно и эстетическое наслажденіе и богатую пищу воспріимчивому уму молодой женщины. Стоитъ развернуть „Альбомъ“ Семевского (1888 г.) и прочитать сдѣланныя въ немъ записи и списки участниковъ собраній у хозяина, чтобы видѣть, какую живую смѣну глубокихъ мыслей,

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА
ВОРОНОВА.

† 28 января 1913 года.

тонкихъ наблюденій, поэтическихъ порывовъ, остроумныхъ выхонокъ, историческихъ свѣдѣній и живыхъ воспоминаній являли собою бесѣды людей, группировавшихся около практически-любопытнаго хозяина. Умѣя извлекать изъ cadaго что-нибудь интересное, зорко приглядываясь къ настоящимъ и возможнымъ въ будущемъ сотрудникамъ своего историческаго журнала, онъ намѣчалъ силы и матеріалъ для дальнѣйшихъ книжекъ послѣдняго.

Прислушивалась ко всему этому, конечно, и Евгенія Николаевна, и ея умственный кругозоръ расширялся и обогащался полнотою и разнообразіемъ свѣдѣній по литературѣ, искусству и исторіи. Результаты этихъ „Lehrjahre“ сказались особенно сильно въ то время, когда ея мужъ въ свою очередь сдѣлался редакторомъ „Русской Старины“. Въ подготовительной работѣ по оцѣнкѣ и распредѣленію матеріаловъ и по ознакомленію съ многочисленными печатными произведеніями, присылаемыми въ редакцію, она являлась дѣятельной помощницей его, внося въ эту кропотливую работу присущія ей чувства такта и вкуса. И подъ ея скромнымъ и гостепріимнымъ кровомъ стали собираться политическіе и литературные дѣятели, встрѣчались историки С. Ф. Платоновъ, П. Я. Дашковъ, Е. С. Шумигорскій и другіе, и появлялись выдающіеся представители сценическаго искусства. Объединяя своихъ посѣтителей и вовлекая ихъ въ общую бесѣду своимъ умѣньемъ просто и радушно группировать ихъ въ своей маленькой гостиной, Воронова обладала двумя рѣдкими у насъ вообще и среди русскихъ женщинъ въ особенности, качествами: способностью рассказывать точно и ясно, соблюдая перспективу повѣствованія и, что еще важнѣе, *умѣньемъ слушать*, не перебивая и не вставляя замѣчаній „изъ другой оперы“. Эти ея качества дѣлали разговоръ съ нею особенно пріятнымъ, а иногда, въ виду разнообразія и богатства сообщаемого ею,—и поучительнымъ. Къ этому надо прибавить и еще одно ея свойство, тоже рѣдкое въ наше эгоистическое время. Оно состояло въ пониманіи того, что можетъ искренно и живо интересоваться собесѣдника, и въ стремленіи искусно и деликатно сводить разговоръ именно на эту тему, интересуясь выдающимися и общепонятными сторонами его специальной дѣятельности и съ благородной терпимостью относясь къ мнѣніямъ и взглядамъ, которыхъ она не раздѣляла. Добрая безъ напускной чувствительности, глубоко вѣрующая безъ узкой нетерпимости, она умѣла понимать горе ближнихъ, съ участіемъ заглядывать въ ихъ

души въ скорбныя минуты и творить добро, какъ истинная христіанка, стараясь, чтобы лѣвая рука не вѣдала, что творить правая; умѣла также оставлять теплыя и прочныя по себѣ воспоминанія. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ со времени оставленія ея мужемъ командованія новочеркасскимъ полкомъ память о ней „не поросла травой забвенія“ у офицеровъ этого полка, о чемъ молчаливо свидѣтельствовали ежегодно присылаемые ими ко дню св. Евгеніи—цвѣты. Окруженная сочувствіемъ всѣхъ ее знавшихъ, она рано сошла въ могилу, до конца дѣятельная и отзывчиво относящаяся ко всему, касавшемуся горячо любимой ею родины. Уже тяжело-больная, она мысленно присутствовала на предстоявшей закладкѣ храма-памятника въ честь двадцати двухъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ сто лѣтъ назадъ подъ Лейпцигомъ „въ битвѣ народовъ“—и ревностно собирала пожертвованія на увѣковѣченіе этой великодушной, хотя, быть можетъ, и напрасной жертвы, принесенной Россіей. Среди мучительныхъ сердечныхъ припадковъ, почти непрерывныхъ и быстро сводившихъ ее въ могилу, она оставалась вѣрна правилу своей жизни: заботиться о другихъ и мало думать о себѣ. Когда затихали на время ея слабыя стоны, которыми она старалась не обезпокоить своихъ близкихъ, она звала къ себѣ тѣхъ, кто самъ нуждался въ ея утѣшеніи, одобреніи или добромъ совѣтѣ и слабѣющей передъ смертью рукою писала горячее письмо участія знакомой, только-что лишившейся мужа. Она отошла отъ жизни со сказаннымъ доктору словомъ „хорошо“, которымъ могло быть охарактеризовано и все ея земное существованіе.

Встаетъ затѣмъ въ моей памяти, какъ живая, *Александра Васильевна Плетнева*—вдова академика и ректора Петербургскаго университета П. А. Плетнева. Каждый, кто зналъ эту милую и оригинальную русскую женщину, кому пришлось заглянуть въ ея душу, кто слышалъ о ея супружеской жизни, не можетъ не признать, что она являлась въ существованіи своего мужа живымъ воплощеніемъ той „святой мечты“, которою была исполнена, по словамъ Пушкинскаго посвященія ему „Евгенія Онегина“—душа Плетнева. И въ ней, какъ въ послѣднемъ, было одновременное соединеніе „высокихъ думъ и простоты“. Несмотря на разницу лѣтъ, она умѣла отдаться самоотверженному облегченію недуговъ преклоннаго возраста мужа и утѣшенію его въ минуты тяжкихъ страданій, окончившихся его смертью въ Парижѣ 29 декабря 1865 года. Недаромъ подарилъ онъ ей передъ кончиной золотой крестъ съ многозначи-

тельной надписью: „я расскажу Богу, чѣмъ ты для меня была“.

Потерявъ мужа, память котораго свято и трогательно чтала она всю свою жизнь,—часто уходя, по словамъ ея письма „низко, низко поклониться его могилѣ и просить у его возвышенной души благословенія на жизнь и ея испытанія“, Плетнева настойчиво и обдуманно принялась за воспитаніе двухъ сыновей, вложивъ въ ихъ юношеское развитіе и въ заботу о первыхъ шагахъ ихъ жизни всю свою любящую душу. Но эти заботы не ограничили ея кругозора: не старѣя душевно, несмотря на сѣдину кудрей, обрамлявшую ея выразительное, подвижное лицо съ живыми умными глазами, она жила всѣми интересами современности, далекая и отъ старческаго брюзжанія и отъ безразличія апатіи.

Глубоко русская во всѣхъ своихъ чувствахъ, поведеніи и красивомъ мѣткомъ словѣ (она происходила изъ стариннаго рода князей Щетининыхъ)—она любила родину сознательной и страстной любовью, не скрывая, однако, отъ себя недостатковъ русскаго чело-вѣка и нѣкоторыхъ порочныхъ сторонъ нашей общественности. Подобно простой русской женщинѣ, она „жалѣла“ свой народъ, соединяя въ этомъ чувствѣ и нѣжную, подчасъ горделивую къ нему привязанность и скорбь о печальныхъ свойствахъ его безволія. „А знаете ли, какъ Россія-то мила русскому сердцу?“ писала она мнѣ изъ-за границы. „Что-то ёкаетъ, когда видишь русскія слезы—добрыя, простыя слезы. *Все простое — прекрасно! Le beau c'est le simple!* И какъ просто русское сердце, когда оно умѣетъ себя проявить. Когда доживаешь свой вѣкъ, какъ все искусственное дѣлается чуждо и непонятно. Какъ мнѣ хочется снова увидѣть нашу бѣдную, *простую* Россію!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ по разностороннему образованію, по тонкому эстетическому развитію и по глубокому сознанию чувства долга въ себѣ и уваженію его въ другихъ, она соединяла въ себѣ лучшія черты западно-европейскаго чело-вѣка. Непреклонная въ убѣжденіяхъ, мягкая и снисходительная въ личныхъ отношеніяхъ, безобидно остроумная, она способна была возмущаться всякой неправдой, которая ее лично и не касалась. „Меня поражаетъ“—говорила она передъ концомъ своей долгой жизни—(она скончалась 76 лѣтъ), „среди всего окружающаго упадокъ у насъ чувства негодованія. Это страшный признакъ, не обещающій ничего хорошаго въ будущемъ“. „Какая у насъ частая дряблость души“—писала она мнѣ,—всѣ вокругъ ноютъ, и всѣ безсильны волей и мыслью, и какъ всѣ

одинок! Быть можетъ, это отъ Петербурга и отъ его жизни, гдѣ одни слишкомъ часто видятся отъ праздности и надобли другъ другу, а другіе не могутъ видѣться изъ-за работы, которой непосильно много. Эти скучные долгіе темные дни тянутся непрерывной цѣпью, и мы взваливаемъ ихъ на плечи безъ помощи дружеской руки. Противная петербургская жизнь! Я замѣтила, что *нигдѣ* нельзя такъ обходиться безъ жизненнаго элемента дружбы, какъ подъ нашимъ могильнымъ покровомъ безразсвѣтнаго дня. Мы со всѣмъ на свѣтѣ примиряемся и становимся въ строй тяжкихъ обстоятельствъ безъ борьбы и даже безъ протеста... Но сама она была способна на смѣлый протестъ. Когда 17-го февраля 1861 года на торжественномъ актѣ Петербургскаго университета профессору Костомарову не было, по распоряженію министерства, дозволено прочесть свою рѣчь о Константинѣ Аксаковѣ, среди публики и студентовъ поднялись шумъ и крики, и произошла демонстрація, заставившая почетныхъ гостей, съ митрополитомъ во главѣ, покинуть залъ. Ректоръ Плетневъ, ни въ чемъ неповинный, былъ окруженъ негодующей молодежью, требовавшей объясненій. Узнавъ о положеніи мужа, Александра Васильевна прибѣжала въ залъ, пробилась сквозь толпу, въ слезахъ обняла Плетнева и стала между нимъ и тѣснившими его. Ея разстроенный видъ и ея мужество подѣйствовали лучше всякихъ уговоровъ... Толпа отступила и тихо разошлась, при чемъ, по рассказамъ современниковъ, многіе почтительно кланялись женѣ ректора.

Друзья ея мужа всю жизнь оставались и ея друзьями. Вращаясь между ними, она какъ бы являлась представительницею покойнаго. У нея бывали и радостно ее встрѣчали у себя люди, чтившіе память П. А. Плетнева, и она платила имъ пріязнью, стоявшею виѣ сомнѣній и выше испытаній. Къ ея близкимъ друзьямъ принадлежали братья К. К. и Я. К. Гроты, М. М. Стасюлевичъ и другіе люди позднѣйшаго поколѣнія, въ томъ числѣ и Павелъ Васильевичъ Жуковскій, сынъ поэта, симпатичный художникъ, другъ и почитатель Вагнера, идеалистъ чистой воды. Со справедливой гордостью вспоминала Плетнева открытіе въ 1887 году въ Александровскомъ саду памятника поэту. „Въ день открытія памятника Жуковскому — писала она — я играла драгоцѣнную для меня роль: я появилась подъ руку съ *его* сыномъ, какъ вдова *его* друга и пережила хорошія минуты“. Къ ней былъ тепло привязанъ и поэтъ Федоръ Ивановичъ Тютчевъ. Въ его письмахъ къ ней, напи-

санныхъ своеобразнымъ почеркомъ, сквозить даже то, что французы называютъ: „une amitié amoureuse“. Ей любилъ приносить свои печатные труды, ей приходилъ повѣдать о своихъ служебныхъ и житейскихъ радостяхъ и скорбяхъ Я. К. Гротъ. И ей, раньше всѣхъ другихъ знакомыхъ, принесъ онъ копію своего прекраснаго стихотворенія, написаннаго въ альбомъ безвременно угасшаго въ 1866 году Наслѣдника Престола, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Тому, что зрить плотское око,
Ты легкой вѣры не давай,
Но къ сокровенное — глубоко
Духовнымъ взоромъ проникай.

И вѣдай: многое, что низко,
Стоить предъ Богомъ высоко,
И часто въ жизни то къ намъ близко,
Чего мы ищемъ далеко“.

Къ ней сохранила до конца горячую любовь талантливая писательница Кохановская (Соханская). „Прощай, прощай“ — писала она Плетневой въ свои послѣднія минуты — „и радуйся, моя радость, что ты всегда была моимъ свѣтымъ, далекимъ, милымъ, сіяющимъ идеаломъ, на которомъ отдыхала въ будничной прозѣ моя душа. Ты освѣжала, ты умиляла меня. Ты — вся грація, вся — прелесть, — разумница, видѣвшая всѣ виды европейской образованности и ты любила меня, не чуждалась меня — бѣдной, неуклюжей старой барышни, гдѣ-то одиноко застѣвшей въ деревенской глуши. Если я буду смѣть молить Господа и на небѣ, какъ я молилась Ему на землѣ, то вѣрь, что я буду Его молить и благодарить за тебя. Глаза и сердце мое много плакали надъ этимъ письмомъ. Если ты долго не будешь получать извѣстій отъ меня, — такъ какъ увѣдомить тебя о моей смерти будетъ некому — то отнесись къ тому священнику, котораго ты видѣла у меня. Вотъ его адресъ“.

Я познакомился съ Плетневой въ приморскомъ бретанскомъ городкѣ Динарѣ въ 1879 году — и не могъ не поддаться глубокому и сильному впечатлѣнію, производимому всѣмъ ея нравственнымъ строемъ. Прочная дружба, о которой я вспоминаю съ умиленнымъ сердцемъ, соединяла насъ двадцать два года, до самой ея кончины, и нынѣ свѣтитъ мнѣ изъ цѣлой груды ея дорогихъ мнѣ писемъ. Она умѣла цѣнить и понимать своихъ друзей, храня свято память о нихъ, какъ будто говоря себѣ словами Жуковскаго:

О милыхъ спутникахъ, которые намъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ животворили,
Не говори съ тоской „ихъ нѣтъ“,
Не съ благодарностію „были“!

Она писала: „сколько у меня святыхъ воспоминаній! Рѣдко кому досталось столько незабвенныхъ впечатлѣній и иллюстрированныхъ страницъ! И текстъ, и гравюры моей жизни были замѣчательно тонки. Это былъ особый мнѣ Божій даръ“.

Но жилось ей подчасъ очень тяжело. Тревога за однихъ и горькое разочарованіе въ другихъ причиняли ей сильныя страданія: „вы знаете и испытали на себѣ, какія волненія, какіе вопросы, какія недоумѣнія терзаютъ сердце, когда то, что было намъ мило и дорого, на что мы полагали надежды и мечты, вдругъ повертывается противъ насъ и оскорбляетъ наше чувство и вырываетъ нашу вѣру въ него и—въ инныя минуты, затуманенныя горемъ, чуть что не самую вѣру въ добро“. — „Когда подумаю—пишетъ она въ другомъ письмѣ послѣ тяжелой болѣзни—сколько жизнь давала горя и какъ страшно жить, то мнѣ жалко, что я опять живу и поправляюсь, но—да будетъ воля Твоя! Съ этою молитвою проводила я мучительныя ночи и съ нею же встрѣчаю и жизнь, вновь возвращающуюся. Но какъ ослабѣло физическое сердце! Кажется, что ничего больше не выдержать, никакихъ испытаний, а надо непременно поправиться, чтобы идти на новую битву жизни“! Но вѣра, истинная вѣра, требующая по словамъ Плетневой „свободнаго сердца человѣческаго, чтобы иначе не обратиться въ сектантство“ и глубокое проникновеніе въ образъ и ученіе Христа поддерживали ее. „Моя судьба—писала она—богата страданіями всякаго рода, моя душа была на *высотахъ* и въ *низменностяхъ* и познала вполнѣ, что страданіе — нашъ учитель, но не врагъ, а спасительно-суровый собесѣдникъ; что *счастье* — понятіе языческое, а *крестъ* — понятіе христіанское“. „Le Christianisme n'est pas une compagnie d'assurance contre le malheur“ — пишетъ она въ другомъ письмѣ. Не дѣлая себѣ иллюзій относительно жизни, но твердо вѣря въ загробное существованіе, она совсѣмъ не боялась смерти. „Я пришла къ убѣжденію — писала она, что когда Господь по своимъ неисповѣдимымъ судьбамъ налагаетъ на наши плечи тяжкія ноши, надо безропотно и непрекословно ихъ нести;—какъ бы ни подгибались колѣна, надобно доброй клячѣ тащить и тащить, пока не упадешь на дорогѣ. Я видѣла разъ такую клячу, везущую непосильный возъ *въ гору*, и не-

удержимыя слезы брызнули у меня изъ глазъ. Такъ неужели же Господь милосердный не заплачетъ надъ нами когда-нибудь?! Вѣдь, этого быть не можетъ!“ — „Ничего нѣтъ вѣрнѣе смерти“ — говорила она и поэтому думала она о ней спокойно. „Какая, однако, битва — жизнь и какой покой смерть“ — писала она изъ Аркашона, гдѣ была съ больнымъ внукомъ. „Я теперь живу почти такъ же одиноко, какъ Кохановская на своемъ хуторѣ. Годами выдержавъ это одиночество, она торжественно изъ него ушла, полная вѣры, любви и мужества. Вы правы — тишина и уединеніе сосредоточиваютъ мысли; тишина втягиваетъ въ свою глубину. Я часто помышляю о смерти. Надо быть готовой умѣть сразу сказать *прости* земному и... въ походъ! — безъ сожалѣнія, зная, что на томъ берегу давно уже манятъ и зовутъ открытыя объятія Христа. Я восхищаюсь характеромъ Фридриха III, умирающаго въ Берлинѣ. Сколько силы воли и духа, торжествующаго надъ страданіями тѣла, и сколько *жизни* предъ лицомъ *смерти*!“ Ее по временамъ угнетала не мысль о кончинѣ, а ощущеніе надвинувшейся старости. „Я очень грущу и тоскую“ — пишетъ она — „отъ того, что *все* пережито, что дорогое прошедшее такъ далеко, далеко, и беретъ отчаяніе думать, что все безконечно милое отступило въ далекую перспективу, а на первомъ планѣ стали и стоятъ ежедневныя ничтожныя событія общественной и личной жизни, нисколько не облегчающія жажды души. Эта длинная задняя перспектива — это та старость, которой я одной боялась, находя, что она — единственный тяжкій крестъ, котораго не понесетъ Христосъ и не научилъ примѣромъ своимъ, какъ его донести до конца“.

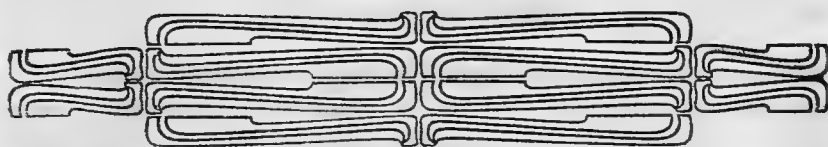
Чуждая предразсудковъ и суевѣрій, ясная умомъ и сознательная въ чувствѣ, она любила, однако, поэтическія сказанія о смерти и чутко прислушивалась къ разнымъ рассказамъ изъ таинственной области послѣдней. Сама уже тяжело больная, она писала мнѣ: „мнѣ рассказывали про странное и граціозное видѣніе, бывшее у Н-аго незадолго до его кончины. Онъ сказалъ дочери, лежа на одрѣ болѣзни: „зачѣмъ ты тутъ сядишься? Здѣсь сейчасъ подлѣ меня сидѣла смерть. — Какая она?! — Молодая дѣвушка съ длинными бѣлокурыми волосами, съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тяжелымъ чернымъ крестомъ на шеѣ и съ лампадою въ рукахъ. Она мнѣ сказала, что я не буду больше смѣяться и что она въ слѣдующій разъ придетъ и возьметъ меня съ собою“. Онъ говорилъ это спокойно безъ всякаго страха, но

больше не смѣялся до кончины, но однажды сказалъ, что гостыя приходила во второй разъ и онъ замѣтилъ, что креста уже нѣтъ, а лампада въ ея рукахъ едва теплится. Вслѣдъ за тѣмъ онъ умеръ...“

Такою была до конца своихъ дней А. В. Плетнева, хранившая въ себѣ, говоря словами Пушкина, „простое сердце, умъ свободный и правды пламень благородный“. Излишне прибавлять, что она радостно дѣлилась своими скромными средствами съ „блѣдной нищетой“ и была счастлива, когда могла кому-либо помочь на жизненномъ пути, пользуясь своими дружескими связями и тѣмъ уваженіемъ, которое ее постоянно окружало. Постепенно угасая, отъ мучительно и медленно дѣлавшаго свое губительное дѣло рака, не жалуясь, несмотря на страданія, она до конца сохранила интересъ ко всему, любовь и прощенье ко всѣмъ... 29-го декабря 1901 года, въ 36-ю годовщину смерти ея любимаго мужа, бѣлокурая дѣвушка въ вѣнкѣ изъ розъ предстала передъ ней съ потухающей лампадой и сняла съ нея крестъ жизни...

А. Ө. Кони.

Дневникъ мирового посредника Александра Андрее- вича Половцова ¹⁾.

(Петербургской губерніи Лужскаго уѣзда).

Мая 19. Открытіе Чупровскаго волостного правленія въ селѣ Ивнѣ.—Найдя выборныхъ подлѣ избы почтеннаго старца, Егора Иванова, украшеннаго медалью за 30-ти-лѣтнее попеченіе о церкви въ званіи церковнаго старосты, я нашелъ въ хозяинѣ типъ простоты и смиренности русскаго.

Ему подлѣ 70-ть лѣтъ; болѣе двадцати человѣкъ потомковъ живутъ вмѣстѣ, хоть и не въ одномъ домѣ, но всѣ подлѣ рукою старика: совѣтъ и дѣло почти на каждый день каждому даются отъ него; всѣ дружны и всѣ держатся имъ патріархально.

Долго ждали священника, и чтобы не терять время выборы старшины и 6-ти судей для волости были сдѣланы въ теченіе двухъ часовъ. Потомъ всѣ пошли къ недавней и усердіемъ Егора лучшей изъ окрестныхъ часовень. Начался молебенъ съ водосвятиемъ, потомъ благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ: послѣ чего о. Григорій, сказавъ назидательное слово на текстъ: „Нѣсть власти аще не отъ Бога“. Безъ приготовленія въ простотѣ сердца и ума, онъ говорилъ такъ ясно и понятно для крестьянъ, что я невольно пожелалъ записать, но было уже поздно. Постараюсь вспомнить главные мысли:

„Вы слышали Бр-іе Выб-а Манифестъ нашего Государя; стало, знаете, какъ онъ по добротѣ своего отчаго сердца желаетъ блага, мира и тишины. Въ этомъ желаніи онъ далъ вамъ новый порядокъ, новое Положеніе, по которому вамъ самимъ надо избрать себѣ своихъ старшинъ, судей, старостъ.—

Изберите, православные, людей Божіихъ, любящихъ Бога, паче всего, и ближняго, яко себя, и помните: что послушаніе паче поста и молитвы. Будьте покорны вашимъ старшинамъ, а тѣмъ паче предержащимъ власти, повинуйтесь, какъ дѣти отцу, своему мировому посреднику, самимъ Царемъ поставленному на стражу мира. Господь да благословитъ васъ на все доброе и душеполезное. Еще разъ повторяю: Нѣсть власти аще не отъ Бога! Аминь!

По окончаніи рѣчи всѣ избранные приведены къ присягѣ и, подходя ко мнѣ, низко кланялись. По выходѣ изъ часовни мое поздравленіе всѣмъ со своимъ судомъ и расправою было принято съ искренними, единодушными криками:

„Благодаримъ, Ваше Превосходительство“. Видно было, что общество радовалось новому порядку и выразило это отъ сердца.

Проѣхавъ оттуда черезъ С. Румелю, я узналъ, что люди ходятъ на работу, какъ прежде.

Въ Малыхъ Торжковичахъ генералъ-лейтенантъ Н. Н. Скобелцынъ, жаловавшійся мнѣ письменно на своего лакея Петра, по моему убѣжденію, согласился его отпустить въ деревню, а тотъ изъявилъ готовность наравнѣ съ мужиками получить землю и платить оброкъ.

Мая 20. Открытіе Вычелюбской волости въ С. Большихъ Раковнѣ.

По невозможности переправить дрожжъ черезъ рѣку Лугу, я послалъ ихъ въ объѣздъ за 15-ть верстъ, а самъ переѣхалъ въ челнокъ и, пройдя двѣ версты, былъ въ С. Б. Раковно, гдѣ выборные и священникъ меня ожидали. Немедленно начать молебень подлѣ часовни, по ветхости и малости неудобной къ служенію; люди молились усердно; священникъ старался читать ясно, но по странной привычкѣ всѣхъ сельскихъ священниковъ, то слишкомъ тянулъ возгласы, то торопливо спѣшилъ кончить, часто измѣняя голосъ и вообще предпочиталъ какую-то натянутость и несоотвѣтственность; дьячки старались подражать. Во время службы подѣхали: о. Петръ и мелкопомѣстный Аникинъ.

Самые выборы длились не долго, бывъ заранѣе сосѣдними деревнями условлены, почему и оказалось, что всѣ избранные были налицо и здѣсь же приведены къ присягѣ, во время которой народъ слушалъ и смотрѣлъ съ любопытствомъ, преслѣдуя особеннымъ вниманіемъ чтеніе и повтореніе словъ присяги.

О. Петръ просилъ помощи на возобновленіе церкви, помѣ-

щикъ Аникинъ жаловался на неисправность работъ, о чемъ здѣсь же приказано выборнымъ изъ села Колодно, и тѣмъ обѣ стороны удовлетворены.

Оттуда былъ въ Сырцѣ и, осмотрѣвъ прекрасное устройство, приказалъ новому старшинѣ открыть сельское управленіе.

Къ семи часамъ вечера поспѣлъ въ г. Лугу по самой неспосной дорогѣ, и послѣ обѣда въ числѣ 6-и посредниковъ и уѣзднаго предводителя составилъ малый совѣщательный сѣздъ.

Здѣсь переданы мною первыя впечатлѣнія нашего дѣла, выслушанныя г.г. внимательно. Потомъ было нѣсколько преній, въ томъ числѣ о жалобахъ крестьянъ на помѣщиковъ. Я полагалъ, что для приобрѣтенія полныхъ данныхъ къ сужденію онѣ должны приходить къ посреднику черезъ сельскій и волостной сходы или суды, но предводитель находилъ невозможнымъ, чтобы дѣйствія баръ судили мужики,—на томъ мы разошлись.

Мая 21. Съ утра собрались выборные на первый волостной сходъ въ Ронти. Разъяснивъ имъ обязанность въ нѣсколькихъ словахъ, я отправился въ Торжковичи. На дорогѣ о Петръ съ крестьянами просили зайти въ возобновленную церковь.

Въ Торжковичахъ послѣ обѣдни священникъ сказалъ рѣчь, — семинарскую, и за молебномъ пѣлъ такъ же на разные голоса, а дьячекъ кричалъ нестерпимо: оба полагали, конечно, придать служенію торжественность. Въ церкви по окончаніи службы меня атаковали двѣ помѣщицы, Г-жа Свѣтова съ сестрою, провожали до дому, тамъ сѣли и такъ много говорили, что я извинился, вышелъ къ толпѣ народа, раздѣливъ всѣхъ выборныхъ на три волости: Торжковскую, Ссывинскую и Передольскую, и объяснивъ значеніе старшинъ и судей, приказалъ выбирать. Барыни снова заговорили о своемъ стѣсненіи, общемъ неповиновеніи, и т. д. Выборы были также подготовлены въ смежныхъ селахъ, и не прошло часа, какъ всѣ избранные явились налицо и были приведены къ присягѣ въ церкви при своихъ избирателяхъ, также внимательно слушавшихъ чтеніе и повтореніе присяжныхъ словъ. По выходѣ изъ церкви выборные были распущены, но на ихъ мѣсто явились жалобщики, которымъ объявлено, что по образованіи сельскаго управленія жалобы ихъ будутъ выслушаны и обсуждены по порядку.

1., жалоба на г. Карамышева отъ крестьянина деревни Горки Оедота Николаева.

Былъ на барщинѣ (за 25-ть верстъ); управитель бранилъ подслѣловатаго сосѣда за то, что худо видитъ, я улыбнулся, онъ на меня: „чему ты смѣешься? а такъ вотъ я тебя, пойдемъ къ барину“. „Пришли, баринъ изъ кабинета вышли, говорить: „ты грубіянь!“ я отвѣтилъ: „никакъ нѣтъ!“ онъ схватилъ меня за волосы и давай таскать по передней,—оттаскалъ, да говорить: „взять его на недѣлю на барщину не въ зачетъ, за провинность!“

2., жалоба на г. Карамышева.

21 человекъ изъ деревни Горки жаловались: что домовъ чинить не велить, пашню вокругъ деревни обобрали, гонить на мѣсто безъ воды и пахать не даетъ старой пашни. — Приказано: написать жалобу, выбрать довѣренныхъ и ждать рѣшенія.

3., жалоба на того же г. Карамышева.

Прачка Оедосья, страдая сердцебіеніемъ, просила у него увольненія на оброкъ съ дочерью, онъ назначилъ каждой по 60 р. въ годъ. Между тѣмъ онѣ крестьянки деревни Заполья. — Написано къ помѣщику, чтобы сообщилъ свѣдѣнія, къ какому плану онѣ принадлежатъ?

Окончивъ выборы въ 6-ти волостяхъ, могу положительно сказать, что крестьянская грубость и даже неповиновеніе происходитъ только отъ непониманія своего положенія. Принимая свое желаніе или пустой слухъ, которому легко вѣрять, — за право, они становятся безсознательно упрямы, но когда имъ объяснять тѣ, кому они вѣрять, они легко смиряются. — Мнѣ, благодаря Бога, вѣрили, и вездѣ въ разговорахъ съ крестьянами я встрѣчалъ такое радушіе, такую готовность и благодарность, какихъ, долженъ признаться, и не подозревалъ подъ такою грубою корою, какою покрытъ русскій мужикъ. — Выборы вообще были такъ единодушны и вмѣстѣ такъ удачны, что поистинѣ нельзя не удивиться здравому смыслу и умному такту, съ какимъ это дѣло въ ихъ кругу такъ просто и дѣльно улаживалось. — Всѣ старшины, сколько по справкамъ отъ священниковъ и сосѣдей можно было узнать, выбраны умные, дѣльные и честные, даже старосты и выборные превосходно назначены. Замѣчательно, что на первый опытъ никто не жалелъ, всѣ опасались, но весьма рѣдкіе отказывались, и то только по торговымъ обстоятельствамъ. Выбирались и отсутствующіе, только по достоинству и способностямъ.

На всѣхъ многочисленныхъ сходахъ была явно замѣтна въ народѣ жажда власти и покровительства. Сознавая вполне

свою отрѣшенность отъ помѣщиковъ, крестьяне инстинктивно искали прибѣжища въ сферѣ административной и, потерявъ уваженіе къ чинамъ полицейскихъ, радовались званію мирового посредника и своимъ учрежденіямъ, какъ дорогой находкѣ, самымъ Царемъ для нихъ придуманной.

Такое проявленіе въ началѣ многотруднаго дѣла и цѣлаго переворота въ понятіяхъ и хозяйствѣ подаетъ весьма благопріятную надежду въ будущемъ. Дай Богъ!

Май 25. По жалобѣ крестьянокъ Федосьи и Авдотьи полученъ отвѣтъ отъ г. Карамышева и внесенъ въ мировой сѣздъ съ заключеніемъ: уволить крестьянокъ, признаваемыхъ имъ произвольно дворовыми, давъ паспорта отъ волостного правленія. Это первый шагъ къ усмирненію странныхъ претензій гг. помѣщиковъ. Слово обращается въ дѣло,—увидимъ, какъ сойдетъ, этотъ г. имѣетъ многихъ за себя. Но здѣсь я дѣйствую по совѣту П. А. Валуева, который сказалъ, что о такихъ г.г. надо особенно писать губернатору или губернскому присутствію;—я написалъ къ первому о побояхъ, нанесенныхъ Карамышевымъ крестьянину, и просилъ отъ его имени внушить быть осторожнѣе.

Мая 23. Былъ въ с. Сырцѣ и нашелъ дорогу такъ исправленную, какъ нельзя было ожидать. Мѣстный старшина и три мужика туда и назадъ ждали меня на плоту, на которомъ доселѣ почти не переѣзжали по неисправности вѣздовъ; это исправлено въ ночь.

Въ Сырцѣ, призвавъ сельскаго старосту и выборныхъ, толковали съ ними часа два. Первый изъ нихъ, молодой и бойкій, мужикъ Василій, въ началѣ притворялся вовсе незнающимъ своей обязанности, но потомъ, изъ его же разговоровъ, оказалось, что знаетъ все хорошо, но не осмѣливается приняться за дѣло, опасаясь вліянія управленія. Разъяснивъ каждому его долгъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ полную готовность работать на пользу общую, въ увѣренности, что посредникъ ихъ не выдастъ. Пришелъ изъ Колодна мужикъ, Михайло, жаловаться на сосѣда, застроившаго его дворикъ;—велѣлъ разобрать для примѣра, и на обратномъ пути убѣдился, что разобрали дѣльно: рѣшили построившемуся отодвинуть избу на сажень, а просителю строиться съ интерваломъ; обѣ стороны согласились и удовлетворились.

Отъ г. Карамышева явился староста съ словесною жалобою

на неисправность крестьянъ. Приказано кланяться и сказать пусть отвѣчаетъ на мое письмо, тогда дѣло разберу.

Отъ довѣреннаго г. Бергъ изъ с. Касацкаго получена письменная жалоба на крестьянъ, и возвращена съ надписью: обращаться къ сельскому, потомъ волостному правленію, а потомъ къ посреднику.

Былъ помѣщикъ Степановъ съ дѣломъ пустымъ, но высказалъ многое общее, что въ настоящее время нельзя не принять въ соображеніе. Напр., общее недовѣріе крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ такъ велико, что, хоть говори, хоть нѣтъ, все равно знать не хотятъ, судя по себѣ, что онъ ихъ не можетъ не обманывать.—Всѣ помѣщики и крестьяне одинаково признаютъ, что ускоренное введеніе сельскаго и волостного управленій составляетъ обоюдное спасеніе отъ всѣхъ толковъ и недоумѣній, которыя это время стали было очень усиливаться. Гдѣ этого не успѣли еще сдѣлать, напр. въ Новгородскомъ уѣздѣ, тамъ безпорядки не только продолжаются, но тупое неповиновеніе и самыя неблагопріятныя для владѣльцевъ толки умножаются. Крестьяне еще не понимаютъ истиннаго значенія своихъ властей, но очень желаютъ ихъ, много толкуютъ объ этомъ и какъ бы перерождаются въ понятіяхъ, какъ скоро свой староста имъ толкуетъ.

Юня 1. Съ 8-ми часовъ утра выѣхалъ въ волости. Въ Торжковичахъ Смѣвина встрѣтилъ 1-й волостной сходъ и всѣхъ повернулъ за собою въ церковь,—на служеніе Св. Вознесенію Господню. Церковь была полна народу, двѣ трети бабъ и одна треть мужиковъ. По окончаніи обѣдни вся толпа выборныхъ собралась въ новой избѣ, гдѣ болѣе часу толковали о новыхъ порядкахъ.—Здѣсь волость малая, всего 390 душъ, народъ торговый, понимаетъ все хорошо, но, по обыкновенію, испытываетъ, проситъ объясненій.—Слушали съ большимъ вниманіемъ все, что я говорилъ объ обязанностяхъ сходовъ, старосты и старшины. Просили соединить 3 деревни подъ одного сельскаго старосту, что имъ и разрѣшено. Были частныя жалобы о раздѣлахъ, о сдворкахъ и пр., обращенныхъ тутъ же къ разбору по порядку прежде на сельскомъ, а, если обидно, то на волостномъ сходѣ.

Разъяснивъ имъ значеніе волостного схода и назначивъ толковать о содержаніи лицъ служащихъ, я уѣхалъ въ Торжковичи, и черезъ три часа старшина съ новымъ писаремъ изъ односельцевъ принесли приговоръ, въ которомъ опредѣлено: старшинѣ 100 р., писарю 20 р.

Въ Торжковской волости было толковъ болѣе, но исходъ такой же, положено: старшинѣ—300 р., писарю—100 р., судьямъ по 10 р., а старостамъ, смотря по числу душъ, отъ 25-ти до 40 рублей въ годъ.

Здѣсь встрѣтилось первое ослушаніе сельскаго старосты при вызовѣ не смѣшанной повинности на условную работу; приказалъ немедленно општрафовать каждого ослушника на 1 р. сер.

Въ Побережьѣ 3-я волость оказалась самою разсудительною, 1-й волостной сходъ положилъ: старшинѣ 550 рублей, писарю 150 р., судьямъ по 50 р. Всѣ толки, хотя были шумны, но сразу вырабатывалась идея правды и порядка. Когда главное кончилось, и я читалъ приговоръ, то на каждой цифрѣ вся толпа единодушно возглашала: тошнѣ такъ, Ваше Превосходительство! О магазинахъ, учетѣ помѣщицею старосты и пр. были весьма дѣльные замѣчанія.—На мой совѣтъ просить у помѣщицы уставной грамоты, чтобы знать свою землю и оброкъ на 20 лѣтъ неизмѣнно, изъявили одобрительное согласіе, видно было, что поняли, въ чемъ дѣло.—Много частныхъ жалобъ сами остановили, говоря, что сами разберемъ и донесемъ Вашему Пр—ву.

Изъ многихъ толковъ съ крестьянами нельзя не припомнить нѣсколько здравыхъ сужденій.—Въ самомъ началѣ нововведенія, когда я упрекалъ крестьянъ къ самовольномъ толкованіи и исполненіи новыхъ правилъ, одинъ старикъ мнѣ сказалъ:

— „Батюшко, вѣдь, мы стали своевольны не по своей волѣ, а по нуждѣ, — не было начальства, а помѣщики отъ насъ отказались“.

Вотъ указаніе народное на порядокъ объявленія Манифеста: прежде мировые посредники и волости, а потомъ Манифестъ, между тѣмъ какъ сдѣлано было обратно. Спрашивается: знали ли составители и распорядители свойства нашего народа? Вникнули ли въ потребности и какимъ путемъ думали ихъ удовлетворить?—Нѣтъ, они желали хаоса, революціи, безпорядковъ неукротимыхъ, чтобы въ мутной водѣ рыбу ловить, поставивъ правительство въ затрудненіе и возбудивъ требованія искусственно согласно своимъ, личнымъ убѣжденіямъ и цѣлямъ, что дѣйствительно могло бы осуществиться, если бъ Господь не хранилъ Россіи до времени, и не благословилъ добродушное намѣреніе Императора Александра II, пославъ ему мысль, при первомъ извѣстіи о безпорядкахъ и застрѣленныхъ, бросить

Ланского въ графскія кресла на вѣчный покой и поставить на его мѣсто П. А. Валуева.

Вотъ министръ, призванный самимъ Богомъ ко благу Россіи.—Немедленно по вступленіи онъ началъ публиковать всѣ происшествія по крестьянскому дѣлу, далъ благотворные циркуляры губернаторамъ и въ теченіе мѣсяца положилъ важныя препятствія къ развитію тѣхъ заднихъ мыслей, какими были преобладаемы: Милютинъ, Черкасскій, Самаринъ съ братіею. Слава Богу!

— Но я отвлекся отъ крестьянъ своего мирового участка. Когда шла рѣчь о сельскомъ начальствѣ и его обязанностяхъ, мнѣ не одинъ изъ мужиковъ говорилъ:

Да, Ваше Превосходительство, это ладно, это у насъ будетъ свой судъ, это хорошо, а то нынѣ парень манпотнетъ дѣвку, старуху, аль старика, да на него суда не сыщешь, а теперь иной и пьяный сдержится, небось, не залаетъ, а то ужъ куда народъ распустился, это, слава Богу, что такъ сдѣлали, можно даже ждать.

2-го іюня. Сегодня третье совѣщаніе на мировомъ сѣздѣ, поѣду, чтобы наблюсти градусъ успѣха въ нашемъ новомъ дѣлѣ.

Всѣ посредники сѣхались къ 6-ти часамъ, но, протолковавъ въ отдѣльныхъ кучкахъ до 7½ часовъ, наконецъ усѣлись за столъ. Секретарь сѣзда началъ читать вопросы, отдѣльно подготовленные для рѣшеній въ общемъ видѣ, и пренія шли довольно связно, вырабатывая отвѣты единогласные. Послѣ двухъ, трехъ вопросовъ предсѣдатель сѣзда вынимаетъ цѣлую тетрадь и начинаетъ читать свое представленіе, въ лицѣ помѣщика, Лужскому мировому сѣзду о неисполненіи крестьянами с. Уторгошъ смѣшанной повинности. Дѣло простое было обставлено полною правотою помѣщика,—кругомъ виноватые крестьяне, давшіе подписку на подсобные дни и отказавшіеся идти на работу.—Когда по окончаніи чтенія мѣстный посредникъ отозвался о томъ, что крестьяне объявили ему прошеніе объ уменьшеніи урочныхъ повинностей, то предводитель защитилъ свое право по данной подпискѣ, но когда посредникъ отвѣчалъ, что крестьяне сомнѣваются, чтобы была взята отъ нихъ подписка, предводитель сталъ горячиться и настаивать на своемъ правѣ.

Изъ этого пренія вышло явленіе довольно странное: предводитель, обратясь съ просьбою въ мировой сѣздѣ, какъ помѣщикъ, сталъ судьей въ собственномъ дѣлѣ и защищался сло-

весно противъ мѣстнаго посредника, пользуясь правами председателя. — Явное отступленіе отъ коренного смысла законовъ. — Когда преніе стало слабѣть, и на вопросъ председателя:

— „Что угодно постановить, гг.“? — никто ни слова не отвѣчалъ, я спросилъ у г. Пантелѣева:

— „Въ чемъ состоитъ цѣль предложенія“?

— „Въ восстановленіи права“.

— „Тогда слѣдуетъ обратиться къ закону и отдать прошеніе помѣщика Пантелѣева мировому посреднику, чтобъ, сообразивъ, и представилъ свое заключеніе“.

Всѣ гг. присутствующіе отозвались согласіемъ, и председатель получилъ урокъ.

Затѣмъ мое предложеніе объ увольненіи двухъ крестьянокъ отъ помѣщика Карамышева принято единогласно.

Дѣло г. Мавриной по переселенію крестьянъ дер. Нѣжловицъ было доложено предварительно г. Марковичемъ въ видѣ выписки, но безъ заключенія. Видно было, что молодой человѣкъ, по неопытности недоумѣвая, желалъ вывѣдать мнѣніе большинства и опыта, но это намѣреніе было слабо рассчитано и не могло удалиться по весьма простой причинѣ: несвѣдущіе въ дѣлахъ вообще не находили ни мыслей, ни словъ, ни резолюцій, а свѣдущіе смолчали умышленно.

Пришлось мнѣ же выразить г. Марковичу, что послѣ предварительнаго ознакомленія съ столь сложнымъ дѣломъ, мировому съѣзду остается ожидать мнѣнія посредника. — Имъ же были представлены правила о порядкѣ засѣданій съѣзда, которыя приняты къ руководству, какъ домашнее согласіе. Разъѣхались почти въ полночь.

Юня 3. Полученъ отвѣтъ отъ г. Карамышева о побояхъ крестьянину, — и принять къ свѣдѣнію, хотя и неправильно, но на первое время нельзя иначе. — Ему же отправлено письмо по прошенію крестьянъ дер. Горки, которымъ 6-ть лѣтъ не дозволяется починать домовъ въ видѣ поощренія къ переселенію на другое мѣсто, для ихъ неудобное.

Секретарь мирового съѣзда сказалъ, что получено письмо отъ г. Карамышева, просящаго всѣ его деревни взять изъ моего участка и перечислить къ Лазареву-Станицеву, — я очень радъ, но каково будетъ крестьянамъ ходить за 70 верстъ.

Собщ. А. Половцова.

Продолженіе слѣдуетъ.

Къ статьѣ: „Описаніе Веймарскихъ торжествъ“.

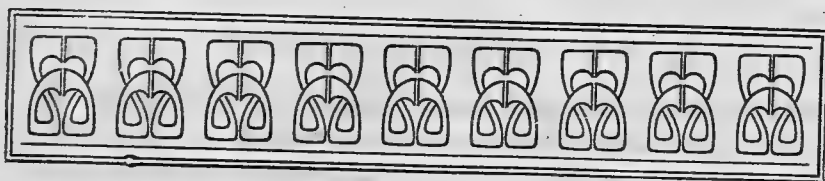
Достопамятная въ русской исторіи Отечественная война 1812 г. вызвала въ послѣдніе годы обширную литературу, посвященную свѣтлой памяти Императора Александра I. „Русская Старина“ дала на своихъ страницахъ также не мало статей для освѣщенія достославной эпохи войнъ Россіи съ Наполеономъ.

Нынѣ редація „Русской Старины“ печатаетъ—въ полномъ переводѣ на русскій языкъ—старинный документъ, изданный въ Веймарѣ въ 1809 г. на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и относящійся къ исторіи Эрфуртскаго конгресса въ 1808 г., на которомъ состоялось свиданіе двухъ могущественнѣйшихъ императоровъ Александра и Наполеона.

Эрфуртскій конгрессъ, долженствовавшій, по ожиданію современниковъ, „рѣшить судьбы народовъ Сѣвера и Юга“ и умиротворить потрясенную страшными войнами Европу, не далъ, однако, крупныхъ политическихъ результатовъ, и блистательныя празднества, устроенныя въ Веймарѣ и въ Іенѣ 6 и 7-го октября 1808 г., которыми закончился конгрессъ, въ дѣйствительности явились однимъ изъ наиболѣе яркихъ эпизодовъ знаменитаго свиданія двухъ императоровъ.

На эти празднества были приглашены, въ лицѣ своихъ правителей или наслѣдниковъ престола, всѣ государства Рейнскаго союза: Вестфалія, Баварія, Вюртембергъ и друг. Изъ Пруссіи прибылъ принцъ Вильгельмъ, братъ короля. Въ нихъ участвовало все высшее общество Германіи и великаны германской литературы—*Гете* и *Виландъ*. Изъ Парижа выписаны были артисты „Théâtre français“, игравшіе передъ „партеромъ королей“. На пышномъ балу, данномъ въ Веймарѣ 6 октября, Наполеонъ, по выраженію историка Тьера „искавшій славу всѣхъ родовъ и обладавшій въ высшей степени сокровищами науки“, оставивъ блистательный кругъ нѣмецкихъ властителей и зайдя въ уголь залы съ двумя названными выше знаменитыми учеными, долго бесѣдовалъ съ ними о Тацитѣ, „котораго имя—по словамъ его—было ему не страшно“. (Thiers, Hist. du consulat). Но съ мелкими

вассалами Наполеонъ обращался безцеремонно и нерѣдко проявлялъ высокомеріе тирана, какъ на примѣръ въ приглашеніи имъ прусскаго принца посѣтить поле битвы подъ Іеною. Императоръ Александръ, отличавшійся всегда необыкновенно любезнымъ и ласковымъ обращеніемъ, на всѣхъ описываемыхъ здѣсь празднествахъ веймарскихъ охотно принималъ ближайшее участіе во всѣхъ увеселеніяхъ, предложенныхъ высокимъ гостямъ: до того времени никогда не охотившійся, онъ принималъ участіе въ большой охотѣ на оленей и застрѣлил одно животное; на балу онъ также принималъ неоднократное участіе въ танцахъ, и всѣ восхищались граціею Монарха.

Торжества въ честь Императоровъ
Александра I и Наполеона I и другихъ коронован-
ныхъ особъ, происходившія въ Веймарѣ и въ Іенѣ

6 и 7 октября 1808 г.

Новѣйшая исторія запечатлѣтъ въ своихъ анналахъ неизгладимыми чертами достопамятное свиданіе двухъ самыхъ могущественныхъ на континентѣ монарховъ, русскаго и французскаго императоровъ, имѣвшее мѣсто съ 27 сентября по 14 октября 1808 г. Здѣсь Наполеонъ и Александръ, одинаково воодушевленные горячимъ желаніемъ даровать Европѣ всеобщій миръ, сошлись, чтобы въ своей мудрости рѣшить судьбы народовъ Сѣвера и Юга. Правда, непроницаемая завѣса политики скрываетъ еще отъ нашихъ глазъ результаты этого важнаго политическаго свиданія, но весьма близкое будущее, чреватое дѣлами и событіями, постепенно откроетъ намъ таинственную завѣсу.

Городъ Эрфуртъ, расположенный въ 4-хъ лье отъ Веймара, былъ признанъ мѣстомъ наиболѣе подходящимъ для свиданія Императоровъ какъ вслѣдствіе близости родственнаго Россіи владѣтельнаго дома Саксенъ-Веймарскаго, такъ и въ виду обширности города и помѣстительности его зданій. Въ нашъ планъ не входитъ описаніе, во всѣхъ деталяхъ, всего происходившаго во время пребыванія Высокихъ Гостей въ Эрфуртъ, такъ какъ во многихъ брошюрахъ все это изложено до мельчайшихъ подробностей. Наша же цѣль заключается въ томъ, чтобы описать тѣ празднества, которыя были устроены великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, 6 и 7 октября, въ Веймарѣ и Іенѣ, въ честь Императоровъ Наполеона и Александра, королей

и владѣтельныхъ принцевъ, а также изобразить главнѣйшіе моменты этихъ празднествъ и передать память о нихъ потомству. Но каждый разъ, какъ эти празднества будутъ соприкасаться съ пребываніемъ монарховъ въ Эрфуртъ, мы не премнемъ давать о немъ въ настоящемъ трудѣ бѣглые обзоры.

Въ срединѣ сентября наслѣдннй саксенъ-веймарскій принцъ вернулся изъ Петербурга, куда онъ сопровождалъ великую герцогиню, свою августѣйшую супругу, и сообщилъ о близкомъ прибытіи въ Веймаръ Его Величества Императора Александра и великаго князя Константина. Всѣ необходимыя приготовленія для встрѣчи этихъ августѣйшихъ гостей были уже закончены, когда, въ 11 часовъ утра 24 сентября, прибылъ въ Веймаръ, вмѣстѣ съ генераломъ Хитрово и флигель-адъютантомъ Олсуфьевымъ, великій князь Константинъ; вмѣстѣ съ этимъ стало положительно извѣстнымъ, что Его Величество Императоръ Александръ прибудетъ сюда же на слѣдующій день. Для встрѣчи и привѣтствованія монарха отъ веймарскаго двора посланъ былъ въ Лейпцигъ тайный совѣтникъ баронъ Вольцогенъ и камергеръ баронъ Зигзаръ (Ziegsar).

Императора Александра ожидали во дворцѣ веймарскомъ къ вечеру 25-го, и поэтому иностранные принцы, дворянство и весь дворъ собрались, къ этому времени, къ великой герцогинѣ, такъ какъ герцогъ уже отправился въ Эйзенахъ для встрѣчи и привѣтствованія императора Наполеона. Саксенъ-веймарскій наслѣдннй принцъ сѣлъ на лошадь, чтобы ѣхать, съ многочисленною свитою, по дорогѣ въ Лейпцигъ, навстрѣчу августѣйшему гостю, въ то время какъ жители, расположившись густыми рядами на всемъ протяженіи отъ крайней оконечности парка до самаго города, съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія высокомиловитоваго монарха. Наконецъ, предшествовавшіе кортежу гусары, а также и звонъ всѣхъ колоколовъ возвѣстили о прибытіи Государя. Кортежъ величественно поднялся на мостъ замка при свѣтѣ факеловъ. Французскіе драгуны, веймарскіе гусары и герцогскіе егеря предшествовали парадной, везомой восемью лошадьми, дворцовой каретѣ, въ которой находились Его Величество Императоръ Александръ съ наслѣдннмъ принцемъ веймарскимъ. Графъ Н. Румянцевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, — графъ Толстой, оберъ-маршалъ, — князь Александръ Голицынъ, статсъ-секретарь, — князь Трубецкой, Волконскій, Гагаринъ, все трое генералъ-адъютанты, — Сперанскій, статсъ-секретарь, составляли свиту Его Величества.

Герцогиня саксенъ-веймарская, сопровождаемая принцессою Каролиною, великимъ княземъ Константиномъ, герцогомъ Ольденбургскимъ, наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ съ принцемъ Павломъ и окруженная всѣми лицами своего Двора и почетными иностранными особами—встрѣтила Его Величество во дворцѣ и ввела его большой залъ.

Монархъ весьма долгое время бесѣдовалъ съ герцогинею, послѣ чего наслѣдный принцъ представилъ Его Величеству его племянницу—преlestную маленькую принцессу Марію. Въ 9 часовъ Его Величество и великій князь Константинъ изволили ужинать съ герцогинею, въ зеркальномъ залѣ, за столомъ на 30 кувертовъ.

Французскій посолъ въ Петербургѣ, оберъ-шталмейстеръ Колленкуръ, прибывшій изъ Эрфурта, чтобы встрѣтить Императора Александра, поспѣшилъ обратно навстрѣчу Императору Наполеону, чтобы сообщить ему о прибытіи русскаго Императора.

26 сентября, Его Величество Императоръ Александръ, проработавъ все утро со своими министрами, около полудня сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ саксенъ-веймарскимъ и со свитою, также конною, всѣ направились въ недалеко расположенный отъ города увеселительный замокъ Бельведеръ. По возвращеніи ихъ оттуда, имъ приготовленъ былъ обѣдъ въ большомъ залѣ дворца. Императорскій столъ состоялъ изъ 60 кувертовъ, не менѣе многочисленнымъ былъ и оберъ-маршальскій столъ.

Вечеромъ монархъ вновь работалъ съ министрами, но другія владѣтельные особы, также какъ и свита Его Величества, отравились въ придворный театръ, гдѣ давалась „Камилла“, опера итальянскаго композитора Паэра.

Во вторникъ, 27-го сентября, около полудня, прибыли французскій маршалъ Ланнъ, герцогъ монтебелльскій, вмѣстѣ съ французскимъ посломъ, герцогомъ виченцскимъ, чтобы оповѣстить Императора Александра о прибытіи, еще утромъ, Императора Наполеона въ Эрфуртъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предувѣдомить, что этотъ послѣдній, въ настоящую минуту, уже выѣхалъ изъ Эрфурта и направляется къ Императору Александру въ Веймаръ. Узнавъ объ этомъ, Императоръ Александръ, въ 1 часъ дня, выѣхалъ изъ Эрфурта вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ и всею своею свитою. Государи сопровождалъ наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскій съ эскортомъ изъ французскихъ драгунъ, герцогскихъ егерей и веймарскихъ гусаръ.—„Да исцѣлитъ это свиданіе раны Германіи и да обезпечитъ оно благо-

денствіе страны“, —таковы были мольбы всѣхъ жителей Веймара, сопутствовавшія возлюбленному монарху.

Сей день былъ сугубо торжественнымъ днемъ веймарскаго двора, ибо это былъ день коронованія Его Величества Императора Александра, и поэтому онъ былъ пышно отпразднованъ при дворѣ и данъ блестящій балъ.

Императоръ Александръ, какъ мы уже упоминали, выѣхалъ изъ Веймара въ часъ дня. На полъ-пути къ Эрфурту, между деревнями Нора и Отштеттъ, находился тотъ достопамятный пунктъ, гдѣ, около 3 часовъ пополудни, произошла встрѣча обоихъ великихъ монарховъ. Императоръ Наполеонъ пріѣхалъ верхомъ, сопровождаемый блестящею свитою. Когда оба Императора увидѣли другъ друга, Наполеонъ сошелъ съ лошади, а Александръ вышелъ изъ экипажа, и оба монарха сердечно обнялись. Императоръ Наполеонъ привѣтствовалъ также великаго князя Константина Павловича, представилъ имъ принца Невштальскаго, и послѣ этого оба Императора прошли, нѣкоторое время, вмѣстѣ, впереди другихъ, ведя весьма оживленную бесѣду.

Императоръ Александръ имѣлъ на себѣ красную ленту французскаго ордена Большаго Орла, а императоръ Наполеонъ — голубую ленту русскаго ордена Св. Андрея.

Вскорѣ затѣмъ оба монарха сѣли на лошадей и, въ присутствіи 5.000 собранныхъ на парадъ французскихъ войскъ, совершили свой торжественный въѣздъ въ Эрфуртъ при громѣ пушекъ, при звонѣ колоколовъ и при неумолкаемыхъ привѣтственныхъ крикахъ громадной народной толпы. Императоръ Наполеонъ занялъ правительственный дворецъ, а Императоръ Александръ великолѣпный отель Трибея, убранный съ большою роскошью.

Распорядокъ дня, котораго держались августѣйшіе монархи въ Эрфуртѣ, былъ слѣдующій: по пробужденіи своемъ, утромъ они посылали другъ другу взаимныя привѣтствія; послѣ этого, они, каждый въ своемъ дворцѣ, давали аудіенціи или же работали съ своими министрами. Въ полдень они дѣлали смотръ французскимъ полкамъ, расположеннымъ въ Эрфуртѣ и около него, или же осматривали верхомъ окрестности города. Въ 6 часовъ вечера у императора Наполеона былъ обѣдъ въ правительственномъ дворцѣ. Ежедневно здѣсь обѣдали Императоръ Александръ, а также великій князь Константинъ и находившіеся въ это время въ Веймарѣ короли и князь-примать; къ импе-

раторскому столу приглашались также и многіе другіе принцы и принцессы. По вечерамъ, въ 7 часовъ, ежедневно отправлялись въ театръ, гдѣ лучшіе трагическіе артисты Франціи мастерски исполняли классическія произведенія Корнеля, Расина и Вольтера. Входъ въ театръ былъ открытъ для всѣхъ пріѣзжихъ, получившихъ билеты отъ французскаго Двора, и они могли свободно лицезрѣть Императоровъ, королей и владѣтельныхъ принцевъ, которые занимали въ партерѣ мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ. Императоры сидѣли въ срединѣ перваго ряда, позади оркестра, въ креслахъ, — Александръ справа, Наполеонъ слѣва. Рядомъ съ Императоромъ Александромъ находились мѣста королей баварскаго, саксонскаго и принца-примата, а рядомъ съ Наполеономъ — король вюртембергскій, великій князь Константинъ и принцъ Вильгельмъ прусскій. Принцы, маршалы, министры, генералы и другіе высшіе чины, отдѣленные отъ перваго ряда легкою балюстрадаю, занимали весь партеръ. Множество орденскихъ лентъ, богатство расшитыхъ золотомъ мундировъ — производили ослѣпительный эффектъ. Это было необыкновенное, единственное зрѣлище, когда на столъ небольшомъ пространствѣ можно было видѣть столько монарховъ, принцевъ, знаменитыхъ генераловъ и государственныхъ дѣятелей. Въ большой, по срединѣ, ложѣ были король и королева вестфальскіе, а также много другихъ принцессъ. Остальныя ложи перваго и втораго ярусовъ были заняты пріѣзжими, получившими билеты. Спектакль обыкновенно оканчивался въ 10 часовъ, послѣ чего императоръ Наполеонъ всегда сопровождалъ Императора Александра въ его дворецъ, гдѣ оба монарха оставались обыкновенно до полночи, оживленно бесѣдуя о важнѣйшихъ вопросахъ.

Число владѣтельныхъ особъ въ Эрфуртѣ ежедневно увеличивалось до 5-го октября. Къ этому времени постепенно прибыли: король баварскій, саксонскій, вюртембергскій, король и королева вестфальскіе съ блестящею свитою, принцъ-примать и много герцоговъ и принцевъ; многочисленныя толпы лицъ изъ высшаго общества, прибывшихъ со всѣхъ концовъ Германіи, оживили обыкновенно пустынные улицы города Эрфурта, казалось, сдѣлавшагося нынѣ, какъ по волшебству, столицей всего континента.

Давъ этотъ бѣглый очеркъ событій, театромъ которымъ былъ Эрфуртъ, мы перейдемъ теперь къ главной цѣли нашего описанія, именно къ торжествамъ, которыя были устроены, 6 и 7 октября, владѣтельнымъ великимъ герцогомъ саксенъ-вей-

марскимъ, въ честь Императоровъ, королей и принцевъ, какъ въ самомъ Веймарѣ, такъ и въ окрестностяхъ этой резиденціи.

Прежде всего всѣ Высочайшія особы были приглашены принять участіе въ большой охотѣ на оленей. По полученіи отъ нихъ согласія, въ лѣсу Эттерсберга, расположенномъ близъ Веймара, были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія для этой охоты. Было употреблено восемь дней, чтобы устроить, подъ управленіемъ главнаго оберъ-форстмейстера барона Фриша, загороды для охоты, для каковой работы ежедневно требовалось по нѣсколько сотъ загонщиковъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ охотничьяго замка Эттерсберга, между большимъ и малымъ Эттерсбергомъ, на открытомъ мѣстѣ,—откуда представлялся живописнѣйшій видъ на равнину Тюрингенскую, по направленію къ рѣкѣ Унструтъ,—былъ сооруженъ павильонъ, откуда монархи должны подстрѣливать дикихъ животныхъ. Этотъ павильонъ, изображенный здѣсь на рисункѣ, представлялъ изъ себя открытую палатку, имѣющую форму портика, и такимъ образомъ онъ состоялъ изъ партера, а крышей ему служилъ парусинный наметъ, державшійся на древесныхъ стволахъ въ видѣ колоннъ, украшенныхъ сверху, на подобіе пальмовыхъ деревьевъ, вѣтвями и красными плодами. Вся постройка имѣла въ длину 223 фута и въ ширину 51 футъ и занимала площадь въ 10 тысячъ квадратныхъ футовъ. Боковыя стѣны павильона были совершенно глухія, а лицевыя совсѣмъ открытыя и каждая изъ нихъ была украшена десятью колоннами, высотой въ 22 фута; все сооруженіе было украшено гирляндами изъ цвѣтовъ и фруктовъ, что сообщало всему оживленный, праздничный видъ.

Внутренняя часть павильона была раздѣлена на три главные части: залу для императоровъ и двѣ залы—для свиты. Зала для императоровъ, имѣвшая 73 фута длины и 51 футъ глубины, находилась въ серединѣ и была на 3 ступеньки выше смежныхъ залъ, предназначенныхъ для свиты. Остальное пространство по бокамъ, раздѣленное на двѣ равныя части, заключало въ себѣ кухню, погребъ и помѣщенія для прислуги, а также для оружія. Вокругъ всего павильона образовали загороду, отдѣленную отъ мѣста, куда былъ загнанъ звѣрь, раздвижною парусиною; за этою загородою было устроено много балконовъ для зрителей, хотя ихъ все-таки оказалось недостаточно въ виду громаднаго числа пріѣзжихъ лицъ. Уже съ ранняго утра сюда стали стекаться тысячи зрителей; чудный осенній день благопріятствовалъ этому развлеченію въ откры-

томъ полѣ и все имѣло видъ веселаго народнаго празднества. Нѣсколько рядовъ лавокъ съ съѣстными припасами и со всевозможными напитками были къ услугамъ зрителей.

Въ 10 часовъ утра великій герцогъ саксенъ-веймарскій отъѣхалъ отъ павильона навстрѣчу императорамъ и королямъ. Великаго герцога сопровождали его охотничій дворъ, подъ управленіемъ оберъ-егермейстера Стаффа, и главные смотрители за лѣсами Арнсфальдъ, Фришъ, Зеебахъ и Шварценфельдъ. На оберъ-форстмейстера Линкера было возложено наблюденіе за павильономъ и за устройствомъ завтрака.

Императоры отбыли изъ Эрфурта около полудня; на пограничной чертѣ города они были встрѣчены великимъ герцогомъ саксенъ-веймарскимъ, а въ селеніи Штеденъ—свитой, сопровождавшею ихъ до самаго павильона, куда они прибыли въ 1 часть дня.

Ихъ Величества были встрѣчены здѣсь трубными звуками и привѣтственными восклицаніями безчисленной толпы зрителей. Короли баварскій, саксонскій и вюртембергскій, также какъ принцъ-примать—прибыли къ павильону немного раньше Императоровъ.

Кромѣ многихъ принцевъ германскихъ, здѣсь присутствовали также принцъ невшательскій Бертье и маршалы Франціи—герцогъ Далмаціи Сультъ и герцогъ Монтебелло Лантъ. Монарховъ сопровождала блестящая свита изъ генераловъ и знатныхъ дворянъ.

Императоры и короли заняли середину павильона, гдѣ былъ сервированъ завтракъ.

Охота началась въ назначенный часъ; загороды были открыты, дичь была погнана впередъ, трубы и литавры, размѣщенные на особой эстрадѣ, возвѣстили о появленіи гонныхъ оленей.

Первое охотничье ружье было подано Монархамъ слѣдующими лицами:

Императору Франціи—принцемъ Невштельскимъ, оберъ-егермейстеромъ Франціи.

Императору Россіи—оберъ-егермейстеромъ Стаффомъ.

Королю баварскому—оберъ-форстмейстеромъ Шварценфельдомъ.

Королю саксонскому—оберъ-форстмейстеромъ Линкеромъ.

Королю вюртембергскому—оберъ-форстмейстеромъ Арнсфальдомъ.

При императорѣ Наполеонѣ находились шесть его пажей,

оруженосцевъ и четыре пикера. Преданный ему мамелюкъ Рустанъ ¹⁾ и оруженосецъ заряжали его ружья.

Императоры и короли стрѣляли очень часто и убили къ 4 часамъ, когда закончилась охота: 47 оленей, 5 козулей, 3 зайца и 1 лисицу.

Ни малѣйшій инцидентъ не нарушилъ удовольствія, доставленнаго описанною выше охотою. Въ 4 часа закончился этотъ, чисто-нѣмецкій, охотничій праздникъ, и императоры, короли, принцы, покинули Этtersбергъ и направились въ экипажахъ къ Веймару. При приближеніи, около 5 часовъ вечера, къ этому городу, они были встрѣчены звономъ всѣхъ колоколовъ. У воротъ Св. Якова они были почтительно привѣтствованы магистратомъ города, а жители съ значками разныхъ корпорацій расположились двойнымъ рядомъ вдоль улицъ до самого дворца, у котораго стоялъ военный караулъ. Такъ совершили свой въѣздъ въ Веймаръ августѣйшіе Императоры въ открытомъ охотничьемъ экипажѣ, въ которомъ каждый изъ толпы могъ свободно лицезрѣть ихъ.

Кортежъ пересѣкъ площадь Карла, эспланаду и отсюда направился къ замку, гдѣ Ихъ Величества были встрѣчены, внизу большой лѣстницы, великимъ герцогомъ веймарскимъ, герцогинею, наслѣднымъ принцемъ, принцессою Каролиною, всѣмъ собравшимся Дворомъ и знатнѣйшими лицами изъ числа приѣзжихъ и проведены въ апартаменты герцогини, отведенные императору Наполеону. Его Величество Императоръ Александръ занялъ апартаменты, сосѣдніе съ большимъ заломъ, которые онъ уже занималъ раньше.

Короли баварскій, саксонскій, вюртембергскій, также какъ принцъ-примать, по окончаніи охоты также направились вслѣдъ за императорами, въ Веймаръ. Имъ отвели помѣщеніе во дворцѣ принца и въ нѣсколькихъ другихъ лучшихъ частныхъ домахъ, и каждому изъ нихъ была назначена почетная стража, состоявшая изъ одного офицера и 20 герцогскихъ фюзилеровъ. Герцогская охрана занимала также всѣ посты въ замкѣ. Во время императорской охоты въ эту же резиденцію прибыла изъ Эрфурта королева вестфальская и заняла дворецъ герцогини Амалии.

Въ 6 часовъ, когда всѣ короли со своими свитами собрались около императоровъ, состоялся обѣдъ. Императорскій столъ имѣлъ 16 кувертовъ. Кромѣ императоровъ, за этимъ столомъ находи-

¹⁾ Этотъ „преданный“ мамелюкъ позже, въ 1814 г., былъ одинъ изъ первыхъ, оставившихъ Наполеона. А. Л.

лись: королева вестфальская, короли баварскій, саксонскій, вюртембергскій, герцогиня и принцесса Каролина саксенъ-веймарскія, принцъ-примать, принцъ Вильгельмъ прусскій, принцы невшательскій и беневентскій, герцогъ ольденбургскій, наслѣдный принцъ мекленбургъ-шверинскій, герцогъ и наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскіе. Король вестфальскій и великій князь Константинъ, по нездоровью, не явились къ императорскому столу. Первые герцогскіе придворные сановники должны были служить Ихъ Величествамъ за столомъ, но въ самомъ началѣ обѣда это было отклонено Монархами. Императоръ Наполеонъ былъ обслуживаемъ своими собственными пажами, а Императоръ Александръ — пажами герцогскаго Двора. Однако всѣ назначенные служить у стола придворные оставались стоять позади Высочайшихъ особъ, также какъ и камергеръ баронъ Шпигель, за отсутствіемъ маршала двора барона Эглофштейна, несшій обязанности маршала, продолжалъ оставаться передъ столомъ. Обѣдъ продолжался около часа времени.

За маршальскимъ столомъ обѣдали слѣдующія лица:

Полковникъ и камергеръ Зеебахъ, несшій обязанности маршала.

Свита русскаго императора: посолъ при французскомъ дворѣ графъ Толстой, князья: Голицынъ, Волконскій, Гагаринъ; посолъ при саксонскомъ дворѣ Ханьковъ, министр Сперанскій, графъ Шуваловъ, графъ Ожаровскій, г.г. Аракчеевъ и Балабинъ и лейбъ-медикъ Императора Александра Видлье.

Свита французскаго императора: министр статсъ-секретарь герцогъ бассанскій Маретъ, оберъ-маршалъ герцогъ фриульскій Дюрокъ, маршалъ Франціи герцогъ далматскій Сультъ, маршалъ Франціи герцогъ монтебелльскій Ланнъ, герцогъ ровижскій Савари, оберъ-шталмейстеръ герцогъ виченцскій Коленкуръ, первый камергеръ графъ Ремюза, посолъ при саксонскомъ дворѣ Бургуанъ, генералы Нансути и Лористонъ, дворцовые префекты Монтескью и Бессе и г.г. Канувиль и Кавалетти.

Свита короля баварскаго: государственный министр баронъ Монжеясъ, генераль графъ Вартенбергъ и генераль графъ Рейссъ.

Свита вюртембергскаго короля: оберъ-шталмейстеръ графъ Горлицъ, генераль-маіоръ Дилленъ, графъ Сальмъ, генераль-адъютанты: принцъ Гогенлоэ, Бреннингъ и Мольтке.

Свита короля саксонскаго: оберъ-шталмейстеръ графъ Марколинни, генераль-адъютанты: Гутшмидтъ, Функъ и Петриковскій и камергеръ Габленцъ.

Свита королевы вестфальской: первая дама д'Атуръ, графъ Трухсессъ и графъ Фюрстенштейнъ.

Свита принца-примата: князь Лейенъ, графъ Бейстъ, государственный секретарь, и генераль Фирфъ, маршалъ двора.

Въ общемъ всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ 6 октября въ замкѣ Веймара было до 550 человекъ.

Послѣ обѣда предполагался концертъ, но, за недостаткомъ времени, онъ не могъ состояться.

Въ 7 часовъ Императоры и другіе владѣльные особы отправились въ придворный театръ. Замокъ, его окрестности и городъ были иллюминированы съ большимъ вкусомъ. Обелискъ въ 60 футъ высотой, воздвигнутый передъ замкомъ, бросалъ далеко кругомъ снопы яркаго свѣта. Чудный мягкій, осенній, вечеръ придавалъ еще больше очарованія общей картинѣ.

Въ театрѣ императоры и короли заняли мѣста, какъ и въ Эрфуртѣ, въ партерѣ. Здѣсь, близъ оркестра, для нихъ было устроено особое, нѣсколько возвышенное, мѣсто. Полъ былъ покрытъ турецкимъ ковромъ и на немъ поставлены были два богато украшенныхъ кресла для Императоровъ и по обѣимъ отъ него сторонамъ—стулья для королей, принца-примата, великаго князя Константина и принца Вильгельма прусскаго. Остальная часть партера была занята принцами и ихъ свитою. Въ герцогской ложѣ, по срединѣ, сидѣла королева вестфальская, рядомъ съ великой герцогинею саксенъ-веймарскою. Герцогиня саксенъ-мейнингенская, принцесса турнская и герцогиня Александра вюртембергская—заняли мѣста направо, принцесса Каролина веймарская—налѣво и придворныя дамы—въ глубинѣ ложи. Балконъ и первыя ложи были наполнены дамами въ изысканныхъ костюмахъ.

Императоръ Наполеонъ приказалъ прибыть сюда изъ Эрфурта французской труппѣ, и эти превосходные артисты разыграли въ этотъ вечеръ „Смерть Цезаря“ Вольтера съ большимъ искусствомъ. Знаменитый Тальма, въ роли Брута, проявилъ во всемъ блескъ свой великій трагическій талантъ и вполне заслуженно вызвалъ общее восхищеніе всѣхъ зрителей. Не менѣе превосходно сыгралъ свою роль Юлія Цезаря и артистъ Сентъ-При.

По окончаніи спектакля, оба Императора сѣли вмѣстѣ въ экипажъ, проѣхали по нѣсколькимъ, роскошно иллюминированнымъ, улицамъ и вернулись въ замокъ, гдѣ вскорѣ послѣ этого начался балъ. Его Величество Императоръ Россіи открылъ его

съ королевою вестфальскою полонезомъ. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ принимали неоднократно участие въ танцахъ, и всѣ удивлялись граціи августѣйшаго монарха. Императоръ Наполеонъ удостаивалъ вступать въ оживленную бесѣду со многими изъ присутствовавшихъ на балу. Это счастье выпало и на долю великихъ поэтовъ Гете и Виланда. Съ обоими изъ нихъ герой нашего вѣка разговаривалъ очень долго, съ послѣднимъ многократно возобновляя бесѣду; онъ велъ ученый споръ съ легкостью генія и съ глубокимъ проникновеніемъ, подымая много важныхъ вопросовъ изъ области исторіи и литературы, — древней и новой. Его широко-объемлющій ужъ трактовалъ эти вопросы съ новой возвышенной точки зрѣнія. Этотъ, съ глубокимъ умомъ, монархъ почтилъ особою благосклонностью корифеевъ германской литературы и чрезъ это далъ самое лестное доказательство, что нація, которой онъ состоитъ протекторомъ, достойна его и что онъ уважаетъ и цѣнитъ ея литературу и языкъ, которые составляютъ ея истинный національный союзъ. Передъ возвращеніемъ, въ часъ ночи, въ свои апартаменты, императоръ Наполеонъ еще разъ вступилъ въ весьма оживленную бесѣду съ тайнымъ совѣтникомъ Гете.

Его Величество Императоръ Александръ соблаговолилъ принимать весьма дѣятельное участие на балу, который окончился около 3 часовъ и который вполнѣ заслужилъ быть названнымъ необыкновенно блестящимъ.

Такъ закончился навсегда достопамятный въ анналахъ Веймара день 6 октября, когда мы имѣли счастье видѣть въ нашихъ стѣнахъ двухъ императоровъ, королеву, трехъ королей и множество принцевъ, государственныхъ людей и выдающихся генераловъ. Этотъ единственный день далъ цѣлый рядъ празднествъ, которымъ благопріятствовала и чудная погода. Ни одинъ непріятный случай не омрачилъ торжественнаго веселія этого дня.

Императоръ Наполеонъ выразилъ желаніе вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ посѣтить поле битвы при Іенѣ, расположенное въ 4 часахъ пути отъ Веймара; въ виду этого великій герцогъ саксенъ-веймарскій поручилъ коменданту города Іены — сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія для встрѣчи и приѣма знаменитыхъ монарховъ, каковое порученіе и было выполнено блестяще.

7-го октября, въ 9 часовъ утра, оба императора выѣхали изъ веймарскаго замка и въ роскошномъ, уже упомянутомъ

выше охотничьемъ экипажѣ направились въ сторону Іены. Веймарскіе гусары имѣли счастье служить эскортомъ обоимъ императорамъ, которымъ сопутствовали короли баварскій, саксонскій, великій князь Константинъ, великій герцогъ и наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскіе, наслѣдный принцъ ольденбургскій, маршалы Бертъе, Сультъ и Ланъ и многіе другіе изъ свиты.

Не заѣзжая въ Іену, поѣхали черезъ Фирценхейлингенъ къ высотамъ Ландграфенберга, близъ Іены. Здѣсь именно, находясь на самомъ возвышенномъ пунктѣ этихъ высотъ, называвшемся раньше Винденолленъ, а теперь названномъ Наполеоновской горой, императоръ Франціи велъ битву 14-го октября 1806 г. Съ этихъ высотъ открывается на югъ и на востокъ самая живописная часть долины р. Заалы; что же касается недалеко отсюда лежащаго города Іены, то онъ скрытъ отъ взора Ландграфенбергомъ. Къ сѣверо-западу и къ сѣверу развертывается знаменитое поле сраженія съ примыкающими къ нему деревнями Коспода, Клозевицъ и Люцероде. Этотъ пунктъ, столь достойный быть отмѣченнымъ въ современной исторіи, былъ выбранъ въ настоящее время, чтобы, въ ознаменованіе происходящихъ торжествъ, соорудить здѣсь, подъ руководствомъ іенскаго профессора Штурма, храмъ въ дорическомъ стилѣ, съ фасадомъ, обращеннымъ на западъ, или къ Веймару. Наверху четырехъ колоннъ перестили читалась слѣдующая хронограмма, составленная надворнымъ совѣтникомъ Эйхштедтомъ:

praesentes Divos nunc prisca thuringia iunxit
en novus attonitos iunget amor populos.

Императоры и принцы, обозрѣвъ поле битвы, прибыли къ 10 часамъ утра, нѣкоторые въ экипажахъ, другіе верхомъ, къ упомянутому выше храму на верху Наполеоновской горы. Въ первомъ экипажѣ были король саксонскій съ графомъ Марколини, во второмъ—король баварскій съ министромъ Монгелясъ. Послѣ довольно значительнаго промежутка времени прибыли верхомъ веймарскіе придворные чины, за которыми слѣдоваль, также верхомъ, въ охотничьемъ костюмѣ, и великій герцогъ веймарскій. Вскорѣ послѣ этого показался блестящій охотничій экипажъ съ обоими императорами, Наполеономъ направо и Александромъ — налѣво. Ихъ Величества очень привѣтливо отвѣчали на поклоны и привѣтствія безчисленной толпы зрителей, собравшейся здѣсь въ этотъ чудный осенній день. Жители Іены, имѣя во главѣ префекта этого города—Отто, собра-

лись въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога къ храму отходитъ отъ главной дороги Апольды, и здѣсь присоединили свои голоса къ звукамъ трубъ и литавръ, оглашая воздухъ восклицаніями: „да здравствуютъ Императоры“ въ тотъ моментъ, когда ихъ величества изволили прослѣдовать мимо нихъ.

Императоры и короли остановились у храма, построеннаго на мѣстѣ, откуда открывался далекій видъ. Здѣсь ихъ величества долго разсматривали окрестную мѣстность. Великій герцогъ веймарскій предложилъ императору Наполеону подробный планъ этой мѣстности, составленный въ самое послѣднее время лучшими инженерами. На этомъ планѣ императоръ Франціи лично показалъ императору Россіи главнѣйшіе пункты атаки во время іенскаго сраженія.

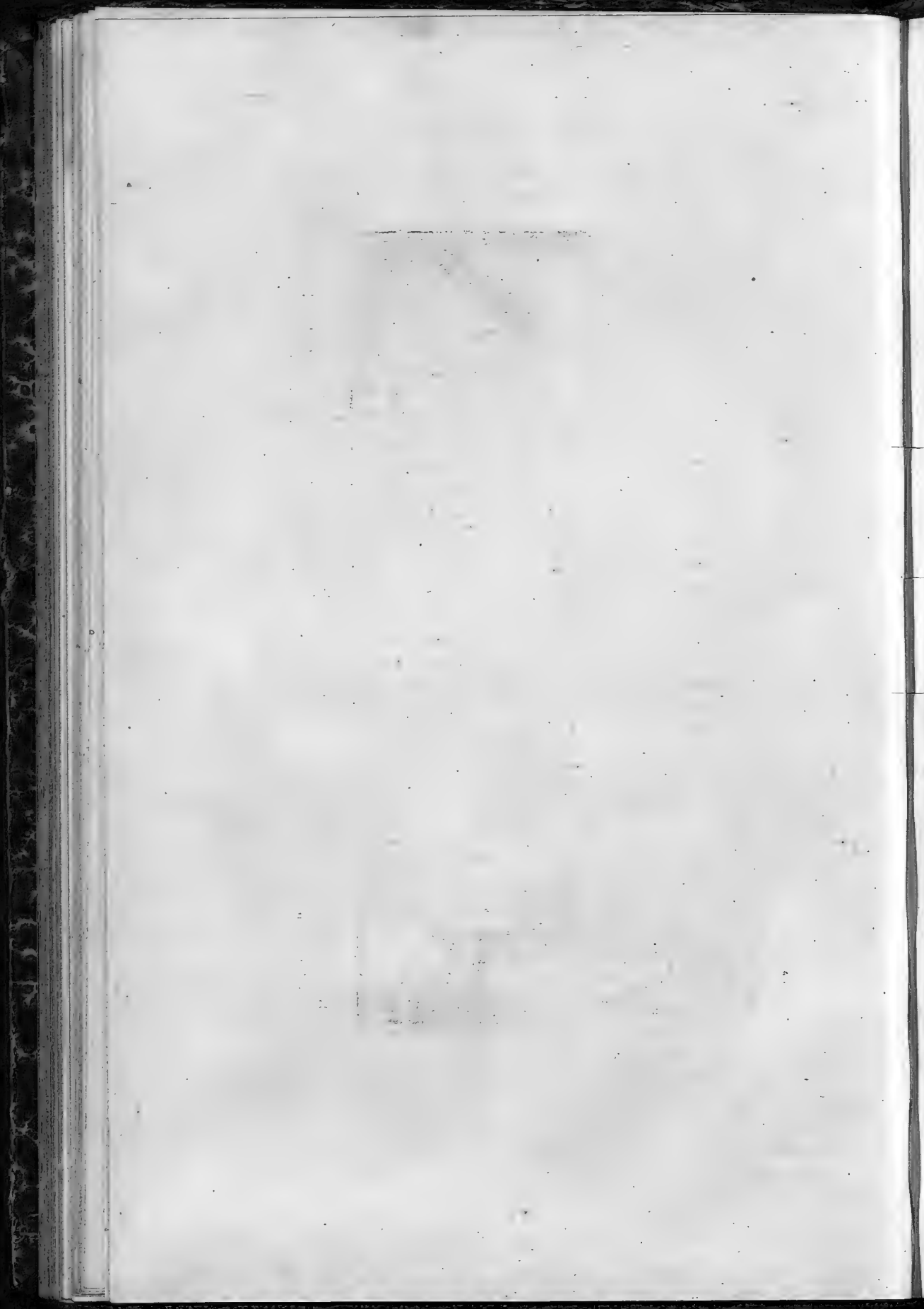
Спустя нѣкоторое время государи спустились съ высотъ Наполеоновской горы на плато, нѣсколько ниже лежащее, но то именно мѣсто, гдѣ императоръ Наполеонъ, окруженный своею гвардіею, расположился биваками въ ночь, предшествовавшую іенскому бою. Здѣсь теперь заблаговременно разбито было нѣсколько палатокъ и въ нихъ были приготовлены для высокихъ гостей завтракъ. Въ одной изъ палатокъ находился столъ для государей, и онъ обслуживался высшими придворными чинами и пажамъ, столъ же для свиты императоровъ и королевъ былъ приготовленъ на открытомъ воздухѣ и обслуживался офиціантами герцогскаго двора.

Въ нѣкоторомъ разстояніи это мѣсто было огорожено двойнымъ рядомъ шестовъ, перевитыхъ шнуромъ. Для поддержанія порядка были разставлены, съ промежутками, герцогскіе часовые. Во внутреннемъ пространствѣ, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ палатокъ, стояли великолѣпныя верховныя лошади императоровъ, вмѣстѣ съ вѣрнымъ мамелюкомъ Рустаномъ. Передъ палатками зажгли большіе бивачные огни, придавшіе всему мѣсту видъ лагерной стоянки.

Во время завтрака обоихъ императоровъ была дана аудіенція двумъ депутаціямъ Іенскаго университета. Депутація, представлявшаяся императору Франціи, состояла изъ тайнаго совѣтника Старка, надворнаго совѣтника Генриха и профессора Генри; другая депутація, явившаяся къ императору Россіи, состояла изъ церковнаго совѣтника Габлера и надворныхъ совѣтниковъ Эйхштедта и Шнауберта. Ихъ Величества оказали этимъ депутаціямъ самый милостивый пріемъ и удостоили ихъ продолжительнымъ разговоромъ. Императоръ Наполеонъ очень подробно разспрашивалъ о потеряхъ, понесенныхъ городомъ

Изображеніе большой охоты на козъ, устроенной Герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ 6 октября 1808 г. въ честь Императоровъ Александра и Наполеона въ Этерсбергъ, близъ Веймара.

Иеною, и съ чисто императорскою щедростью уврачевалъ раны городского населенія значительными подарками городу. Позже тайный совѣтникъ Старкъ, бургомистръ города Иены Фогель и профессоръ Генри были пожалованы орденами Почетнаго Легіона въ награду за попеченіе о раненыхъ французскихъ войнахъ. Послѣ завтрака всѣ владѣльные особы сѣли на лошадей или въ экипажи и, сопровождаемые великимъ герцогомъ веймарскимъ, отправились на ближайшее плато Ланграфенберга, чтобы со стороны Фалькенскаго лѣска осмотрѣть городъ и окрестности Иены, которыхъ императоръ Россіи еще не видѣлъ.

Отсюда Монархи поѣхали обратно, чрезъ Наполеонову гору, по направленію къ Косподѣ, и осмотрѣли различные пункты поля битвы до Кришпендорфа и Фирценхейлигена. Послѣ этого Ихъ Величества, отѣхавъ отъ поля битвы, прибыли вскорѣ въ окрестности города Апольды, гдѣ вторично состоялась большая охота на красныхъ звѣрей. По окончаніи ея, Императоры направились къ Веймару, куда и прибыли къ 3 часамъ дня. Смѣнивъ, у воротъ Эрфуртскихъ, лошадей они продолжали свой обратный путь къ городу Эрфурту.

Нарисовавъ исторически вѣрную картину празднествъ, данныхъ въ Веймарѣ и Иенѣ, мы напомнимъ еще здѣсь, въ краткомъ изображеніи, о событіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ Эрфуртѣ до 14 октября, т. е. до дня окончанія достопамятнаго свиданія. Число владѣтельныхъ особъ ежедневно увеличивалось до 10 октября. Къ этому дню прибыли, въ числѣ другихъ, наследный великій герцогъ баденскій съ своею супругою принцессою Стефаніей, а также наследный великій герцогъ гессенскій.

Это было необычайное и единственное зрѣлище для всѣхъ присутствовавшихъ въ это время въ Эрфуртѣ—видѣть, при представленіяхъ въ здѣшнемъ французскомъ театрѣ, собравшимся вмѣстѣ двухъ Императоровъ, одну королеву, четырехъ королей, четырехъ принцессъ, сорока герцоговъ и принцевъ, множество генераловъ, государственныхъ министровъ и пословъ.

12 октября Императоръ Наполеонъ пожаловалъ крестъ Почетнаго Легіона великимъ поэтамъ германскимъ Гёте и Виланду какъ блестящее свидѣтельство того уваженія, которымъ онъ почтилъ ихъ выдающіеся таланты, а министръ статсъ-секретарь Маре вручилъ веймарскому envoie, тайному совѣтнику Миллеру, два письма по сему предмету, написанныя въ выраженіяхъ самыхъ лестныхъ для двухъ новыхъ орденскихъ кавалеровъ.

Будучи убѣждены, что краткій перечень трагедій, которыя были даны французскимъ театромъ въ Эрфуртѣ, начиная съ 28-го сентября и кончая 13-мъ октября, не можетъ не представляться крайне интереснымъ, мы даемъ здѣсь этотъ перечень:

Сентября: 28-го—„Цинна“, Корнеля; 29-го—„Андромаха“, Расина; 30-го—„Британникъ“, Расина. Октябрь: 1-го—„Заира“, Вольтера; 2-го—„Митридатъ“, Расина; 3-го—„Эдипъ“, Вольтера; 4-го—„Ифигенія въ Авлидѣ“ и 5-го—„Оедръ“, Расина; 6-го—„Смерть Цезаря“, Вольтера; 7-го—„Гораціи“, Корнеля; 8-го—„Родогуна“, Корнеля; 9-го—„Магометъ“, Вольтера; 10-го—„Радмистъ и Зеновія“, Кребиллона; 11-го—„Сидъ“, Корнеля; 12-го—„Манлій Капитолинъ“, де-ла Фосса; 13-го—„Баязедъ“, Расина.

Знаменитѣйшіе драматическіе артисты французской сцены: Рокуръ, Тальма, Дюшенуа и Бургуэнъ въ женскихъ роляхъ и Тальма, С.-При, Лафонъ и Дама въ мужскихъ роляхъ—сорежиссировали другъ съ другомъ въ этихъ классическихъ твореніяхъ.

13-го октября были сдѣланы всѣ приготовленія къ отъѣзду. Обоими Императорами были распредѣлены драгоценныя подарки какъ для Веймара, такъ и для Эрфурта. Принцъ невшательскій и беневентскій были награждены русскими орденами Св. Андрея Первозваннаго съ брилліантовою звѣздой. Этотъ же орденъ получили: графъ Шампаньи, министръ иностранныхъ дѣлъ, и герцоги монтебелльскій и виченцскій.

Большой крестъ Почетнаго Легіона былъ пожалованъ графу Румянцеву, русскому министру иностранныхъ дѣлъ, и оберъ-маршалу графу Толстому.

Его Величество Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Эрфурта, со всею своею свитою, въ полдень 14 октября 1808 г. Императоръ Наполеонъ сопровождалъ его по дорогѣ въ Веймаръ, до мѣста, гдѣ Ихъ Величества встрѣтились въ первый разъ и гдѣ теперь августѣйшіе монархи разстались другъ съ другомъ. Такъ закончилось это свиданіе, достойное быть навѣки занесеннымъ въ лѣтописи исторіи.

Императоръ Наполеонъ покинулъ Эрфуртъ въ тотъ же день, чтобы возвратиться въ Парижъ; но Императоръ Александръ почтилъ веймарскій дворъ своимъ присутствіемъ до 16-го октября. Сюда же, въ Веймаръ, прибыли также наслѣдний великій герцогъ баденскій, съ своею супругою, наслѣдний великій герцогъ гессенскій и многіе другіе принцы. При дворѣ состоялся

большой обѣдъ, и вечеромъ, въ 7 часовъ, въ придворномъ театрѣ дана была опера „Камилла“ Паэра. Дворецъ и городъ были роскошно иллюминированы. Празднества этого дня закончились блестящимъ баломъ при дворѣ, который былъ открытъ Его Величествомъ Императоромъ Александромъ съ принцессою Стефаніею, наслѣдною великою герцогинею баденскою.

Утромъ 15-го октября лица имѣли честь быть представленными Императору Александру, послѣ чего Его Величество отправился на прогулку въ герцогскій паркъ. Во время обѣда за императорскимъ столомъ было 80 кувертовъ; не менѣе многочисленнымъ былъ и маршальскій столъ. Послѣ обѣда знаменитый Тальма и его супруга декламировали при Дворѣ, съ высокою талантливостью, многія сцены изъ „Макбета“ и „Отелло“, и Его Величество наградилъ ихъ съ истинно Императорскою щедростью.—Въ театрѣ состоялось представленіе „Дон-Карлоса“ Шиллера. Послѣ того въ замкѣ былъ балъ, въ которомъ приняли участіе Императоръ и великій князь Константинъ. Наши великіе поэты Гёте и Виландъ также явились на балъ, украшенные орденомъ Св. Анны, которымъ Его Величество удостоилъ наградить ихъ въ этотъ день.

Его Величество Императоръ Александръ покинулъ Веймаръ 16. октября въ 9 часовъ утра; съ этимъ отъѣздомъ закончились празднества, устроенныя въ честь Императоровъ и память о которыхъ сохранится навсегда въ анналахъ города Веймара.

Къ рисунку.

Общій видъ большой охоты на оленей, устроенной въ честь Ихъ Величествъ Императоровъ Александра I и Наполеона 6 октября 1808 г. на Эттерсбергѣ, близъ Веймара, великимъ герцогомъ саксенъ-веймарскимъ.

Рисоваль съ натуры и гравироваль *Швердтсбургъ* въ Веймарѣ.

Посрединѣ большого охотничьяго павильона (описаннаго на стр. 313) стоятъ августѣйшія особы, стрѣляющія въ оленей, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) императоръ Наполеонъ, 2) Императоръ Александръ, 3) король баварскій, 4) король саксонскій, 5) король виртембергскій, 6) князь-примать, 7) великій герцогъ саксенъ-веймарскій, 8) наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскій.—Загонщики, одѣтые въ платье дикихъ, оттаскиваютъ отъ мѣста, гдѣ стоятъ Императоры, подстрѣленныхъ оленей. Направо видно, какъ оленей загоняютъ въ ограду чрезъ раздвижную парусину. За оградою виднѣются трибуны, занятыя зрителями.

Сообщ. А. С. Лацинскій.

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры ¹⁾.

I

Послѣ боя.

Штилъло. На небѣ не было видно ни единого облачка. Солнце стояло высоко надъ головой; палящіе лучи его ослѣпляли глаза и нагрѣвали догоряча темную поверхность бортовъ, трубъ и другихъ, окрашенныхъ въ боевую краску, частей крейсера.

Эта теплота, этотъ жаръ передавались во внутреннія помѣщенія, но въ нихъ еще возможно было бы дышать, если бы и туда не проникалъ тяжелый смрадный запахъ съ верхней палубы: подѣ вліяніемъ лучей солнца, трупы убитыхъ, кровь отъ раненыхъ, начали быстро разлагаться, и испаренія, исходящія отъ нихъ, становились опасными для большого количества раненыхъ, находившихся въ нижнихъ палубахъ—могло произойти у нихъ зараженіе крови и прибавились бы къ числу погибшихъ во славу русскаго оружія еще ненужныя жертвы.

И какъ только скрылись изъ вида японскіе крейсера, какъ только, послѣ горячки боя, почувствовали этотъ запахъ, тотчасъ же приняли рѣшительныя мѣры къ парализованію вреднаго его вліянія.

Шланги, черезъ которые во время боя непрерывно била струя воды и которые употреблялись лишь для тушенія пожаровъ, теперь были направлены на борта, на палубу; даже на боевой марсѣ хотѣли поднять самый длинный шлангъ, чтобы тамъ обмыть внутренность его, вѣроятно забрызганную кровью и запачканную останками человѣческихъ тѣлъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, Январь 1914 г.

Едва марсовой закрѣпилъ блокъ для подъема шланговъ, а назначенный матросъ проникъ внутрь марса, какъ послышалось два возгласа: одинъ съ вороньяго гнѣзда—„позвольте, ваше высокоблагородіе, смѣниться съ вахты“, другой съ марса: „раненый есть на марсѣ“.

Когда ученикъ-сигнальщикъ, простоявшій пять часовъ въ неудобной корзинкѣ на трехъ четвертяхъ высоты фокъ-мачты, прослушавшій свистъ и шипѣніе тысячи снарядовъ, видѣвшій результатъ взрыва на боевомъ марсѣ, колебавшійся вмѣстѣ со стеньгой на критическомъ ходѣ, спустился самостоятельно внизъ—его окружила толпа офицеровъ и матросовъ, интересовавшихся узнать его впечатлѣнія, онъ же на всѣ вопросы относительно непріятеля, относительно его ощущеній,—отвѣтилъ краткой фразой, придавшей всѣмъ веселое настроеніе: „туманъ былъ, а потомъ стрѣляли“. Большаго отъ него такъ ничего и не добились.

На боевомъ форъ-марсѣ были найдены одинъ убитый и одинъ недвижный человекъ, но живой, такъ какъ онъ дышалъ и легонько стоналъ; взобравшійся на марсъ докторъ осмотрѣлъ его, потребовалъ стулъ, и черезъ нѣсколько минутъ пострадавшій былъ спущенъ на палубу: ни одной царапинки не было на немъ и, когда его привели въ чувство, оказалось, что онъ былъ легко контуженъ ударомъ о стѣнку марса, оглушенъ взрывомъ и отравленъ газами, а черезъ какіе-нибудь два часа этотъ бравый матросъ просился вступить на вахту наравнѣ со здоровыми людьми.

На палубѣ между тѣмъ происходило медленное движеніе: матросы, какъ и большинство русскихъ людей, воспитанныхъ въ деревнѣ, избѣгаютъ прикасаться къ мертвымъ тѣламъ, и старшій лейтенантъ, на котораго были возложены заботы о погребеніи павшихъ, подозвалъ проходящаго матроса и совместно съ нимъ собственноручно отнесъ ближайшаго убитаго на правые шканцы; тогда одинъ за другимъ стали люди поднимать мертвые тѣла и складывать въ рядъ, не разбирая уже, кто офицеръ, кто нижній чинъ.

Матросы съ соболѣзнованіемъ узнавали по примѣтамъ своихъ земляковъ въ тѣхъ трупахъ, которые были очень обезображены, и старались придать имъ болѣе приличный видъ, принося свое старое рабочее платье и закрывая имъ обнаженное или исковерканное тѣло.

Когда же второй, теперь уже первый боцманъ, доложилъ старшему лейтенанту, что мертвыхъ тѣлъ больше нѣтъ, послали

сообщить батюшкѣ о готовности къ погребенію, а въ машину за колостниками.

Нѣсколько оставшихся въ живыхъ матросовъ-пѣвчихъ, оставшіеся въ цѣлыхъ офицеры и свободная команда окружили батюшку и прослушали короткое молитвословіе; затѣмъ у выхода къ правому трапу поставили наклонно двѣ широкихъ доски, прикрѣпили ихъ къ сѣткамъ и подтѣвнѣ „со святыми упокой“ стали спускать въ море убитыхъ воиновъ, обернутыхъ по двое въ койкѣ съ привязанными къ нимъ колостниками.

Печально было пѣніе; истово крестились присутствующіе, безмолвно слѣдя за падающими за бортъ длинными тѣлами и черезъ секунду исчезающими въ тысячесаженной глубинѣ Японскаго моря; каждый думалъ, что и ему грозила въ этотъ день та же участь, но не казалась эта смерть тяжелой, а тяжела была обстановка погребенія въ глубинѣ чуждаго моря, гдѣ уже никому не найти могилу погибшаго близкаго.

Но еще больнѣе становилось за тѣхъ двухъ убитыхъ, трупы которыхъ вслѣдствіе плохой привязки колостниковъ, выскользнули изъ охватывавшихъ ихъ штертовъ и всплыли на поверхность воды—достанутся они на добычу кровожаднымъ акуламъ; а такой ли посмертной судьбы они заслужили?!... „Вяжите колостники крѣпче“. „Аккуратнѣе, братцы“—послышались тихіе возгласы, звучавшіе горькой укоризной, и подобныхъ случаевъ больше не повторилось.

Къ часу дня верхняя палуба, борта, помѣщенія, гдѣ были раненые—все было основательно вымыто и разбитые и боемъ, и наступившей томительной жарой, свободные офицеры и команда могли бы, казалось, отдохнуть, но не всѣмъ была дана эта возможность и не всякій захотѣлъ ею воспользоваться: на крейсерѣ находилось двѣсти раненыхъ, за которыми былъ необходимъ уходъ.

Два доктора, батюшка, два фельдшера и санитары, не покладая рукъ, работали во время боя: одинъ за другимъ являлись раненые, перевязывались, уходили наверхъ; иныхъ приносили на носилкахъ и доктора дѣлали серьезныя операціи, благодаря искусному выполненію которыхъ, сохранилась жизнь бойцовъ; приносили безнадежныхъ, и принимали они отъ батюшки на перевязочномъ пунктѣ послѣднія напутствія въ жизнь вѣчную.

Пять часовъ непрерывнаго напряженнаго труда измучили достойныхъ врачей, а послѣ боя вновь стали являться разсыльные отъ офицеровъ, призывавшихъ ихъ къ тяжело раненымъ, размѣщенныхъ уже по разнымъ свободнымъ частямъ

крейсера, — раньше всѣхъ тяжело раненыхъ клали въ жилой палубѣ на сѣткахъ для большихъ чемодановъ, но царившая тамъ духота конечно не могла быть полезна и, лишь бой былъ конченъ, ихъ вытащили изъ этого относительно безопаснаго мѣста. И врачи работали и работали.

— „Батюшка, Васъ въ лазаретъ требуютъ, старшій минный офицеръ кончается“, — войдя въ каютъ-компанію, доложилъ вѣстовой, гдѣ дородный батюшка, изнемогая отъ жары, пилъ, противъ обыкновенія, теплую воду, такъ какъ офицерами было рѣшено весь запасъ холодныхъ минеральныхъ водъ, льда и вина отпускать изъ буфета лишь для раненыхъ чиновъ крейсера.

Забѣжавъ за необходимыми для требы принадлежностями, батюшка и старшій лейтенантъ направились въ лазаретъ, куда были перенесены, въ виду малаго количества, лишь исключительно трудные раненые: на грубоватомъ, но чистомъ бѣлѣ лазаретной койки лежалъ блѣдный, какъ полотно, офицеръ.

Потухающимъ взоромъ встрѣчалъ онъ подходящаго батюшку, но и въ нихъ чувствовалась еще жажда жизни; мало общительный, замкнутый, привязанный къ своей молодой женѣ и ребенку, преданный службѣ, въ тотъ моментъ, когда ему врачи дѣлали первую перевязку, понялъ онъ изъ ряда мелкихъ замѣчаній, что положеніе его тяжелое, и вырвался горькій крикъ у этого молчаливаго человѣка: „спасите меня, я жить хочу“.

Послѣднія минуты подходили, къ холодѣющимъ губамъ поднесенъ крестъ, и... не стало еще одного славнаго участника боя.

— „Батюшка, офицерскій буфетчикъ кончается“, — докладываетъ о новой жертвѣ боя назначенный къ присмотру за ранеными санитаръ, и къ вечеру еще нѣсколько труповъ были опущены въ безстрастныя воды Японскаго моря.

Наступила теплая, звѣздная ночь: въ нижнихъ палубахъ было все еще жарко и большинство команды помѣстилось на открытомъ воздухѣ на верху и тихо, точно боясь потревожить вѣчный сонъ погибшихъ товарищей, вела она о нихъ бесѣду, передавала другъ другу впечатлѣнія боя и дѣлала предположенія о судьбѣ Портъ-Артурской эскадры.

Раненые были размѣщены въ 3-хъ мѣстахъ: самые трудные были положены въ лазаретъ, который остался цѣлехонькимъ, хотя вокругъ него въ кондукторскихъ каютахъ царило полное разрушеніе. Другая часть, тоже трудная лежала въ батарейной палубѣ подъ образомъ, въ деревянную раму котораго попало не мало осколковъ; третьи помѣщались въ адмиральскомъ помѣщеніи. Еще нѣсколько человѣкъ лежало на сѣткахъ изъ-подъ

большихъ чемодановъ—это были тѣ, переноска которыхъ могла бы сильно повредить ихъ здоровью.

Понятно, что при необходимости расположить такъ раненныхъ, медицинскій персоналъ съ ногъ сбился, бѣгая съ трапа на трапъ и изъ палубы въ палубу,—вотъ старшій врачъ, въ очкахъ съ сосредоточеннымъ видомъ, идетъ изъ кондукторской каюты и, встрѣтаясь съ старшимъ лейтенантомъ, озабоченнымъ тономъ говоритъ: „Егоръ Федотычъ (такъ звали артиллерійскаго кондуктора) очень плохъ, боюсь, что будетъ зараженіе крови“.

— Что вы, вѣдь вчера онъ до конца боя на одной ногѣ, съ половой щеткой подмышкой, выфондыривалъ.

— Вотъ это-то и повредило ему; приму всѣ мѣры, чтобы вызволить этого молодчинищу; температура-то у него выше 40°.

— А есть еще трудные раненные?

— И не говорите, еще пятокъ находится между жизнью и смертью, а сколько еще можетъ быть осложнений; да и вы-то что съ хромою ногою бѣгаете?

— Это пустое, а вы, поди, и не отдыхали.

— Нѣтъ, но дѣлаю послѣдній обходъ и потомъ подзасну до утра, надо все-таки сохранить свѣжее соображеніе, а то можно напортить, младшій врачъ пободрствуетъ.

— Ну, спокойной ночи.—И старшій лейтенантъ заковылялъ по палубамъ.

Подъ образомъ рядъ тяжело раненныхъ: перемучившись уже сутки, лежали они съ истомленными лицами, и выраженіе на нихъ боли смѣнилось терпѣливымъ напряженіемъ. Каждый старался не двигаться, чтобы не тревожить раны.

Около одного изъ нихъ, татарина, ровно дышащаго съ великодушнымъ румянцемъ на щекахъ, безъ признаковъ какихъ-либо наружныхъ поврежденій, сидитъ его товарищъ и всячески ублажаетъ своего земляка, но кажушійся на видъ здоровымъ, вотъ ужъ 18-ть часовъ не издалъ раненый ни одного звука; тщетно доктора и фельдшеръ старались привести его въ чувство: найденный въ коечныхъ сѣткахъ, куда онъ былъ отброшенъ взрывомъ и получивъ контузію, подобную находившемуся на марсѣ, этотъ матросъ къ утру другого дня тихо скончался, такъ и не отвѣтивъ своему земляку, за нимъ ухаживавшему и лопотавшему что-то на своемъ татарскомъ языкѣ.

Около другого, водолаза, сидѣлъ его старшина: съ осторожностью, доступной его рукамъ, легко поднимавшимъ десять пудовъ, старался онъ перекладывать шестипудовое тѣло своего не менѣе солиднаго подчиненнаго; раненый былъ очень гру-

стенъ, такъ какъ полученная рана была мучительна и калѣчила его на всю жизнь и въ то время, когда уже служить оставалось послѣдній годъ, но подѣ влияніемъ спокойныхъ, ласковыхъ, вдругъ нашедшихся у всегда молчаливаго старшины словъ, умиротворялось сердце его, и переходили они на тихую бесѣду о далекой родинѣ... Двое лежали совсѣмъ рядомъ: сильный жаръ безуміемъ отражался въ ихъ глазахъ, не понимали они ни словъ, обращенныхъ къ нимъ, безучастно пили подносимые приходящими разные напитки, изрѣдка стонали, но и въ этой агоніи искали они другъ у друга поддержки—пальцы рукъ ихъ сплелись и изрѣдка сжимались, какъ бы давая знать этимъ пожатіемъ, что еще бьется жизнь въ ихъ исковерканныхъ тѣлахъ. Подѣ утро одинъ заснулъ тяжелымъ сномъ, а пальцы умершаго за ночь сосѣда тихонько высвободили изъ его слабой теплой руки, которая и во снѣ, казалось, не хотѣла оставить безъ поддержки товарищескую руку.

Около не особенно трудно раненаго перевязаннаго въ одномъ мѣстѣ сигнальщика лежали папиросы, стоялъ лимонадъ—доставленные изъ офицерскаго буфета, и на вопросъ старшаго лейтенанта „все ли у тебя есть“, онъ далъ положительный отвѣтъ. Каково же было удивленіе офицера, когда два мѣсяца спустя прочелъ онъ въ періодическомъ журналѣ статью одного репортера, осматривавшаго и разспрашивавшаго больныхъ въ одномъ изъ эвакуаціонныхъ госпиталей: полными буквами была написана фамилія этого сигнальщика, который жаловался на то, что послѣ боя никто не обращалъ на него вниманія, и разнесенная по всему свѣту жалоба эта бросала тѣнь на чистое имя крейсера. Возмущенный такимъ поступкомъ, лейтенантъ разсказалъ весь свой разговоръ боцману, и тотъ ему отвѣтилъ:

— Нытокъ онъ, ваше высокоблагородіе; всѣ довольны, скажемъ, а онъ непременно будетъ искать чего-нибудь дурного, а на хорошее и смотрѣть не будетъ; вотъ его къ квартирмейстеру не производили, а онъ обижался и постоянно на все скулилъ.

И, слушая боцмана, становилось офицеру обидно, что изъ какихъ-то ничтожныхъ личныхъ счетовъ распускались несправедливые и невѣрные слухи о томъ, что въ дѣйствительности было и налажено и къ чему было приложено много сердечной заботы.

Вотъ усердно моется въ банѣ кочегаръ, только-что смѣнившійся съ вахты, казалось бы, могъ онъ пойти спать, но быстрыми шагами идетъ онъ къ малому чемодану, переодѣвается

въ чистое рабочее и пробирается въ адмиральское помѣщеніе: одного за другимъ обходитъ онъ раненыхъ, поправляетъ скинувшіяся во время сна съ подушекъ головы, даетъ жаждающимъ пить; около одного долго сидитъ онъ и прислушивается къ бреду...

— Скоро кончится, — говоритъ подошедшій фельдшеръ, — сейчасъ младшій докторъ придетъ.

А кочегаръ, услышавъ это, всталъ и удалился.

Черезъ нѣсколько минутъ возвращается онъ съ батюшкой, провожаетъ крестнымъ знаменіемъ послѣдній вздохъ умирающаго, помогаетъ вынести его тѣло наверхъ и вновь идетъ ухаживать за страждущими.

Здоровье командира, вслѣдствіе громаднаго количества полученныхъ имъ раненій, также ухудшилось, но врачи считали, что въ обстановкѣ, болѣе отвѣчающей требованіямъ гигиены, оно быстро восстановится.

Въ каютъ-компаніи, столь уютной до войны, когда она состояла изъ столовой и гостиной, столь чистенькой, и обширной до боя, когда вся мягкая мебель была изъ нея убрана — теперь царить хаосъ: двумя снарядами, взорвавшимися въ ней, были разломаны находившіеся столы и стулья, давленіемъ газовъ исковеркало рельсы отъ подачи минъ, вдавило и сломало легкую плиссованную обшивку переборокъ; все испорченное было сложено на лѣвой сторонѣ каютъ-компаніи, а правая была предоставлена для оставшихся въ цѣлыхъ офицеровъ.

Въ большомъ креслѣ съ закинутой наверхъ головой сидитъ старшій штурманъ: большой осколокъ, проникнувшій въ глубину шеи, не даетъ возможности сдѣлать хоть какое-нибудь безболѣзненное движеніе головой; около него суетятся пріятель механикъ и вѣстовой, стремясь облегчить его страданія, тѣмъ болѣе, что благодаря еще поврежденіямъ въ двухъ мѣстахъ руки, самъ раненый не имѣетъ силы самостоятельно передвигаться.

Другіе офицеры ранены относительно легко, и мало-по-малу проходятъ угнетенное настроеніе послѣ похоронъ жертвъ боя, и то и дѣло слышны обычные шутки и подтруниванія.

А главный раненый? А милый грозный крейсеръ! На немъ больше, чѣмъ на комъ-нибудь, слѣдовъ вражескихъ ударовъ, а онъ рѣжетъ своимъ могучимъ тараномъ легкія ночныя волны и также стремится на свой перевязочный пунктъ — въ портъ!

Надо ему задѣлать нѣсколько пробоинъ въ борту — громадныхъ пробоинъ, въ которыя можетъ проходить телѣга; надо

ему закрыть новыми досками пробитую во многихъ мѣстахъ верхнюю палубу, исправить шлюпки, которыя потерявъ отъ взрыва свои кормы, предохранили палубу отъ паденія непріятельскихъ снарядовъ; надо заплатаť исковерканныя снарядами или изрѣщенные осколками дымовыя трубы, наконецъ надо принять новый 400-хъ пудовый правый якорь, такъ какъ отъ бывшаго остался одинъ штокъ: большой непріятельскій снарядъ, попавъ въ него, откололъ веретено съ лапами, и не будучи уже въ состояніи проникнуть внутрь корабля, гдѣ бы онъ на дѣлалъ хлопотъ, взорвался внаружи и не причинилъ никакого вреда.

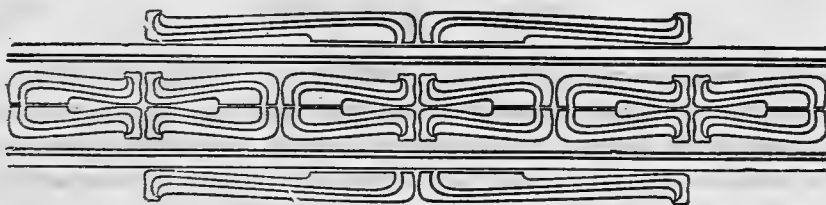
Раны эти были легкія, поверхностныя, — страшныя на видъ, но не опасныя для боевой мощи корабля.

Были у крейсера и другія раны, незамѣтныя для незнакомаго съ боевымъ дѣломъ глаза, но понятныя и опасныя для специалиста: больше половины на видъ исправныхъ пушекъ не могло дѣйствовать, было испорчено нѣсколько элеваторовъ, которые по ошибкѣ со стороны строителей не были бронированы, пострадали нѣкоторые мелкіе механизмы и отсѣки пожарной магистрали, но машина и котлы, этотъ желудокъ крейсера, помѣщенные въ глубинѣ, защищенные броней и угольными ямами, были въ исправности и легко несли крейсеръ къ роднымъ берегамъ.

Еще прошелъ день, и къ вечеру на горизонтѣ показались берега острова Русскій, а къ полночи къ крейсерамъ подошли сторожевыя миноносцы и съ полученными приказаніями адмирала пошли въ Золотой Рогъ, гдѣ портовое начальство озабочилось присылкой баржъ и пароходовъ для приѣмки раненыхъ и своза ихъ въ госпиталь.

Славлевъ.

Таинственный преступникъ.

А уже былъ секретаремъ канцеляріи Московскаго военнаго генерала-губернатора, когда случилось это происшествіе, стало быть, это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ¹⁾.

Отъ исправника поступило донесеніе, что иностранный путешественникъ австрійскій графъ избилъ на станціи смотрителя.

Между тѣмъ графъ уже прибылъ въ Москву и, получивъ въ канцеляріи генераль-губернатора на прожитіе паспортъ взаимнаго иностраннаго, просилъ аудіенцію у князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Красивый, высокаго роста, брюнетъ, одѣтый въ черный фракъ со звѣздою, графъ блисталъ изяществомъ во всей своей фигурѣ и манерахъ. Онъ заявилъ князю, что съ нимъ случилось прискорбное происшествіе: выведенный изъ терпѣнія дерзостью смотрителя, онъ забылся и прибилъ его; сознавая всю свою вину, онъ просилъ князя научить его, чѣмъ можетъ загладить нанесенное оскорбленіе. Князь, лично бывшій въ такомъ положеніи и прекратившій претензію смотрителя, уплатя ему 1.000 руб., обѣщалъ уладить дѣло графа. Графъ обѣщалъ щедрое вознагражденіе и, казалось бы, дѣлу конецъ.

Но черезъ нѣсколько времени получается отъ графа Бенкендорфа требованіе представить паспортъ графа В. и учредить за нимъ строгій полицейскій надзоръ.

Графъ былъ окруженъ шпионами, но онъ велъ открытую жизнь, осматривалъ древности и рѣдкости Москвы, заводилъ знакомство со знатію, жилъ противъ генераль-губернатора въ лучшемъ номерѣ гостиницы Коппа и Лейба, сдѣлался героемъ

¹⁾ Прошлаго столѣтія.

или львомъ дня, но никакимъ подозрѣніямъ повода не подавалъ.

Прошло недѣли двѣ, какъ князь Д. В. былъ изумленъ новыми отношеніями графа Бенкендорфа. Графъ объявилъ, Высочайшее повелѣніе „именующаго себя Австрійскимъ графомъ В... сослать въ Сибирь на поселеніе“ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Это поразило князя, и видя тутъ какія-нибудь недоразумѣнія, князь не исполнилъ Высочайшей воли, просилъ графа Бенкендорфа передоложить Государю, что ссылка иностранца въ Сибирь, не учинившаго у насъ никакого преступленія, ссылка безъ суда и слѣдствія и даже безъ объявленія причинъ ссылаемому, надѣлаетъ много шума въ Россіи и Европѣ.

Бенкендорфъ отвѣчалъ, что онъ удивляется, какъ князь позволилъ себѣ не исполнить Высочайшей воли, но что онъ передокладывать не будетъ. Князь велѣлъ снова написать отъ себя Бенкендорфу, требуя передоклада; но онъ не счелъ возможнымъ оставить графа В. на свободѣ и послалъ объявить ему Высочайшее повелѣніе и посадилъ на гауптвахту, а бумаги и вещи опечатать. Тяжело было князю отдать такое приказаніе, но еще тяжелѣе было его исполнить.

Довольно рано утромъ явился отъ князя чиновникъ, а полиція уже ожидала его за дверями; онъ принялъ чиновника, стоя у стола и опираясь одной рукой, съ видомъ привыкшаго повелѣвать и утонченной вѣжливости высокой особы.

Какъ ни старался чиновникъ подготовить его къ роковой, страшной вѣсти, но надо наконецъ высказаться.

Когда было сказано, что ему предстоитъ невольное путешествіе, онъ сначала принялъ это за высылку за границу и отвѣтилъ только: „надѣюсь, что меня не выдадутъ Австріи“, но когда сказали, что его повезутъ въ Сибирь, онъ остолбѣнѣлъ, зашатался, и кровь хлынула изъ носу, ушей и глазъ, и онъ опустился на пододвинутое кресло.

Сейчасъ было подано медицинское пособіе и несчастный помѣщенъ въ особое просторное помѣщеніе въ Яузскомъ частномъ домѣ, окруженъ всевозможными удобствами и заботами. При опечатаніи оказались у него большія деньги, золотомъ и билетами англійскаго и частныхъ банковъ, бумаги запечатаны безъ пересмотра и сданы на храненіе въ канцелярію.

Князь воспользовался этимъ случаемъ, что услышитъ свое требованіе о передокладѣ, но получилъ отъ Бенкендорфа „исполнить по выздоровленіи“.

Прошло мѣсяца два, графъ выздоравливаетъ, могъ уже кататься и сталъ просить у князя Д. В. аудіенцію.

Князь его принялъ съ глубокимъ участіемъ, встрѣтилъ въ пріемной комнатѣ и за руку повелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Черезъ полчаса времени князь потребовалъ принести портфель графа; когда я внесъ его въ кабинетъ, они оба сидѣли въ креслахъ, какъ добрые знакомые, и я успѣлъ поймать на-лету только, что князь сказалъ ему „Ваша свѣтлость!“ Князь велѣлъ мнѣ дожидаться за дверями; прошло около получаса, когда князь самъ отворилъ двери кабинета и почтительно пропустилъ графа впередъ, потомъ проводилъ его до лѣстницы, какъ очень важную особу.

Князь былъ очень взволнованъ, возвращая портфель уже за своей печатью, онъ написалъ по-французски весьма смѣлый докладъ Государю; князь по-французски превосходно писалъ дипломатическія бумаги, оставалось только переписывать. Объясняя Государю упорство въ передокладѣ графа Бенкендорфа, князь рѣзко выставялъ тяжелыя впечатлѣнія всей Европы и всѣ непріятныя послѣдствія за такое произвольное распоряженіе съ политическимъ преступникомъ государства, князь опирался на международное право и на обычай всѣхъ (странъ) народовъ и, наконецъ, на то, что это противно основнымъ законамъ имперіи; князь умолялъ Государя отмѣнить свое приказаніе и въ заключеніе говорить, что онъ изъ документовъ и переписки графа съ высочайшими особами убѣдился, что онъ дѣйствительно... тутъ велѣно было оставить пробѣлъ... и въ заключеніе просилъ разрѣшенія выслать его только за границу.

Когда письмо было подано къ подписи, князь, закрывшись листомъ бумаги, пополнилъ пробѣлъ и своеручно запечаталъ конвертъ своею личною печатью.

Что онъ написалъ, осталось тайной. Такое горячее письмо, защищающее отъ нареканій Государя, не могло не произвести впечатлѣнія.

Послѣдовало повелѣніе отвезти именующаго себя графомъ В... въ Одессу и сдать на распоряженія князю Воронцову.

Передъ отъѣздомъ графъ былъ у князя, получилъ всѣ свои бумаги и деньги, потребовалъ счетъ, что на него истрачено правительствомъ, и уплатилъ ихъ, щедро одарилъ медиковъ, полицію и прислугу, разсыпался въ прославленіи гуманности князя, прямо отъ него сѣлъ въ свое великолѣпное ландо съ

переодѣтыми на козлахъ и на сидѣніяхъ жандармами и отправился въ Одессу.

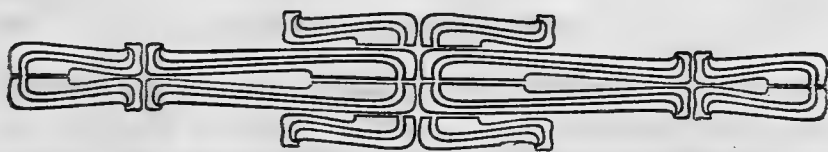
Таинственность страшно меня интересовала, что это за представительная, важная личность, за что она подверглась такому крутому преслѣдованію. Я могъ только узнать, что была предварительная переписка съ австрійскимъ дворомъ, и возвратившіеся жандармы, щедро одаренные, рассказывали, что въ Одессѣ его прямо провезли на пристань и на особо приготовленномъ пароходѣ сейчасъ же отправили въ Константинополь, гдѣ онъ получить свободу.

Это было не черезъ долгое время послѣ Романской революціи, по запискамъ Сильвіо Пилино, въ ней принималъ участіе какой-то герцогъ, членъ царствующаго семейства... не онъ ли это?

Но секретъ—остался невѣдомой тайной.

П. И. Степановъ.

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ ¹⁾

1813-го и 14-го года, собранные по поводу столѣтней
годовщины.

II.

Никто не нуждался такъ въ отдыхѣ — предоставленномъ перемиріемъ, какъ крайне отдаленная отъ своей операціонной базы русская армія.

Она ощущала недостатокъ во всемъ, за исключеніемъ развѣ лошадей, которыхъ у нея было въ изобиліи и которыхъ, къ слову сказать, такъ недоставало *Наполеону*. Въ большомъ затрудненіи находилась и Пруссія. Выставленные и хорошо снаряженные ею 4 корпуса поглотили всѣ, имѣвшіяся въ казнѣ, денежные средства. Для формировавшейся резервной арміи не хватало ни ружей, ни пушекъ, ни амуниціи. Обѣщанная англійская субсидія, въ видѣ присылки оружія на 400.000 фунтовъ стерлинговъ (4 милліона рублей), все еще заставляла себя ждать, такъ какъ англійскіе заводы оказались не въ силахъ справиться съ громадными заказами своего правительства. Въ этотъ критическій моментъ на выручку военнаго прусскаго интендантства выступили — *польскіе евреи*! Вышеупомянутый уполномоченный представитель прусскаго правительства при Варшавскомъ великомъ герцогствѣ, тайный совѣтникъ *Цербони ди-Спозетти* (*Zerboni di-Sposetti*) послалъ шефпрезиденту восточно-прусской провинціи фонъ-*Ауэрсвальду* слѣдующее *строгое секретное* извѣщеніе: ²⁾ „*Ко мнѣ обратилась группа еврейскихъ коммерсан-*

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1914 г.

²⁾ Хранящееся въ королевскомъ государственномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ.

товъ-поставщиковъ съ конфиденціальнымъ предложеніемъ купить у нихъ громадное количество всевозможнаго оружія до пушекъ включительно съ боевыми припасами и прочимъ необходимымъ для арміи инвентаремъ. Весь этотъ „товаръ“ частью былъ скупленъ тайнымъ консорціумомъ польскихъ евреевъ, отъ безпорядочно проходившихъ черезъ привислянскія земли французскихъ отрядовъ, частью подобранъ мѣстными жителями, какъ валявшійся по дорогамъ, и перепроданъ тѣмъ же евреямъ. Имущество это, представляющее значительную цѣнность, спрятано такъ хорошо въ различныхъ мѣстахъ, что всѣ поиски русскихъ военныхъ властей не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Выборные отъ еврейскаго консорціума доверенныя лица снабдили свое предложеніе прейскурантомъ для всѣхъ предметовъ, соответственно которому все имущество, стоящее въ дѣйствительности не менее 15 милліоновъ талеровъ, можно приобрести за 2½ милліона. Сблагословите передать мое извѣстіе съ соблюденіемъ величайшихъ предосторожностей въ Берлинъ для посѣдующихъ дальнѣйшихъ распоряженій“. — Донесеніе Пербони ди Спозетти произвело сильное впечатлѣніе въ берлинскихъ военно-интендантскихъ кругахъ. Шеф-президентъ фонъ Ауэрсвальдъ и военный губернаторъ въ Кенигсбергѣ, генералъ фонъ Масенбахъ получили тотчасъ же секретныя предписанія, относительно способа извѣщенія начальниковъ пограничной стражи и мѣстныхъ интендантскихъ складовъ съ приложеніемъ правилъ приѣма тайно перевозимаго черезъ границу оружія вмѣстѣ съ аммуниціей. Вотъ образчикъ секретнаго такого приказа, разосланнаго высшими провинціальными властями всѣмъ надлежащимъ учрежденіямъ:

„Въ ближайшіе дни къ вамъ придутъ (преимущественно въ ночное время) подводы, нагруженныя тщательно упакованнымъ оружіемъ всѣхъ родовъ вмѣстѣ съ запасами аммуниціи. Препровождающіе эти транспорты евреи предъявятъ вамъ точный списокъ сортовъ и количества оружія. Вамъ ставится въ обязанность отнюдь не задерживать сдачу транспортовъ, чрезмерно долгой проверкой количества оружія или какими разспросами евреевъ. По разгрузкѣ подводъ, вы впишете на присланные вамъ казенныхъ квитанціонныхъ бланкахъ количество принятаго груза и стоимость его согласно указаннымъ евреями въ прейскурантъ цѣнамъ“.

Русскія высшія военно-гражданскія власти были увѣдомлены о происходившемъ тайномъ вывозѣ и продажѣ имущества, принадлежащаго по неотъемлемому международному праву русскому государству. Главнокомандующій въ Варшавѣ графъ Сиверсъ и гражданскій правитель, сенаторъ Ланской намекнули тайному совѣтнику Пербони ди Спозетти въ очень деликатной

формѣ, что имъ стало извѣстно закулисное гешефтмахерство прусскаго военнаго интендантства съ польскими евреями.

Тогда въ Берлинѣ спохватились и старались повернуть начатое уже дѣло иначе. Въ Варшаву посланы были официально уполномоченные комиссары для скупки оставшагося еще у евреевъ оружія, съ предписаніемъ заручиться предварительнымъ согласіемъ на эту мѣру русскихъ властей. Графъ *Сиверсъ* и сенаторъ *Ланской* дозволили скупку оружія, но лишь подъ условіемъ, чтобы комиссары давали точный отчетъ, въ смыслѣ количества и цѣнъ, о всѣхъ заключенныхъ имъ съ продавцами сдѣлкахъ. Этой мѣрой наше правительство хотѣло пріобрѣсти данныя для предъявленія впослѣдствіи прусскимъ властямъ требованія, относительно хотя бы только доплаты къ той дѣйствительной стоимости оружія, которое они купили у евреевъ за безцѣнокъ. Но согласія прусскаго военнаго вѣдомства на такое требованіе высшей русской администраціи въ Варшавѣ не послѣдовало, и дѣло, не возбуждавшееся болѣе официально, какъ бы заглохло, т. е. вѣроятно же всего стало продолжаться по-прежнему, только съ той разницей, что тайный вывозъ оружія перемѣнилъ маршрутъ. Нельзя не удивляться ловкости, сообразительности и способности евреевъ учитывать заранее выгоду отъ разнообразныхъ политическихъ конъюнктуръ. О нахожденіи въ рукахъ еврейскаго консорціума неимовѣрнаго количества оружія русскія власти были давно и хорошо освѣдомлены; но ихъ требованіе относительно немедленной выдачи его за очень приличное вознагражденіе не встрѣтило у евреевъ никакого сочувствія и они не намѣрены были разстаться со своимъ кладомъ въ пользу Россіи. Имъ было очень хорошо извѣстно, что русское военное вѣдомство далеко не въ такой степени нуждается въ оружіи и амуниціи, какъ прусское. Они взвѣсили, между прочимъ, и обстоятельства, касательно вѣроятнаго выполненія сроковъ уплаты денегъ и пришли къ выводамъ, не говорившимъ въ пользу русскихъ властей. Переговоры съ евреями относительно покупки оружія вели и поляки, мечтавшіе, какъ уже сказано, о поголовномъ возстаніи. Но недовѣрчивые сыны Израиля соглашались только въ томъ случаѣ имѣть дѣла съ польскими комитетами, если за товаръ тутъ же немедленно будутъ уплачены деньги, и выданъ крупный авансъ, но при этомъ они все же не преминули накинута весьма значительный процентъ на цѣны оружія и амуниціи. Относительно же прусскаго правительства они имѣли такіа свѣдѣнія, которыя сулили имъ на-ряду съ денежной выгодой и наимень-

ший рискъ въ смыслѣ скорого платежа. Англія обѣщалась дать Пруссіи въ счетъ субсидій первоначально 280.000 фунтовъ стерлинговъ, наличными деньгами, для первыхъ неотложныхъ нуждъ вооруженія резервовъ и ландвера, или на 400.000 фунтовъ стерлинговъ самаго оружія. Но такъ, какъ на полученіе послѣдняго въ скоромъ времени было мало надежды, то переговоры шли опять о присылкѣ наличныхъ суммъ. Вотъ эта конъюнктура была на руку евреямъ; они могли рассчитывать на немедленное полученіе денегъ.

Перемиріе отразилось на духѣ союзныхъ армій и ихъ вождей во всѣхъ отношеніяхъ благопріятно, хотя русскіе не переставали тосковать о скоромъ возвращеніи на родину. Присоединеніе Австріи по окончаніи перемирія къ коалиціи противъ *Наполеона* окрылило замѣтно надежды на побѣдоносное окончаніе войны. Фраза, сказанная *Меттернихомъ Наполеону* послѣ окончанія неудачныхъ переговоровъ въ знаменательной аудіенціи 10-го августа въ Дрезденѣ: „*Sire, vous êtes perdu*“ (ваше величество, вы пропали) стала крылатымъ словомъ въ дипломатическихъ сферахъ главной квартиры союзниковъ и явилась вѣрнымъ предсказаніемъ, въ которомъ никто не сомнѣвался, за исключеніемъ: короля прусскаго, *Фридриха Вильгельма III*, его государственнаго канцлера князя *Гарденберга* и графа *Нессельроде*, упорно старавшихся направить дѣло къ мирному соглашенію съ *Наполеономъ*, чему не противился въ сущности ни *Меттернихъ*, ни австрійскій императоръ *Францъ*, но о которомъ русскій самодержецъ и слышать не хотѣлъ, ибо вполне раздѣлялъ къ геніальному корсиканцу чувства неугомонныхъ враговъ „генерала *Бонапарта*“, какъ не переставали именовать *Наполеона* представители англійскаго правительства и дипломатія, а также и состоявшіе при *Александрѣ I* негласные его совѣтники: *Лагартъ*, *Поццо ди Борго* и другія менѣе значительныя личности, вродѣ швейцарца *Андрея Маріана*, убѣжденнаго ненавистника французской революціи и *Наполеона*. *Маріанъ* служилъ сперва австрійскому правительству, а затѣмъ перешелъ на русскую службу, занявъ мѣсто одного изъ членовъ-представителей отъ Россіи въ центральномъ управленіи оккупированныхъ союзными войсками германскихъ областей, входящихъ въ составъ рейнскаго союза (Departement centrale d'administration temporaire), главноуправляющимъ котораго состоялъ баронъ *Штейнъ*.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій 14-го августа еще до истеченія установленнаго срока перемирія вызвано было произвольнымъ наступленіемъ *Блюхера*, не желавшаго считаться съ

приказаніями изъ главной квартиры. Подъ его командой находилось много русскихъ войскъ, среди которыхъ пользовался онъ за свой простой, солдатскій нравъ нѣкоторою популярностью. Это расположеніе нашихъ сѣрыхъ героевъ къ себѣ хитрый *Блюхеръ* учитывалъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ очень искусно. Такъ называемая вторая саксонская кампанія 1813 года, т.-е. съ 14-го августа по 19-го октября, разыграна и выиграна была благодаря, главнымъ образомъ, участію въ ней русскихъ войскъ. *Наполеонъ* хотя и одержалъ еще блестящую тактическую побѣду у самыхъ стѣнъ Дрездена, 26-го августа, противъ соединенныхъ силъ русскихъ, австрійцевъ и пруссаковъ, но стратегически онъ не могъ извлечь изъ нея ни малѣйшей пользы. Союзники скоро оправились отъ неудачи при Дрезденѣ и нанесли затѣмъ французамъ быстро цѣлый рядъ поражений, одно за другимъ: при Катцбахѣ, при Кульмѣ, при Гросберенѣ и при Денневитцѣ. Вынужденный всюду отступать, *Наполеонъ* сосредоточилъ наконецъ свои весьма еще значительные остатки арміи при *Лейпцигѣ*, чтобы дать тутъ главное и рѣшающее кампанію 1813 года сраженіе. Исходъ трехдневной упорной борьбы между союзниками и французами, названной нѣмцами „битвой народовъ“ (*Völkerschlacht*), сломилъ окончательно наполеоновскую гегемонію надъ Европой и привелъ, хотя и съ промедленіемъ, къ Парижскому миру въ апрѣлѣ 1814 года.

Преобладающая роль русской арміи въ окончательной побѣдѣ надъ мощнымъ врагомъ въ Лейпцигскомъ сраженіи отмѣчена военной исторіей въ достаточной степени. Единственный и рѣшившій исходъ трехдневной борьбы успѣхъ союзниковъ выпалъ 18-го октября на долю *силезской арміи* подъ начальствомъ *Блюхера*, состоявшей, какъ извѣстно, чуть не на двѣ трети, изъ русскихъ войскъ; побѣда при Меккериѣ принудила *Наполеона* на другой же день отступить со всей своей арміей. *Штейнъ* заявлялъ всюду громко, что безъ помощи *Россіи* *Пруссія*, *Австрія*, *Англія* и *Швеція* никогда не одолѣли бы врага.

Это явствовало хотя-бы изъ одного сопоставленія цифръ обѣихъ сражавшихся при Лейпцигѣ другъ противъ друга, армій. *Наполеонъ* располагалъ вмѣстѣ съ пребывавшимъ во время боя корпусомъ генерала *Ренье*, 12-ю корпусами, т.-е. въ общей сложности 186.000 человекъ при 900 орудіяхъ. Союзники же насчитывали въ своихъ рядахъ: 127.000 русскихъ, 89.000 австрійцевъ, 72.000 пруссаковъ и 18.000 шведовъ, что составляло вмѣстѣ 306.000 человекъ, при 1.200 орудіяхъ. Если вычесть теперь изъ этой цифры *русскія войска*, то получится, какъ разъ,

почти что совершенно равное французскимъ силамъ количество въ 189.000 человекъ союзниковъ, такъ что о подавляющемъ численномъ превосходствѣ силъ коалиціи не могло быть и рѣчи.

Результатомъ Лейпцигской побѣды было отступление *Наполеона* за Рейнъ и отпаденіе отъ него всѣхъ германскихъ государствъ рейнскаго союза. Тѣмъ не менѣе, мнѣнія на счетъ продолженія наступательныхъ дѣйствій противъ врага и перенесенія войны на территорію Франціи вновь раздѣлились въ главной квартирѣ. Опять прусскій король и его совѣтники, какъ князь *Гарденбергъ*, *фонъ Кнезебекъ* и другіе, за исключеніемъ военныхъ, стояли за возобновленіе переговоровъ съ противникомъ. Къ этому мнѣнію присоединялись, хотя опять лишь условно, *графъ Нессельроде* и даже *Меттернихъ*. Особенно возставалъ противъ перехода союзной арміи черезъ Рейнъ король *Фридрихъ Вильгельмъ III*, жаждавшій скорѣйшаго окончанія войны и возвращенія домой¹⁾. Императоръ австрійскій *Францъ I* не высказывалъ никакого особенно упornaго намѣренія лишить своего зятя престола. Одинъ только Императоръ Александръ I оставался непоколебимымъ, хотя никакими внѣшними признаками или разговорами не проявлялъ скрытой, но твердой своей рѣшимости довести дѣло до низложенія *Наполеона* съ императорскаго престола Франціи.

Въ былое время, когда путеводная звѣзда гениальнаго корсиканскаго полководца-завоевателя, озаряя яркимъ свѣтомъ весь міръ, сіяла въ зенитѣ легендарной его славы и могущества, императорское французское правительство было всегда наиточнѣйшимъ образомъ освѣдомлено обо всемъ, что творилось, говорилось и даже думалось въ тайныхъ дипломатическихъ кабинетахъ и военныхъ канцеляріяхъ другихъ европейскихъ державъ, а также и при чужихъ дворахъ. *Фушъ* и *Талейранъ* умѣли добывать *Наполеону* свѣдѣнія, какія онъ только пожелалъ имѣть. Для *парижскаго кабинета* не существовало тогда нигдѣ, никакихъ тайнъ или секретовъ! Но послѣ проигранной въ Германіи кампаніи 1813 года, зрительные и слуховые органы наполеоновскаго правительства—стали замѣтно атрофироваться. Въ дни блестящихъ побѣдъ при Аустерлицѣ, Генѣ, Фридландѣ, Ваграмѣ, *Наполеонъ* зналъ до мельчайшихъ подробностей все, что происходило въ главномъ штабѣ его противниковъ. Послѣ же Лейп-

¹⁾ Смотри: Дневникъ князя *Гарденберга*.

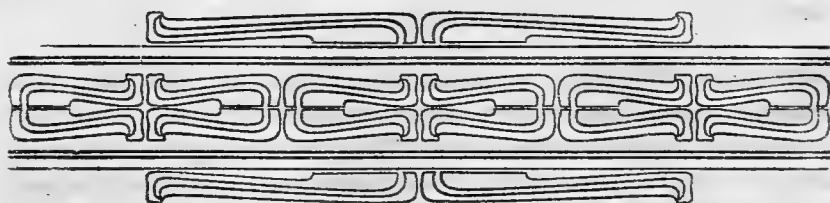
цигскаго пораженія, тотъ беспроволочный телеграфъ, изобрѣтенной тайной наполеоновской полиціей еще за сто лѣтъ до открытія Маркони, пересталъ, видимо, функционировать, и въ главной квартирѣ дотолѣ безпримѣрно счастливаго побѣдителя не имѣли ни малѣйшаго понятія о происходившихъ среди союзниковъ крупныхъ недоразумѣніяхъ, принимавшихъ размѣры раздоровъ, могущихъ легко привести къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Въ противномъ случаѣ *Наполеонъ* сумѣлъ бы воспользоваться несогласіемъ державъ, зарождающимся преимущественно на почвѣ взаимнаго недовѣрія и ревности. Онъ навѣрно расширилъ бы первоначальныя трещины въ твердо воздвигнутомъ зданіи коалиціи до громадныхъ брешей! Если же союзъ не распался еще до перехода армій черезъ Рейнъ, то заслуга въ этомъ принадлежала, отчасти, барону *Штейну*. Онъ обращалъ во время вниманіе Императора *Александра I* на интриги и подвохи *Меттерниха*, направленные то въ сторону Пруссіи, то противъ Россіи. Въ одной изъ представленныхъ русскому Государю памятныхъ записокъ къ концу 1813 года *Штейнъ* доказываетъ съ помощью хронологическихъ датъ, что недоверіе и ревность Австріи, сдерживаемая постояннымъ страхомъ передъ *Наполеономъ*, возрастали тотчасъ же соразмѣрно уменьшенію этого страха¹⁾. Вообще, если *Штейнъ* и не стоялъ специально на стражѣ русскихъ интересовъ, то онъ во всякомъ случаѣ и не игнорировалъ ихъ умышленно.

М. В. Станиславскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Изъ переписки Штейна съ кабинетнымъ секретаремъ короля Фридриха Вильгельма III, Эйхгорномъ.

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 ¹⁾.

Москва, 23 июня. Приѣхалъ сегодня въ Москву и, какъ всегда, несмотря на предшествовавшую суматоху въ Петербургѣ, чувствую здѣсь необыкновенное успокоеніе, душевное и тѣлесное.

У меня былъ Н. А. Поповъ ²⁾. Я былъ въ редакціи Рус. Вѣд. Отмѣчу: во 1-хъ, совершенное невѣдѣніе того, что дѣлается въ Петербургѣ. Таковы наши газеты или наша жизнь. Во 2-хъ, самое пессимистическое настроеніе.

Я, пессимистъ, въ сравненіи съ ними—оптимистъ.

24 июня. У меня былъ сегодня С. Т. Большаковъ (букинистъ-старообрядецъ). Жаловался, какъ всегда, на притѣсненія отъ нашей церкви—вѣрнѣе отъ Побѣдоносцева (митрополитъ Іоанникій весьма гуманенъ и даже оборвалъ у Троицы излишнюю ревность Субботина противъ раскольниковъ). Обѣдни, которыя стали служить на Рогожскомъ кладбищѣ вслѣдствіе освободительнаго указа Александра III, внѣзаконно прекращены по доносу Субботина. Подавали просьбу на имя Государя; не только оставлена безъ послѣдствій, но взята подписка, что никогда такихъ просьбъ не будутъ подавать. И раскольниковъ, къ которымъ какъ будто благоволили въ нынѣшнее царствованіе вслѣдствіе ихъ дѣятельнаго участія въ охранѣ противъ нигилистовъ, раздражаютъ.

Большаковъ рассказываетъ ужасы и комическія вещи про

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1913 г.

²⁾ Нилъ Александровичъ, профессоръ Москов. унив. †.

бесѣды арх. Михаила съ раскольниками въ Москвѣ. Это была комедія, ложно представленная въ газетахъ.

Раскольникамъ зажимали рты. Даже полиція тутъ притѣняла. Жмутъ даже единовѣрцевъ, которыхъ наша церковь считаетъ православными. Наши священники числятъ у себя старинныхъ единовѣрцевъ и не позволяютъ имъ совершать требы въ единовѣрческихъ церквахъ.

25 *юня*. Обѣдалъ сегодня у Богданова (Мих. Ег.), члена редакціи Рус. Вѣд. Вели много политическихъ разговоровъ. Этотъ Богдановъ для меня нѣсколько загадочный человѣкъ, несомнѣнно умный, но въ какой степени онъ искрененъ? На словахъ онъ со мной только либераль, а не радикаль, вообще согласенъ со мной, хотя и прогрессивнѣе меня. Онъ сдерживаетъ въ себѣ все раздраженіе противъ существующаго порядка, котораго у меня нѣтъ. Онъ говоритъ, что въ молодежи страшное раздраженіе: иначе быть не можетъ, что всякое движеніе (?) преслѣдуется, крамола растетъ, и теперь есть прочныя организаціи. Б. долженъ знать.

Заѣзжалъ къ Наумову (Предс. Губ. Зем. Управы). Тоже недоволенъ. „Мы прозябаемъ“. Генераль-губернаторъ велѣлъ уволить Каблукова, завѣдующаго земскимъ статистическимъ отдѣломъ, безъ всякихъ причинъ. Проф. Ковалевскій уволенъ также безъ всякихъ причинъ. Этотъ бесплодный произволъ производитъ недовольство, которое чѣмъ-нибудь разразится, хотя оно и не опасно *законными* своими проявленіями.

26 *юня*. Вчера провелъ весь день у Н. А. Попова (подъ Химками). Утромъ былъ у меня Гольцевъ. Вечеромъ по возвращеніи болталъ въ Славянскомъ Базарѣ съ Горбуновымъ (актеромъ).

Сегодня утромъ былъ у меня Тимошей Саввичъ Морозовъ. Очень жаловался на фабричную инспекцію, говорить, что дѣло не въ существѣ закона, который можетъ быть полезенъ (?), но въ исполненіи—инспекторы дѣйствуютъ произвольно, напр., требуютъ рабочихъ книжекъ въ самыхъ мелкихъ заведеніяхъ—даже у кустарей, гдѣ отношенія домашнія, безъ всякихъ формальностей. Этимъ стѣсняется кустарное производство, которое правительство желаетъ поощрять (тутъ мы очевидно по своему обыкновенію хитримъ, выставляя главнѣйше интересы мелкой промышленности). Далѣе М. писалъ М. Ф., что необходимо повысить пошлины на сырой хлопокъ и сырой шелкъ для поощренія производства того и другого на Кавказѣ.

Тогда нужна заставить фабрикантовъ устраивать плантаціи

на Кавказѣ (тутъ опять М. равнодушенъ къ среднимъ и мелкимъ фабрикантамъ, которые страдаютъ отъ вздорожанія сырья).

Теперь намъ особенно нужно подумать о глупости прежнихъ рѣчей, что Россія страна земледѣльческая, когда Америка уничтожаетъ наше земледѣліе. Напр., отъ шелка сколько бы выиграли наши крестьяне. Для крестьянокъ это изящный легкій трудъ (мотаніе и т. д.) могущій, ихъ облагородить больше, чѣмъ копать лукъ. Нужно всячески поощрять фабричную промышленность (все тѣ же старыя пѣсни).

О безпорядкахъ на своей мануфактурѣ говорилъ, что главная причина нигилисты. Ими фабричный міръ кишить и до сихъ поръ. Губ. Судіенко дѣйствовалъ скверно: онъ прямо говорилъ рабочимъ: „Я предлагалъ Т. С. то, что для васъ, онъ не соглашается, что же мнѣ дѣлать?“

Теперь инспекторы выкинули такую глупость, и губернаторъ одобрилъ. На мануфактурѣ запрещено рабочимъ носить съ собой табакъ, трубки, спички. Это сказано въ вывѣшенныхъ таблицахъ. Инспекторы нашли это запрещеніе ненужнымъ и произвольнымъ.

Таблицы было велѣно снять. Это скандалъ, производить сильное впечатлѣніе на рабочихъ. Губернаторъ велѣлъ возстановить таблицы, заклеивъ вышеупомянутыя мѣста. И все таки разумное воспрещеніе конторы отмѣнено. Если это правда, то величайшая глупость. Судіенко не любитъ Морозова, потому что несомнѣнно при всемъ своемъ самолюбіи онъ не любитъ всякую независимую силу подлѣ себя (такъ не любитъ и Гарелина). Это относится къ физиологіи общества. Общій вопросъ—что лучше (или что хуже) для благосостоянія: властолюбивые и самолюбивые воеводы или таковыя же фабриканты и капиталисты кулаки? Тутъ есть много о чемъ подумать.

Т. С. Морозовъ замѣчательный типъ. Юркій, угодливый къ тѣмъ, кто ему нуженъ и отъ кого онъ независимъ (какъ я). Обходительный съ высшими, необыкновенно умный. Съ низшими (тутъ при мнѣ съ Козловымъ, мелкимъ фабрикантомъ) горделивый, высокомерный; это настоящая аристократія нашего времени въ промышленномъ мірѣ.

27 июня. У меня былъ вчера Н. М. Козловъ (Суздальскій фабрикантъ, мой пріятель). Жалуется не на кризисъ, какъ всегда, а на давленіе большихъ капиталовъ (Морозова). Они производятъ дороже среднихъ и мелкихъ (?), но уничтожаютъ насъ *доверіемъ* публики къ ихъ фирмѣ (хотя ихъ товаръ и нѣсколько лучше, но главное—слѣное доверіе къ фирмѣ). Мы при

малыхъ капиталахъ такихъ кредитовъ давать не можемъ, мы самое большее на 6 м., а они минимумъ на 12 м. Этимъ главное насъ давятъ. Это общее явленіе, и я уже слышу постоянныя на это жалобы: „гнетъ крупной промышленности“. Законъ Штейна „Grössengesetz der Kapitalien“ надо обдумать.

Былъ у меня извѣстный ревнитель единовѣрія Ив. Ив Шестовъ. Построилъ единовѣрческую церковь подъ Нижнимъ, жертвовалъ сотни тысячъ на свои церкви. Очень жалуется на высшее духовенство, на нижегор. архіерея Модеста. Онъ освящалъ его церкви вопреки обѣщанію по нашимъ обрядамъ. Съѣлъ за столъ и всталъ безъ молитвы.

Изумительно это бессмысленное пренебреженіе къ старообрядчеству даже въ формѣ единовѣрія. Это просто гадко. Отталкиваютъ отъ единовѣрія, которое само правительство предложило, какъ компромиссъ.

Вечеръ провелъ на дачѣ въ Сокольникахъ у Большаковыхъ. Могъ бы сдѣлать любопытныя общественно-физиологическія наблюденія.

Были въ восторгѣ (особенно жена) отъ моего пріѣзда. Угостили закуской: икра, бѣлужина, огурцы и красненькое.

Семейство—смѣсь старообрядчества, новѣйшаго купечества, уступокъ модѣ, однако упорное держаніе стариннаго обряда. Съ одной стороны, старуха-тетка, съ другой, молодая дочь была въ гимназій, не кончила курса (любопытно, что изъ нея выйдет?).

Сынъ 5-ти лѣтъ не соглашается креститься по-моему: „папа говоритъ грѣхъ“.

Удивительное упорство. Несмотря ни на какія мои просьбы, Б. не соглашается познакомить меня со своимъ архіереемъ (Савватиємъ) и свезти къ нему на обѣдню, хотя близокъ съ нимъ. Тутъ, кромѣ опасеній шпіонства, съ моей стороны, главное, кажется, уменьшить *prestige* своей іерархіи. Этотъ архіерей, кажется, простой мужикъ. Такъ они и говорятъ: „наши архіереи люди простые, скромные“ и т. д. Боятся, что когда я ближе увижу, то всякая иллюзія пропадетъ.

Это вѣрнѣйшее объясненіе, потому что должны же раскольники имѣть ко мнѣ довѣріе, и не могу попасть къ нимъ на обѣдню.

По словамъ Большакова, новая *varietas* въ поповщинѣ *поповщина-безпоповщина*. Она возникла въ Сибири (Иркутскѣ). Онъ это знаетъ отъ одного покупателя. Вѣрятъ въ необходимость іерархіи и духовенства (*en principe*), но по невозмож-

ности имѣть обходятся безъ него и безъ таинствъ. Это тоже безпоповщина. Б. говорить, что нѣтъ.

28 *июня*. Вчера утромъ былъ у меня М. Н. Анненковъ и рассказывалъ про свою Закаспійскую ж. д. Въ декабрѣ доведетъ ее до Самарканда. Строили неизмѣрно быстро и дешево. Какіе бы ни были недостатки у этого человѣка, я цѣню его энергію и инициативу, столь у насъ рѣдкія. Онъ много рассказывалъ про питриги—околопридворныя тренія между Побѣдоносцевымъ и Вышнеградскимъ. Только и слышишь, что жалобы (даже отъ такихъ правительственныхъ людей, какъ Анненковъ). Всѣ недовольны силой Побѣдоносцева.

Въ Москвѣ только и говорятъ о смертельной болѣзни Каткова; она очевидно усилилась отъ его волненій, раздраженія послѣднихъ дней (ослабленіе фавора). Замѣчательно, какъ всѣ, безъ исключенія, дурно о немъ говорятъ. Его диктаторскія наклонности всѣхъ возбудили противъ него.

Я обѣдалъ (т. е. былъ угощенъ) вчера въ компаніи Рус. Вѣд. въ Эрмитажѣ. Было очень пріятно. Очень серьезная бесѣда прерывалась смѣшными рассказами. Такъ умно и пріятно рѣдко теперь приходится проводить время. Въ числѣ курьезныхъ глупостей нашего времени мнѣніе о редакціи Рус. Вѣд., что она красная. Вотъ чепуха, распространяемая Катковымъ и изъ его корыстолюбивыхъ цѣлей. (Москов. Вѣд. имѣютъ менѣе 6 т. подписчиковъ, а Рус. Вѣд. 17 т.), и при нашемъ невѣжествѣ этому вѣрять. По всѣмъ моимъ убѣжденіямъ я все-таки ближе къ этому литературному кружку, который вообще либеральный (и больше ничего).

Я радъ, что держу себя, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, не какъ сенаторъ, а какъ студентъ и бѣдный писатель, и всѣ къ этому привыкли, а мои физическія силы еще это выдерживаютъ.

Вечеромъ проѣхались съ Саблинымъ по увеселительнымъ заведеніямъ Петровскаго парка. Никакого кутежа, слава Богу, не было. Все очень скромно. Эти заведенія съ пѣвицами особенностью Москвы. Предсказаніе очень глупое я получилъ отъ мальчика въ Сокольникахъ. У него птицы, которыя вынимаютъ клювомъ изъ ящика билетки.

28 *июня*. Сейчасъ осматривалъ въ первый разъ Храмъ Спасителя. Это должно было быть послѣднимъ словомъ русскаго искусства въ XIX в. Очень хорошо, но, можетъ быть, я ничего не понимаю—далеко нѣтъ тутъ впечатлѣнія столь внушительнаго, какъ въ новѣйшихъ и древнихъ базиликахъ Италіи. Съ св. Петромъ и сравненія не можетъ быть никакого.

Носково, 1 июля. 28 июня обѣдалъ на дачѣ у Н. М. Козлова, подлѣ платформы „Перловка“. Дѣти воспитываются по-европейски; дѣвочки обучаются по-французски и по-нѣмецки. Будутъ въ Петропавловской нѣмецкой гимназіи (чистокровные русскіе люди избѣгаютъ русскія гимназіи и пансіоны). Такъ поднимаются самые маленькіе смышленные люди. Отецъ Ник. Мих. почти мужикъ. Онъ самъ учился только въ приходскомъ училищѣ.

29 июня прибылъ по адской дорогѣ изъ Хотькова въ Носково — ѣхалъ 8 часовъ, почти все время шагомъ. Получилъ слѣдующую телеграмму: „Въ 4 часа 2 м. пополудни Господь послалъ намъ сына Гавріила. Мать и новорожденный въ совершенномъ здравіи. Константинъ“.

9 июля. Былъ вчера въ Тарусовѣ ¹⁾, Н. С. Корсаковъ расхваливалъ дѣйствія фабричной инспекціи и ея результаты по свѣдѣніямъ съ Гарднеровскаго завода. Теперь всѣ расчеты вѣрны, не задерживаютъ платъ, не платятъ припасами изъ лавокъ и т. д. Янжуль говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1881 г., что Гарднеровская фабрика образцовая въ числѣ десяти и не требуетъ усиленія надзора.

Совеѣмъ другія свѣдѣнія получилъ я на самомъ заводѣ ²⁾ отъ мастерового Синицына, у котораго останавливался по случаю дождя (я довозилъ къ нему сестру, горничную Корсаковыхъ). И раньше инспекціи никакихъ обидъ не было: платы всегда выдавались исправно. Только теперь выдаютъ 2 раза въ мѣсяцъ, а прежде разъ. (Синицынъ соглашается, что отъ этого выпивки чаще). При дальнѣйшихъ разспросахъ онъ объяснилъ, что теперь припасы изъ лавки лучше. Въ кредитъ и прежде не давали (этого рода люди въ концѣ концовъ даютъ отвѣты, которые отъ нихъ, по ихъ замѣчанію, желаютъ имѣть высшіе).

16 июля. Въ числѣ гостей былъ у меня вчера Фил. Фил. Бордтманъ, директоръ Ляминской мануфактуры. Онъ страшно жалуется на фабричную инспекцію и на законы, и на дѣйствія инспекторовъ—признавая, что въ принципѣ инспекція необходима. Инспекторы хотятъ быть хозяевами на фабрикахъ, и фабрикантамъ невозможно распоряжаться. Б. отпустилъ всѣхъ малолѣтнихъ, признавая невозможнымъ зависѣть отъ инспекціи.

¹⁾ Имѣніе Корсаковыхъ въ 20 в. отъ Носкова.

²⁾ Вербилки въ 10 в. отъ Носкова, теперь фабрика Кузнецова.

Теперь эти малолѣтніе галдятъ на фабрикѣ и молятъ, чтобъ ихъ приняли (и не могли они вернуться, какъ мечтаютъ, въ свои деревни, потому что у нихъ деревень нѣтъ, — родители давно здѣсь водворились). По словамъ Б., всего болѣе рабочіе раздражены противъ новыхъ законовъ и инспекціи; благодаря ей уничтожились прежнія патріархальныя отношенія къ рабочимъ, здѣсь бывшія. Чтobъ не подчиняться регламентаціи и надзору инспекціи, управляющій фабрики прекращаетъ всякія заботы о рабочихъ. Изъ 80 т. р. сбереженій рабочихъ, хранившихся въ конторѣ, имъ уже возвратили 40 т. и хотятъ возвратить все, чтобъ освободиться отъ лишняго повода вмѣшательства инспекціи.

Таковы результаты на фабрикѣ образцовой въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ.

Москва, 18 іюля. Приѣхалъ съ Машей въ Москву черезъ Озерецкое и Хотьковъ въ Славянскій Базаръ.

Владимірѣ, 20 іюля. 18 іюля въ 4 ч. съ Т. С. Морозовымъ по Нижегород. ж. д. въ Орѣхово-Зуево. Тамъ ночевалъ и 19 іюля въ 10 ч. в. поѣхалъ въ Муромъ, но усталъ и остановился на день въ Владимірѣ.

Въ Орѣхово-Зуевѣ. Т. С. Морозовъ говоритъ, что ничего еще не сдѣлано въ смыслѣ покровительства (какая ненасытность протекціонизма!) и бранитъ за то Петербургъ. Говоритъ, что не хочетъ запретительныхъ пошлинъ, но въ сущности онъ ихъ хочетъ на все.

Довольно оригинальна его система: сильно облегчая всѣ условія производства сырья (напр., хлопокъ, шелкъ) и орудія — машины, онъ хочетъ путемъ страшныхъ жертвъ старыхъ производителей съ одной стороны, и громаднаго вознагражденія, съ другой (производителей новыхъ товаровъ), заставить все производить въ Россіи. Но для чего это суровое воспитаніе промышленности и напряженіе силъ? Не выгоднѣе ли и проще подчинить меньшимъ жертвамъ путемъ свободной торговли, — т.-е. заставляя дешевле производить. Тутъ новое то, что фабрикантовъ принуждаютъ къ жертвамъ. При этомъ все мерещится промышленная самобытность все производить у себя. И опять балансъ — не вывозить за границу денегъ и поправить курсъ.

Мы разбираемъ вмѣстѣ съ Морозовымъ всѣ законы и правила. Онъ указываетъ на неопредѣленность, встрѣчающуюся на каждомъ шагѣ, дающую поводъ пристрастно дѣйствовать въ пользу рабочихъ въ ущербъ фабрикантамъ (М. видитъ тутъ красную злонамѣренность законодателей).

Съ презрѣніемъ говорить онъ о нашемъ земледѣліи. По его понятіямъ, успѣхи цивилизаціи только въ фабричной промышленности (?). Очень развилось недавно въ Ивановѣ бумаготкачество (Горбуновъ), М. покупаетъ много миткаля—выше только первыя русскія фирмы.

М. много и постоянно говорить о взяткахъ въ П. Видно, попался. Онъ все приписываетъ взяткамъ.

Характерный и любопытный человекъ Морозовъ! Семейныя отношенія: жена Марія Ѳедоровна очень образованная и благовоспитанная; мужъ—смѣсь бывшаго крѣпостного, московскаго первостатейнаго купца и раскольника. Дѣти все вышли изъ этого положенія, поднялись. Сыновья прошли университетъ (старикъ что-то намекалъ мнѣ, что молодое поколѣніе настроено социалистически—какъ будто намекъ на сыновей!—не знаю). Сынъ Савва, теперь главный директоръ фабрики—куръезный новѣйшій типъ (это продуктъ разложенія посредствомъ университета, также броженія нашего общества—старой старообрядческой купеческой семьи). Это богатый матеріалъ для фізіологіи современнаго русскаго общества. Я его не расчулалъ. Онъ, видимо, отъ меня удалялся—да какъ будто держитъ себя на почтительномъ разстояніи и отъ родителей. Тутъ смѣсь русскаго вольнодумца съ русскимъ кулакомъ. Послѣдній возьметъ, вѣроятно, верхъ. Прошелъ естественный факультетъ. Обо всемъ говорить съ точки зрѣнія натуралистическаго міровоззрѣнія. Къ моей наукѣ относится презрительно, да и ко всему презрительно. Объ Адамѣ Смитѣ говорить съ ироніей: онъ стоитъ выше всего этого. Все произошло, хотя только 2 года, какъ кончилъ университетъ. Безпрестанныя ссылки на Дарвина и другихъ. Образчикъ новѣйшаго купечества (отвратительный). Все-таки прежде всего чувствуетъ себя миллионеромъ, — хотя этого не сознаетъ, можетъ быть. О рабочихъ говорить съ презрѣніемъ и ожесточеніемъ,—не хотѣлъ вѣхать со мной кататься посмотрѣть на рабочихъ, чтобъ „не обругали“. Не умѣлъ себя поставить, несмотря на высшее образованіе, въ хорошія отношенія къ рабочимъ. Мало сердца, вѣроятно, нѣтъ религіи; перейдя въ нашу церковь изъ старообрядчества, потерялъ всякую церковь. Тутъ есть много о чемъ подумать. Производитъ впечатлѣніе нигилиста, но онъ, въ сущности (я могу ошибаться) кулакъ!

20 июля. Я почувствовалъ себя вчера дурно въ вагонѣ и потому остановился во Владимірѣ. Опять „Кофейная гостиница“ и опять ея неизмѣнная гадость.

Приѣхалъ ко мнѣ вице-губернаторъ, управляющій теперь губерніей, Семеновъ (Вас. Алекс.). Онъ много занимается благотворительными заведеніями во Владимірѣ.

Семеновъ говоритъ умѣренно объ инспекціи, защищаетъ ее сильно въ принципѣ,—также людей, но признаетъ, что они дѣйствуютъ круто, съ маху. Нужно останавливать излишнее рвеніе. Инспекторы вздумали утверждать табели (въ которыхъ цѣны работъ—вотъ колоссальная бессмыслица!).

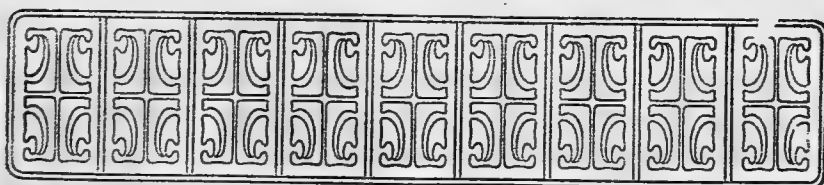
Сегодня получена бумага отъ Тернера, чтобъ они не утверждали, иначе правительство вмѣшивается въ назначеніе платъ—этого только не доставало.

Обѣдалъ у Семенова съ здѣшнимъ бригаднымъ командиромъ (В. П. Витторсомъ). Очень простой и почтенный человѣкъ. Въ колоніальномъ магазинѣ Петровскаго главный приказчикъ (старый) говоритъ мнѣ съ энтузіазмомъ (sic!) о моихъ прошлогоднихъ дорожныхъ письмахъ въ Рус. Вѣд.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни инженера путей сообщенія ¹⁾).

ГЛАВА IV.

8-го іюля. Стало что-то очень прохладно. Утромъ, часовъ въ 7, прошли мы мимо такъ называемыхъ „дымящихся горъ“. Это темносѣрыя известковыя скалы съ ясно обозначенными прослойками каменнаго угля. И вотъ, сколько помнятъ мѣстные старожили, прослойки эти всегда дымятся, а ночью замѣтно бываетъ и пламя. Очевидно, здѣсь еще одно изъ пропадающихъ покуда даромъ богатствъ мѣстнаго края.

Вдали показался передъ нами пароходъ. Это „Сибирякъ“ — частный пароходъ, вышедшій изъ Благовѣщенска на сутки раньше насъ. Нашъ молодой капитанъ велѣлъ прибавить ходу. „Сибирякъ“ также усиленно запыхтѣлъ. Капитанъ позвалъ къ себѣ машиниста и умолялъ его „ну хоть на четверть часика“ усилить число оборотовъ колеса. Механикъ сначала совершенно резонно отказывался, ссылаясь на опасность усиленія давленія выше законнаго предѣла, но въ концѣ концовъ сдался, и мы быстро обогнали „Сибиряка“. Нечего и говорить, какъ опасны подобныя гонки, и какъ недалеко съ ними до катастрофы; стоитъ только вспомнить многочисленные несчастные случаи — взрывы котловъ съ гибелью всего судна на Миссиссипи, гдѣ, благодаря безразсуднымъ пари, котлы пароходовъ накаливались докрасна подливаніемъ масла, киданіемъ кусковъ сала, а иногда, за неимѣніемъ того и другого, бывшими подъ руками окороками.

Къ вечеру подъѣзжаемъ къ Чернявской станицѣ, основанной въ 1858 г. въ честь командира казачьей бригады полков-

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

ника Черняева. Селеніе это, послѣ бывшаго въ 1872 г. сильнаго наводненія, было перенесено на версту выше своего первоначальнаго мѣстоположенія. Весь поселокъ лежитъ на площадкѣ у подножія горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Близъ него извѣстный „Чернявскій перекалъ“, фарватеръ котораго обставленъ почему-то вмѣсто бакеновъ—палочками: дешево и сердито. Холодъ увеличивается: всего только 12 градусовъ. Зато чудный солнечный закатъ, свинцово-сѣрыя облака снизу подкрашены яркимъ пурпуромъ, испещренными мелкими перообразными полосками совершенно огненнаго цвѣта. Вообще нигдѣ я не видалъ столь красивыхъ солнечныхъ закатовъ, какъ въ Сибири.

Дальнѣйшее плаваніе по Амуру до Покровской станицы, мѣста развѣтвленія р. Амура на двѣ образующія его рѣки Шилку и Аргунь, засимъ путь по изобилующей перекатами мелководной Шилкѣ до самаго Стрѣтенска не ознаменовались никакими особо выдающимися обстоятельствами, кромѣ опасенія ежеминутно сѣсть на мель. Попутно попадались большія баржи съ солдатами, буксируемыя небольшими пароходами. На берегу въ одномъ мѣстѣ уныло стоялъ, ржавый привезенный моремъ до Владивостока, а оттуда по Амуру и Шилкѣ слѣдовавшій въ Стрѣтенскъ для Забайкальской дороги паровозъ: по мелководью въ свое время баржа, на которую онъ былъ погруженъ, не могла слѣдовать далѣе, и злополучный паровозъ былъ выгруженъ почему-то на берегъ, гдѣ колеса его уже успѣли обрости травой. Въ Стрѣтенскѣ мѣстный начальникъ Стрѣтенскаго участка строившейся въ это время Забайкальской дороги любезно подвезъ меня, остатокъ моего строительнаго штата, японскаго атташе Мурата и еще нѣсколькихъ знакомыхъ путниковъ до конца участка, близъ г. Нерчинска на рабочемъ поѣздѣ, а засимъ частью на лошадяхъ, частью на рабочихъ поѣздахъ Забайкальской дороги добрались мы до Читы. Чита зловонная деревня, расположенная въ песчаной долинѣ, гдѣ пыль бьетъ глаза, а ноги по щиколотку вязнуть въ песокъ, населенная по преимуществу ссыльно-политическимъ элементомъ, между прочимъ и поляками, принимавшими участіе въ возстаніи 1863 г.

Дальнѣйшій путь нашъ былъ снова на лошадяхъ. Переваль черезъ Яблоновый хребетъ, бурятскія грязныя деревни, лиственные дремучіе лѣса, спаленные на протяженіи десятковъ верстъ палами; бѣшено быстрая ѣзда на невзрачныхъ на первый взглядъ бурятскихъ лошадакахъ, впряженныхъ въ тарантасы при помощи „веревочной“ упряжи—вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя сохранились у меня въ памяти о пути отъ Читы до

самаго Верхнеудинска. Засимъ плаванье по р. Селенгѣ, полноводному притоку Байкала, съ весьма красивыми берегами и опаснымъ водоворотомъ, такъ называемымъ „Тараканьимъ уловомъ“, подъ отвѣсною скалою—до Прибайкальскаго почтоваго тракта. Ночевка въ почтовой станціи, гдѣ насъ угостили ухомъ изъ знаменитаго байкальскаго „омуля“. Переправа черезъ величественный чарующій взоры Байкаль между Мысовою и Лиственичною—на деревянномъ утломъ пароходикѣ, вмѣстѣ со скотомъ и подводами. Бѣшеная скачка на тройкахъ по почтовому тракту отъ Лиственичной до Иркутска съ вынутымъ наготовѣ револьверомъ (т. к. за два дня до нашего проѣзда имѣло мѣсто нападеніе ссыльныхъ черкесовъ на почту, при чемъ были убиты почтальонъ и ящикъ) и, наконецъ, кратковременное пребываніе въ Иркутскѣ, который показался мнѣ чѣмъ-то вроде Парижа послѣ всѣхъ трущобъ Дальняго русскаго Востока,—вотъ тѣ конечныя впечатлѣнія моей неудачной Маньчжурской поѣздки.

Сѣвъ въ Сибирскій экспрессъ, я въ концѣ іюня 1899 г. вернулся въ Москву, весь разбитый, какъ было упомянуто выше, и душою и тѣломъ, безъ мѣста и какихъ-либо надеждъ на будущее.

ГЛАВА V.

Изысканія подмосковныхъ вѣтвей.—Служба въ Сибири.—Служба на Николаевской дорогѣ.—1905 годъ.

Выбраться изъ печальныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я находился, помогли мнѣ и словомъ и дѣломъ мои товарищи по выпуску: А. Е. Плакида, В. В. Тимофеевъ-Рясовскій. Последний строившій въ это время Павелецкую и Смоленско-Данковскую линіи Рязанско-Уральской дороги, предоставилъ мнѣ производство изысканій двухъ подмосковныхъ вѣтвей: Царицыно-Крюково и Пахра-Крюково, для соединенія Павелецкой съ Николаевской дорогою. Последнюю изъ вѣтвей пришлось, между прочимъ, вести черезъ извѣстное имѣніе Великаго Князя Сергія Александровича „Ильинское“, находящееся на берегу р. Москвы. Когда я просилъ управляющаго имѣніемъ доложить Великому Князю, что прошу разрѣшенія пройти по его владѣніямъ, то послѣдній замѣтилъ управляющему: „Передайте инженеру, что если онъ проведетъ линію у Ильинскаго, то свистки паровозовъ и грохотъ поѣздовъ нарушатъ прелесть тишины и спокойствія Ильинскаго, спугнуть рыбу, которую я люблю ловить,

и вынудить меня въ концѣ концовъ бросить мою усадьбу. Препятствовать трасировкѣ я не считаю себя въ правѣ, но передайте, пожалуйста, ему мои слова“.

Послѣ сказаннаго мнѣ пришлось конечно отвести линію на три версты выше Ильинскаго, намѣтивъ ее по владѣніямъ князя Голицына. По особой случайности управляющій Великаго Князя былъ у него съ докладомъ въ Москвѣ о томъ, что я, подчиняясь желанію В. Князя—отвелъ линію—въ то самое время, когда у него былъ въ кабинетѣ князь Голицынъ. Великій Князь, выслушавъ управляющаго, обратился съ улыбкой къ князю Голицыну и сказалъ: „Ну, князь, поздравляю Васъ, отнынѣ будутъ тревожить Ваше спокойствіе свистки и грохотанье поѣздовъ“. На замѣчаніе князя Голицына, „что онъ не допуститъ проведенія по своимъ владѣніямъ какой бы то ни было линіи“ Великій Князь возразилъ: „Не имѣете права, придется подчиниться“. Передаю весь этотъ разговоръ конечно со словъ управляющаго Великаго Князя.

Вскорѣ послѣ сего я получилъ мѣсто помощника начальника службы пути соединенныхъ Западной и Восточно-Сибирскихъ дорогъ, гдѣ провелъ три года, при чемъ на мою долю выпало всецѣло весьма нелегкое дѣло поддержанія пути въ должной исправности и организаціи: производство сплошной смѣны рельсовъ типа 18 фунт. въ пог. футъ на типъ 24 фунта въ пог. футъ, при совершенно исключительныхъ условіяхъ:—мобилизаціи во время Китайской войны.

Организація самихъ работъ представляла значительныя трудности, одною изъ основныхъ которыхъ являлось почти полное отсутствіе сколько-нибудь опытнаго не только въ смѣнѣ рельсовъ, но вообще въ какихъ бы то ни было путевыхъ работахъ личнаго состава. Обстоятельство это ничуть не удивительно, если принять въ соображеніе ту страшную смѣняемость въ служащихъ, которая наблюдалась изъ года въ годъ на Сибирской дорогѣ; таблицы увольняемости, составленныя завѣдывающимъ пенсіонною кассою Сибирской желѣзной дороги, показывали, что подавляющее большинство лицъ, оставляющихъ службу на Сибирской дорогѣ, уходитъ по собственному желанію, благодаря непріятнымъ условіямъ службы, климатическимъ невзгодамъ, отдаленности и некультурности края, дороговизнѣ жизни и полной необезпеченности. Такъ, напримѣръ, въ 1898 г. уволилось 3.293 чел., въ 1899 г.—4.257, въ 1900 г.—3.809 и т. д.

Понятно, что при такихъ условіяхъ не было возможности

создать сколько-нибудь опытный составъ людей. Приходилось выписывать ихъ изъ Россіи. Но за весьма немногими исключеніями удавалось заполучить, конечно, только такихъ служащихъ, которые по разнымъ причинамъ не могли удержаться въ Россіи. Вѣрять такимъ агентамъ отвѣтственныя работы было крайне рискованно, но волею неволею приходилось мириться и съ этимъ. Съ цѣлью организовать сколько-нибудь удовлетворительно работу смѣны, мною было выписано съ различныхъ дорогъ разновременно за два года 26 опытныхъ и болѣе или менѣе благонадежныхъ дорожныхъ мастеровъ, лично извѣстныхъ мнѣ или кому-нибудь изъ агентовъ дороги по предпешствующей совмѣстной службѣ въ Россіи, при томъ на значительно повышенныхъ противъ окладовъ Европейской Россіи условіяхъ. Опытъ показалъ, что и эти „лучшіе“ дорожные мастера по истеченіи изумительно быстрого времени портились, начинали лѣниться, небрежно вести дѣло, пьянствовать и приписывать въ табеляхъ. Наиболѣе же порядочные уходили, умоляя ихъ отпустить обратно въ Россію иногда даже на гораздо болѣе низкіе оклады, чѣмъ тѣ, которые они получали тамъ до своего перехода въ Сибирь, а иногда уходили даже прямо на „ура“, безъ надежды на мѣсто.

Трудно себѣ представить, какъ велись при такихъ условіяхъ работы, и на какія непростительныя упущенія приходилось наталкиваться чуть ли не на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, при осмотрѣ мною работъ при сплошной смѣнѣ въ 1901 г. получилась нижеслѣдующая картина: почти на всѣхъ участкахъ новое и старое скрѣпленіе валялось на протяженіи цѣлыхъ верстъ безъ уборки, позволяя самую легкую поправку. Болты на смѣненныхъ рельсахъ были слабо подтянуты, а мѣстами уложены не по чертежу, такъ, что благодаря близости головки костыля, ихъ нельзя было заболтить надлежащимъ образомъ. Подъ нѣкоторыми стыковыми шпалами и подъ промежуточными подкладками съ реборами допущены малопостылистые и даже маломѣрные шпалы, такъ что края подкладокъ были на вѣсу. Стыки въ большинствѣ случаевъ не по угольнику. Въ нѣкоторыхъ шпалахъ затеска сдѣлана не по шаблону, а криво, такъ что между подкладкой и шпалой угловой прозоръ. Изъ особо крупныхъ непорядковъ замѣчены были мною: укладка на одной кривой на правой колѣѣ рядомъ рубки въ семь сотыхъ и двадцать три сотыхъ сажени, а на лѣвой колѣѣ, напротивъ, рубки въ двадцать шесть сотыхъ.

На другомъ участкѣ уложена была на прямой въ мѣстѣ

смычки съ легкими рельсами на правой колеѣ рубка въ пять сотокъ, а рядомъ съ ней въ прозорѣ между торцомъ рубки и торцомъ рельса засунуть для заполнения пространства стыковой костыль. Нѣсколько костылей забиты *мимо* шпалъ въ балластъ, а подкладки положены косо. Приходилось неустанно учить, учить и брать одною лишь упорною настойчивостью, ибо къ сколько-нибудь серьезнымъ взысканіямъ прибѣгать было совершенно немыслимо: люди тотчасъ же уходили. Крайнее затрудненіе представляло собою образованіе кадра даже опытныхъ простыхъ рабочихъ, такъ какъ были участки, напимѣръ, между Канскомъ и Нижнеудинскомъ, между ст. Зимою и Иркутскомъ и другими, гдѣ въ рабочую пору „ни за какія деньги“ нельзя было достать рабочихъ вообще.

Приходилось возить на такіе участки рабочихъ со ст. Оби или еще изъ болѣе далекихъ мѣстъ, напимѣръ, изъ Каинска и Омска, т.-е. въ разстояніи въ первомъ случаѣ около 595 верстъ, во второмъ, свыше 1.200 верстъ, въ третьемъ, свыше 1.500 верстъ. На долю начальниковъ участковъ, гдѣ производилась смѣна, выпадала тогда такая еще далеко нелегкая обязанность заботиться о продовольствіи всей толпы пріѣзжихъ рабочихъ, что сопряжено было подчасъ съ огромными трудностями, въ виду неимѣнія продуктовъ на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе несмотря на столь неблагоприятныя условія, удалось за восемь мѣсяцевъ работы 1901 и 1902 г.г. (по четыре въ годъ) смѣнить 894 верстъ рельсовъ при одномъ только незначительномъ сходѣ поѣзда по винѣ одного изъ дорожныхъ мастеровъ укладчиковъ.

Не менѣе тяжела была сама жизнь въ Томскѣ: крайне суровый климатъ, съ весьма рѣзкими колебаніями температуры, при обилии подпочвенной воды, и даже цѣлыхъ трясинъ на главныхъ улицахъ города; рѣзкіе вѣтры съ одной стороны, съ другой же—мало располагающее къ себѣ мѣстное населеніе, въ значительномъ числѣ состоящее изъ ссыльныхъ или ихъ потомства; частые грабежи (за два года до моего пребыванія въ Томскѣ было еще такое времячко, когда по улицамъ города ночью разбѣжали на лихихъ тройкахъ въ большихъ „кошевкахъ“ (санияхъ, обшитыхъ рогожами) „молодцы“ и закидывали арканы на прохожихъ, притягивая ихъ къ своимъ саниямъ, и обирали засимъ какъ липку).

Дороговизна квартиръ и многихъ предметовъ первой необходимости, недостатокъ въ надежной прислугѣ (мою жену чуть-чуть не задушила уволенная ею кухарка изъ ссыльныхъ),—

все это были такія обстоятельства, которыя заставляли каждаго семейнаго человѣка стремиться возможно скорѣе выбраться изъ злополучнаго города. Послѣ 2-хъ-лѣтняго пребыванія въ Томскѣ здоровье жены моей пришло въ такое состояніе, что пришлось отправить ее съ семьей сначала лѣчиться за границу, а засимъ оставить окончательно въ Москвѣ, а самому начать съ того времени „бобылю“ жизнь. Проводить семью за границу удалось мнѣ съ большими затрудненіями, получивъ отпускъ, я былъ вызванъ начальствомъ въ Томскъ обратно на мѣсяць ранѣе окончанія такового: „безъ меня не могли справиться съ дѣломъ“.—Это было очень лестно, но въ то же время по меньшей мѣрѣ—безчеловѣчно. Пришлось подчиниться и бросить едва-едва начавшую поправляться отъ „Томской жизни“ жену и летѣть сломя голову снова въ Сибирь.

Позволю себѣ здѣсь сдѣлать нѣкоторое отступленіе и описать одинъ изъ эпизодовъ кратковременнаго пребыванія моего за границей, могущій имѣть общій интересъ: я говорю о посѣщеніи моемъ работъ по прорытію Симплонскаго туннеля, одного изъ величайшихъ сооружений XX столѣтія.

Туннель (слово англійское=труба) въ инженерномъ дѣлѣ называется такое сооруженіе, которое служитъ для подземнаго пропуска того или другого пути сообщенія, т. е. желѣзной дороги, шоссе или канала. Историческая справка показываетъ, что съ постройкою туннелей были знакомы еще въ глубокой древности, такъ напримѣръ, Ассирійскій царь Навуходоносоръ прокопалъ подземный ходъ подъ р. Евфратомъ къ капищу Ваала. Извѣстный историкъ Геродотъ упоминаетъ о туннелѣ длиною 600 сажень на островѣ Самосѣ. Римлянамъ также было небезызвѣстно искусство прорытія туннелей, о чемъ свидѣлствуетъ знаменитый т. н. Гротъ Посилипса длиною около 1 километра между Неаполемъ и его предмѣстьемъ. Засимъ въ средніе вѣка замѣчается полный застой сказаннаго рода построекъ и только изобрѣтеніе пороха даетъ могущій толчекъ этой отрасли инженернаго дѣла.

Первый туннель сооружается въ XVII вѣкѣ—это такъ называемый „Мальпасскій туннель“ въ Франціи для пропуска извѣстнаго Лангедокскаго канала. Въ томъ же XVII вѣкѣ прорывается знаменитый „Ugner Loch“ въ С.-Готтардскомъ проходѣ и засимъ въ XVIII вѣкѣ сооружается С.-Кентинскій туннель во Франціи для пропуска одноименнаго канала.

Но особеннаго развитія достигаетъ эта отрасль инженернаго

искусства въ XIX и XX вѣкахъ, послѣ изобрѣтенія динамита въ связи съ необходимостью прохода желѣзныхъ дорогъ.

Такимъ образомъ сооружаются послѣдовательно туннели: въ 1857 г. Монтъ-Сенискій, въ 1877 г.—С. - Готтардскій, въ 1880 г.—Арльбергскій и наконецъ въ 1899 г.—Симплонскій.

Россія также не отстаетъ отъ прочихъ европейскихъ странъ и сооружаетъ при проведеніи желѣзныхъ дорогъ: СпБурго-Варшавскій-Виленскій и Ковенскіе туннели, длиною первый—200 саж., а второй—600 саж. Засимъ при постройкѣ Ловово-Севастопольской дороги—цѣлый рядъ туннелей на Крымскомъ полуостровѣ; при постройкѣ Закавказскихъ дорогъ—знаменитый Сурамскій туннель длиною 4 версты. Послѣ сего сооруженія послѣдовательно туннели: на Новоселицкихъ вѣтвяхъ Юго-Западныхъ дорогъ. На Новороссійской вѣтви—Владикавказкой дороги. На Тифлисъ-Карской дорогѣ и, наконецъ, Хинганскій туннель (1.328 саж.) на Маньчжурской дорогѣ и 34 туннеля длиною отъ 7 до 370 саж. на кругобайкальской дорогѣ.

Въ нижеприводимой таблицѣ приведено нѣсколько любопытныхъ данныхъ по наиболѣе выдающимся изъ современныхъ туннелей.

	НАИМЕНОВАНИЕ ТУННЕЛЕЙ.				
	М. Сени.	С. Готтардъ.	Арльбергъ.	Сурамъ.	Симплонъ.
1. Длина (въ километрахъ)	12 ¹ / ₄	15	10 ¹ / ₄	4	20
2. Продолжительность работы (въ годахъ).	14	9 ³ / ₄	4	4 ¹ / ₄	4 ³ / ₄
3. Годовой успѣхъ работъ (въ километрахъ)	0.88	1.61	2.56	0.94	4.20
4. Средній суточный успѣхъ буренія (въ метрахъ).	1 ¹ / ₂	3	4 ³ / ₄	2 ³ / ₄	6
5. Максимальный успѣхъ буренія (въ метрахъ).	3	7	8	10 ¹ / ₂	8
6. Полная стоимость туннели (въ франк.).	75.500.000	58.543.000	40.833.000	15.000.000	75.000.000
7. Стоимость на 1 пог. метръ (въ франк.).	5.875	3.975	3.975	3.790	3.750
8. Стоимость одного оборудованія (въ франкахъ).	3.500.000	4.355.500	3.567.000	—	7.000.000

Перехожу собственно къ Симплонскому туннелю, прорытіе котораго имѣеть почти міровое значеніе въ дѣлѣ международныхъ сообщеній. Туннель этотъ подземнымъ путемъ подъ горою Симплонъ соединяетъ между собою Швейцарію (городокъ Бригъ въ долині р. Роны) съ Италіею (городокъ Изелле).

Гора Симплонъ составляетъ часть Лепонтинскихъ Альпъ, образующихъ часть границы между Швейцаріей и Италіей. Вершина Симплона достигаетъ высоты до 3.360 метровъ надъ уровнемъ моря, и вдоль одного изъ его склоновъ вѣтся знаменитый Симплонскій проходъ—шоссейная дорога, достигающая высоты до 2.000 метровъ. Самъ проходъ ведетъ изъ Брига, въ долині Роны, до Домодоссолы—деревни на берегу рѣки Точін, впадающей въ озеро Маджоре.

Во время римлянъ Альпы представляли непреодолимыя препятствія свободному международному сообщенію, и послѣднее съ большимъ трудомъ поддерживалось небольшимъ числомъ проходовъ. Въ тѣ времена были извѣстны только проходы большой и малый St-Bernhard, а также Бреннеръ, отличающійся незначительной высотой (1.362 метра). Очень трудный проходъ черезъ С.-Готтардъ сталъ извѣстенъ только съ 1293 года.

Съ возрастаніемъ сношеній съ Индіей и Китаемъ черезъ Средиземное море увеличилось и число проходовъ черезъ Альпы, при чемъ еле проходимыя тропинки стали разрабатывать въ проѣзжія дороги. Въ 1772 г. черезъ Бреннеръ была устроена прекрасная шоссейная дорога. Вторая дорога черезъ Альпы была вышеупомянутая дорога черезъ Симплонъ, построенная инженеромъ Séard по приказанію Наполеона I-го. Она строилась отъ 1800 до 1806 года и имѣетъ ширину до 9 метровъ, при чемъ проходить черезъ 611 мостовъ и множество туннелей; наибольшіе подъемы доходятъ до 0,077; вдоль пути расположено около 20 домовъ для пріюта путешественниковъ. Дорога черезъ С.-Готтардъ, который войска Суворова перешли въ 1799 г. съ невыразимыми трудностями и человѣческими жертвами, была построена только въ 1820—1832 годахъ.

Едва только важнѣйшіе проходы черезъ Альпы стали доступны для проѣзда, какъ, благодаря появленію желѣзныхъ дорогъ, въ области сообщенія наступила новая эпоха.

Проектъ постройки Симплонскаго туннеля возникъ еще давно, а именно въ 1853 г. Въ этомъ году группа французскихъ капиталистовъ получила отъ швейцарскаго правительства концессию и образовала желѣзнодорожное общество подъ названіемъ Ligne d'Italie. Это общество однако не дѣлало никакихъ

серьезныхъ шаговъ для начала работъ по постройкѣ Симплонскаго туннеля и повидимому приобрѣло концессию съ цѣлью уступить ее другому обществу. Въ 1865 году общество *Ligne d'Italie* обанкротилось, и оно было преобразовано сначала въ общество Симплонской желѣзной дороги, а затѣмъ въ общество Юра-Симплонской желѣзной дороги. Новое общество для постройки Симплонскаго туннеля также вынуждено было прибѣгнуть къ заграничной поддержкѣ, и оно обратилось къ Италіи и Франціи. Италія обязалась гарантировать на 99 лѣтъ наименьшій доходъ въ 3.000 франковъ съ километра и построить соединительную линію отъ станціи Домодоссолы до Изелле. А во Франціи, по предложенію Гамбетты, французская палата депутатовъ вотировала въ 1874 г. субсидію обществу Юра-Симплонской жел. дороги сначала въ суммѣ 48, а потомъ въ 50.000.000 франковъ; но французское правительство почему-то оставило рѣшеніе палаты безъ послѣдствій, благодаря чему постройка Симплонскаго туннеля затормозилась.

Наконецъ, въ 1891 г. фирма Брандъ, Брандау и Зульцеръ предложила обществу Юра-Симплонской жел. дор. построить Симплонскій туннель, и съ этой фирмой въ 1898 г. былъ заключенъ окончательный контрактъ.

Работы начались на сѣверной сторонѣ (у Брига) 1 августа 1898 г., а на южной сторонѣ (у Изелле) 16 августа того же года, и въ общемъ подвигались настолько быстро и успѣшно, несмотря на весьма огромныя препятствія, главнымъ образомъ въ видѣ потоковъ холодной, а иногда и горячей воды,—преимущественно благодаря прекрасной работѣ гидравлическихъ бурильныхъ машинъ системы Брандта, изъ которыхъ у сѣверной штольни работало по 3 вмѣстѣ, а у южной—по 4,—что зимою 1906 г. весь цивилизованный міръ могъ праздновать открытіе желѣзнодорожнаго движенія черезъ туннель.

Теперь перейду къ личнымъ впечатлѣніямъ по поѣздкѣ для осмотра туннеля. 27 мая 1902 г. я съ сыномъ студентомъ Московскаго университета прибылъ изъ Монте, гдѣ мы жили, въ городокъ Бригъ и отправились въ строительную контору туннеля. Насъ весьма любезно принялъ одинъ изъ инженеровъ Брандта, Брандау и К^о *Carlos Wichern* и выдалъ билетъ (*Carte d'entrée pour la visite des travaux de construction du Tunnel du Simplon*) для безпрепятственнаго осмотра всѣхъ сооружений и мастерскихъ на Швейцарскомъ концѣ туннеля, но заявилъ, что въ самый туннель буду допущенъ одинъ только я, а не сынъ, такъ какъ осмотръ сопряженъ все-таки съ нѣкоторою опасностью,

на что, между прочимъ, указывала и надпись на оборотѣ разрѣшительнаго билета „L'entreprise n'assume aucune responsabilité pour les accidents qui pourraient atteindre les visiteurs“. Засимъ заставили меня росписаться въ особой книгѣ, что, буде со мною случится какое-либо несчастье въ туннелѣ, то я исковъ къ управленію по постройкѣ предъявлять не буду. Послѣ сего сдали меня съ сыномъ десятнику итальянцу m-r Bonvicini, сносно говорившему по-французски, и предупредили меня, что около 5 часовъ дня пойдетъ рабочій поѣздъ, на которомъ мы вмѣстѣ съ нимъ и поѣдемъ во внутренность туннеля, а до поѣзда онъ насъ съ сыномъ поведетъ осматривать всѣ такъ сказать „внѣшнія“ рабочія устройства оборудованія туннеля. Мы осмотрѣли послѣдовательно: грандіозную мастерскую съ турбинами, приводимыми въ движеніе водою изъ запруды на р. Ронѣ и въ свою очередь приводящими въ движеніе: а) динамо-машины электрическаго оборудованія всѣхъ мастерскихъ, б) насосы высокаго давленія, доставляющіе воду подъ высокимъ давленіемъ въ 120 атмосферъ (1 атмосфера=15 фунтамъ) для приведенія въ дѣйствіе бурильных машинъ внутри туннеля и вентиляторовъ, нагнетающихъ воздухъ въ внутрь туннеля и в) воздушные компрессоры, доставляющіе сжатый воздухъ подъ давленіемъ 100 атмосферъ для приведенія въ дѣйствіе особыхъ паровозиковъ, возящихъ поѣзда съ вагончиками внутри туннеля (дабы избѣжать копоти и дыма обыкновенныхъ паровозовъ).

Около 5-ти часовъ дня нашъ чичероне предупредилъ меня, что пора „одѣваться“, чтобы ѣхать въ туннель. Меня отвели въ обширное зданіе рабочей „бани“, раздѣленнаго на „раздѣвальню“ и собственно помѣщеніе „ваннъ и душей“. Заставили снять платье, сапоги и шляпу и облекли въ рабочій прорезиненный костюмъ, состоящій изъ рубашки, брюкъ, пояса съ пристегнутой предохранительной лампочкой. Съ большимъ отвращеніемъ надѣлъ я засимъ вонючіе высокіе довольно грязные сапоги какого-то рабочаго и не менѣ засаленную фетровую шляпу, простился съ сыномъ, который пошелъ бродить по городку Бригъ, и немедленно залѣзъ на край борта одного изъ вагончиковъ рабочаго поѣзда, направлявшагося въ туннель для вывозки обломковъ взорванныхъ каменныхъ породъ. Противъ меня на другомъ вагончикѣ помѣстился мой провожатый, предупредившій, чтобы я крѣпче держался, такъ какъ не далѣе какъ за нѣсколько дней до сего одинъ неосторожный туристъ свалился съ такого вагончика и былъ раздавленъ между буферами.

Подъѣзжаемъ къ входу въ туннель. Этотъ послѣдній состоитъ собственно изъ 2-хъ параллельныхъ отдѣльныхъ независимыхъ другъ отъ друга однопутныхъ туннелей №№ I и II, расположенныхъ въ разстояніи 17 метровъ центръ отъ центра и соединяющихся между собою черезъ каждые 200 метровъ поперечными косыми галлереями, запирающимися особыми почти герметическими воротами. Изъ сказанныхъ 2-хъ сооружений только одинъ № I получаетъ полную проектную профиль, а именно ширину 4,5 метра и высоту 5,5 метровъ, туннель же № II временно разработанъ лишь до ширины 3,2 метра и высоты 2,45 метра и служитъ для доставки воздуха и строительныхъ матеріаловъ въ туннель № I, а также для выпуска воды изъ послѣдняго. Расширеніе же второго туннеля до полной профили должно послѣдовать лишь тогда, когда доходъ линіи Изелле-Бригъ-Лозанна превыситъ 500.000 франковъ съ километра ¹⁾).

При входѣ въ туннель № I находится высокая башня съ 2-мя гигантскими центробѣжными вентиляторами, діаметромъ каждый въ 3,75 метра, доставляющими каждый по 25 кубическихъ метровъ воздуха въ секунду. Устройство вентиляторовъ таково, что оба они могутъ или одновременно накачивать воздухъ въ туннель или же выкачивать, или же, наконецъ, одинъ накачивать, а другой выкачивать воздухъ. Опытъ постройки различныхъ швейцарскихъ туннелей предшественниковъ Симплонскаго показалъ, что одной только вентиляціи недостаточно для поддержанія удовлетворительныхъ санитарныхъ условій для рабочихъ, а что приходится бороться еще и съ довольно высокою температурою нѣдръ земли. Предварительныя изысканія геологовъ дали возможность опредѣлить вѣроятную температуру подъ наивысшей точкой, лежащей надъ Симплонскимъ туннелемъ въ $+42^{\circ}$ Ц. Опытъ показалъ, что по мѣрѣ удаленія въ глубь туннеля (а именно на разстояніи около 7 километровъ отъ начала) температура достигла уже $+52^{\circ}$ Ц. Въ виду сего пришлось придумать какія-нибудь мѣры для борьбы съ теплотою при помощи холодной воды. Съ этою цѣлью въ туннель № II (слѣва) была уложена система желѣзныхъ трубъ (діаметромъ 25 м/м.), снабженныхъ большимъ числомъ очень маленькихъ отверстій, черезъ которыя вода пульверизировала подъ давленіемъ въ 42 атмосферы, охлаждая нагнетаемый вентиляторами воздухъ. Благодаря этимъ мѣрамъ удалось сдѣлать

¹⁾ Эта работа производится въ настоящее время.

безвредной теплоту, выделявшуюся со стѣнъ туннеля и изъ встрѣчавшихся въ значительномъ количествѣ горячихъ ключей. Въ томъ же маломъ туннелѣ № II (съ правой стороны) расположены одинъ надъ другимъ еще два трубопровода: 1) нижній (діаметромъ 50 м/м.), ведущій сжатый (подъ давленіемъ 100 атмосферъ) воздухъ отъ упомянутыхъ выше компрессоровъ до особыхъ желѣзныхъ резервуаровъ (изъ тянутыхъ по системѣ Манесмана желѣзныхъ трубъ)—для снабженія вышеописанныхъ воздушныхъ паровозиковъ рабочимъ воздухомъ и 2) верхній (діаметромъ 250 м/м.)—по которому вода отъ насосовъ высокаго давленія въ 120 атмосферъ проводится до буровыхъ машинъ системы Брандта. Названные трубопроводы изолированы двойною оболочкою, состоящею изъ угольной мелочи, сверхъ которыхъ обшивка изъ тонкихъ досокъ.

Мы нырнули въ туннель: грохотъ поѣзда, лязгъ вагонныхъ цѣпей отъ треска по кое-какъ уложеннымъ, покатѣннымъ работою рельсамъ, темнота, еле-еле прерываемая тусклымъ свѣтомъ едва-едва мерцающихъ кое-гдѣ лампочекъ, постепенно увеличивающаяся духота, капли влаги, падающія съ свода туннеля—все это на свѣжаго человѣка производитъ первое время ошеломляющее дѣйствіе. Такъ и кажется, что ѣдешь въ преисподнюю и никогда не увидишь больше блага свѣта. Спутникъ отъ времени до времени покрикивалъ „Tenez bien ferme“, а поѣздъ несется съ совершенно небезопасною быстротою. Запахло вдругъ чеснокомъ, а вдали сталъ усиливаться свѣтъ. Оказалось, что подъѣзжаемъ къ временной станціи на 8 километрѣ, освѣщенной ацетиленовыми горѣлками (отсюда и запахъ чеснока). Вырисовываются какія-то таинственныя фигуры въ такихъ же костюмахъ, какъ и я.

Паровозикъ нашъ, набравъ запасъ сжатого воздуха, везетъ насъ еще немного впередъ. Засимъ слѣзаемъ, близко до мѣста работъ. Температура удушлива, идемъ по водѣ, сверху падаютъ мѣстами уже не капли, а цѣлыя струи горячей воды. Все чаще и чаще попадаются рабочіе. Наконецъ доходимъ и до самаго мѣста работъ. Представьте себѣ невысокую пещеру, нѣсколько лучше освѣщенную прочей части туннеля, стѣны которой состоятъ изъ зеленоватыхъ массивовъ гнейса и блестятъ отъ многочисленныхъ вкрапленныхъ въ него блескокъ слюды. Въ торцовую стѣну пещеры уперты своими сварлами три сверлильныхъ машины (системы Брандта), производящія благодаря наличію передвижныхъ станковъ, на которыхъ онѣ покоятся, впечатлѣніе тоненькихъ длинныхъ пущекъ на лафетахъ. Каждое

такое сверло приводится въ движеніе, какъ было указано выше, водою подъ давленіемъ до 120 атмосферъ и въ продолженіе отъ 2 до 3 часовъ углубляется въ скалу на протяженіи отъ 1 до 1½ метра. Послѣ чего въ высверленную дыру вставляются динамитные патроны, сверлильныя машины, и рабочіе удаляются на безопасное разстояніе и засимъ производится взрывъ скалы. Такіе взрывы повторяются отъ 4 до 6 разъ въ день и требуютъ до 500 килограммовъ динамита въ день. Въ дальнѣйшемъ работы по пробивкѣ туннеля ведутся, такъ называемымъ, „австрійскимъ“ способомъ, т.-е. сначала пробивается только-что описаннымъ путемъ нижняя галлерей (ближе къ подошвѣ туннеля), засимъ дѣлаются вертикальныя шахты, верхняя галлерей и, наконецъ, разрабатываютъ между верхнею и нижнею галлерейми окончательно туннель до проектнаго профиля. Глыбы и болѣе мелкіе куски взорванныхъ и разбитыхъ породъ вывозятся рабочими поѣздами наружу туннеля.

Особенной предосторожности требуетъ обращеніе съ динамитомъ. Сей послѣдній доставляется къ мѣсту работъ не поѣздами, а надежными рабочими, сигналомъ прохода которыхъ служатъ фіолетовые фонари, при-чемъ при приближеніи этихъ носильщиковъ и до прохода на вполне безопасное разстояніе, всякая работа близъ нихъ прекращается. Замѣчу, что для взрыва вмѣсто динамита пробовали употреблять жидкій воздухъ, но опыты дали не совсѣмъ удовлетворительные результаты.

Стоя у мѣста работъ, я разговаривалъ съ нѣкоторыми рабочими по поводу, какъ состава ихъ артелей, наемной платы, такъ и санитарныхъ условій, при которыхъ имъ приходится работать. Оказалось, что общее число рабочихъ доходитъ до 2.000, при чемъ большую часть изъ нихъ составляютъ „Пьемонтцы“ (типъ бѣлокурый съ голубыми или черными глазами), есть и швейцарцы, но немного. „Бурильщики“ (при сверлильныхъ машинахъ) получаютъ по 8 франковъ за 8 рабочихъ часовъ. „Минеры“ (при производствѣ взрывовъ и разработкѣ туннеля послѣ производства взрыва до нормальнаго профиля) по 5 франковъ за тѣ же 8 часовъ. Прочіе рабочіе—по 4, 5 франка за 8 рабочихъ часовъ. Это т.-е. начальная плата, засимъ по мѣрѣ углубленія въ гору, къ платѣ присоединяется прибавка за каждый километръ въ размѣрѣ отъ 15 до 20 сантимовъ. Работаютъ рабочіе въ три смѣны; отъ 6 час. утра до 2 час. дня—1-я, отъ 2 ч. дня до 10 ч. вечера—2-я и отъ 10 час. вечера до 6 ч. утра—3-я. Компанія по постройкѣ туннеля

за 1 франкъ 10 сант. въ день даетъ каждому квартиру и пищу (безъ вина). Санитарныя условія весьма удовлетворительныя. Каждый рабочій передъ отправленіемъ на работу мѣняетъ свой обычный костюмъ въ упомянутой выше раздѣвальнѣ при банѣ на рабочій, подобно описанному мною, предварительно дезинфицированный паромъ и просушенный въ паровой сушилкѣ. По возвращеніи съ работъ принимаетъ душъ и засимъ облачается въ свой обычный костюмъ. Внутри туннеля находятся земляные клозеты, дезинфицируемые известью. Для питья отварная вода въ бутылкахъ. Ъда же внутри туннеля безусловно воспрещена. Это послѣднее обстоятельство вызвано нижеслѣдующими соображеніями: при прорытіи швейцарскихъ туннелей оказалось, что насыщенный избыткомъ углекислоты и сыростью воздухъ дурно вліяетъ на сердце и легкія, затрудняетъ обмѣнъ веществъ, и туннельная пыль закупориваетъ поры тѣла какъ бы мазью. Какъ послѣдствія являются затрудненіе дыханія, учащеніе бѣненія пульса, усталость, вялость, острое малокровіе и даже обмороки. Совокупность сказанныхъ явленій характеризовалась прежде однимъ наименованіемъ „горной анеміей“. Однако чисто эпидемическій характеръ сказанной болѣзни, особенно при прорытіи С.-Готтардскаго туннеля, навелъ на мысль искать глубже причину сказанныхъ явленій, тѣмъ болѣе, что при вскрытіи одного умершаго рабочаго нашли въ его кишечникѣ до 1.500 червей типа, открытаго еще въ 1838 г. докторомъ Dubini. Это былъ родъ кишечной пѣявки, окрещенной названіемъ *Anchylostoma duodenale* Dubini. Пѣявка эта, пасть которой снабжена шестью крюкообразными присосками, высасываетъ кровь человѣка. По изслѣдованіямъ доктора Гольдмана оказывается, что при самомъ слабомъ наличіи анхилостомы въ кишечникѣ—человѣкъ теряетъ не менѣе 10 граммъ крови ежедневно.

Такимъ образомъ понятно, что при крайней плодовитости сказанной пѣявки и ея жизнеспособности (до 6 лѣтъ) и заразительности анхилостомы является ужаснымъ бичомъ въ туннельномъ дѣлѣ. Вотъ почему администраціей работъ и были приняты вышеуказанныя мѣры предосторожности по отношенію къ пищѣ, водѣ и пользованію отхожими мѣстами.

Что касается до несчастныхъ случаевъ при работахъ въ туннелѣ, то ихъ было довольно много, но съ смертельнымъ исходомъ только 44. Рабочимъ, лишившимся жизни при сооруженіи туннелей, проектируется поставить памятникъ въ видѣ гранитной скалы съ обозначеніемъ на ней именъ погибшихъ

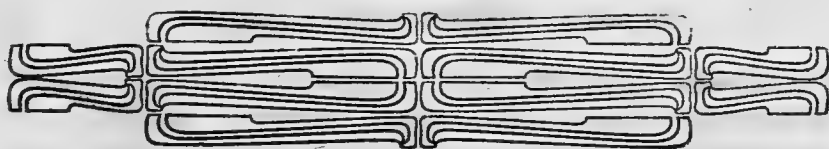
и слѣдующею надписью: „подъ властнымъ безостановочномъ шествіемъ культуры, пробуравившіе гранитное основаніе этой скалистой горы, простые пионеры труда оставили здѣсь свою жизнь и кровь, умирая въ темнотѣ, но не безплодно“.

Взявъ на память кусокъ отломанной при мнѣ взрывомъ гнейсовой скалы, я съ своимъ чичероне побрелъ вспять, шлепая по водѣ до мѣста остановки нашего поѣзда, нагрузившагося тѣмъ временемъ обломками скалъ. Снова застѣли мы на вагонетки, на этотъ разъ на острые куски камней и съ прежнимъ грохотомъ и лязгомъ двинулись въ обратный путь. По мѣрѣ приближенія къ выходу изъ туннеля становилось все прохладнѣе и прохладнѣе. Наконецъ вылетѣли мы на волю; На небѣ уже взошла луна и ярко мерцали звѣзды. Казалось очень холодно. Но какое-то чувство необычайной радости охватило меня, что вырвался изъ преисподней. Полною грудью вдыхалъ я свѣжій воздухъ. Вдали раздавалась подъ аккомпаниментъ мандолинъ извѣстная пѣсня „Santa Lucia“, какъ сказано было выше (большинство рабочихъ здѣсь итальянцы). Услужливый чичероне свелъ меня снова въ баню. Сбросивъ съ себя грязныя рабочія ризы, вставъ подъ благодѣтельный душъ и облекшись въ собственный костюмъ, я почувствовалъ себя окончательно воскресшимъ, поблагодарилъ своего проводника и, выйдя изъ воротъ двора строительной конторы, столкнулся съ сыномъ, который безъ меня успѣлъ всесторонне ознакомиться съ Бригомъ и его окрестностями. Пообѣдавъ въ свое удовольствіе въ желѣзнодорожномъ ресторанѣ, мы отправились ночевать въ гостиницу, гдѣ на и подъ мягкими перинами забылись въ крѣпкомъ снѣ отъ дневныхъ тревоженій. Такъ кончилось мое знакомство съ однимъ изъ величайшихъ сооружений инженернаго искусства XX столѣтія.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великій князь Николай Михайловичъ ¹⁾.

Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна.

Императоръ Александръ I и представители русской дипломатіи въ 1820 г.

По окончаніи войны съ Наполеономъ, Императоръ Александръ возвратился въ Россію утомленный и пресыщенный славою; подъ впечатлѣніемъ ужасовъ военнаго времени, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, онъ жаждалъ мира.

„Я слишкомъ близко видѣлъ войну, чтобы не возненавидѣть ее“, сказалъ онъ однажды австрійскому посланнику, „я утомленъ ею. Слава, которую она даетъ, и ея мимолетный блескъ удовлетворяютъ только самолюбіе и гордость и не заставятъ позабыть ея ужасовъ“.

Миролюбиво настроенный Императоръ „напрягалъ всѣ силы, чтобы сохранить миръ и не втягивать Россію въ новыя войны“, а между тѣмъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ спокойствію Европы угрожало возстаніе, вспыхнувшее въ Греціи, и русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Каподистріа, „всеми силами старался вовлечь Россію въ войну съ Турціей, для освобожденія грековъ отъ турецкаго произвола“, это создавало въ Петербургѣ самую тяжелую, тревожную атмосферу и было причиною полной неопредѣленности тогдашней политики русскаго кабинета, его постоянныхъ колебаній, которыя глубоко изумляли австрійскихъ дипломатовъ. „La Russie ne marche pas, elle tâtonne“, писалъ Меттернихъ Лебцельтерну.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ Январь 1914 г.

„Всегда вѣрно осведомленный, Меттернихъ зналъ все подробности трений, происходившихъ въ Петербургѣ. Онъ сообразовалъ свои дѣйствія съ минутными настроеніями русскаго Государя, то подпадавшаго подъ вліяніе увлекательнаго грека, Каподистрія, то склонявшагося въ сторону бездарнаго и маленькаго Нессельроде, всегда находившагося подъ полнымъ очарованіемъ ловкаго Меттерниха. Въ виду отсутствія въ тѣ времена желѣзныхъ дорогъ, курьеры ѣздили сравнительно долго между Петербургомъ и Вѣной, а за это время приходилось нерѣдко мѣнять распоряженія, давать новыя инструкціи Лебцельтерну и соображаться съ переменами настроенія у Александра Павловича“. Меттернихъ сумѣлъ вѣрно оцѣнить положеніе и, видя бездарность русскихъ дипломатовъ и полную несогласованность ихъ дѣйствій, извлекъ изъ этихъ данныхъ выгоду для Австріи, которой онъ ревностно служилъ, и въ результатъ оказалось, что „Россія, которая со временъ Екатерины II повелѣвала на берегахъ Босфора самовластно и безконтрольно, съ легкимъ сердцемъ передала первенствующую роль на Востокъ Англіи и безотчетно подготавливала почву для вліянія Австріи на Балканахъ“.

Неувѣренные и колеблющіеся шаги русской дипломатіи и несогласованность дѣйствій представителей Россіи, ведшихъ одновременно разнородную политику, не только изумляли, но глубоко волновали иностранные кабинеты, такъ какъ невозможно было предвидѣть, какое вліяніе возьметъ, въ концѣ концовъ, верхъ въ Петербургѣ. Александру Павловичу это было извѣстно, и онъ пользовался своими бесѣдами съ Лебцельтерномъ и съ другими представителями иностранныхъ державъ, чтобы черезъ нихъ успокаивать своихъ союзниковъ и, въ особенности, императора Франца, къ которому Государь неизмѣнно питалъ чувство величайшей пріязни.

— Все думаютъ, что Россія имѣетъ какія-то заднія мысли, говорилъ онъ прусскому генералу Шелеру; „она сильна и внушаетъ опасенія; каждый приписываетъ ей намѣренія, какихъ у нея нѣтъ. Факты доказали и доказываютъ и нынѣ, что у нея нѣтъ мыслей тайныхъ для ея союзниковъ; развѣ вы не думаете, что мы постоянно стараются внушить, что Австрія и Пруссія также имѣютъ заднія мысли? Стоитъ Австріи что-либо подумать или сказать, и мы тотчасъ пишемъ, что необходимо быть насторожѣ, что надобно слѣдить за ней. Мои представители за границей, узнавъ какую-либо новость, придаютъ ей зачастую преувеличенное значеніе, воображаютъ, что они про-

никли какую-то тайну и сообщаютъ ее мнѣ. Они—представители Россіи и работаютъ въ интересахъ своей страны; я не могу заставить ихъ молчать и ограничиваюсь тѣмъ, что я ихъ не слушаю. Между тѣмъ эти сообщенія вліяютъ иной разъ на работу кабинета; но это не должно никого тревожить. Я искренно и серьезно желаю добра; въ этомъ вы не можете сомнѣваться, равно какъ и всѣ тѣ, кои меня знаютъ. *Но я не могу вѣдь проникнуть въ душу моихъ министровъ и внушить имъ мои мысли; они нерѣдко имѣютъ свою собственную точку зрѣнія и проводятъ ее въ своихъ сообщеніяхъ. Сколько разъ мнѣ приходилось ихъ исправлять и даже вычеркивать изъ нихъ цѣлыя страницы.* Меня предостерегаютъ не одни русскіе въ своихъ донесеніяхъ; я получаю предостереженія изъ Германіи отъ самихъ монарховъ, которые, будучи озлоблены противъ Австріи или опасаясь ея, сообщаютъ мнѣ свои жалобы или спрашиваютъ мое мнѣніе“.

Въ исходѣ декабря мѣсяца 1821 г. Императоръ получилъ отъ Меттерниха перехваченное на почтѣ письмо, посланное изъ Парижа въ Вѣну, въ которомъ были приведены несомнѣнныя доказательства участія, какое гр. Каподистрія принималъ въ греческомъ возстаніи. Положеніе получалось *невозможное*. „Могъ ли Каподистрія дѣйствовать въ интересахъ Россіи, коль скоро они были несовмѣстимы съ интересами грековъ. Могъ ли онъ руководить одновременно русскимъ министерствомъ и столь обширной революціей, которая зиждилась на принципахъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, кои лежали въ основѣ политики Императора Александра“?

Секретные документы, присланные Меттернихомъ, произвели на Императора огромное, удручающее впечатлѣніе. Ему надобно было пожертвовать министромъ,—дѣйствія котораго были двусмысленны и не могли имъ быть одобрены, между тѣмъ онъ продолжалъ по-прежнему работать съ нимъ.

Недѣли двѣ спустя послѣ полученія упомянутыхъ бумагъ, на утреннемъ приѣмѣ у Императрицы, Государь подошелъ къ Лебцельтерну и, сообщивъ ему, что онъ въ тотъ день утромъ получилъ новыя депеши изъ Вѣны, сказалъ, что „его терпѣніе подвергають слишкомъ тяжелому испытанію“ и прибавилъ, понизивъ голосъ:

— „Впрочемъ, терпѣніе мое еще не истощилось, я все также желаю мира; въ искренности этого желанія не можетъ быть сомнѣній“.

Въ тотъ же день вечеромъ Императоръ снова говорилъ съ

посланникомъ; въ теченіе дня ими были получены новыя депеши.

— „Сегодня днемъ мнѣ снова прислали отъ васъ работу“, говорилъ онъ жалуюсь на обиліе депешъ.

— Это происходитъ, Государь, отъ усвоенной нами привычки говорить В. В. обо всемъ. Мой кабинетъ, лишенный нынѣ этого счастья, пишетъ вамъ обо всемъ и сокращаетъ, такимъ образомъ, разстояніе.

— „Я очень радъ, что онъ сохранилъ эту привычку и благодаренъ ему за это. Что касается состоянія умовъ въ Европѣ, — я смотрю на вещи такъ же точно, какъ вы; все идетъ худо, какъ нельзя болѣе худо; я чувствую это не менѣе васъ. То же могу сказать объ опасности, угрожающей социальному порядку. Я желаю мира болѣе всего и болѣе, нежели кто-либо иной, относительно всего этого мы вполне согласны, но мнѣ кажется, что кто-то смущаетъ васъ; прочитывая эти безчисленные депеши, я былъ огорченъ тѣмъ, что хотя я много разъ доказалъ твердость своихъ принциповъ, но у васъ все-таки не питаютъ ко мнѣ того довѣрія, которое я думалъ заслужить у васъ“.

— Простите, Ваше Величество, возразилъ Лебцельтернъ, мой дворъ питаетъ къ В. В. величайшее довѣріе, и я смѣю утверждать, что оно не ослабѣвало ни на минуту.

— „А между тѣмъ“, возразилъ Императоръ, „я вижу по тону нѣкоторыхъ депешъ, что у васъ раздаются относительно меня какія-то сомнѣнія, и не думаютъ, что я иду такъ твердо и непоколебимо по намѣченному пути, какъ это есть на самомъ дѣлѣ; а гдѣ же какъ не у васъ должны бы были знать меня?“

„Впрочемъ, меня успокоиваетъ то, что мои слова будутъ подтверждены фактами, которые развеять всѣ сомнѣнія“.

Да какой степени Императора волновало греческое возстаніе и отношеніе къ нему союзниковъ, можно судить по тому, что онъ пользовался всякимъ случаемъ высказаться по этому поводу австрійскому посланнику непосредственно.

На слѣдующій день послѣ вышеприведеннаго разговора, на празднествѣ, данномъ вдовствующей Императрицей въ честь великой герцогини Веймарской, Государь снова подошелъ къ Лебцельтерну и, замѣтивъ, что „хотя мѣсто для бесѣды не подходящее, но ему необходимо переговорить съ нимъ о дѣлахъ“ и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Упомянувъ о томъ, что онъ дѣйствовалъ съ самаго начала Восточнаго кризиса весьма сдержанно, въ надеждѣ на помощь союзниковъ, и подтвердивъ свое желаніе, чтобы миръ не былъ

нарушенъ. Государь коснулся печальнаго положенія Европы и наконецъ выразилъ свое сожалѣнiе по поводу того, что его надежды на поддержку со стороны союзниковъ не оправдались, что переговоры все еще находились въ томъ положенiи, какъ семь мѣсяцевъ тому назадъ, что безконечная дипломатическая переписка не приводитъ ни къ чему, что сообщенiя русскаго кабинета поняты неправильно, и что онъ считаетъ необходимымъ послать въ Вѣну кого-нибудь, кто бы могъ вѣрно передать его мысли, и намѣтилъ для этой цѣли Татищева, „это человекъ умный, свѣдущій въ дѣлахъ, я выскажу ему свои намѣренiя, и онъ ясно передастъ ихъ князю Меттерниху“, добавилъ Императоръ.

Передъ своимъ отъѣздомъ въ путешествiе по Россiи, въ маѣ мѣсяцѣ 1822 г., Александръ Павловичъ имѣлъ съ австрiйскимъ посланникомъ еще разъ продолжительную бесѣду о Восточномъ вопросѣ, изъ которой было ясно, что онъ прекрасно зналъ о томъ, какъ исполнялась его воля, но мирился съ этимъ какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, которое онъ не могъ предотвратить.

Отстаивая правильность дѣйствiй своего кабинета, занявшаго въ Восточномъ вопросѣ выжидательное положенiе, Лебцельтернъ объяснялъ это обстоятельство тѣмъ, что въ Вѣнѣ не понимали нѣкоторыхъ сообщенiй русскаго кабинета, которыя не отличались ни ясностью, ни опредѣленностью взглядовъ; поэтому рѣшено было выждать, когда Императоръ выскажется вполне опредѣленно.

— „Я не могу все дѣлать самъ“, отвѣчалъ на это Императоръ, „мнѣ поневолѣ приходится полагаться на другихъ. Нѣкоторые лица имѣли въ этомъ вопросѣ свою собственную точку зрѣнiя; на нихъ могли влiять національныя соображенiя и интересы, старыя связи..., но развѣ я не говорилъ вамъ, что ко мнѣ слѣдуетъ отнестись съ полнымъ довѣрiемъ?.. Развѣ я не сдержалъ слова? эти лица шли все дальше и дальше, но я былъ насторожѣ, чтобы остановить ихъ, и дѣйствительно, какъ только пришло время, я сказалъ: Довольно!

„Я не могъ желать войны. Какую она сулила мнѣ выгоду? Она сыграла бы только въ руку враждебной партiи, ибо я твердо увѣренъ въ томъ, что никто, какъ она, посѣяла смуту на Востокѣ... Ничто не могло такъ хорошо послужить интересамъ этой партiи, какъ восточная война; она была бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы насъ посорить и расторгнуть узы связующаго насъ союза. Я это чувствовалъ и позаботился

о томъ, чтобы противники не могли воспользоваться ни однимъ изъ преимуществъ, на которыя они рассчитывали“.

— Повѣрьте, Государь, мы вполне раздѣляемъ эту точку зрѣнія. Мнѣ прискорбно, что взгляды Ваши не были сообщены намъ ранѣе; тогда было бы менѣе проволочекъ въ этомъ дѣлѣ и мы скорѣе пошли бы по одному пути.

— „Я уже сказалъ вамъ“, отвѣтилъ Императоръ „что не всегда можно отвѣчать за тѣхъ, кто намъ служить. Развѣ у васъ лица, исполняющія волю Е. В., всегда оправдываютъ его ожиданія?“

— Я умолю, говоритъ Лебцельтернъ, да и чтобы я могъ сказать, чтобы съ одной стороны быть правдивымъ, а съ другой чтобы не вызвать неудовольствія Государя? Не могъ же я отвѣтить: „Если кто-либо изъ насъ служить Императору не согласно съ его намѣреніями, то Е. В. дѣлаетъ ему замѣчаніе, даетъ ему указанія или увольняетъ его, но не допускаетъ, чтобы онъ вредилъ дѣлу, не оправдываетъ его ошибокъ и не скрѣпляетъ ихъ своей высочайшей подписью“.

„Императору слѣдовало пожертвовать министромъ, котораго онъ не одобрялъ, а между тѣмъ онъ работаетъ по-прежнему съ Императоромъ, писалъ Лебцельтернъ, и будетъ вліять на дѣла, хотя я увѣренъ, что присутствіе Каподистрія стѣсняетъ Е. В.“.

Положеніе Императора было трудное: съ одной стороны ему приходилось считаться съ сочувствіемъ русскаго народа къ угнетеннымъ единовѣрцамъ, съ собственнымъ чувствомъ чело-вѣколюбія и состраданія къ нимъ, а съ другой стороны онъ не могъ отступить отъ провозглашенныхъ имъ принциповъ, повелѣвавшихъ бороться съ революціоннымъ духомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Онъ рѣшилъ дѣйствовать въ тѣсномъ согласіи со своими союзниками, въ особенности съ Австріей, и много разъ выражалъ Лебцельтерну свое сожалѣніе по поводу того, что онъ былъ лишенъ возможности обмѣняться взглядомъ съ императоромъ Францомъ.

На осторожные намеки Лебцельтерна на то, что, двинувъ русскія войска на помощь возставшимъ грекамъ, Императоръ не могъ не высказать одновременно своего негодованія противъ тѣхъ, кто явился нарушителемъ долга, возставъ противъ своего законнаго монарха, ибо иначе онъ уничтожилъ бы однимъ ударомъ все то, чѣмъ Европа была обязана ему, Императоръ отвѣчалъ, что ни о какой помощи грекамъ не можетъ быть рѣчи и что онъ *будетъ дѣйствовать не иначе, какъ совмѣстно со своими союзниками, не предприметъ отдѣльно никакихъ шаговъ и останется вѣренъ принципамъ, имъ провозглашеннымъ.*

Таковы были взгляды и намѣренія Императора, а его министр утверждалъ, что священный союзъ болѣе не существуетъ; что это химера, которой Государь готовъ подчинить самые существенные интересы своей политики. Изъ сообщеній Леб-цельтерна Меттернихъ составилъ себѣ ясное представленіе о томъ, какъ осуществлялись намѣренія Александра Павловича, и въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ онъ даетъ этому обстоятельству вѣрную оцѣнку. Мало того онъ сообщаетъ посланнику вопіющій фактъ, что Каподистрія поддерживалъ съ представителями нашихъ заграничныхъ миссій, которымъ онъ лично довѣрялъ, частную корреспонденцію, въ которой предлагалъ имъ не руководствоваться текстомъ официальныхъ сообщеній, а *понимать ихъ въ иномъ смыслѣ*. Такая двойственная корреспонденція велась, напр., съ русскими представителями въ Мюнхенѣ и Штуттгардѣ, и этимъ объясняется однообразный тонъ донесеній этихъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ, который совершенно не соответствовалъ не только нравственнымъ принципамъ, коихъ держался Государь, и положенію, занятому имъ въ Восточномъ вопросѣ, но и противорѣчилъ смыслу официальныхъ инструкцій, которыя посылались этимъ агентамъ изъ Петербурга. Меттернихъ отмѣчаетъ также, что русскіе посланники имѣли дурную привычку придавать своимъ донесеніямъ ту окраску, которую они считали наиболѣе пріятной своему монарху. Такъ, напр., по дѣлу, которое особенно интересовало Императора Александра—о революціонномъ движеніи въ Испаніи—Поццо-ди-Борго посылалъ изъ Парижа донесенія, которыя Меттернихъ называетъ „романическими“. Могли ли при этихъ условіяхъ составить себѣ въ Петербургѣ правильный взглядъ на дѣло.

Изумляли Меттерниха также необъяснимыя противорѣчія, встрѣчавшіяся въ русской официальной перепискѣ: въ одной и той же бумагѣ, напр., приводились разсужденія о пользѣ мира и необходимости поддержать его, а въ заключительныхъ строкахъ говорилось о неизбежности разрыва съ Турціей.

„Единственный выводъ, который я могъ сдѣлать изъ такого изумительнаго обстоятельства“, пишетъ Меттернихъ „это то, что лица, редактирующія русскія бумаги, находятся въ разногласіи не только со своими коллегами, но и сами съ собою“. Далѣе онъ приходитъ къ заключенію, что тотъ, кто одинъ могъ бы объявить войну, не желалъ ея, тѣ же или тотъ, кто хотѣлъ войны, не былъ властенъ объявить ее и что *петербургскій кабинетъ въ виду своего состава не могъ слѣдовать определенному*

плану, основанному на точномъ расчетѣ, который могъ бы привести къ опредѣленному результату; что въ Петербургѣ не знали, чего они хотятъ въ дѣлѣ, которое называютъ то русскимъ, то европейскимъ, и, наконецъ, что русскій кабинетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше разбирается въ немъ“.

„Русскій кабинетъ не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ, ни шагу назадъ, не становясь въ противорѣчіе съ самимъ собою, писалъ Меттернихъ, русскій дворъ упустилъ случай занять (въ Восточномъ вопросѣ) подобающее ему положеніе. Возстаніе грековъ ничѣмъ не отличалось отъ другихъ подобныхъ возстаній, потрясавшихъ Европу за послѣднія тридцать лѣтъ. Императоръ Александръ могъ съ самаго начала занять положеніе наиболѣе благопріятное русскимъ интересамъ. Не одобряя возстанія также точно, какъ бы онъ не одобрилъ возстаніе поляковъ или мусульманъ, своихъ подданныхъ, онъ долженъ былъ однако немедленно возвысить свой голосъ и предложить Портѣ прекратить неистовства, либо объявить ей войну. Европа одобрила бы этотъ шагъ Императора, если бы имъ были своевременно приняты энергичныя мѣры. Въмѣсто этого русскій кабинетъ сталъ лавировать, увлекся мелкими пререканіями и упустилъ изъ вида сущность вопроса. Въ результатѣ всѣхъ этихъ колебаній и ошибокъ, вопросъ о томъ „воспользуется ли Императоръ Александръ греческимъ возстаніемъ какъ предлогомъ, чтобы объявить войну Турціи, остается открытымъ и по прошествіи четырехъ лѣтъ съ начала переговоровъ.“

„Я слишкомъ хорошо знаю, съ какою легкостію и поспѣшностью Императоръ Александръ и его министры поддаются впечатлѣніямъ, знаю ихъ склонность принимать безъ провѣрки сообщенія, присылаемые имъ недобросовѣстными агентами, и слѣдовать ихъ указаніямъ, знаю, наконецъ, изумительную легкость, съ какою въ Петербургѣ относятся къ самымъ серьезнымъ вопросамъ, не давая себѣ труда подробно обсудить ихъ, поэтому у меня создалось убѣжденіе, что Императоръ и гр. Нессельроде преисполнены предразсудковъ, которые пагубно вліяютъ на ихъ сужденія“.

О русскихъ дипломатахъ, — представителяхъ русской политики и русскихъ интересовъ — Меттернихъ отзывался по большей части, какъ о „бездарностяхъ, обязанныхъ своей карьерой исключительно придворной интригѣ или низкопоклонству“, „относившихся халатно къ своимъ прямымъ обязанностямъ“ и отличавшихся полнымъ отсутствіемъ патріотизма.

„Больно читать, говорить Великій Князь Николай Михаило-

вичъ, Меттерниховскія отмѣтки о „nullité complete du comte Golovkine“ или „de l'insuffisance de M. Tatishtcheff“, — такова безпощадная, но къ сожалѣнію вѣрная оцѣнка австрійскаго министра.

„Два лица особенно приводили его въ негодованіе: то были Каподистрія и Поццо-ди-Борго“; что онъ думалъ о Каподистріи, мы видѣли выше; „ликованіе его при паденіи Каподистріи было неописанное“. Что касается Поццо-ди-Борго, — который былъ въ теченіе десяти лѣтъ русскимъ посломъ во Франціи, гдѣ онъ имѣлъ большое вліяніе на легитимистовъ, то Меттернихъ считалъ его человѣкомъ легкомысленнымъ, дѣйствовавшимъ часто необдуманно, обладавшимъ огромнымъ самомнѣніемъ, который пользовался своимъ вліяніемъ на французское правительство, чтобы возстановить его противъ Австріи и Англіи, которыя онъ ненавидѣлъ съ давнихъ поръ. Когда вліяніе Поццо-ди-Борго въ Парижѣ пошатнулось, Меттернихъ сообщилъ Лебцельтерну лаконически: „La position de Pozzo est devenue nulle à Paris“.

Нессельроде характеризуется Меттернихомъ какъ человѣкъ слабый; „никто такъ не хочетъ добра, какъ онъ“, писалъ Меттернихъ Лебцельтерну, „а между тѣмъ всякій лучше его знаетъ, въ чемъ заключается это добро. Главный его недостатокъ въ томъ, что онъ одинаково боится и выше и ниже его стоящихъ, отличаетъ людей, не выяснивъ ихъ истинной цѣнности, легко озлобляется противъ своихъ истинныхъ друзей, если они не раздѣляютъ его опасеній и пристрастій, и поэтому теряетъ возможность дѣйствовать правильно“.

„Si l'empereur Alexandre marchait d'enthousiasme en enthousiasme et de culte en culte, son ministre marchait d'illusion en illusion et d'engouement individuel et de choses en engouement de choses et d'individus“.

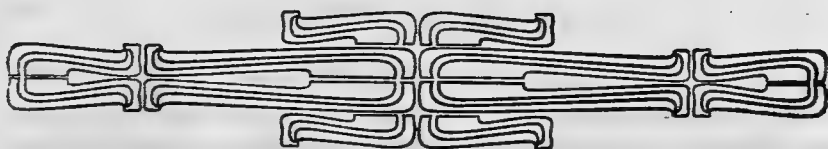
Таковъ приговоръ Меттерниха.

Разбирая подробно политику русскаго кабинета, отмѣчая его промахи и ошибки, Меттернихъ пересыпаетъ свои замѣчанія „схидными совѣтами Лебцельтерну, какъ выгодноѣе использовать эти промахи въ интересахъ Австріи“, излагаетъ въ своихъ письмахъ, „не стѣсняясь, свой взглядъ какъ на общую политику, на программу дѣйствій австрійскаго кабинета, на отдѣльныя личности и на людей вообще. Въ этихъ откровенныхъ бесѣдахъ со своимъ ставленникомъ, внушавшимъ ему полное довѣріе, Меттернихъ является передъ нами въ томъ обликѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно былъ. „Здѣсь, говоритъ Великій

Князь Николай Михайловичъ, наглядно обнаруживается его отвращеніе не только ко всему революціонному, но и къ малѣйшимъ признакамъ либерализма, проявляемаго то монархами, то государственными людьми различныхъ державъ Европы. Идея абсолютизма доминируетъ надъ всѣмъ остальнымъ съ ясными проблесками прославленія священнаго союза, котораго творцомъ считалъ себя Меттернихъ, но былъ не кто иной, какъ Императоръ Александръ I. Но на практикѣ выходило, что эта идея Священнаго Союза превращалась въ игрище ловкаго маэстро того европейскаго оркестра, первой скрипкой котораго неподобно управлялъ австрійскій дипломатъ. Вся фальшь несчастной затѣи Александра Павловича выступаетъ во всей своей наготѣ въ циничномъ откровеніи чловѣка, задавашагося цѣлью, играя на слабостяхъ себѣ подобныхъ, занять господствующее положеніе. Такого положенія Меттернихъ добился сравнительно скоро, царя надъ европейскими кабинетами въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, пока событія 1848 года не похоронили навсегда всю эту систему, основанную на обманѣ и на презрѣніи рода чловѣческаго“.

В. Т.

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾).

XXIX.

Въ 1874 году въ числѣ другихъ была и у насъ открыта четырехклассная прогимназія. Во главѣ новаго очага просвѣщенія былъ поставленъ нѣкто П., учитель русскаго и латинскаго языковъ въ первомъ классѣ какой-то губернской гимназіи.

Если бы любопытствующій задалъ ему вопросъ: „Какъ дошелъ ты до жизни такой?“ то формуляръ его отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ тако: окончилъ курсъ въ Демидовскомъ Ярославскомъ юридическомъ лицей. Теперь это обычное высшее учебное заведеніе, гдѣ проходятъ науки юридическихъ факультетовъ российскихъ университетовъ; когда же П. кончалъ тамъ курсъ, то и пріемъ туда и выпускъ оттуда былъ въ совершенно другихъ условіяхъ. Лицей былъ учрежденъ съ исключительною цѣлью подготовленія чиновниковъ для государственной службы, поступать туда, кажется, могли въ то время и не окончившіе курса гимназіи.

И вотъ П. студентъ лицея; оканчиваетъ онъ тамъ курсъ съ отличіемъ, награждается серебряной медалью... Но не пугайтесь: медаль эта ничего не прибавила къ тѣмъ достоинствамъ, съ какими пустила его мать-природа слоняться по бѣлу-свѣту...

По натурѣ своей онъ юсъ, чиновникъ съ головы до пятъ, но судьбѣ угодно было допустить непростительную шутку; она толкнула его на педагогическій путь, и онъ занялъ мѣсто младшаго учителя въ одной изъ большихъ губернскихъ гимназій. Тамъ онъ преподавалъ русскій языкъ въ младшихъ четырехъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

классахъ, когда же былъ введенъ новый гимназическій уставъ, въ 1871 г., то П. было поручено преподаваніе и латинскаго языка въ I классѣ. Это была граница, за которую съ своими познаніями по латинскому языку ни самъ онъ никогда не переступалъ, ни директора не рисковали выпускать его, опасаясь тяжкаго, смертнаго, незамолимаго грѣха, который неизбѣжно долженъ былъ пасть на ихъ душу, если бы П. очутился учителемъ хотя бы пятаго класса по русскому языку и латинскаго языка выше перваго класса.

Такъ творили мы на скорую руку доморощенныхъ классиковъ...

„Тщетны россамъ всѣ преграды!“

Кто-то сказалъ, кажется, по этому случаю.

Внѣшность его тоже была не совсѣмъ обыкновенна: высокій лобъ въ родѣ картонки изъ-подъ муфты, благодаря которому его всѣ звали „тыквой“, бакенбарды котлетами, крупныя черты лица, и громадныя на выкатъ рачьи глаза; курилъ онъ очень много, папиросы—пушки; пилъ—тоже, но пилъ по-фельдфебельски, въ одинокую, по вечерамъ, около своего шкафчика; подойдетъ къ нему, замочекъ тринкнетъ, объемистая рюмочка наполняется, вонзится онъ ее въ себя, крякнетъ, закуситъ огурчикомъ или рѣдичкой и пойдетъ опять сновать основу по комнатѣ.

Когда въ первый разъ Величъ встрѣтилъ его на улицѣ, то фizioномія П. вырвала у поэта довольно удачный экспромтъ:

Инспекторъ прогимназій
Для блага горожанъ
Былъ выписанъ изъ Азіи
Изъ стада обезьянъ.

Я назвалъ этотъ экспромтъ удачнымъ: дѣйствительно, наружность П. смахивала на гориллу.

Характера онъ былъ твердаго, непоколебимаго: что заладилъ, то, ужъ извините, скорѣе царь-колоколъ можно было сдвинуть съ мѣста, но только не его.

У него была большая семья и почти вся сплоснь тоже неудачная: яблочки отъ яблоньки упали недалеко; очевидно, паденіе происходило, когда барометръ показывалъ „тихо“ и вѣтеръ не откатилъ падали отъ древа.

Мнѣ пришлось служить съ нимъ и, волей-неволей, пришлось подойти къ нему близко, заглянуть во внутренняя его, и я только диву давался, какъ можно поручать подобнымъ гос-

подамъ такіе отвѣтственные посты, какъ начальника средняго учебнаго заведенія.

Людей что ли не было?

Да, конечно, не было.

А загорѣлось во что бы то ни стало. Оукидида переводить, вотъ и П. пригодился.

Удивительно!

Впрочемъ, что же мнѣ удивляться послѣ тридцатилѣтней службы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: „тамъ чудеса разсѣяны повсюду“.

Итакъ, открылась прогимназія. Городъ хоть и уѣздный, но большой, жителей было съ пригородами тысячъ 25—30. Слѣдовательно, учить было кого.

Но... законъ... уставъ... циркуляръ... параграфъ... инструкция... статья... самый тѣсный формализмъ, а главное дѣло—неопредѣленная фізіологами до сего времени та масса, которая была набита ему въ голову, но которую никакъ было нельзя назвать мозгомъ—все это сдѣлало то, что гимназія въ теченіе первыхъ же четырехъ лѣтъ стала чахнуть... чахнуть и чуть совсѣмъ не побывшалась...

Къ счастью, въ другомъ городѣ нашелся дѣятель совсѣмъ противоположной закваски.

Въ то время какъ П. изъ тридцатитысячнаго населенія могъ набрать только 40—50 учениковъ для четырехъ классовъ, другой чудодѣй въ городѣ съ тринадцатію тысячами населенія ухитрился напичкать въ свою четырехклассную прогимназію около двухсотъ человѣкъ, при чемъ пріемы этого чудодѣя были до крайности просты.

Привозить, на примѣръ, водовозъ воду, или приносить кузнецъ кочергу, которую наваривалъ, и у нихъ съ инспекторомъ происходилъ такой разговоръ:

— У тебя, Акимычъ, дѣти-то есть?

— Какъ же, батюшка, дѣтямъ не быть...

— И мальчики есть?

— Мальчиковъ трое, да дѣвочки двѣ.

— Учатся?

— Учатся, родимый, учатся... Да силушекъ-то нѣтъ у насъ... Хочу въ мастерство отдать...

— А сколько, лѣтъ-то имъ?

— Да старшему 13-й годокъ пошелъ, второму—одиннадцатый, а третьему шестой, еще безъ штанишекъ бѣгаетъ.

— А гдѣ учатся-то?

— Да одинъ-то во второй уѣздный перешелъ, а другой—въ приходскомъ.

— Да чтожь это: воду къ намъ возишь, а дѣтей учиться не отдаешь?

— И... и... родимый! Гдѣ ужъ намъ... У тебя чай учеба-то чего стоитъ? А намъ гдѣ взять... Иной разъ сапожишекъ починить не на что, а не то что за ученье платить... Легко сказать, 40 р. въ годъ... Откуда ихъ взять?

— Да ты не безпокойся... Отъ платы за ученье освободимъ... форменное платье сошьемъ, сапоги купимъ, учебники дадимъ. Приводи! не бойся!

И водовозъ ведетъ обоихъ ребятъ, и они учатся... Ихъ освобождаютъ отъ платы, даютъ учебники, одѣваютъ и обуваютъ, а учатся со всячинкой... При этомъ, конечно, требованія устава во многомъ нарушались, какъ, на примѣръ, въ возрастѣ учениковъ.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, немудрено было набрать и 200 человѣкъ.

Городскіе и земскіе дѣятели перваго уѣзда опустили носы долу, благодаря законнику П.; дѣятели втораго уѣзда, благодаря старому беззаконнику-инспектору, обратно подняли носы превыше дѣса стоячаго, превыше облака ходячаго...

Такая ненормальность не могла не броситься въ глаза окружному начальству; оно видѣло, что дѣло неладно...

Второй городъ, опираясь на такой чудесный уловъ рыбъ въ свои классическія мрежи, и простодушно вѣря, что Господь соудалъ ихъ за тѣмъ, чтобы двигать науку, поднялъ вопросъ о преобразованіи прогимназіи въ гимназію. Отрядили избранныхъ изъ своей среды лучшихъ людей въ качествѣ ходячихъ, и дѣло закипѣло не на шутку.

Вызываютъ П. въ округъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, господинъ хорошій, говорятъ ему: такой-то уѣздный городъ набралъ въ свою прогимназію необычайное количество учениковъ. Ни въ одномъ германскомъ городѣ такого процента учащихся не найдешь. Теперь они хлопчуть о преобразованіи прогимназіи въ гимназію. Намъ легче будетъ васъ сдѣлать директоромъ тамъ, на мѣстѣ, нежели перевести изъ инспекторовъ въ директора. И потому предлагаемъ вамъ перемѣститься туда заранѣе.

Ну, не чудачи ли?

Вѣдь для нихъ было очевидно (если допускали переселеніе душъ), что душа Ирода-четвертовластника изъ чистилища

изгнана и нашла пристанище въ просторномъ помѣщеніи П.; что если онъ такъ жестоко накаたавася въ К., то онъ не сойdetъ съ этой дороженьки и въ новомъ Виелемѣ.

Ему бы нужно было сказать: голубчикъ! сейчасъ свирѣпствуютъ въ Болгаріи башибузуки; среди нихъ ты будешь такой ли эфенди, что другого и въ Турціи не найдешь; пользуйся случаемъ, благо тамъ нуждаются въ такихъ господахъ, а для насъ ты милый неподходящій! Съ Богомъ! не робѣй! Карьеру блестящую едѣлаешь!..

А вмѣсто этого онъ слышитъ совсѣмъ другое, и, разумѣется, сейчасъ же даетъ свое благосклонное согласіе; и переводъ состоялся.

Узнавши отъ учителей о предполагавшейся комбинаціи, я при первой же встрѣчѣ съ нимъ (кажется, на улицѣ) обратился къ нему съ просьбой прихватить и меня съ собой, если представится подходящее свободное мѣстечко.

Къ моей просьбѣ онъ отнесся очень любезно и даже сообщилъ, что по его свѣдѣніямъ съ прежнимъ инспекторомъ уходить и его родственникъ, занимавшій массу должностей: помощника классныхъ наставниковъ, писмоводителя, учителя исторіи и географіи, да къ тому же имѣлъ время взять нѣсколько уроковъ въ женской прогимназіи. Такимъ образомъ первыя двѣ должности П. предложилъ мнѣ.

Я, конечно, согласился, несмотря на то, что по общему отзыву учителей П. для службы былъ тяжеленекъ...

Но и изъ нихъ-то многіе (нечего грѣха таить) были слѣпцы и относились къ своимъ обязанностямъ, какъ говорится, спуская рукава. Это обстоятельство я долженъ былъ принять къ учету и особаго страха въ моемъ предпріятіи не ощущалъ.

Когда пришелъ переводъ П., онъ вызвалъ меня къ себѣ и сообщилъ, что въ половинѣ іюля ѣдетъ принимать должность; присмотрится тамъ и если дѣйствительно съ инспекторомъ уйдетъ въ отставку и его родственникъ, то П. сообщитъ мнѣ объ этомъ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ жена П. получила письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ, что если я не раздумалъ служить съ нимъ, то чтобы къ 1 августа пріѣзжалъ.

Я былъ очень этому радъ: во 1) жалованья въ общемъ я долженъ получать вдвое больше, во 2) все-таки служба въ среднемъ учебномъ заведеніи давала извѣстные преимущества,

и въ 3) я полагался на свои силы, избытокъ которыхъ давалъ мнѣ основанія думать, что съ соединенными двумя должностями я управлюсь свободно.

Правда, новое дѣло, предстоявшее мнѣ, канцелярія, съ которою я совершенно не былъ знакомъ, заставляла меня нѣсколько призадуматься, но—Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ! Не боги же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ?

А главное—особенно меня прельщало имѣвшійся въ перспективѣ и обѣщанный мнѣ П. переводъ на должность учителя приготовительнаго класса.

Удачный выборъ на такую же должность моего товарища, такого же приходскаго учителя, привелъ П. къ твердому убѣжденію, что для приготовительныхъ классовъ самые лучшіе учителя—это учителя именно приходскихъ училищъ, а не уѣздныхъ.

И онъ былъ правъ.

Впослѣдствіи былъ изданъ какимъ-то попечителемъ циркуляръ по учебному округу, что бы на мѣста учителей приготовительныхъ классовъ были назначаемы лица, имѣющія званія не ниже уѣздныхъ учителей.

Такое распоряженіе свидѣтельствовало о томъ, что г. попечитель додумался до подобнаго циркуляра, не ознакомившись всесторонне съ сущію дѣла.

Онъ разсуждалъ, очевидно, такъ: учитель приготовительнаго класса, если онъ съ высшимъ образованіемъ, по уставу пользуется правами учителей нормальныхъ классовъ гимназій; если же онъ безъ высшаго образованія, то ему предоставлялись права уѣздныхъ учителей той губерніи, въ которой онъ служитъ; слѣдовательно, и образовательный цензъ для учителя приготовительнаго класса долженъ быть не ниже уѣзднаго учителя.

Съ точки зрѣнія закона и теоретическаго разсужденія онъ былъ безусловно правъ: тебѣ даны права уѣзднаго учителя, такъ и ты долженъ имѣть соответствующее свидѣтельство; но на практикѣ, для сути дѣла, такое распоряженіе едва-ли имѣло разумныя основанія.

Кто у насъ въ былое время шелъ въ уѣздные учителя?

Во-первыхъ, окончившіе курсъ духовныхъ семинарій, не пожелавшіе посвятить себя пастырской дѣятельности; не поступившіе въ духовную академію для продолженія образованія—во-вторыхъ, и, наконецъ, въ третьихъ—не получившіе мѣста въ духовныхъ училищахъ. Такимъ образомъ получалось, что въ

уѣздные учителя по большей части шли семинаристы второ-разрядники.

Сдавалъ онъ на уѣзднаго учителя специальный экзаменъ по какому-нибудь одному предмету, преимущественно по русскому языку, или же бралъ главнымъ предметомъ исторію съ географіей; математика же у нихъ была вѣчно камнемъ преткновенія, и выбрать ее главнымъ предметомъ рѣдко, очень рѣдко, кто изъ нихъ покушался на это.

Ни для кого не тайна, что въ программахъ духовныхъ заведеній математикѣ отведено мѣсто самое незначительное, гдѣ-то на заднемъ столѣ съ музыкантами, не знаю, какъ теперь, а прежде она у всѣхъ была въ законѣ: и у учителей, и у начальства, и у учениковъ. Получивши самыя слабыя начатки свѣдѣній по математикѣ въ духовномъ училищѣ, онъ переходилъ съ ними въ семинарію; здѣсь онъ натыкался на учителей математики изъ академиковъ, которые знали предметъ немногимъ лучше своихъ учениковъ.

При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, что ни одинъ изъ семинаристовъ съ настоящей-то математикой никогда не былъ и знакомъ. Были, правда, счастливыя исключенія, какъ, на-примѣръ, бывшій попечитель Моск. уч. окр. П. А. Некрасовъ, изъ рязанскихъ семинаристовъ и вдругъ достигъ ученой степени—доктора чистой математики, но вѣдь согласитесь, что изъ исключенія общаго правила выводить не слѣдъ, и ужъ во всякомъ случаѣ Рязанская семинарія непорочно въ этомъ дѣлѣ ни душой, ни тѣломъ.

А между тѣмъ такому специалисту по русскому языку въ приготовительномъ классѣ придется имѣть дѣло и съ ариѳметикой.

Въ учителя математики попадали господа большею частью изъ неудавшихся гимназистовъ. Рѣдко, очень рѣдко окончившій курсъ гимназіи шелъ въ учителя уѣздныхъ училищъ: зачѣмъ ему нужно было лѣзть въ учителя, когда для него открыта дверь университета. Но, зная математику, занимаясь исключительно ею въ предѣлахъ курса уѣздныхъ училищъ, они поне-многу растеривали въ пути свои познанія по русскому языку, преподаваніе котораго въ приготовительномъ классѣ входило въ кругъ ихъ обязанностей. Про учителей-историковъ я уже не говорю: при чемъ тутъ исторія Пипина Короткаго, или кли-матъ полярныхъ странъ, когда требуется русская грамматика и рѣшеніе задачъ? Вотъ учителя городскихъ училищъ, гдѣ введена система классная, а не предметная, то дѣло другое.

Неосновательность распоряженія попечителя была подтверждена самою жизнью.

Когда поднялся вопросъ о прекращеніи доступа къ образованію „кухаркинымъ дѣтямъ“, то принята была самая дѣйствительная мѣра: закрытіе приготовительныхъ классовъ въ 1887 году. Этотъ шагъ тормозилъ путь къ образованію не только „кухаркинымъ дѣтямъ“, но и дѣтямъ чиновниковъ, мѣщанъ, крестьянъ, большей части духовенства—всѣ это восчувствовали особенно живо.

Но жизнь сильнѣе всѣхъ министровъ вкушъ и всѣхъ циркуляровъ въ полномъ собраніи.

Жизнь творила свое дѣло, не справляясь съ вкусами гг. циркуляристовъ.

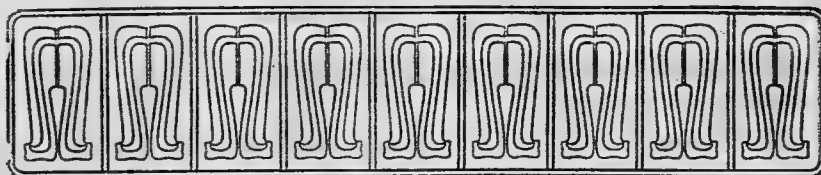
Съ закрытіемъ приготовительныхъ классовъ стали чахнуть и гимназіи. Нѣкоторые изъ начальниковъ средн. учеб. заведеній для питанія своей гимназіи на свой страхъ и рискъ пооткрывали начальныя училища, явился притокъ учениковъ; чахлое учебное заведеніе поправлялось, разрасталось и сплошь и рядомъ преобразовывалось въ полную гимназію. Силкомъ пробивался народъ къ свѣту познанія. Никакіе циркуляры не помѣшали времени сдѣлать свое дѣло, и „кухаркинымъ дѣтямъ“ ходъ открытъ, какъ и всѣмъ другимъ. Пооткрывалась масса частныхъ учебныхъ заведеній и всѣ они имѣли при себѣ начальныя училища, какъ основу свою, какъ источникъ своего питанія. А вотъ господинъ-то попечитель этого и не узрѣлъ, не понялъ, въ чемъ суть дѣла. А между тѣмъ, какъ все это было просто: вѣдь приготовительный-то классъ было то же начальное училище только съ нѣкоторымъ расширеніемъ программы русскаго языка въ сторону грамматики.

Итакъ, жребій брошенъ: переходъ въ среднее учебное заведеніе рѣшенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Морозовъ.

Александръ I и польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ ¹⁾.

(По документамъ Вѣнской тайной полиціи).

Уѣзжая на конгрессъ въ Вѣну, Императоръ Александръ будто бы сказалъ: „J'irai puis qu'on le veut, mais je n'y ferai ni plus ni moins de ce que je veux“ ²⁾; и дѣйствительно, во всемъ, что касалось кардинальнаго вопроса, подлежащаго обсужденію концесса, вопроса о Польшѣ—онъ такъ упорно настаивалъ на своемъ, что изъ-за его неуступчивости конгрессъ затянулся на всю зиму, и даже былъ моментъ, когда участники совѣщаній потеряли всякую надежду на благополучный исходъ переговоровъ и едва не разѣхались изъ Вѣны. Въ этомъ случаѣ Меттернихъ ошибся, полагая, что съѣздъ монарховъ и ихъ министровъ ускорить и облегчить переговоры.

Задолго до начала конгресса, 25 іюня 1814 г., шведскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ сообщилъ своему министру, что королевство Польское, согласно заявленному Императоромъ Александромъ намѣренію, будетъ присоединено къ Россіи—„планъ, коимъ русскіе не особенно довольны, писалъ онъ; они не понимаютъ, почему Императоръ хочетъ создать этотъ призракъ королевства Польскаго, который будетъ напоминать полякамъ объ ихъ былой независимости и поддерживать въ нихъ надежду на ея возрожденіе“.

Намѣренія Императора Александра, о которыхъ писалъ

¹⁾ Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Eine Auswahl aus Ihren Papieren. Von August Fournier. Wien 1913.

²⁾ Я поѣду въ Вѣну, коль скоро этого хотять, но я буду дѣлать тамъ только то, что я захочу.

своему двору Гегардтъ, вызвали большую тревогу въ Вѣнѣ, гдѣ успокоились только тогда, когда стало извѣстно, что Меттерниху удалось вынудить у Императора обѣщаніе, что имъ не будетъ предпринято окончательныхъ шаговъ относительно Польши до обсуждения этого вопроса на конгрессѣ. „Хотя это ничего не предрѣшаетъ по существу, писалъ датскій посланникъ Вернсторфъ министру иностранныхъ дѣлъ Розенкранцу, но въ Вѣнѣ этому придають большое значеніе, такъ какъ этимъ выигрывается время и устраняется возможность недоразумѣній, которыя возникли бы неизбежно, въ случаѣ слишкомъ рѣшительныхъ и поспѣшныхъ мѣръ“ со стороны русскаго Императора.

Представители Россіи, считая права Александра I на Варшавское герцогство неоспоримыми, пріѣхали на конгрессъ съ твердой увѣренностью, что они настоятъ на своемъ. По словамъ хорошо освѣдомленнаго лица, скрывавшаго въ донесеніяхъ свое имя подѣ **, Анстедтъ еще въ исходѣ сентября говорилъ о возстановленіи Польши подѣ протекторатомъ Россіи, какъ о чемъ-то несомнѣнномъ. „Это будетъ первое предложеніе, которое мы внесемъ на конгрессъ, говорилъ онъ; ежели будетъ видно, что остальные на это не согласны, то мы уложимъ свои пожитки и конгрессъ будетъ оконченъ“.

На самомъ дѣлѣ польскій вопросъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о будущемъ Саксоніи подалъ поводъ къ нескончаемымъ переговорамъ и пререканіямъ; въ исходѣ сентября и въ октябрѣ мѣсяцѣ положеніе казалось безвыходнымъ; всѣ полагали, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только войною. „Намъ такъ хорошо извѣстны честолюбивые замыслы Россіи“, говорилъ прусскій канцлеръ Гарденбергъ, „и они подали уже поводъ къ столь серьезнымъ объясненіямъ, что если бы мы были въ состояніи вести войну и встрѣтили бы поддержку со стороны прочихъ державъ, то война была бы объявлена очень скоро; съ другой стороны несомнѣнно, что если Россія получитъ Польшу, то года черезъ три—самое позднее, у насъ будетъ война, которой мы такъ стараемся избѣгнуть“.

Прускій генералъ Шеллеръ, обсуждая вопросъ о возможности войны, говорилъ, что „моментъ для нея былъ не благоприятный, что слѣдовало выждать, пока поляки, коихъ королевство Александръ конечно и не подумаетъ возстановить, притѣсняемые русскими чиновниками, стануть такъ недовольны своимъ положеніемъ, что будутъ готовы кинуться въ объятія того, кто явится ихъ освободителемъ“.

Въ первыхъ числахъ октября самъ Императоръ, бесѣдуя съ Талейраномъ, намекнулъ на возможность войны, и Талейранъ, какъ передавали въ Вѣнѣ, „имѣлъ смѣлость замѣтить, что въ такомъ случаѣ „il faudrait lui retirer le beau titre qu'on lui avait accordé de libérateur de l'Europe et lui en donner un autre“ ¹⁾, послѣ чего Александръ сталъ уступчивъ и въ ходѣ переговоровъ произошелъ нѣкоторый поворотъ и казалось, что ожиданіямъ польскихъ патріотовъ не суждено сбыться. Съѣхавшіеся въ Вѣну поляки имѣли въ это время продолжительную бесѣду съ кн. Чарторыйскимъ и послѣ этого какъ будто убѣдились въ необходимости подчиниться своей злосчастной судьбѣ. „Въ теченіе нѣсколькихъ дней они замѣтно волновались, было ясно, что они ожидали какого-то событія: они назначали другъ другу свиданія, перешептывались; ихъ трудно было застать дома и еще труднѣе было заставить ихъ высказаться. Они были страшно встревожены и, боясь выдать себя какимъ-либо словомъ, избѣгали говорить о польскихъ дѣлахъ, и тотчасъ умолкали, когда о нихъ заходила рѣчь“.

10 октября, „поляки были приглашены на обѣдъ къ графу Скарбеку и когда вино разгорячило ихъ головы, они стали разговорчивы. Скарбекъ насмѣхался надъ своими соотечественниками и доказывалъ имъ, что надобно быть безумнымъ или крайне недальновиднымъ, чтобы хоть одну минуту серьезно думать, что Россія будетъ содѣйствовать восстановленію королевства Польскаго, отъ котораго рано или поздно ей можетъ угрожать опасность. Баварскій обвинялъ русскій дворъ въ „fausseté“ и „manque de foi“ и увѣрялъ, что Императоръ не скупится на обѣщанія, чтобы усыпить поляковъ и парализовать ихъ, а затѣмъ поработить Польшу и взять себѣ лучшую часть этой несчастной страны. Броневскій радовался, что онъ не будетъ въ числѣ тѣхъ, кого судьба обречетъ на подданство Россіи. Остальные гости горевали о судьбѣ своей родины“. Въ тотъ же вечеръ выяснилась причина волненія, обнаруженного поляками: князь Адамъ Чарторыйскій категорически заявилъ имъ, что Императоръ Александръ, не видя возможности долѣе противиться намѣреніямъ Берлинскаго и Вѣнскаго дворовъ, рѣшилъ дать свое согласіе на раздѣлъ Польши; Пруссія, сказалъ онъ, получитъ свою долю съ городами Торномъ и Познанью, Австрія получитъ Краковъ, а Варшавское герцогство отойдетъ

¹⁾ Ему уже нельзя будетъ дать прекрасный титулъ освободителя Европы, а придется дать другой.

къ Россіи". Князь Адамъ присовокупилъ, что „о королевствѣ Польскомъ“ во всякомъ случаѣ болѣе не можетъ быть рѣчи.

Между тѣмъ Императоръ Александръ Павловичъ всячески старался привлечь къ себѣ поляковъ. Г-жа Вальдштейнъ, рожденная Ржевусская, рассказывала, что когда она представлялась Императору, какъ русская подданная, такъ какъ почти всѣ помѣстья ея семьи находились въ русской Польшѣ, то Государь сказалъ ей:

„Вы не подданная моя. Поляки мои соотечественники. Мы принадлежимъ къ одной націи, у насъ одинъ языкъ, одни обычаи, одни интересы“. То же, по увѣренію г-жи Вальдштейнъ, Государь говорилъ въ Вѣнѣ всѣмъ полякамъ, и тѣмъ не менѣе, они не выказывали, какъ писалъ министру полиціи **, ни малѣйшаго восторга по поводу того, что Александръ I хотѣлъ именоваться королемъ польскимъ; они побаивались демократическаго вліянія Лагарпа и барона Штейна, хотя, зная объ огромномъ вліяніи Лагарпа на образъ мыслей Императора Александра и о его дружескихъ отношеніяхъ къ кн. Чарторыйскому, они заискивали въ немъ. „Весьма многіе поляки, осуждавшіе до сихъ поръ Меттерниха, писалъ ** Гагеру, превозносятъ его теперь за то, что онъ выказалъ столько характера при переговорахъ съ русскимъ Императоромъ. „Если бы Меттернихъ согласился на все то, что ему диктуютъ и приказываютъ Пруссія и Россія, конгрессъ скоро былъ бы оконченъ. Огрызаться на нихъ—*Ihnen die Zähne zeigen*—сопротивляться имъ, добиваться у нихъ уступокъ, проявлять при переговорахъ съ ними свой характеръ, можетъ только человѣкъ не заурядный“, говорили въ польскихъ кружкахъ.

Несмотря на благопріятную перемѣну, происшедшую въ настроеніи Александра I послѣ вышеупомянутаго разговора съ Талейраномъ, надежды дипломатовъ на то, что переговоры пойдутъ ускореннымъ темпомъ, не оправдались; Александръ Павловичъ вскорѣ сталъ вновь настаивать на своихъ требованіяхъ и когда Кестльри, въ половинѣ октября, письменно предложилъ ему посредничество Англіи въ переговорахъ съ Австріей, то Государь самъ отправился къ нему и „словесно подтвердилъ свое твердое намѣреніе сохранить занятое имъ Варшавское герцогство“. Перлюстрированное письмо дипломатическаго агента Валахскаго князя, Белліо, отъ 16 октября 1814 г., въ которомъ онъ сообщалъ князю о свиданіи Государя съ Кестльри, сохранилось въ архивѣ Вѣнской полиціи.

„Чтобы отвлечь Пруссію отъ Россіи, писалъ Белліо, въ

этомъ письмѣ, „Австрія соглашается на то, чтобы Пруссія получила, во всякомъ случаѣ, часть Саксоніи. Изъ двухъ золь она выбираетъ меньше. Она согласна скорѣе отдать Пруссіи Саксонію, нежели отдать Россію всю Польшу. Дай Богъ, чтобы въ Вѣнѣ не ошиблись и чтобы Пруссія не держала и впредь въ тайнѣ сторону Россіи, которая добровольно предлагала ей Саксонію, тогда какъ Австрія соглашается на эту жертву по неволѣ, какъ на крайнее средство“.

Что касается англичанъ, они поддерживали всѣ проекты, клонившіеся къ увеличенію Пруссіи. „Это единственная держава“, говорили они, и которую мы можемъ противопоставить Россіи. Упорствуя относительно Польши, она слѣпо соглашается на всѣ уступки въ пользу Пруссіи и не видитъ, что противъ нея растетъ колоссъ“.

Французы громче всѣхъ негодовали противъ Россіи и Императора Александра, они перечисляли всѣ приобрѣтенія, сдѣланныя имъ по Тильзитскому миру, и говорили, что „Россія не должна получить никакихъ новыхъ приобрѣтеній, ей бы слѣдовало даже отказаться отъ кое-чего полученнаго ею ранѣе, чтобы стать въ равныя условія съ остальными державами“. Но русскій Императоръ, основываясь на договорѣ, заключенномъ съ Пруссіей, не принималъ никакихъ возраженій со стороны Австріи и Франціи и думалъ, отдавъ Пруссіи Саксонію, покончить дѣло однимъ росчеркомъ пера.

Перваго ноября, въ моментъ, когда начались наконецъ засѣданія конгресса, положеніе было таково: Россія занимала войсками Польшу и угрожала Галиціи; Пруссія оккупировала Саксонію и угрожала Богеміи. Баваріи и Швабіи навязывали конституцію, которой онѣ не желали, Австрія была вынуждена содержать въ Италіи многочисленную армію, что стоило ей огромныхъ денегъ, а въ Италіи, въ занятыхъ австрійскими войсками провинціяхъ, говорили, что „подъ владычествомъ Наполеона имъ было лучше, нежели подъ владычествомъ Австріи“.

Какъ на предварительныхъ переговорахъ, такъ и на самомъ конгрессѣ главнымъ камнемъ преткновенія были требованія, заявленные Александромъ Павловичемъ въ польскомъ вопросѣ. Шведскій уполномоченный Гегардтъ писалъ министру Энгестрему 12 ноября, что Меттернихъ передъ самымъ открытіемъ конгресса рѣшительно заявилъ Императору Александру, что „Вѣнскій дворъ не можетъ отнестись равнодушно къ планамъ Петербургскаго кабинета относительно Польши, такъ какъ они не совмѣстимы съ равновѣсіемъ Европы и съ безопасностью

Австріи, поэтому австрийское правительство надѣется, что Россія откажется отъ своихъ требованій, если она дорожитъ соглашеніемъ съ другими державами. Императоръ, раздраженный этими словами, спросилъ Меттерниха, „не думаютъ ли уже предписывать ему законы и отнять у него то, чѣмъ онъ владѣетъ—*le frustrer de ce qu'il possédait*—присовокупивъ, что ежели его пригласили въ Вѣну съ этой цѣлью, то очень ошибутся въ расчетъ. Пусть пошлютъ кого-нибудь въ Польшу пересчитать русскія войска, тогда найдутъ можетъ быть болѣе умѣстнымъ говорить съ нимъ инымъ тономъ“.

„Тотъ, кто передавалъ мнѣ этотъ разговоръ, пишетъ Гегардтъ, увѣряетъ, что Меттернихъ былъ до того озадаченъ (*disconcerté*) рѣзкимъ и энергичнымъ отвѣтомъ русскаго Императора, что, уходя, онъ едва могъ попасть въ двери“.

Въ Вѣнѣ говорили, что послѣ этой сцены было предположено дать Меттерниху въ помощники для переговоровъ съ представителями Россіи князя Шварценберга и гр. Стадіона, но оба они, подъ разными предлогами, отклонили это назначеніе.

Александръ былъ до того раздраженъ противъ Меттерниха, что не хотѣлъ болѣе вести съ нимъ переговоровъ. 8-го ноября, вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора былъ обѣдъ у швейцарскаго посланника Мюллера; на немъ присутствовали Лагарпъ и португальскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, Миранда.

„Лагарпъ, по словамъ Миранды, критиковалъ поведение Меттерниха и по способностямъ ставилъ его ниже Гарденберга, Телейрана и Штейна. Между прочимъ онъ высказалъ предположеніе, что Меттернихъ вскорѣ получить отставку“; „при своихъ блестящихъ способностяхъ, красивой наружности и умѣнии все обращать въ шутку, князь Меттернихъ имѣетъ скорѣе всѣ данныя, чтобы занимать мѣсто посланника, нежели министра великой державы“, сказалъ Лагарпъ. „Его пошлютъ вѣроятно въ Парижъ, гдѣ у него хорошія связи. Съ политической точки зрѣнія нелѣпо и для интересовъ Австріи опасно имѣть министромъ человека, котораго націоналисты презираютъ, а иностранцы ненавидятъ. Прямо удивительно, до какой степени общественное мнѣніе возбуждено противъ него“.

Сужденія Лагарпа были, разумѣется, отголоскомъ его бесѣды съ Императоромъ Александромъ. Столкновенія Государя съ Меттернихомъ были темою оживленныхъ толковъ въ домѣ барона Тугута и вообще въ аристократическихъ кружкахъ Вѣны. Объ Императорѣ говорили, что онъ хотѣлъ поступать во Франціи

и въ Австріи такъ же деспотично, какъ въ Петербургѣ, и высказывали опасеніе, что постъ австрійскаго посланника въ Россіи будетъ пагубнымъ—un gouffre—для того, кто его займетъ; видя, какъ Императоръ держалъ себя въ Вѣнѣ, предполагали, что по возвращеніи въ Россію онъ будетъ относиться къ Австріи нетерпимо, подѣ влияніемъ инсинуанцій со стороны Пруссіи и своихъ фаворитовъ, Каподистрія, Штейна, Чарторыйскаго, Волконскихъ, Уваровыхъ и другихъ. „Можетъ ли быть, чтобы Австрія хотя-бы два года могла находиться въ добромъ согласіи и въ мирѣ съ такимъ непослѣдовательнымъ и измѣнчивымъ человѣкомъ, каковъ Императоръ Александръ?“ говорилъ баронъ Тугутъ.

Таковы были опасенія, которыя высказывались въ Вѣнѣ на основаніи личныхъ впечатлѣній о ходѣ работъ конгресса и о столкновеніяхъ, происходившихъ между русскимъ Императоромъ и руководителемъ австрійской политики. Опасенія эти однако не сбылись. Императоръ съ теченіемъ времени примирился съ Меттернихомъ, а его ставленникъ на посту австрійскаго посланника въ Петербургѣ, Лебцельтернъ, цѣлыхъ десять лѣтъ пользовался исключительнымъ благоволеніемъ Государя и направлялъ его помыслы сообразно съ интересами Австріи¹⁾; но въ 1818 году, въ Вѣнѣ, Александръ Павловичъ какъ будто хотѣлъ оправдать слова, сказанныя имъ передъ отъѣздомъ на конгрессъ, и доводилъ его участниковъ до полного отчаянія. Несмотря на свое расположеніе къ императору Францу, Государь и его не разъ глубоко огорчалъ своими заявленіями. Такъ въ исходѣ ноября, Александръ заявилъ неожиданно, что онъ ничего не дастъ Австріи, даже Краковъ, и что если у него возьмутъ Польшу, то онъ прибѣгнетъ къ крайнимъ мѣрамъ. Это такъ потрясло императора Франца, что онъ заболѣлъ, и русскій Императоръ уже обсуждалъ вопросъ о томъ, не выѣхать ли ему изъ императорскаго дворца, и не переселиться ли въ домъ Разумовскаго; онъ остался во дворцѣ только ради Императрицы.

Въ это самое время Талейранъ имѣлъ снова аудіенцію у Императора. Разговоръ шелъ конечно о злополучной Польшѣ и о Саксоніи. Талейранъ былъ рѣзокъ (heftig). Императоръ разгорячился и сказалъ: *Vous aurez la guerre*“.

¹⁾ См. Великій Князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 г.г. Спб. 1913 г.

„Vous perderez“, возразилъ Талейранъ.

Императоръ наморщилъ брови и бросилъ на него молниеносный взглядъ.

„Sire, il y va de votre gloire de pacificateur du monde gloire sur laquelle à Paris vous annonciez de vouloir prétendre“, продолжалъ Талейранъ, перефразируя то, что онъ однажды уже сказалъ Государю.

Эта аудіенція, о которой въ Вѣнѣ было много толковъ, произвела на Императора большое впечатлѣніе.

Въ исходѣ ноября Александръ, Павловичъ пошелъ на уступки и заявилъ, что дружеское расположеніе его къ своему союзнику, Императору Австрійскому побуждаетъ его уступить по нѣкоторымъ пунктамъ. Сторонники русской партіи громко высказывали свое сожалѣніе по этому поводу, превозносили великодушіе Александра и поносили Талейрана за то, что онъ вынудилъ союзниковъ противостоять желаніямъ Государя.

Оберъ-гофмейстеръ русской Императрицы, князь А. Голицынъ, передавалъ, что Императрица Елисавета Алексѣевна была недовольна тѣмъ, что ея супругъ не выказалъ достаточной твердости при переговорахъ, на что генералъ, которому онъ это рассказывалъ, замѣтилъ, что хотя Императоръ въ данный моментъ пошелъ на уступки и какъ будто отказался отъ своего излюбленнаго плана, но онъ все еще лелѣетъ его въ душѣ и объ этомъ вопросѣ еще придется говорить серьезно.

Несмотря на всеобщее утомленіе и желаніе покончить наскучившіе всѣмъ переговоры, въ январѣ еще ни по одному пункту не было достигнуто соглашенія, и Талейранъ имѣлъ поводъ ехидно замѣтить о союзникахъ, что „у нихъ не хватаетъ мужества открыто пойти на разрывъ и не хватаетъ ума, чтобы притти къ соглашенію“.

Генералъ Круковецкій—ярый революціонеръ и врагъ австрійскаго правительства, возвратясь въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г. изъ Лондона, куда онъ ѣздилъ по порученію Императора Александра, рассказывалъ уже извѣстному намъ **, что Государь думаетъ, „что польскій народъ будетъ доволенъ тѣмъ, что его существованіе упрочилось и что ежели въ данную минуту нѣтъ возможности вернуть ему полную независимость, все-таки онъ, государь, далъ ему возможность добиться ея со временемъ подъ его покровительствомъ“. Такимъ образомъ Александръ поддерживалъ въ полякахъ несбыточные надежды, въ осуществленіе которыхъ самъ едва-ли вѣрилъ, и которыя высказывались имъ съ цѣлью привлечь къ себѣ поляковъ, къ коимъ онъ очень скоро по

возвращеніи въ Россію охладѣлъ, также точно какъ къ конституціоннымъ и либеральнымъ идеямъ вообще. Императоръ былъ недоволенъ результатомъ конгресса; послѣднее время своего пребывания въ столицѣ Австріи онъ былъ мраченъ и молчаливъ и однажды сказалъ королю Прусскому въ присутствіи князя Волконскаго:

„Soyez tranquille, voulant cimenter une paix durable on n'a fait que couvrir de cendres le feu d'une guerre inévitable qui devra éclater dans peu et déranger l'édifice politique projeté à Paris et exécuté à Vienne“¹⁾.

Въ мартѣ мѣсяцѣ когда всѣ спорные вопросы были наконецъ улажены, въ Вѣнѣ было получено извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, какъ громомъ поразившее союзныхъ монарховъ.

„Вотъ къ чему привели бесполезныя пререканія и медленность работъ конгресса“, воскликнулъ Талейранъ, говоря объ этомъ событіи съ Императоромъ Александромъ и упрекая его за его великодушіе, благодаря которому Наполеонъ былъ оставленъ на о. Эльбѣ. „Я не люблю сентиментальной политики, говорилъ Талейранъ; мы ей обязаны появленіемъ Наполеона и изъ-за нея испытываемъ снова всѣ ужасы революціи и войны“. Александръ I и король Прусскій, какъ передавали лица, видѣвшія ихъ непосредственно послѣ полученія извѣстія о высадкѣ Наполеона, „avaient tous les deux l'air bien concerné“, а Государь негодовалъ на то, что „въ такомъ городѣ, какъ Вѣна, гдѣ поддерживается такой порядокъ, могли быть люди, которые безнаказанно выражали свои симпатіи Наполеону. „Изъ всѣхъ свѣдѣній, мною полученныхъ на этотъ счетъ“, говорилъ онъ, „меня поразило болѣе всего, что это говорятъ не французы, а по большей части разные фабриканты, преимущественно нѣмцы и швейцарцы; я полагаю, что французы, коихъ здѣсь очень много, раздѣляютъ это мнѣніе, но они по крайней мѣрѣ настолько осторожны, что молчатъ. Конечно, все это было бы еще опаснѣе, если бы за этими людьми не было учинено строгаго надзора“.

А что сказалъ бы Императоръ Александръ, если бы онъ зналъ, что съ появленіемъ Наполеона во Франціи поляки снова бредили только имъ.

¹⁾ „Мы хотѣли обезпечить прочный миръ, но будьте увѣрены, что пламя неизбежной войны еще глѣбѣтъ подъ пепломъ; она вскорѣ вспыхнетъ и опрокинетъ политическое сооруженіе, задуманное въ Парижѣ и осуществленное въ Вѣнѣ.“

Изумительные успѣхи Наполеона вызвали не мало тревоги въ Вѣнѣ; въ первый моментъ никто не зналъ, куда онъ направится; Талейранъ, говорившій объ немъ ранѣе какъ о чловѣкѣ конченномъ, увидѣлъ, что онъ ошибся. Тогда онъ сталъ говорить, что онъ ожидалъ „отъ корсиканца“ подобной выходки, но это была неправда, въ его донесеніяхъ Людовику XVIII не говорилось ничего подобнаго. Напротивъ, изъ полицейскихъ донесеній видно, что Талейранъ только старался казаться спокойнымъ; 8 марта онъ ѣздилъ въ Пресбургъ, гдѣ признался принцессѣ Лотарингской, что онъ „очень волнуется и не надѣется на преданность королю военного министра, маршала Сульта“.

Когда было получено извѣстіе о томъ, что Наполеонъ высадился въ Каннѣ, Талейранъ успокоился и пророчилъ, что „этотъ чловѣкъ, не хотѣвшій покончить трагедіей, кончитъ фарсомъ“, но въ ближайшіе мѣсяцы на поляхъ Ватерлоо разыгрался не фарсъ, а послѣдній актъ кровавой драмы, измучившей Европу.

Въ исходѣ мая конгрессъ закончился; высокіе гости разъѣхались изъ Вѣны; и, какъ выразился Талейранъ, „каждый уѣхалъ немного недовольный, каждому пришлось принести какую-нибудь жертву, но изъ совокупности этихъ жертвъ возникло общее благо“.

В. Тимошукъ.

Изъ временъ царя Михаила Феодоровича.

(Бытовые очерки по новымъ даннымъ).

Гибель крамольнаго рудомета.

Въ годы великой разрухи со всею Русью наравнѣ шаталось и Бѣлозерье. Не было крѣпкой власти, ибо не было у государства главы. Часть бѣлозерцевъ, состоявшая по преимуществу изъ мелкихъ чиновниковъ, признала было царемъ Владислава и отъ имени новаго государя отняла власть у старыхъ начальниковъ вмѣстѣ съ казенными деньгами, Есть документы. Сохранилась, напримѣръ, отъ той поры любопытная расписка Ивана Кузьмина да Воина Бажанова въ приѣмъ оброчныхъ денегъ съ деревни Панинской, принадлежавшей смѣненному ямскому приказчику — начальнику ямской гоньбы — Семену Окиншину; новые чиновники поусердствовали и взыскали эти деньги за цѣлыя семь лѣтъ безнедоимочно „по государеву цареву и великаго князя Владислава Жигимонтовича наказу“. Въ народѣ, однако, шло глухое броженіе противъ царя-поляка.

Въ началѣ мая 1613 года на Бѣлозерьи водворилась, наконецъ, твердая власть:—пришли вѣсти объ избраніи на царство Михаила Феодоровича, приѣхалъ новый воевода—Степанъ Никифоровичъ Чепчуговъ,—и бѣлозерцы цѣловали крестъ рожденному русскому государю. Твердая власть принялась прежде всего взыскивать оброки въ казну,—и въ государственную, и въ свою собственную.

Поѣхалъ представитель бѣлозерской твердой власти Дмитрій Малаховъ по волостямъ собирать „четвертные доходы“. Приѣхалъ въ одну деревню—нѣтъ въ ней ни единого жителя. При-

ѡхалъ въ другую,—и тамъ избы пусты, нашелъ въ третьей деревенькѣ нѣсколько человѣкъ и сталъ допросъ чинить:

— Куда народъ подѣвался?

И отвѣтили ему:

— Разбѣжался народъ по лѣсамъ, потому, что идутъ на Бѣлозерье литовскіе и нѣмецкіе люди съ великимъ разореніемъ. Уже пришли они на Вытегру, грабятъ и убиваютъ.

Разсердился Малаховъ:

— А съ кого же я четвертные доходы возьму?

И сталъ онъ доискиваться, кто принесъ въ бѣлозерскій край сполошныя крамольныя вѣсти о литовскихъ людяхъ. Сказали ему, что пробѣгалъ-де мимо рудометъ, т. е. знахарь-кровопускатель, Нифонтко Кобяковъ; онъ, молъ, и рассказывалъ о Вытегрѣ и о воровскихъ людяхъ.

Окончательно разсвирѣпѣлъ лишенный четвертныхъ доходовъ подъячій и кинулся разыскивать крамольника Кобякова. Поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Настигли Нифонтку, связали, и повезъ его Малаховъ въ Бѣлозерскъ на расправу.

Привезъ на подворье, гдѣ обыкновенно останавливался въ свои наѣзды, къ Соколицинымъ, и приказалъ стрѣльцу Пятому Клементьеву устроить на дворѣ подъ навѣсомъ дыбу. Сталъ спервоначалу допрашивать съ боемъ.

— Зачѣмъ въ волостяхъ смуту чинилъ? Зачѣмъ сполошными вѣстями народъ разогналъ?

Билъ Нифонтку и приговаривалъ:

— Ты государю измѣнникъ!

Натѣшившись, приказалъ Нифонтку подвѣсить. Стрѣлецъ постарался—подвѣсилъ и такъ усердно началъ хлестать несчастнаго, что вопли его далеко-далеко разносились кругомъ. Выскочила изъ своей избы дворница Авдотья Соколицына и, видя такую Нифонткову муку, горько плакала и тужила.

Вопилъ Нифонтко и молилъ представителя твердой власти:

— Пусти, кормилецъ, душу на покаяніе. Что хошь возьми... Два рубля у меня есть. Возьми, пожалуйста, смилуйся...

Взялъ Малаховъ два рубля, деньги по тому времени изрядныя, приказалъ спустить Нифонтку съ дыбы, а самъ пошелъ къ воеводѣ съ докладомъ о поимкѣ крамольника.

Отъ воеводы вышло приказаніе:

— Допросить Нифонтку Кобякова о его сполошныхъ вѣстяхъ.

Воевода, очевидно, испугался, очевидно, подумалъ:—а нѣтъ ли въ сполошныхъ вѣстяхъ Кобякова подлинной правды?

Передъ воеводою Чепчуговымъ и дьякомъ Шестымъ-Копнинымъ Нифонтко во всемъ заперся.

— Про нѣмецкихъ, про литовскихъ и про воровскихъ людей ничего я не слыхивалъ, и не вѣдаю. А въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ Тумбажской и Бадожской волостяхъ и въ Курьюжскомъ монастырѣ ничего не говаривалъ. Пришелъ я изъ Алмозерской волости¹⁾, ночевалъ у тумбажскаго крестьянина, у Богдана Шкурляева, но ничего ему, Богдану, не сказывалъ. А въ Бадожской волости я не бывалъ. А Дмитрій Малаховъ сказываетъ на меня понапрасну...

Рѣшилъ воевода: „вкинуть“ Нифонтку до сыску въ тюрьму, а въ волости Тумбажскую и Бадожскую и въ Курьюжскій монастырь послать для обыска (т. е. для разслѣдованія) посадскаго человѣка бѣлозерца Степана Васильева Подосенова, разсыльщика Кузьму Гаврилова и стрѣльца Русинку Исакова. Рѣшеніе это состоялось 3 іюля 1613 года.

Вкинутый въ тюрьму несчастный измученный Нифонтко затосковалъ. Онъ зналъ, что сыскъ обнаружить его вину: — онъ дѣйствительно ушелъ изъ предѣловъ нынѣшней Олонецкой губерніи, потому, что слухи о литовскихъ людяхъ упорно повторялись тамъ народомъ, покидающимъ свои деревни и бѣгущимъ въ лѣса; онъ дѣйствительно передавалъ эти слухи по дорогѣ бѣлозерскимъ крестьянамъ, и тѣ, къ великому неудовольствію стяжательнаго подъячаго Малахова, дѣйствительно прятались отъ подступающаго врага по лѣсамъ.

А что будетъ тогда, когда слѣдствіе подтвердить правильность малаховскаго доноса?—Опять страшныя пытки, издѣвательства, дыба. Въ ужасѣ передъ ожидающими его муками Нифонтко задумалъ умереть.

Въ тюрьмѣ сидѣлъ какой-то „деревенскій дѣтина“. Вечеромъ 6 іюля Нифонтко попросилъ у него ножа. У дѣтины въ самомъ дѣлѣ оказался ножъ, и онъ, ничего не подозрѣвая, далъ Нифонткѣ просимое. Нифонтко ударилъ себя ножомъ въ животъ пониже ложечки и взрѣзалъ брюшную полость до пупа. Сильная боль заставила его вскрикнуть. Въ притюремкѣ, въ сѣняхъ, ужиналъ въ то время тюремный сторожъ Тимошка Лейпашъ. Почувявъ недоброе, Лейпашъ открылъ дверь въ тюрьму и ужаснулся, увидавъ окровавленнаго рудомета. Закрывъ наскоро тюрьму, Лейпашъ побѣжалъ къ воеводѣ.

¹⁾ Алмозерская волость нынѣ приходъ Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

Сохранился документъ, въ которомъ подробно записано заявленіе Лейпаша.

„121 года, іюля въ 6-й день, послѣ вечерни поздно пришелъ на дворъ къ воеводѣ, къ Степану Микифоровичу Чепчугову, тюремный сторожъ Тимошка Федоровъ сынъ Лейпашъ и сказалъ:—посажень деи у него въ тюрьмѣ бѣлозерецъ посадскій человекъ Нифонтко Кобяковъ, рудометь, что деи на него извѣщаль тебѣ, воеводѣ, подъячій Дмитрій Малаховъ, будтось деи онъ, Нифонтко, ходя въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ по волостямъ, сказываетъ крестьянамъ, что деи пришли въ Бѣлозерскій уѣздъ литовскіе люди, и отъ тое деи его, Нифонтковы, сказки во всѣхъ волостяхъ крестьяне разбѣгались и ему деи подъячему, Дмитрію Малахову, четвертныхъ доходовъ стало собирать, ѣздя по волостямъ, не съ кого. И того деи онъ Нифонтка тотъ подъячій поймалъ и привелъ на Бѣлозеро, и въ томъ дѣлѣ отъ него, подъячаго, посаженъ онъ, Нифонтко, у него въ тюрьмѣ. И какъ деи у него сторожа, у Тимошки, въ тюрьмѣ сего вечера сидѣлъ, и онъ сторожъ Тимошка учалъ въ при теремкѣ въ сѣняхъ ужинать, а тотъ деи Нифонтко былъ въ тое пору въ тюрьмѣ въ избѣ затворенъ, и только деи тотъ Нифонтко, сидя въ тюрьмѣ, возопилъ; и онъ деи, сторожъ Тимошка, у тюрьмы отворилъ двери да къ нему въ тюрьму за порогъ ступилъ, а тотъ деи Нифонтко на него, сторожа, бросился; а деи онъ, Нифонтко, разрѣзалъ у себя брюхо, и кишки изъ брюха всѣ вышли вонъ, а того деи онъ, сторожъ Тимошка, не вѣдаетъ, чѣмъ онъ у себя, тотъ Нифонтко, брюхо разрѣзалъ,—ножемъ ли или чѣмъ инымъ, а ножа у него въ тюрьмѣ не было, опричь тюремныхъ желѣзъ“.

Выслушавъ докладъ Лейпаша, воевода послалъ въ тюрьму сотника бѣлозерскихъ стрѣльцовъ Алексѣя Юрѣва и выборнаго посадекаго судного цѣловальника Степана Чепыжникова съ наказомъ—взять понятыхъ и въ присутствіи ихъ разслѣдовать,—„которыми обычаи онъ, Нифонтко, сидя въ тюрьмѣ, зарѣзался, и самъ ли себя зарѣзалъ, или кто его тюремные сидѣльцы зарѣзали, и гдѣ онъ взялъ ножъ“.

Посланные захватили съ собою священника Андреевской церкви отца Антипа, а въ понятые увязался чуть не весь Бѣлозерскъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ „обыскъ“, въ которомъ поименовано 46 человекъ, а о прочихъ сказано:—„и многіе посадскіе люди и стрѣльцы“.

Передъ этимъ въ полномъ смыслѣ міромъ, несчастный Нифонтко, „при смертномъ часу, отходя сего бѣлаго свѣта“, по-

вѣдалъ исторію своего позора и великихъ мукъ. И присланные отъ воеводы слѣдователи, и понятые люди послѣ этого его, Нифонтковы, раны на брюхѣ досматривали и засвидѣтельствовали, что „брюхо разрѣзано ножемъ знатно—отъ ложки вдоль до пула, и кишки всѣ изъ брюха вывалились перерѣзаны.—Всю ночь глазѣли бѣлозерцы на бѣднаго рудомета, а передъ заутренею тотъ Нифонтко „представился“. Обо всемъ этомъ подъячіе составили „обыскъ“ и склеили листы обыска въ столбецъ. Нифонтку, вѣроятно, по силѣ правилъ св. отецъ, закопали гдѣ-нибудь за кладбищемъ, въ мѣстѣ пустѣ, и креста надъ могилою его, какъ самоубійцы, не поставили...

А въ уѣздѣ тѣмъ временемъ шелъ сыскъ о Нифонтковыхъ сполошныхъ рѣчахъ.

Разспрашивали священника и старосту и крестьянъ Бадожской волости ¹⁾:—іюня въ двадцать девятый день рудометъ Михалко Кобяковъ (почему-то вмѣсто Нифонтки оказался Михалко) былъ ли и сполошныя вѣсти про литовскихъ и про нѣмецкихъ и про воровскихъ людей сказывалъ ли, и отъ тѣхъ сполошныхъ вѣстей по лѣсамъ крестьяне бѣгали ли?

Священникъ Евтихій Ивановъ и староста Будило Ѧодоровъ и крестьяне сказали:

— Нѣтъ, у насъ тотъ Михалко въ волости не бывалъ. А пришелъ къ намъ съ Вытегры, до того времени дня за два—27 іюня, старецъ Іона Бѣлозеръ, по прозванію Вашковъ, и сказалъ намъ:—„пріѣхали на Ошту ²⁾ нѣмецкіе и литовскіе люди и ѣдутъ на Вытегру“.—Услышавъ это, послали мы въ подѣздъ (т.-е. на развѣдки) Саву Карпова да Митю Якимова. Пріѣхали они съ подѣзду и сказали:—„Вытегра и крестьяне на побѣгъ по лѣсамъ всѣ“.—И мы всѣ, крестьяне, разбѣжались по лѣсамъ. Былъ нашъ крестьянинъ Треня Григорьевъ въ побѣгѣ на Тумбажской рѣкѣ и рассказывалъ, что ночью къ нему на Тумбажскую рѣку, проходя мимо, заходилъ Михалко Кобяковъ и говорилъ:—„пришли на Тумбажъ воровскіе люди, оттого, молъ, я и иду ночью“.—Вотъ и всѣ наши рѣчи.

Записалъ эти рѣчи въ „обыскъ“ бадожскій земскій дьячокъ (по современному волостной писарь) Пронька Ульяновъ сынъ

¹⁾ Бадожская волость—нынѣ приходъ того же имени въ южной части Вытегорскаго уѣзда, при впаденіи рѣчки Шанды въ Ковжу.

²⁾ Ошта—погостъ у Онежскаго озера. Литовскіе и нѣмецкіе люди пришли туда, повидимому, изъ-подъ Тихвина, гдѣ былъ осажденъ ими Большой Богородицкій монастырь, о доблестной защитѣ котораго сохранились письменныя сказанія и устныя легенды.

Морозовъ, — и слѣдователи двинулись на Курьюгу, въ монастырь Николы Чудотворца и Введенія Пресвятыя Богородицы ¹⁾).

Допросили здѣсь чернаго священника, т. е. іеромонаха, Іоаннима, да келаря старца Евфимія, да старца Геласія, да старца Ѧеодосія, да старца Никодима и всю братію:

Старцы сказали:

— Въ тридцатое число, ввечеру, пришелъ къ нашему монастырю изъ Зачинья человекъ и началъ кликать перевозу. Мы спросили: — „кто ты?“ — онъ сказался: — „я — Михалко Кобяковъ, бѣлозерецъ“. — Мы его перевезли и стали спрашивать: — „зачѣмъ ты такъ поздно ходишь?“ — Онъ сказалъ: — „бѣгу я съ Тумбажа отъ воровскихъ людей; всѣ крестьяне тумбажскіе разбѣжались да и „праветчикъ“ Дмитрій Малаховъ на лѣсъ бѣжалъ“. — Вотъ и всѣ наши рѣчи.

Поѣхали слѣдователи въ Тумбажскую волость ²⁾. Допросили здѣсь священника Никольской церкви Іосифа, старосту Григорья Ѧеодорова и крестьянъ. И всѣ согласно показали:

— Да. Михалко Кобяковъ у насъ двадцать девятаго іюня былъ, сполошныя вѣсти про нѣмецкихъ и про литовскихъ людей сказывалъ. Сказывалъ, что воры на Вытегрѣ жгутъ деревни и людей сѣкутъ. И мы отъ тѣхъ сполошныхъ вѣстей по лѣсамъ бѣгали. Вотъ наши рѣчи.

Возвратясь въ Бѣлозерскъ 14-го іюля, слѣдователи подали свой обыскъ воеводѣ Чепчугову, а подъячіе подклеили его въ столбецъ къ тѣмъ листамъ, въ которыхъ описана была нехристіанская Нифонтова смерть.

Думалъ ли бѣдный рудометь, спасавшійся отъ литовскихъ воровъ, что онъ такъ скоро и такъ ужасно покончитъ расчеты съ жизнью въ тюрьмѣ своего родного города? Очевидно, страхъ предъ отечественнымъ чиновникомъ Малаховымъ былъ въ сто кратъ сильнѣе страха передъ иноземнымъ врагомъ, если Нифонто рѣшился на такой великій, по понятіямъ того времени, грѣхъ, какъ самоубійство.

Въ дѣлѣ Кобякова, триста лѣтъ тому назадъ, уже ярко сказываются столь знакомые позднѣйшей Россіи неизлѣчимые недуги отечественной администраціи — непостижимая самоувѣрен-

¹⁾ Курьюжскій монастырь на рѣкѣ Ковжѣ при впаденіи въ нее рѣчки Коксарь, притокъ которой носитъ наименованіе Курья. На картѣ Шуберта отмѣченъ, какъ Курьевская пустынь. Нынѣ — Кирюгская приходская церковь Кирилловскаго уѣзда, Новг. губ.

²⁾ Тумбажская волость, — нынѣ приходъ того же имени, по рѣкѣ Тумбѣ, въ сѣверной части Бѣлозерскаго уѣзда на границѣ съ Вытегорскимъ.

ность, непоколебимое сознаніе собственной непогрѣшимости и постоянное стремленіе перейти изъ сферы законности и здравомыслія въ область произвола.

Вмѣсто того, чтобы провѣрить принесенныя Кобяковымъ важныя извѣстія и подготовиться къ достойной встрѣчѣ врага, бѣлозерская власть предаетъ вѣстника истязаніямъ, какъ крамольника. Власть рѣшила, что врага нѣтъ, — и съ мнѣніемъ ея спорить нельзя, хотя бы это мнѣніе являлось очевидною нелицепостью, кто поспоритъ, — тому дыба, кнутъ, тюрьма, плаха...

А сполошныя вѣсти Нифонтки въ концѣ концовъ оказались вовсе не ложными. Воры проникли на Чаронду (къ озеру Воже)¹⁾, убили тамъ воеводу и чиновниковъ, побили много людей, прошли весь Бѣлозерскій край, побывали, какъ говоритъ народное преданіе, и въ самомъ Бѣлозерскѣ, и здѣсь людей побили.

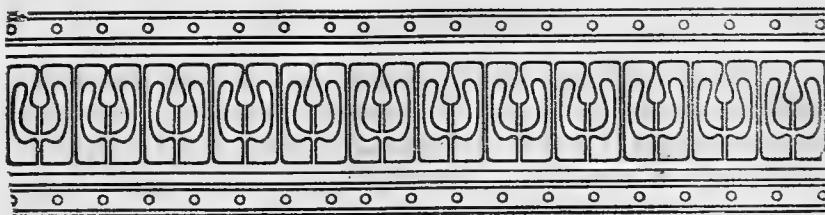
А въ слѣдующемъ 1614 году пришли изъ-подъ Тихвина воровскіе казаки, — ихъ тогда называли „черкасами“, — и вновь на Чарондѣ людей побили и прошли съ грабежомъ и убійствами всю округу — нынѣшніе уѣзды Бѣлозерскій и Кирилловскій.

Тяжело жилось народу въ послѣдніе дни улегающей смуты... но... „тяжкій млатъ, дробя стекло, куеть булатъ“...

И. Мордвиновъ.

¹⁾ Книга дозорная 29 іюля 1615 г., Калачовъ, Акт. Юр. т. II. № 123, стр. 45 (опись посада Чаронды).

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

Получивъ въ свое распоряженіе сорокъ пять писемъ И. А. Гончарова къ извѣстному писателю, цензору и академику А. В. Никитенку, автору широко распространенныхъ „Записокъ“ и „Дневника“, редакція журнала выражаетъ лицамъ, любезно предоставившимъ эту серію для напечатанія, свою искреннюю признательность.

Не останавливаясь подробно на содержаніи этихъ писемъ, мы хотѣли бы лишь отмѣтить тотъ общій интересъ, который они возбуждаютъ. Отношенія Гончарова къ Никитенку и къ его семейству извѣстны были до сихъ поръ съ одной стороны, главнымъ образомъ по упомянутому „Дневнику“. Между тѣмъ замѣтное сходство міросозерцаній обоихъ дѣятелей уже вызвало въ біографической литературѣ вопросъ о взаимномъ вліяніи; думается, при изученіи этаго обстоятельства, печатаемое нынѣ собраніе писемъ можетъ послужить полезнымъ матеріаломъ. — Правда, обычная у Гончарова осторожность въ сужденіяхъ сказывается здѣсь довольно явственно, что происходило, возможно, изъ опасенія нѣкоторой, небезызвѣстной писателю, словоохотливости его корреспондента, а еще вѣроятнѣе, вслѣдствіе официального положенія обоихъ, но за то, здѣсь же можно найти свѣдѣнія и о служебныхъ дѣлахъ Гончарова, и о редакторствѣ его въ „Сѣверной Почтѣ“, наконецъ, самое важное, — о его взглядахъ на собственное творчество и на самого себя. Все это разбросано въ видѣ случайныхъ замѣтокъ, отдѣльными черточками, но внимательное чтеніе даетъ намъ въ цѣломъ по-

вое добавленіе къ прежнимъ мыслямъ объ исторіи душевной и ви́шней жизни Гончарова. Не говоримъ о тонкомъ, спокойномъ юморѣ писателя, о его исключительной житейской наблюдательности; все это само собою разумѣется въ творцѣ „Обломова“. Эти свойства и здѣсь налицо:

Все чаще и чаще формально „нарушается воля“ Гончарова; объ этомъ, т.-е. о правѣ печатать его письма, не распространяемся, полагая вопросъ достаточно обсужденнымъ, но, присоединяясь къ тѣмъ, кто считаетъ справедливымъ рѣшеніе не въ пользу писателя „спорнаго вопроса“ о неисполненіи его запрета,—замѣтимъ, что въ иномъ отношеніи, въ смыслѣ измѣняющей оцѣнки личности Гончарова, побѣда остается за нимъ. И эти письма, въ добавленіе ко многимъ, опубликовываемымъ въ послѣднее время, приводятъ къ одному и тому же выводу: образъ писателя становится все яснѣе и все привлекательнѣе.

В. Я.

№ 1.

Почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ.

Сегодня—пасмурный день, сегодня мы, т. е. цензора представляемъ новому предсѣдателю Комитета ¹⁾ и сегодня же назначенъ годовой обѣдъ въ чиновничьемъ клубѣ: всѣ эти три событія уложились въ тотъ день и въ тѣ часы, въ которые мы съ Вами предприняли три совокупныхъ съ Вами, слѣдовательно добрыхъ дѣла: снять портретъ Вашъ у Левицкаго ²⁾, для чего нуженъ только свѣтъ, а не мракъ съ дождемъ; ѣсть устрицъ, для чего нужно идти къ Елисеѣву ³⁾, а не къ князю Щербатову [Г. А.] ⁴⁾, и пообѣдать не порознь, а въ

¹⁾ Кн. Г. А. Щербатовъ, попечитель петербургскаго университетскаго и учебнаго округа и, по тогдашнему устройству цензурнаго вѣдомства, одновременно предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета, членомъ котораго былъ Г.—ъ съ 19 февраля 1856 г. См. у А. Мазона—„Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Г.—а“, „Русск. Стар.“, 1911 г., кн. 12, стр. 491. Кн. Щерб. былъ назначенъ попечителемъ 26 августа 1856 г. см. Русск. Біограф. Слов.

²⁾ Петербургскій фотографъ.

³⁾ И. А. очень любилъ заходить въ магазинъ Елисеѣва; см. у М. Суперанскаго—„Ив. Ал. Г.—ъ и новые матеріалы для его біографіи“, „Вѣст. Евр.“, 1907 г., № 2 и 1908 г., №№ 11 и 12.

⁴⁾ Объ отношеніяхъ Г. къ Щ. см. у А. А. Мазона, тамъ же. Щ. искалъ черезъ посредство Г. знакомства съ литераторами и приглашалъ ихъ къ себѣ, чтобы имѣть постоянныя и личныя сношенія съ ними.

домъ Пашкова, Вы—не знаю гдѣ, а соединенно у Луи. Но судьба рѣшаетъ иначе и въ утѣшеніе шепчетъ мнѣ, что всѣ эти три обстоятельства, т. е: снятіе портрета, завтракъ и обѣдъ купно съ Вами непременно должны случиться на будущей недѣлѣ, когда Вы будете здѣсь и постучите, въ любой день и часъ, кромѣ пятницы, у моей двери, которая радостно распахнется передъ Вами, а за нею будутъ ждать Васъ объятія сердечно любящаго Васъ

И. Гончарова.

19 Мая. [1857 г.?).

До свѣдѣнія Казиміры Казиміровны ¹⁾ не упустите довести, что насчетъ ея ходятъ здѣсь въ городѣ ужасные слухи, что будто она, со множествомъ чужихъ сердецъ, увезла въ Царское Село чужую книгу: владѣтель, не имѣя никакой надобности въ сердцѣ, проситъ возвратить ему только книгу.

№ 2.

Надѣюсь, Вы не откажете мнѣ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, отобѣдать въ Среду т. е: послѣ завтра, (въ 4½ ч.) въ кругу добрыхъ пріятелей, Тургенева [И. С.], Боткина [В. П.], Майковыхъ ²⁾, Краевского [А. А.] ³⁾ etc, etc. Мѣсто дѣйствія—на заводѣ, въ квартирѣ Языкова ⁴⁾. Болѣе всего не пугайтесь мыслию, что это далеко: посредственный извозчикъ доведетъ Васъ въ 22½ минуты; къ вечеру тамъ тоже возницъ много, приведутъ, сколько угодно.

Отказать—и подумать не можете: оскорбите не одного меня, цѣлый соборъ жаждущихъ зрѣть и слышать Васъ друзей, въ томъ числѣ неизмѣнно Вашего

И. Гончарова.

20. [м. ? г. ?]

¹⁾ Жена А. В. Никитенка.

²⁾ Г. поддерживалъ постоянныя отношенія со всей семьей Майковыхъ. См. объ этомъ въ только-что изданной перепискѣ И. А. съ Е. В. Толстой. „Голосъ Минувшаго“. 1913 г. №№ 11, 12.

³⁾ Издатель „Отеч. Записокъ“.

⁴⁾ Г. былъ знакомъ съ нѣсколькими Языковыми. Въ настоящемъ случаѣ говорится о Мих. Александровичѣ, завѣдывавшемъ въ тѣ годы на Императорскомъ стеклянномъ заводѣ мозаичнымъ отдѣленіемъ, впоследствии бывшимъ директоромъ этого же завода. М. А. Языковъ былъ близокъ со многими писателями и славился какъ интересный, остроумный собесѣдникъ.

№ 3.

Сегодня В. П. Титовъ¹⁾ сказалъ мнѣ, что онъ очень желалъ бы присутствовать на одной изъ Вашихъ университет. лекцій и просить уведомить его, если можно, завтра утромъ, какъ расположены часы вашихъ лекцій и когда, на какую лекцію преимущественно желали бы Вы, чтобы онъ пріѣхалъ. Онъ, кажется, хочетъ не откладывать даже до будущей недѣли. Спѣшу сообщить Вамъ объ этомъ, чтобъ Вы въ свою очередь всѣ нужныя свѣдѣнія могли сообщить Его Превосх. Владиміру Павловичу [Титову] завтра же поутру, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше: часовъ въ 9 или 10. Адресъ его: на Мойкѣ, недалеко отъ Пѣвческаго моста, въ домѣ Петрицкаго.

Я бы сегодня самъ зашелъ сказать Вамъ объ этомъ, да не увѣренъ, застану ли Васъ: можетъ быть, и зайду.

Не считите пожалуйста всего этого за...

1 Апрѣля 1858 года.

Вашъ И. Гончаровъ.

Самому мнѣ некогда отлучиться и послать тоже некого: боимся воровъ. Отъ того я и прошу Васъ самихъ сообщить съ Влад. Павл.

№ 4.

Тургеневъ, опираясь на общее расположеніе къ нему нѣкоторыхъ лицъ извѣстнаго кружка, настаиваетъ на объясненіи, съ тѣмъ чтобы конечно пустить въ меня громы. Съ нимъ будетъ Анненковъ [П. В.], потомъ Дружининъ [А. В.], Дудышкинъ [С. С.]²⁾; хотѣлъ онъ еще нагнать народу, но я не вижу въ этомъ надобности и потому устраниаю; онъ хочетъ сдѣлать торжество свое полиѣе и такъ какъ юридически дѣла рѣшить нельзя, то онъ конечно и выиграетъ.

Васъ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, я прошу присутствовать при этомъ разговорѣ не въ качествѣ свидѣтеля, потому что Вы мало знаете сюжетъ моей программы, а просто въ качествѣ лица, искренно ко мнѣ расположеннаго,

¹⁾ Наставникъ Наслѣдника Вел. Кн. Николая Александровича, въ то же время членъ главнаго правленія училищъ въ м-вѣ народн. просв. впоследствии членъ гос. совѣта.

²⁾ Извѣстные литературные дѣятели.

чтобы мнѣ было не совсѣмъ неловко быть и говорить. И потому прошу Васъ пожаловать завтра во Вторникъ утромъ въ часъ ко мнѣ—(какъ будто на выносъ и отпѣваніе, если не тѣла, то моего духа), чѣмъ много обяжете преданнаго Вамъ

И. Гончарова ¹⁾.

28 Марта [1860 г.].

№ 5.

6 мая [г.?] *Гончаровъ*

Мой поваръ заболѣлъ и я питаюсь сегодня крупичами отъ трапезы старыхъ друзей, поэтому, нашу скромную бесѣду, достолубезнѣйшій Александръ Васильевичъ, позвольте отложить до слѣдующей недѣли, а когда—о томъ забѣгу сказать лично:—надѣюсь, недолго мы заставимъ ждать нашу бутылочку рейнвейна, потому что повара никогда долго не болѣютъ: этой прихоти имъ по штату не полагается.

Вчера я былъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ: тамъ хорошо, спѣшите туда.

Кажется, я доброму и сострадательному вниманію Казиміры Казиміровны обязанъ рецептомъ, присланнымъ мнѣ неизвѣстнымъ мнѣ, но не менѣе отъ того любезнымъ врачомъ Вальцомъ ²⁾, по какому рецепту я съ успѣхомъ лечусь отъ нестерпимой боли. Кстати и поваръ занемогъ: я бы не могъ выпить ни капли вина и находился бы въ гнусномъ положеніи—завидовать въ этомъ лучшему изъ друзей.

¹⁾ Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Гончарова и Тургенева подробно разобранъ въ превосходной монографіи Евг. Ляцкого—„Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество“—въ XVIII, XIX и XX главахъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. 1912 г. Третьей судъ, состоявшийся по требованію Тургенева, происходилъ 29 марта 1860 г. въ квартирѣ Гончарова; свѣдѣнія о немъ можно найти въ извѣстныхъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ П. Анненкова (стр. 520—521) и его же—„Шестъ лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ“ въ „Вѣстн. Европы“, 1885, мартъ, стр. 39. Описаніе суда и рѣшеніе приглашенныхъ экспертовъ воспроизведены въ упомянутой работѣ Ляцкого (стр. 134—135). Нѣкоторые данныя о столкновеніи обоихъ писателей имѣются у Л. Майкова: „Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859 и 1860 г.г.“. „Русск. Старина“, 1900 г., № 1. Новый матеріалъ къ этому же вопросу имѣется въ изданіи—„М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“, подъ редакціей М. Лемме, послѣдній, IV („гончаровскій“) томъ вышелъ въ 1912 году.

²⁾ Докторъ, постоянно лѣчившій А. В. Никитенко.

Сегодня метутъ, скребутъ, моютъ мою квартиру и извергаютъ изъ нея всякія пакости: на этомъ основаніи извергнуты мною и два препровождаемые при семъ тома.

Другую пакость, т. е. другіе, нынѣ вновь выходящіе мои собственные томы не извергаются изъ моей квартиры въ Вашу только потому, что ихъ еще нѣтъ; сегодня принесутъ и изверженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Вамъ послѣдуетъ немедленно.

Кланяюсь Вамъ, Вашимъ и много благодарю Казиміру Казиміровичу.

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 6.

11 Мая—Понедѣл. [г. ?]

Моя лѣтняя кампанія открывается, любезный другъ Александръ Васильевичъ, и я въ эту минуту уныло, но величественно слѣдую по Владимірской и Загородному проспекту—привѣтствуя Васъ этимъ письменнымъ прощаніемъ.

Не гнѣвайтесь за личную мою неявку на вышину Фридрихсова ¹⁾ дома: въ ней нѣтъ никакой гнусности, а есть только старость, усталость и болѣзнь, боюсь—неизлечимая. Я душевно боленъ, а этимъ можно болѣть и при толстомъ брюхѣ. Вы правильно, при встрѣчѣ со мной на улицѣ, изрекли, что „человѣкъ иногда нуждается быть одинъ“. Боюсь только, чтобъ это *иногда* не превратилось у меня въ *всегда*—т. е. боюсь, вылечусь ли я отъ иппохондріи. Воды, воздухъ, тепло и перемѣна мѣстъ—все это конечно хорошія средства: и еслибы къ этому еще прибавить хорошія обстоятельства, то и можно бы починить, не только тѣло, но и душу, и обрѣсти необходимый для нея миръ.

Я направляюсь въ Маріенбадъ—оттуда и самъ не знаю, куда. Это еще въ туманѣ для меня: поѣду ли въ Вѣну и Венецію, какъ хотѣлось бы, а оттуда въ Миланъ, Швейцарію и въ Булонь, или же скромно прожить въ Германіи—не знаю. Увижу какъ расположатся обстоятельства.

Во всякомъ случаѣ я дамъ Вамъ о себѣ вѣсть, а Вы не поскушайте отвѣтить на мой голосъ.

Если мнѣ не удастся починить душу, то я такъ и останусь у себя дома, какъ въ гробу, никуда не пойду. А если солнце,

¹⁾ Никитенко въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій жилъ въ домѣ барона Фредерикса, на Владимірской улицѣ.

луна и звѣзды улыбнутся мнѣ, я тотчасъ приду къ Вамъ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени Вы съ подъ-облачныхъ высотъ баронскаго дома переселитесь долу, въ тѣ слои, гдѣ обитаютъ земные жители: я вѣрю въ это переселеніе. Прощайте, любезный другъ, до свиданія. Поручаю себя всего старой нашей дружбѣ, вашей добротѣ, правдѣ и другимъ хорошимъ качествамъ, за которыя я Васъ, какъ и многіе другіе, давно полюбилъ и не разлюбилъ. Не разлюбляйте же и Вы меня, а всяко охраняйте, какъ эгидою, Вашимъ умомъ, словомъ и дѣломъ противъ всякаго зла и пакости. И я стану дѣлать тоже съ Вами.

Весь Вашъ И. Гончаровъ.

№ 7 ¹⁾.

[1860 г. ?]

Извините меня пожалуйста, что я распечаталъ телеграмму Марковского: мнѣ очень хотѣлось узнать, тамъ ли Вальтеръ ²⁾ и по этому извѣстію утѣшать себя надеждою на скорое свиданіе съ Вами въ Дрезденъ; потомъ я ждалъ, не дастъ ли Марковский мнѣ знать въ депешѣ о томъ, оставлена ли мнѣ комната въ отели Франкфуртъ. Я сейчасъ увѣжаю. До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

№ 8.

Маріенбадъ, 17 (29) Іюня 1860.

Вотъ я и на мѣстѣ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, о чемъ и имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства. Добрался я однакожъ сюда только на третій день, потому что прозѣвалъ, или лучше сказать проспалъ раннюю почту и ночевалъ въ Плауэнѣ, а на другой день въ Франценсбадъ. Здѣсь меня приняли, какъ земляка: куда ни приду, встрѣчаю улыбки и поклоны, а одна дѣвочка такъ обрадовалась, увидя меня въ третій разъ здѣсь, что бросилась и поцаловала у меня руку, прежде нежели я успѣлъ ей помѣшать. Всѣ эти ласки не помѣшали однакоже моей хозяйкѣ содрать съ меня 40 талеровъ въ мѣсяцъ, за двѣ комнатки съ балкономъ на сады. Въ первый же день меня привѣтствовали

¹⁾ Письмо написано карандашомъ.

²⁾ Популярный въ то время въ Дрезденѣ врачъ; лечилъ также и Никитенка.

двѣ грозы, одна утромъ, другая ночью: я вспомнилъ о Софѣ Александровнѣ¹⁾, да и мнѣ самому, точно также какъ и никому не могло бы быть пріятно это раскачиванье деревьевъ, огненныхъ змѣи и перекаты грома въ горахъ. Вчера пріѣхали сюда нѣкоторый мужъ и нѣкоторая жена, которыхъ гроза застала въ дорогѣ; въ десяти шагахъ отъ нихъ молнія раздробила дерево, лошади ихъ испугались и понесли; къ счастью, кучеръ успѣлъ направить ихъ въ какія-то ворота. Нѣтъ, не вѣрю я охотникамъ до грозы и прочихъ подобныхъ безпорядковъ природы. Всѣ эти „труссы, потоппы и глады“, особенно глады—не по натурѣ человѣку.

Я принялся было сегодня за свои тетради и началъ бойко читать, но потомъ усталъ и бросилъ. Нѣтъ, видно судьба вырвала перо у меня изъ рукъ: можетъ быть и за дѣло. Зачѣмъ небрежно обращался съ нимъ, забывалъ его для праздности, лѣни и безумнаго ублаженія гнуснаго тѣла (рубашки составляютъ исключеніе: это благороднѣйшее изъ всѣхъ чувственныхъ ублаженій). Однакожъ завтра попробую приняться опять, не смотря на то, что чувствую великій холодъ и запустѣніе въ себѣ. Докторъ нашелъ, что у меня не столько печень болитъ, сколько нервная система раздражена, и потому совѣтуетъ взять здѣсь только 4-хъ недѣльный курсъ, а потомъ отправиться въ Вильдбадъ—успокоить нервы, а затѣмъ къ морю—укрѣпить ихъ. Но перваго мнѣ не хочется дѣлать: куда еще таскаться по водамъ? Петербургскаго геморроя и естественнаго наступленія старости не вылечишь, а только даромъ потеряешь время и деньги.

Здѣсь я нашелъ человѣкъ восемь Русскихъ, между прочимъ Обручева, [Н. Н.]²⁾ бывшаго редактора Военнаго Сборника. Одинъ изъ русскихъ рассказываетъ, что Бельгійскій король предлагаетъ будто бы Франціи и Англіи отдать первой Бельгію, а себѣ взять у Австріи Венгрію, что ему было бы съ руки, такъ какъ онъ родомъ якобы изъ Венгріи и владѣетъ тамъ большими помѣстьями, далѣе, что Пруссія уступить свои Рейн-

¹⁾ Дочь А. В. Никитенка, очень близкая И. А.—чу и искренно ему преданная; иногда по его порученію приводила въ порядокъ рукописи, напр., первую половину „Обрыва“. См. въ изданіи—„М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“. Подъ редакціей М. Лемке. IV томъ. 1912 г. Письмо Г—а къ Ст—у отъ 30 мая 1869 г., а также въ настоящей перепискѣ письмо № 11. Письма Г. къ ней напечатаны тамъ же.

²⁾ Извѣстный военный дѣятель, въ то время профессоръ военной статистики въ академіи генеральнаго штаба, впоследствии начальникъ главнаго штаба и членъ госуд. совѣта.

скія провинціи Франціи, а Франція поможетъ ей завладѣть разною Германскою мелочью, маркграфствами, ландграфствами и герцогствами, которыя будто бы давно уже просили прусскаго короля взять ихъ подъ свою крѣпкую руку. Объ этомъ, слышь, будетъ рѣчь на свиданіи въ Баденъ - Баденъ. Не знаю, гдѣ тутъ правда: эта политика что-то отзывается Тамбовомъ. Но Баденское свиданіе сдѣлало однако то, что курсъ на наши деньги упалъ здѣсь, ибо всѣ надѣются, что свиданіе устранить всякія поползновенія къ войнѣ и миръ нарушенъ не будетъ ¹⁾.

¹⁾ Въ журналъ „Искра“ 1860 г. № 19 (Мая 20) напечатаны стихи, которые считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь полностью:

ПАРНАССКІЙ ПРИГОВОРЪ.

Шумъ, волненіе на Парнасъ;
 На Парнасъ всѣ въ тревогѣ,
 И смущенные толпами,
 На совѣтъ собирались боги.
 Съ горъ заоблачнаго Пинда
 И съ вершины Геликона
 Боги мчатся въ колесницахъ,
 По призыву Аполлона.
 Для чего жъ боговъ собранье
 На заоблачномъ Парнасъ?
 Кто сей смертный, съ тусклымъ взглядомъ,
 Прилетѣвшій на Пегасъ?
 Кто онъ,—вялый и лѣнивый,
 Неподвижный, какъ Обломовъ,
 Сталъ безмолвно и угрюмо,
 Окруженный тучей гномовъ?..
 И божественные гости
 Полукругомъ ставъ у трона,
 Съ нетерпѣньемъ ждали рѣчи
 Отъ красавца Аполлона.
 И сказалъ онъ:—„Смертный! молви:
 У боговъ чего ты просишь?
 На землѣ своей далекой
 Ты какое званіе носишь?“
 И отвѣтилъ смертный: „Русскій
 Я писатель! На собрата
 Приношу доносъ вамъ, боги,
 И молю васъ—въ наказаніи
 Съ обвиненнымъ будьте строги.
 Онъ, какъ я, писатель старый,
 Издавъ онъ романъ недавно,
 Гдѣ сюжетъ и планъ разсказа
 У меня укралъ безславно..“

Сегодня получилъ я изъ Петерб. письмо съ приложеніемъ стиховъ, напечатанныхъ въ Искрѣ о нашемъ спорѣ съ Тургеневымъ: ничего, такъ себѣ можно бы написать забавнѣе.

Прощайте. Свидѣт. усердное почтеніе Казимірѣ Казиміровнѣ.

Весь Вашъ

Ив. Гончаровъ.

Дайте о себѣ вѣсточку. Вотъ мой адресъ, если Вы забыли:

Boemen. *Marienbad*, poste restante.

An den Herrn Johann von Gontcharoff.

У меня—герой въ чахоткѣ,
У него—портретъ того же;
У меня—Елена имя;
У него—Елена тоже.
У него всѣ лица также,
Какъ въ моемъ романѣ, ходятъ,
Пьютъ, болтаютъ, спятъ и любятъ...
Наглость эта превосходить
Мѣры всякія... Вы, боги,
Справедливо были вѣчно,
И за это преступленіе
Вы накажете, конечно".
Смертный смолкъ... Вотъ спорять боги,
Шумъ и говоръ окрестъ трона,
Наконецъ громовой голосъ
Раздается Аполлона:
— „Мы, съ сестрой своей Минервой,
Такъ рѣшили, смертный! Право
Твое дѣло и наказанъ
Будетъ недругъ твой лукавый,
И за то онъ, нашей властью,
На театрѣ будетъ вскорѣ
Роль купца играть нѣмую
Безсловесно, въ Ревизорѣ.
Ты же,—такъ какъ для романа
У тебя нѣтъ вновь сюжета,—
На казенный счетъ поѣдешь
Путешествовать вокругъ свѣта.
Вѣрно лучшее твореніе
Ты напишешь на дорогѣ.
Такъ рѣшаемъ на Парнасѣ
Я, Минерва и всѣ боги.

Обличительный Поэтъ.

№ 9.

Маріенбадъ 20 Іюня (2 Іюля) 1860.

Почтенный другъ и глава нашей странствующей дружеской колоніи!

Письмо я Ваше получилъ и какъ говорятъ мои пріатели японцы, *хорошо понял*. Не сокрушаюсь о Вашихъ стонахъ и жалобахъ, вымогаемыхъ изъ Васъ претерпѣваемыми на водахъ бѣдствіями, какъ то „питьемъ вонючей жидкости, ваннами“ и т. п. частію по гнусному эгоизму, ибо претерпѣваю тоже самъ, частію потому, что маріенбадская вода—не вонючая, но все же нельзя и наслаждаться ею, ибо выпить натошакъ, да еще въ 6 часовъ утра, четыре стакана чего-то въ родѣ сыраго, неудавшагося квасу... не большое наслажденіе. Валяются въ ваннахъ изъ грязи по 20 минутъ и отъ скуки поглаживать собственное свое, въ грязи измаранное и отъ этого—дѣйствительно *гнусное тѣло*, да, для развлеченія вытаскивать изъ подъ себя камешки, прутики и набравшіяся въ ванны—щечочки—не Богъ знаетъ какая отрада!

Но все это я совершаю твердо, привычной рукой и вольнымъ духомъ...

Здѣсь тоже много народу—Русскихъ, къ счастью, мало и я знакомъ съ немногими. Но здѣсь дожди и холода кладутъ печать скуки и унынія, по крайней мѣрѣ, на меня, такъ что я съ наслажденіемъ вспоминаю о Васъ обоихъ и такъ сказать—почти о новыхъ, но драгоценныхъ юныхъ друзьяхъ, Вашихъ дщеряхъ, также и о непроходимѣйшемъ, безпримѣрнѣйшемъ шалунищѣ ¹⁾, о нашихъ чаяхъ и хожденіяхъ—съ вами для удовлетворенія потребности покупать, а съ ними, для бесѣды и для упражненія ногъ.

Спасибо за вопросъ о моихъ замыслахъ и объ участіи въ нихъ, участіи тройномъ: друга, литератора, профессора литературы и четвертомъ наконецъ—академика. Коротко скажу,—я пишу и листовъ 16 написано, но, пишу или пою по выраженію Шиллера, *какъ поютъ птицы* т. е. какъ будто безъ цѣли, а наслаждаюсь только своею способностью пѣть, ибо что ни запою, выходитъ мотивъ, трель, колѣно, но выйдетъ ли пѣсня, кончу ли ее—едва-ли: тутъ уже и начинаются Гамлетовскія сомнѣнія. Являются на сцену лица, фигуры, картины, но сгруп-

¹⁾ Говорится о сынѣ А. В.—Сашѣ.

пировать ихъ, найти смыслъ, связь, цѣль—этой рисовки—не умѣю, не могу; *нѣтъ необходимости*, по которой долженъ создаваться и ею проникаться и скрѣпляться весь романъ т. е: она у меня есть въ головѣ, но не выражается, а не выражается отъ того, что неуловима, почти недоступна выраженію, образу. Помните, я въ Петерб. у меня на квартирѣ читалъ Вамъ изъ программы данныя, элементы, изъ которыхъ задумана личность героя художника? Ну, вотъ, передъ созданіемъ его—я останавливаюсь въ недоумѣніи и пріостановился работать. Это не созрѣло, не уяснилось передо мной—и герой еще не приходитъ, не является. Только вчера попалъ я на слѣдъ смѣлаго и оригинальнаго способа и теперь пытаю и думаю надъ нимъ: это или вздоръ, нелѣпость, или единственный путь разрѣшить задачу.

Не знаю, что будетъ. Но какъ трудно—не рисовать, нѣтъ, это легко, а вести рисовку къ центру, къ цѣли, осмысливать ее. Въ слѣдствіе этого является то бодрость, то уныніе.—Я описалъ о началѣ своего труда къ Валимъ, такъ какъ онѣ принимаютъ живое, дружеское участіе въ этомъ, но боюсь не напрасно-ли подалъ на себя надежду.

Онѣ будутъ считать меня путнымъ человѣкомъ твердо идущимъ къ цѣли, а я вдругъ окажусь несостоятельнымъ: Боже ты мой, сколько прибавится къ насмѣшкамъ надъ моею лѣнью и прожорливостью, другихъ, болѣе ядовитыхъ жалъ! Постараюсь продолжать, если не покинетъ охота!

Я останусь здѣсь числа до 10-го Іюля нашего стилиа, а тамъ попробую до конца Іюля пописать въ Дрезденѣ, чтобы къ 1-му Августу быть въ Парижѣ и Булони. Вотъ мой планъ, другого пока нѣтъ, да если я буду продолжать писать, то другого плана мнѣ и нельзя принять, ибо всякій другой помѣшаетъ мнѣ. Лечение мое конечно отъ писанья много терпитъ, но я бы помирился съ этимъ, еслибъ удалось второе, но если не удастся ни первое, ни второе, тогда пожалѣю о потерянномъ времени, трудахъ и издержкахъ.

Вы пишете, что у Васъ тамъ собраніе желтыхъ, блѣдныхъ, страдальческихъ фигуръ¹⁾; здѣсь такъ напротивъ. Больные—все такіе, Богъ съ ними, здоровенькіе, все „поперекъ себя толще“—у кого подбородокъ до брюха, а брюхо до земли, у кого

¹⁾ Никитенко въ это время былъ въ Киссингенѣ. Его „Записки и дневникъ“. Т. I, 594—596.

руки и ноги отекли: все обжоры, ублажатели гнуснаго тѣла; я—изъ самыхъ тонкихъ здѣсь.

Прощайте—мое дружеское почтеніе Казиміръ Казиміровичъ,

Весь Вашъ И. Гончаровъ.

№ 10.

28 Іюня (10 Іюля) 1860. Маріенбадъ.

Сей часъ получилъ Ваше письмо и сей часъ же отвѣчаю, любезный другъ Александръ Васильевичъ. Погода сыграла и здѣсь ту же роль, какъ у Васъ, а въ Петербургѣ, пишутъ мнѣ, были жары! Вотъ подите же: если мы, люди, живемъ въ противорѣчіяхъ, боремся съ ними и въ этомъ проводимъ жизнь, такъ это потому, думалъ я, что не умѣемъ, не устроились, не распорядились. А природа физическая? вѣдь ея законы подлежатъ не произволу страстей, глупости и невѣжества, а постояннымъ мудрымъ законамъ? Что же это такое? За неумѣемъ рѣшить этого вопроса приходится и эту загадку природы взять на себя бѣдному человѣку, т. е. признать закономъ эту несообразность погоды и сознаться въ неумѣіи рѣшить ее: это, кажется, будетъ самое умное.

Пишу Вамъ изнеможенною отъ писанья рукой: пишу, пишу—не въ смыслѣ творю, а пишу—сочиняю, т. е. мараю бумагу и не сомнѣваюсь болѣе, а отчаяваюсь въ томъ, что это мое писанье—ни на что не пригодно. Какъ ни утѣшайте, а планъ былъ не выясненъ, не продуманъ и герой—безъ лица и образа. Еслибъ можно было начать снова, то вышло бы что нибудь, но начать! Это, если не физически, то морально невозможно!

Мое леченіе (съ грѣхомъ пополамъ, или лучше съ грѣхами: одинъ грѣхъ—холодная, осенняя погода, другой—неистовое сидѣнье и писанье) идетъ къ концу, т. е. я переваливаюсь на пятую недѣлю и въ Понедѣльникъ или во Вторникъ т. е. 5 или 6-ю Іюля нашего стиля *надѣюсь быть въ Дрезденъ*. Хотя источникомъ Вашего предполагаемаго туда возвращенія—неудобство и нѣкоторое разстройство вашего плана, но я, по гнусности эгоизма, этимъ не недоволенъ, ибо, за долговременное пребываніе въ одиночествѣ и неумѣренное писанье, считаю себя въ правѣ мечтать о вознагражденіи бесѣды среди Васъ всѣхъ, хожденія по лавочкамъ, блаженнаго состоянія милой праздности и *покупки* разныхъ предметовъ вообще, сигаръ въ

особенности, и между прочихъ и рубашекъ, въ нихъ чувствую крайнюю потребность.

А тамъ въ перспективѣ улыбается мнѣ совокупная съ Вами поѣздка въ Булонь: и какъ мы Парижъ уже видѣли оба, то не направимъ ли путь на Брюссель, коего не видали? Не съѣздимъ ли до тѣхъ поръ въ Веймаръ, или иное нѣмецкое затишье—(если поѣздка въ Швейцарію не окажется необходимою) или не предпримемъ ли чего иного, но во всякомъ случаѣ есть надежда быть вкупѣ.

Сюда наѣзжаетъ много Русскихъ и почти всѣ дѣлаютъ мнѣ честь желать со мною познакомиться: можете себѣ представить, какъ это, по моему характеру, веселитъ меня! Вотъ уже я познакомился съ одной княгиней, съ двумя князьями, съ двумя начальниками институтовъ, и отъ того меньше хожу, меньше пишу, даже, отъ тоски, меньше ѣмъ и сплю.

Здѣсь стала погода поправляться, хотя въ эту минуту идетъ дождь, сопровождаемый отчасти грозою. Но хоть не холодно по крайней мѣрѣ: и то хорошо!!—Вы совершенно совпали съ моимъ настроеніемъ, рѣшивъ отыскивать утѣшенія и отвѣта на тоскливые вопросы въ себѣ и въ тѣхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, которыми кое-какъ держишься въ жизни—такъ, такъ мудрый другъ мой—а прочее, что не поддается этимъ убѣжденіямъ, что противится и идетъ иначе, сочтемъ aberrациями, которымъ подлежатъ и звѣзды, не только мы и жизнь наша, съ ея паденіями, торжествами, съ ея печальнымъ весельемъ и невеселыми печалами.

Итакъ, можетъ быть, скоро опять сойдемся мы въ Прагеръ-штрассе¹⁾, за чайнымъ столомъ, съ булками, сладкими пирогами, съ телятиной, но безъ ветчины и колбасъ—до времени.

Прощайте, не пишите мнѣ болѣе сюда, а въ Дрезденъ, въ Hôtel Frankfurt, а лучше приѣзжайте сами. Жму Вашу и цалую Казиміры Казимі[ровны]—руку.

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 11.

18 (30) Іюля 1860. Дрезденъ.

Что за немилость, что за вѣтренность, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ? Польстили было Вы надеждою при-

¹⁾ Въ Дрезденъ. Съ 16 по 31 Мая этого года Никитенко былъ вмѣстѣ съ И. А. въ Дрезденъ, послѣ чего Г. направился въ Маріенбадъ, а Н. съ женою въ Киссингенъ. См. Никитенко. Зап. и дневн.

ѣхать въ Дрезденъ, отдохнуть въ Пражской улицѣ—и обманули! А я льстилъ себя надеждою увлечься за Вами въ Швейцарію и объѣхать Женевское озеро, вокругъ и потомъ направиться вмѣстѣ въ Парижъ и Булонь. А Вы измѣнили и этому плану и избираете Трувилъ! Но въ Трувилѣ, какъ мнѣ сказали, надо ѣздить къ морю въ одной, со многими купальщиками, телѣгѣ, тогда какъ въ Булони каждый идетъ самъ по себѣ и раздѣвается въ особой будкѣ; женатымъ же людямъ предоставляется купаться вмѣстѣ съ женами и слѣдовательно съ прочими женщинами, но только въ нарочито устроиваемомъ для того костюмѣ, легкомъ, бумажномъ, тутъ же на берегу продаваемомъ. А мужчины купаются между собой въ одной повязкѣ, въ какой дѣти играютъ въ жмурки. Я уже подговорилъ ѣхать туда Ковалевскаго съ женой, племянника министра ¹⁾. Тѣмъ наипаче любо бы было мнѣ блуждать съ Вами по берегу океана и бесѣдовать. Мы иногда подолгу молчимъ съ Вами, но молчаніе это есть ничто иное, какъ постоянная бесѣда, въ которой оба другъ друга понимаютъ, оба задумываются или лѣнятся говорить и оба безъ словъ знаютъ, что сказалось бы въ ту или другую минуту. Зато когда вдругъ прорвется, то отводишь душу вполнѣ. И Вы вдругъ взяли все, да и испортили! Не рѣзвитесь, почтенный другъ, и не вѣтренничайте: Трувилъ—мѣсто модное, гдѣ собираются и купаются обезьяны изъ большого свѣта и гдѣ нѣтъ отдыха и пріюта нормально устроенному человѣку. Ужъ не умыслили ли Вы, тайкомъ отъ остальной странствующей колоніи, совершить надъ собою какую-либо метаморфозу, какъ-то облечься въ тонко-волокнистую рубашку и лазить въ море, въ толпѣ львовъ и львицъ, не иначе какъ въ бѣлыхъ перчаткахъ?

Не увижу ли я Васъ хоть въ Парижѣ, куда я вѣроятно обрѣтусь съ 22 нашего Іюля и пребуду, я думаю, до 28-го, а къ 1-му Августу надѣюсь уже быть въ Булони. Въ Булони есть и рѣка, гдѣ стоятъ всѣ пароходы и суда, а это предалеко отъ купанья; въ Булони песокъ, а не каменья и кромѣ того онъ или она (Булонь) избыточествуетъ всевозможными магазинами, слѣдовательно можно ежедневно, въ виду угрюмаго океана, предаваться удовольствію—покупать! Остановлюсь я въ

¹⁾ народнаго просвѣщенія, Евграфа Петр. Ковалевскаго. Вѣроятно, И. М. Ковалевскій, забытый, но интересный писатель, яркій и остроумный воспоминанія котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ печатались въ „Русск. Стар.“ Въ 1912 г. вышло отдѣльнымъ изданіемъ собраніе его стиховъ и воспоминаній.

Парижъ тамъ же, гдѣ Вы однажды уже обрѣли меня, т. е. въ rue du Helder, № 16, hôtel du Brézie. А если тамъ не случилось бы комнаты, то оставляю тамъ адресъ.

Здѣсь я живу около двухъ недѣль—Ваши всѣ въ вожделѣнномъ здоровіи; раза два впрочемъ у Екатерины Алекс[андровны] болѣла голова. Сколько Софья Алекс[андровна]¹⁾ задумчива и молчалива, столько же Сашенька²⁾ сталъ говорливъ и юрокъ. Этотъ безпримѣрнѣйшій, безпощаднѣйшій и непроходимѣйшій шалунище приводитъ въ трепетъ Дрезденъ: матери, завидя его, со страхомъ уводятъ дѣтей, а купцы запираютъ лавки; кого за руку схватить—рука прочь, за ногу—нога и т. д., даже дошелъ до того, что, о ужасъ! разбилъ графинь. Онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, весьма радъ моему приѣзду и между прочимъ потому, что я по утрамъ беру его съ собой въ манежъ и когда кончу свой часъ, его берейторъ сажаетъ на лошадь и ведетъ, я иду рядомъ и онъ воображаетъ, что онъ „ѣдетъ“.

Когда же берейторъ побѣжитъ и потащитъ за собой лошадь въ припрыжку, шалунище, дотолѣ безмолвный, вдругъ находитъ въ себѣ рѣчь, да еще нѣмецкую и въ оной рѣчи кричитъ: „довольно, довольно! не скоро!“ и по-русски прибавляетъ, что у него сердце „замерзаетъ“, когда лошадь пойдетъ *трусикой*. По случаю питыхъ Екатериною Алекс[андровною] и мною водъ—наши чайныя трапезы проходятъ скромно безъ колбасъ и ветчинъ, а больше съ молокомъ и яйцами; но зато пирожного... Мы съ Сашей просто—велики затрапезой и соревнованію нашему нѣтъ конца, какъ ни ядовито улыбается Софья Алекс[андровна]! „Превосходно, отлично, чудесный пирогъ“ говоритъ въ восторгѣ Саша, и иногда прибавляетъ: „прелестнѣйшій Иванъ Ал[ександровичъ]“.

Обѣ барышни облагодѣтельствовали меня, переписавъ написанное мною въ Мариенбадѣ, а я взялъ да и употребилъ ихъ доброту во зло, написавъ еще тетрадку уже здѣсь; они взяли на себя и ту перебѣлить. Затрудняюсь благодарить ихъ и за это и за всегда ласковый, какъ къ брату, приѣмъ и за всю ихъ дружбу, которую Вы, должно быть, оба передали имъ.

Не хочу вѣрить, что до Петербурга не увижусь съ Вами и еслибъ зналъ, гдѣ Васъ найти въ Парижѣ, то нашелъ бы. На случай зайду въ rue Vivienne, въ ту отель, гдѣ Вы останавливались, лишь только приѣду; а Вы зайдите въ указанную

¹⁾ Дочери А. В.

²⁾ Сынъ А. В.

выше. Да не остановитесь ли и Вы въ ней? А если мѣста не будетъ, то въ той же улицѣ du Helder есть hôtel Richemont: гдѣ и хорошо, и дешево, и близко отъ бульвара.

Всегда и всюду Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 12.

Дрезденъ, 27 Августа (8 сентября) [1860 г.].

Вчера я прикатилъ по поспѣшному поѣзду съ Яковомъ Карл. [овичемъ]¹⁾ въ Дрезденъ, пробывъ два съ половиною дня въ Парижѣ и вчера же узрѣвъ Вашихъ въ вожделѣнномъ здоровьѣ и спокойствіи, ожидающихъ Васъ. Я вручилъ имъ 3 золотыхъ монеты, въ коихъ, сколько я могъ замѣтить, онѣ нуждались, ибо, взявъ ихъ, воскликнули: „теперь мы опять богаты“. Хозяйскими деньгами онѣ воспользоваться не могли, ибо должны были заплатить хозяйкѣ 1-го Августа за Сентябрь, а далѣе за Октябрь, имъ денегъ оставлено Вами не было. Очень можетъ быть, что имъ понадобится немного и еще (я впрочемъ навѣрное не знаю), то я предложу имъ своихъ, но онѣ такъ деликатны, что, пожалуй, моимъ предложеніемъ не воспользуются, въ такомъ случаѣ, въ первомъ Вашемъ письмѣ, уполномочьте ихъ или предпишите имъ взять у меня, а меня онѣ не послушаютъ.

Главная цѣль этого моего письма—поздравить Васъ, почтенный другъ мой, съ днемъ Вашего тезоименитства и пожалѣть, что мы все не вмѣстѣ. Мы постараемся здѣсь подкрѣпить въ этотъ день особеннымъ образомъ наши силы пищею и питіемъ, а если можно, то и прогулкою, хотя на послѣднее надежды мало, ибо вчера лилъ безотрадный дождь, а сегодня пасмурно и свѣжо, такъ что Ваши скучаютъ, не только по Васъ, но даже и по Россіи. Потомъ мнѣ хочется сказать слова два о Парижѣ и объ отели, въ которой я останавливался, и въ которой вѣроятно остановитесь и Вы. Я немного наклеветалъ на нее: она, правда, смотреть не изящно, но въ ней есть порядочныя и даже немного щеголеватыя комнаты, какъ я потомъ увидѣлъ, особенно если Вамъ достанутся №№ 9 или 13: я ихъ видѣлъ, они даже съ нѣкоторыми претензіями на роскошь. Вы только дня за два напишите.

¹⁾ Гротомъ, извѣстнымъ ученымъ.

A Madame Maugée, rue de Richelieu, 22. Paris.

А я ей далъ Ваше имя и она будетъ ждать. Я уже писалъ Вамъ, что она поможетъ Казиміръ Казиміровичъ во всѣхъ ея покупкахъ и много сбережетъ времени и денегъ.

Отъ этой отели ровно пять шаговъ до двери Палерояля: изъ задней двери отели Вы, мимо 23 номера какого-то магазина, очутитесь въ одной изъ галлерей Палерояля, гдѣ между прочимъ въ одномъ изъ *пятидесятихъ номеровъ* есть табачная лавка: тамъ можно купить менѣ скверныхъ сигаръ, нежели въ другихъ мѣстахъ. Еще есть въ улицѣ St.-Honoré, противъ Палерояля и близехонько отъ отели табачный магазинъ à la Civette (M-me Maugée покажетъ), тамъ продаются наименѣ скверныя сигары, но не по мелочи, а не менѣ 25 штукъ (тѣ что я вамъ оставилъ, уѣзжая).

Теперь скажу Вамъ кое-что о пути отъ Парижа до Дрездена. Сдѣлайте, какъ я совѣтовалъ т. е. возьмите билеты до самаго Дрездена и поклажу тоже отдайте до-туда же: Вамъ въ Кёльнѣ придется только ее показать въ Таможнѣ; но тамъ это дѣлаютъ въ одну минуту. На Бельгійской границѣ у Васъ отберутъ даже и *sac-de voyage* и отдадутъ въ Кёльнѣ. Одинъ, самый поспѣшный поѣздъ идетъ изъ Парижа *въ 7 часовъ утра*, пріѣзжаетъ въ Кёльнѣ въ половинѣ седьмого вечеромъ, а *въ четверть осьмага* идетъ далѣ всю ночь и утромъ въ половинѣ двѣнадцатаго приходитъ въ Дрезденъ. Въ Магдебургѣ надо перемѣнить вагоны.

Билеты въ Парижѣ до Дрездена стоятъ: 1-го класса *147 франковъ*, кромѣ багажа (за багажъ немного), а другіе билеты, называемые *mixtes* т. е. смѣшанные (до Кёльна 1-го класса, а отъ Кёльна до Дрездена 2-го) стоятъ 122 франка съ человѣка. Но это уже не такъ покойно, потому что въ 1-мъ классѣ можно надѣяться ѣхать по Германіи однимъ и слѣдовательно спать.

Второй поѣздъ идетъ изъ Парижа *вечеромъ* (кажется, *въ 8 часовъ*—навѣрное не знаю) и приходитъ въ Дрезденъ на другой день *въ часъ ночи*. Вотъ все, о чемъ мнѣ хотѣлось Вамъ сообщить. Грогъ черезъ день уѣзжаетъ и проситъ Вамъ поклониться. Онъ ѣдетъ черезъ Кенигсбергъ и Тильзитъ, потомъ водой до Ковно по Нѣману, а въ Ковно въ мальпость. Я прошу его написать мнѣ изъ Ковно, каковъ этотъ путь и не лучше ли ѣхать такъ, чтобъ избѣжать Варшавы и свиданія съ.....

До свиданія—всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

Изъ Вашего письма, полученнаго вчера при мнѣ, Екатерина Алекс[андровна] прочла, что Вы дали себѣ еще день *отдыха*: несчастный трусливый другъ! за чѣмъ украли у себя золотникъ здоровья! А каково теперь море: кланяйтесь ему!

Кланяюсь Вамъ усердно Казимира Казиміровна и прошу поклониться хозяевамъ.

№ 13.

[1861 г.].

Не хотите ли, вселюбезный и привередливый другъ, пожаловать завтра (въ Четвергъ) въ половинѣ пятого на Стекланный Заводъ и не принесете ли, кромѣ своего собственнаго, еще и аппетитъ Саши, ибо будетъ всепрежде всего *борщъ*, съ участіемъ малороссійскихъ сосисокъ, утки и проч.?

Кромѣ борща, будутъ Ник. Петровичъ Боткинъ и Ребиндеръ [Н. Р.].

Мих. Алек. [Языковъ?], самъ вызвался вручить Вамъ эту записку: мы съ нимъ хозяева.

Будутъ еще Панаевъ [И. И.], Некрасовъ [Н. А.], и больше никого.

Вашъ

Среда. Гончаровъ.

№ 14.

Понедѣльникъ. [3 Апрѣля 1861 г.].

Сегодня былъ у меня Лъховскій ¹⁾ и сказалъ, что онъ зѣло радуется нашему намѣренію быть у него во Вторникъ т. е: завтра и будетъ съ нетерпѣніемъ ждать насъ; придутъ къ нему и Майковы.

¹⁾ Возможно, что здѣсь говорится объ Ив. Ив. Л—ъ, въ 1861—1862 г.г. начальникъ типографіи морского министерства, повидимому хорошо знакомъ Майковымъ, о чемъ можно заключить изъ свѣдѣній въ Записк. и Дневн. Никитенка, подъ датой 4 Апрѣля 1861 г. (гдѣ какъ разъ упоминается о вечерѣ, на который собирается Г.), а главнымъ образомъ изъ только-что напечатанной переписки Гончарова съ Е. В. Толстой, подъ редакціей П. Н. Сакулина, въ „Голосѣ Минувшаго“, 1913 г. №№ 11 и 12. Это же лицо упоминается у Никитенка еще только одинъ разъ: „1861 г. Мая 5. Вечеромъ были Гончаровъ, Краевскій, Лъховскій и др.“ Въ Дневн. Никитенка передъ фамиліей Л—аго редакторомъ изданія г. М. Лемке поставленъ инициалъ „П“.

Но Вы, не забудьте, здоровеннѣйшій и непроходимѣйшій привередникъ, что во Вторникъ же, въ 1-мъ часу мы съ Вами пойдемъ къ фотографу и я Васъ утромъ ожидаю къ себѣ.

Сѣверные, неувядающіе Цвѣты при семъ возвращаются въ Вашъ книжный, запущенный вертоградъ.

До свиданія

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 15.

Дрезденъ 4/16 Мая 1861 г.

О Вы, неумѣющій найти необходимое, обращающій мгновенно въ тряпье новое платье и многими подобными свойствами, преимущественно же привередничаньемъ обладающій, но мудрый мой другъ Александръ Васильевичъ! Гдѣ Вы теперь: способствуете ли къ сгущенію петербургской атмосферы, или омываете уже, токмо свою спину, въ волнахъ Либавскаго рейда? Гдѣ бы Вы ни были, все равно шлю Вамъ свой привѣтъ, съ глубокою завистью въ томъ, что Вы сидите лѣниво развѣлясь, съ правомъ безнаказаннаго привередничанья, безъ суеты и возни съ чемоданами, безъ опасенія опоздать на желѣзную дорогу, остановиться въ скверной гостинницѣ etc, etc, все, что испытываю я, не наслаждаясь ни новизной путешествія, ни впечатлѣніями, уже притупившимися. Одно только и осталось мнѣ благо, благо заниматься покупками, чѣмъ я и пользуюсь, увы, одинъ!

На третій день въ понедѣльникъ вечеромъ, чему еще не было примѣра, примчалъ насъ Владиміръ въ устье—по мнѣнію петербургскихъ академиковъ—Эльбы, а по мнѣнію шкипера, моему и всѣхъ пассажировъ—Свине, потомъ Одера. Но ночью лоцманъ отказался ввести насъ въ рѣку и мы всетаки попали въ Штетинъ утромъ. Но конецъ концовъ, въ Среду около полудня, я былъ уже въ миломъ Дрезденѣ, въ которомъ пребываю и поднесъ, болѣе по поводу заказа—Вы догадываетесь чего: рубашекъ, пальто, лѣтней визитки и испробованья сигаръ. Последнія у Цейера оказались дрянью и я открылъ новый источникъ, который открою и Вамъ, какъ только мы поѣдемъ опять въ Дрезденъ вмѣстѣ.

На пароходѣ я познакомился съ Мещерскими и Карамзи-

ной ¹⁾, дѣвицей уже зрѣлой, но милой, доброй и говорливой. Они понравились бы Вамъ своей простотой, добродушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій. У нихъ дочь, лѣтъ 18, слаба грудью и ее везутъ въ Швейцарію на сыворотку, а потомъ всѣ ѣдутъ на зиму въ Мадеру.

Меня Вальтеръ ²⁾, согласно Петербургскимъ врачамъ, послалъ въ Карлсбадъ, куда я и поѣду послѣ завтра, а Васъ прошу не оставить меня грамоткой. Софья Александровна наставитъ Васъ на счетъ адреса.

Здѣсь поселяется Я. К. Гротъ, котораго я видѣлъ мелькомъ. Онъ уѣхалъ въ Саксонскую Швейцарію.

Всѣ знакомцы встрѣтили меня съ распростертыми объятіями, не исключая лодочника, перевозящаго меня въ купальню. Божественная кондитерша выходитъ замужъ за пруссака и переселяется въ Берлинъ, гдѣ открываетъ колбасное заведеніе. Вотъ Вашъ Сама порадуетъ: сколько у него въ перспективѣ ея поцѣлуевъ и колбасъ!

Здѣсь и Ильины: дочь достигла апогея своей красоты: свѣжа, здорова, въ голосѣ прибавилось нѣсколько грудныхъ нотъ. Она весела, сказалъ бы игрива, да это нейдетъ къ ея росту.

Вольфсона ³⁾ я не засталъ, онъ уѣхалъ въ Франценсбадъ. Сидя на мѣстѣ я замышлялъ ѣхать и въ Швейцарію, даже въ Италію послѣ водъ, но чѣмъ ближе настаетъ время исполнить это, тѣмъ яснѣе мнѣ хлопоты, а душа отказывается принимать впечатлѣнія и я много-много, если совершу обычный путь до Парижа и Булоня и обратно съ клятвою не показываться болѣе за границу, ибо путешествіе не окупается ничѣмъ.

Если возьмѣютъ быть какія-либо новости на нашемъ политическомъ, служебномъ и прочихъ горизонтахъ, немедленно просвѣтите меня на счетъ оныхъ. Особенно увѣдомьте о томъ, когда пріѣдетъ Путятинъ, какъ вступить и что? и т. д. ⁴⁾.

Когда будете писать къ Вашимъ, не забудьте упомянуть и мое имя. Затѣмъ, любезный другъ, желаю Вамъ добраго здоровья

¹⁾ Вѣроятно семья публициста и беллетриста, кн. В. П.; писатель по матери внукъ Н. М. Карамзина.

²⁾ См. выше.

³⁾ Уроженецъ Одессы; въ 1862 г. въ Дрезденѣ началъ издавать „Russische Revue“.

⁴⁾ Рѣчь идетъ о вновь назначенномъ министрѣ народнаго просвѣщенія, гр. Е. В. Путятинѣ, смѣнившемъ Е. П. Ковалевскаго.

и мужественнаго погруженія не токмо спины но и ушей въ либавскія волны—и остаюсь всегда неизмѣнно Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 16.

Маріенбадъ, 29 Іюня, (10 Іюля) 1861.

На крыльяхъ воображенія же спѣшу Вамъ навстрѣчу, непроходимѣйшій привередникъ, и ловлю Васъ за полу, хотя новаго, но уже измятаго пальто, на границѣ Пруссіи и Саксоніи и несмотря на толчки и щелчки, получаемые яко бы (тоже въ воображеніи) Вами по ночамъ, влеку Васъ далѣе и далѣе, на дно бездны разврата, въ самую Богемію, гдѣ курятся, хотя не менѣе Либавскихъ, скверныя сигары, но гдѣ на самой границѣ встрѣчаютъ Васъ статныя, полногрудыя, власообильныя, свѣтлоокія, непохожія на полоротыхъ саксонокъ, славянскія дѣвы, съ ужасомъ и омерзѣніемъ срываютъ съ Васъ онѣ толстую срачицу и ввергаютъ въ желѣзистыя воды цѣлительныхъ источниковъ, потомъ ведутъ на горы, показываютъ цвѣтушія долины, увеселяютъ слухъ напѣвами богемскихъ пастуховъ и т. д. и т. д. Вы тамъ наслаждаетесь видомъ не менѣе Эльбы—рыжаго моря; а я купаюсь въ морѣ зелени. Милый Маріенбадъ—есть ничто иное, какъ одинъ огромный цвѣтушій садъ, паркъ, окруженный холмами, покрытыми здоровымъ, соновымъ лѣсомъ. На высотахъ разбросаны павильоны, дорожки, аллеи, лѣса—усѣяны больными, все такими Богъ съ ними, здоровенькими, изъ коихъ я наихудощавѣйшій... Таблѣ-д'оты обилуютъ форелями, телячьими почками, говяжьими филе и компотами: ни вина, ни пироговъ, ни иныхъ развратныхъ блюдъ нѣту. Но есть променада, съ рядами лавокъ: я, равнодушный и унылый, прохожу мимо, ибо нѣтъ около меня того сладостнаго друга, того безпощаднаго, когда надо защитить лѣнь, діалектика и того великаго привередника, съ которымъ мы медленно и мудро обтекали Дрезденскія и Булонскія торжища, углубясь въ дѣло пріобрѣтенія сигаръ, стереоскоповъ и другихъ назидательныхъ и высокихъ предметов!

Карлсбадъ есть ничто иное, какъ тлетворная, глубоко—разверстая, темная пасть чудовища, на днѣ коей кипятъ и бужу́ютъ горячіе пары, такъ что во мнѣ шевелится догадка, не здѣсь ли были врата адовы, куда пропалъ Улиссъ, а за нимъ и Телемакъ. Я прожилъ день и бѣжалъ отъ этого тартара,

въ которомъ въ настоящую минуту поселился бывшій Вельзевулъ — Клейнмихель [П. А.] ¹⁾. (А здѣсь теперь — Позень, [М. П.] ²⁾, тоже исчадіе ада, и вашъ другъ — поздравляю?) Я бѣжалъ сюда и живу въ зелени, проживу еще недѣли двѣ, а тамъ, а тамъ . . . міръ Божій великъ, но прогоны мои малы и потому не знаю, побѣду ли даже въ Швейцарію, ибо оттуда великъ скачокъ въ Булонь, гдѣ надлежитъ мнѣ быть. Когда рѣшу, куда ѣхать, тогда къ Вамъ и напишу на петербургскую Вашу квартиру, дамъ адресъ и попрошу утѣшить меня еще письмомъ.

Я собрался было въ Швейцарію вдвоемъ съ однимъ русскимъ, дѣйств. ст. сов. . . ³⁾. Онъ радовался, дѣлалъ со мной планы ѣхать на Рейнскій водопадъ, потомъ на озеро 4-хъ кантоновъ и т. д. А между тѣмъ въ три недѣли успѣлъ здѣсь влюбиться, чортъ его возьми, въ замужнюю женщину. И какъ любовь уѣзжаетъ въ Дрезденъ, то и влюбленный дѣйств. ст. совѣтникъ (съ краснымъ носомъ и еще болѣе таковыми щеками) стремится на этотъ чортовъ мостъ любви, гдѣ и желаю ему провалиться въ самый глубокій ледникъ.

Что мой бывшій отецъ и командиръ отказался отъ предлагаемаго ему поста — это дѣлаетъ ему великую честь. Онъ добросовѣстенъ, скромнень, отътого и не принялъ дѣла, котораго бы не вынесъ на своихъ плечахъ. Онъ отъ этого выиграетъ спокойствіе, не потеряетъ своей репутаціи, другіе всѣ тоже ничего не потеряютъ, кромѣ развѣ немножко меня ⁴⁾. Но мои дѣла въ семъ мірѣ, кажется, кончены и я

¹⁾ Извѣстный государственнй дѣятель, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и расположеніемъ Императора Николая I; въ обществѣ же къ нему относились съ крайнимъ несочувствіемъ, что выразилось въ шумной радости по случаю его паденія по вступленіи на престолъ Императора Александра II.

²⁾ Еще при Николаѣ I былъ отставленъ отъ службы; на первыхъ порахъ дѣятельности Ростовцева по крестьянской реформѣ былъ къ нему близокъ и имѣлъ даже шансы быть м-ромъ финансовъ; будучи полтавскимъ помѣщикомъ, попалъ въ число членовъ-экспертовъ редакціонныхъ комиссій, гдѣ прославился энергичнымъ отстаиваніемъ помѣщичьихъ интересовъ. Ранѣ того имъ была представлена обратившая на себя вниманіе записка по крестьянскому вопросу. Знавшіе Позена рѣзко отзывались о его нравственныхъ достоинствахъ.

³⁾ Фамилія тщательно зачеркнута.

⁴⁾ Здѣсь Г., повидимому, говоритъ о назначеніи гр. Путятина м-ромъ народн. просвѣщенія; назначеніе это, какъ было указано выше, все же состоялось. Слова „бывшій отецъ и командиръ“ должны въ такомъ случаѣ напоминать о времени плаванія на фрегатѣ „Паллада“ (1852—1855 г.г.),

не знаю, какъ мнѣ дальше быть и чѣмъ заняться. Софья Алекс.[андровна] не хочетъ вѣрить (да и какъ ей повѣрить въ ея лѣта?) что настанетъ время, когда писать романы становится невозможно, не по лѣни или другой подобной гнусности, а просто потому, что отживешь время. Эдакъ бы Россини ¹⁾ писалъ да писалъ до сихъ поръ, а вонъ—молчить—и даже отказался, по приглашенію Англичанъ, написать какой-то маршъ. Россини! а ужъ намъ грѣшнымъ, съ нашей лимфой, апатіей, геморроями и слабенькими, блѣдными талантами—и подавно простительно.

Прощайте, любезный другъ, сей часъ получилъ съ Рейна письмо отъ одной путешественницы: манитъ въ Швейцарію. Не знаю, какъ.

Обнимаю Васъ, дружески кланяюсь Вашимъ и остаюсь, т. е. хочу остаться непремѣннымъ членомъ въ памяти Вашего сердца.

И. Гончаровъ.

Брюхо у меня меньше, но лобъ еще желтъ, а щеки зеленаты.

Я бы хотѣлъ теперь подсмотрѣть, по прошлогоднему ли Вы отдѣливаетесь діалектикой отъ купанья, едва удостоивая погружать въ море задъ? Бѣдная Софья Ал.[ександровна]! Гдѣ ей сладить съ Вами? Вамъ нужно два палача и орудіе казни, тѣлежку. Развѣ няня возьметъ на себя эту должность.

№ 17.

Интерлакенъ, 20 іюля (2 августа) [1861 г.]

Я не путешествую, я не лечусь, я не работаю, любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, а до сихъ поръ веду рядъ безпечныхъ, почти веселыхъ, почти даже счастливыхъ дней.

когда Г. былъ командированъ для исправленія должности секретаря при упоминаемомъ Путятинѣ (вице-адмиралъ, впоследствии адмиралъ и графъ)—начальникъ экспедиціи, цѣлю которой было завязать торговые сношенія съ Японіей. Путешествіе описано въ извѣстныхъ очеркахъ „Фрегатъ Паллада“. Надежды, высказываемыя Г-мъ въ этомъ письмѣ относительно Путятина, не оправдались и хорошій морякъ не приобрѣлъ такой же славы на посту министра народнаго просвѣщенія, пробывъ имъ очень недолго.

¹⁾ Знаменитый композиторъ, авторъ „Вильгельма Телля“ и „Севильскаго Пирюльника“.

Едва дождавшись четырехъ-недѣльнаго срока, я вырвался изъ милаго, тѣнистаго, но скучнаго Мариенбада и, промчавшись черезъ Баварію, остановившись на день въ Аугсбургѣ, объѣхавъ и осмотрѣвъ этотъ, нѣкогда передовой постъ Римлянъ въ владѣніяхъ Тевтоновъ, потомъ громаднѣйшій базаръ между Европой и Востокомъ, потомъ имперскій городъ и т. д., полюбовавшись на остатки римскихъ зданій, на водопроводъ etc.—черезъ Линдау проѣхалъ къ Рейнскому водопаду, оттуда въ Цюрихъ, Люцернъ и теперь отдыхаю четвертый день, здѣсь гдѣ Вы отдыхали въ прошедшемъ году. Софья Алекс[андровна], изъ письма моего къ ней, скажетъ Вамъ объ общемъ впечатлѣніи, какое произвела на меня Швейцарія. Я живо поддался ему, какъ всегда поддаюсь тому, что меня тронетъ, но чувствую, что скоро утомлюсь и отътого завтра же спѣшу дальше. У меня есть и время и средства осмотрѣть многое здѣсь, но боюсь изнеможить отъ жара, усталости и повредить курсу леченія. Впечатлѣнія же не залегаютъ уже глубоко въ душу, а встревоживъ ее на минуту, испаряются, почти не оставляя слѣда. Это весьма понятное физиологическое явленіе: пища въ молодомъ, свѣжемъ и здоровомъ организмѣ распредѣляется извѣстнымъ, правильнымъ путемъ, поступая въ кровь, соки и проч., чтобы поддерживать жизнь, давать ей ходъ и т. д. Идеи, впечатлѣнія, чувства—не то же ли дѣлаютъ въ нравственной нашей природѣ, Г. профессоръ-академикъ? Въ пору силъ, дѣятельности—онѣ послужатъ матеріаломъ для созиданія... А когда организмъ ослабѣетъ, одряхлѣетъ—тогда и не спится, и не ѣстся, зачѣмъ же сочные куски и искрометныя вина? Не помогутъ! Такъ и впечатлѣнія—не послужатъ матеріалами ни къ чему. Словомъ, я убѣдился окончательно, что болѣе уже не скажу никогда ни одного умнаго слова и не напишу ни одной живой строки, поэтому и не волнуюсь никакими, лично до меня касающимися вопросами. Поговоримъ теперь о другихъ вопросахъ. Вы писали, что будто Гр[афъ] Пут[ятинъ] отказался отъ своего поста, между тѣмъ *человѣкъ, боящійся умныхъ людей*, какъ Вы его называли, (теперь онъ здѣсь) сказывалъ мнѣ, что тотъ уже вступилъ въ свою должность, и прибавилъ къ этому, что онъ приближается къ себѣ Кис[ловскаго А. Е.] ¹⁾ и что „это скверно—для

¹⁾ Съ 1860 г. директоръ канцеляріи м-ва народн. просв. Въ Зап. и Дневн. Никитенка читаемъ: „1861 г. Мая 22. Толки о Ковалевскомъ [бывшемъ м-рѣ], что онъ слабъ характеромъ: оставилъ по себѣ зародышъ язвы, который можетъ отравить все управленіе новаго министра [т. е. Путятина]—Кисловскаго, будто теперь мѣтающаго въ директоры депар-

дѣла и для всего, потому де, что тотъ великій негодяй“ и т. д. Я просто спросилъ его, отъ чего же молъ Вы его не удалили? Онъ отвѣчалъ, что этотъ упрекъ онъ вполне заслуживаетъ, но во 1-хъ, онъ держалъ онаго негодяя въ черномъ тѣлѣ и воли ему не давалъ; во 2-хъ онъ бы позже это и сдѣлалъ, но онъ не думалъ, что долженъ будетъ самъ такъ скоро оставить свое мѣсто; въ 3-хъ, наконецъ—что, еслибъ онъ и удалилъ его, то Гр.[афъ] Пут.[ятинъ] приблизилъ бы его, черезъ племянника, опять къ себѣ. Здѣсь же я опять встрѣтилъ Мещерскихъ¹⁾: всѣ мы другъ-другу обрадовались. Еслибъ Вы узнали это семейство, Вы непременно полюбили бы его: сколько въ нихъ доброты, мягкости и простоты. У нихъ мнѣ также хорошо, какъ почти у Васъ.

Всѣ они живутъ у Обера, которому я отдалъ Вашъ поклонъ. Онъ очень Васъ помнитъ и спрашиваетъ, отъ чего Вы не пріѣхали. Я изъ Маріенбада путешествую съ однимъ русскимъ московскимъ семействомъ: по пріѣздѣ сюда мы болѣе часа ѣздили и у всѣхъ дверей стучались, чтобы переночевать, но все было занято, наконецъ едва помѣстились въ отели Casino, гдѣ и красиво, и удобно и недорого. Черезъ день Оберъ предлагалъ мнѣ переѣхать, но какъ я черезъ день т. е. завтра уѣзжаю, то и не стоило труда переѣзжать. Выпилъ я сегодня утромъ стаканъ сыворотки, изъ любопытства, и чуть не отдалъ выпитое назадъ. Я еще на діетѣ и потому позволяю себѣ только въ мечтахъ хорошенько пообѣдать въ Парижѣ, а пока печально жую телятину и лакоплюсь компотами.

Въ Парижѣ я надѣюсь быть къ 1-му нашего Августа, а 5-го или 6-го въ Булони. Если благоволите, почтенный другъ, то мало помедливъ, напишите мнѣ въ Булонь, чѣмъ меня несказанно обрадуете. Тамъ я пробуду вѣроятно до 25 Августа, все по нашему же стилю.

Говорятъ, Николай Романовичъ [Ребиндеръ]²⁾ вышелъ въ отставку, а на его мѣсто Кис.[ловскій]: правда ли это? Каково дѣй-

та мента м-ва народн. просв.“ И. далѣе—„1861 г. Августа 2.... сообщилъ мнѣ неутѣшительныя вѣсти о нашемъ новомъ м-рѣ (Путятинѣ). Во-первыхъ, Кисловскій опять входитъ въ силу и готовится играть роль, какую игралъ при... Норовѣ“. При Путятинѣ Кисл. былъ назначенъ членомъ главнаго управленія цензуры. Подъ его наблюдениемъ находилась „Сѣверная Почта“, редактируемая въ 1862 г. сначала Никитенкомъ, затѣмъ Н. В. Варадиновымъ, а послѣ него И. А. Гончаровымъ.

¹⁾ См. выше.

²⁾ Въ 1861 г. директоръ департамента м-ва народн. просв., большой пріятель А. В. Никитенка.

ствуешь Ефимъ Васильевичъ [Путятинъ]? Любопытно мнѣ видѣть его въ этой роли.

Вернуться домой мнѣ хочется сей разъ пораньше, и именно въ первой половинѣ Сентября, чтобы не засталъ меня холодъ въ пути. Не знаете ли, собирается ли Языковъ (хромой) въ Парижъ: если мы тамъ съ нимъ и съ Боткинымъ ¹⁾ сойдемся, то-то помянемъ Вася, дражайшій и вселюбезнѣйшій другъ. До свиданія, жму Вашу руку, кланяюсь Вамъ и всѣмъ Вашимъ.

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 18.

Булонь, 16 (28) Августа 1861.

Нынѣ, государь мой и вселюбезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, нахожусь я паки у моря, у окіяна и симъ великимъ зрѣлищемъ столь много веселюсь, что ничѣмъ инымъ сего выразить не могу, токмо слезами.

Хочу зѣло вамъ, государь мой, вѣсть о себѣ дать, тѣмъ паче, что она, чаю, будетъ послѣдняя до возвращенія моего въ отечество.

Здѣсь все, скажу Вамъ, идетъ по старому: также живо и суетно все на набережной, также толпой идутъ купальщики на побережье, гдѣ ласково встрѣчаетъ ихъ Паранты ²⁾; та же старуха раздаетъ подштанники и кофты. И устрицы продаются на томъ же мѣстѣ, и песъ Гекторъ, по прежнему, принимаетъ отъ прохожихъ су и покупаетъ себѣ сухари; тотъ же пѣвецъ неистово оретъ въ харчевнѣ, леди и миссъ также, распустя мокрые волосы, бѣгутъ съ купанья завтракать. Только іудейка перчаточница заболѣла и уѣхала лечиться и вмѣсто себя, посадила въ лавкѣ сестру, которая еще съ большимъ остервѣнѣніемъ примѣриваетъ покупателямъ перчатки. Что касается до Мартыновны, то хотя она и предсѣдательствуетъ по прежнему, въ своемъ заведеніи, но взоръ ея унылъ, голова склоняется долгу и кудри печально осѣняютъ ность, по коему иногда катится слеза. Я спросилъ ее о причинѣ сей печали

¹⁾ Вас. Петровичъ Г-нъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣсколькими братьями Боткиными.

²⁾ Купальщикъ.

и она повѣдала мнѣ, что сынъ ея, единственное чадо, женится на дѣвушкѣ зазорнаго поведенія, торгующей башмаками, что не разъ она, мать, отвлекала его отъ подобныхъ намѣреній, но что оный сынъ, зѣло блудный и склонный къ женскому полу, паче пса Гектора, на сей разъ ничему не внемлетъ, требуетъ отъ нея, матери, 15 тысячъ франковъ и заключаетъ сей постыдный бракъ. Но она, не желая сего позора, продаетъ кофейню, беретъ свои капиталы и удаляется въ дикую пустыню доживать старые дни. И такъ все по старому, только сей годъ почему то отецъ Бажановъ [В. Б.] ¹⁾ не пріѣхалъ, да еще нѣтъ со мною того непроходимаго привередника, коего я ввергалъ въ прошломъ году насильственно въ океанъ, что причиняетъ мнѣ печаль немалую. Я сиротою расхаживаю по океану и нынѣ въ дванадесятый разъ мѣрялъ съ нимъ свои силы и увидалъ, что онъ гораздо сильнѣе меня, ибо былъ поверженъ имъ на песокъ, съ наплеваніемъ мнѣ въ лицо и затылокъ многой пѣны.

Сведъ я знакомство здѣсь съ протестантскимъ пасторомъ и женою его, зѣло красивою леди. Много спорятъ они со мною о томъ, что якобы мы грѣшимъ передъ Богомъ, поклоняясь Божьей матери, что сего ни въ Библии, ни въ Евангеліи и ни въ какихъ другихъ писаніяхъ не указано, что Апостолы не молились ей—и многія тому подобныя грѣшныя рѣчи держать. А что отвѣчать имъ на то, я не знаю.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прошлый годъ комедію играли о Св. Антоніи и о томъ, какъ его якобы бѣсъ искушалъ, представляютъ нынѣ иное богопротивное зрѣлище, а именно всю исторію І. Х., какъ его ведутъ на распятіе, какъ Онъ молится въ вертоградъ, потомъ несетъ крестъ, а потомъ воздымаютъ и распятіе, въ заключеніе же Онъ воскресаетъ. Все это представляютъ нѣкіе дюжіе мужики, а баба Божію мать представляетъ, другая же Марію Іаковлеву, все въ живыхъ картинахъ и пантомимой. Зѣло грѣшно и противно; при семъ и музыка играетъ, и бубны бьютъ.

Побывъ мало здѣсь, дней пять, да дней пять въ городѣ Парижѣ, направляю путь свой на Берлинъ.

Желалъ бы знать, какъ Вы всѣ обрѣтаетесь, въ добромъ ли здоровьѣ? Кланяюсь много Государынямъ Казиміръ Казиміровнѣ, Екаторинѣ и Софѣ Алек.[сандровнамъ], а также и лютому

¹⁾ Протопресвитеръ, придворный духовникъ, профессоръ и почетный членъ академіи наукъ.

шалунушу Александру. Бью много челомъ и государю моему Марку Николаевичу ¹⁾. А затѣмъ до свиданія, дерзаю обнять Васъ. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 19.

30 Августа [1861 г.]

Сегодня, по обычаю, я собрался было къ Вамъ, любезнѣйшій именинникъ Александръ Васильевичъ, чтобы хоть часъ-другой провести на Вашемъ семейномъ праздникѣ: но хлынулъ дождь и превратилъ праздникъ въ будни, тепло въ холодъ—и я остался, побоясь усилить въ вагонѣ ревматическую боль въ ногахъ, которую успѣлъ нажить по прїѣздѣ сюда, вмѣстѣ съ осеннимъ расположеніемъ духа.

Все это не мѣшаетъ однако мнѣ этими строками напомнить Вамъ о моемъ существованіи, поздравить Васъ и Вашихъ съ имениннымъ праздникомъ—и въ заключеніе сказать, что я есмь, былъ и буду искренно преданный Вамъ

И. Гончаровъ.

№ 20.

На рецензію Обломова въ Сѣверной почтѣ рассчитывать не дерзаю, но на нѣсколько строкъ, на краткій отзывъ, который бы напомнилъ публикѣ о второмъ изданіи надѣяться буду, любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ!

И какъ теперь дѣло идетъ не столько о моей литературной репутаціи, сколько о сбытѣ этого второго изданія, то если Вы благоволите вставить какъ-нибудь слова: что въ *первой части мѣстами сдѣланы сокращенія длиннотъ и кое-иде слаженъ слогъ, словомъ романъ тщательно авторомъ просмотрѣнъ* (что совершенно справедливо), то это много поможетъ сбыту книги, о чемъ я теперь сладостно мечтаю.—Симъ обяжете великаго Вашего почитателя

И. Гончарова.

Ужо, надѣюсь, оба свидимся въ бѣлыхъ галстукахъ.

21 Января 1862 г.

¹⁾ Любоцинскій, въ то время об-прокуроръ перваго департамента сената, родственникъ жены Никитенка.

№ 21.

Симбирскъ 17 Іюня 1862 г.

Вотъ ужъ второй мѣсяцъ пошелъ, наипочтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, какъ я процвѣтаю на берегахъ Волги и въ сію минуту во второй разъ токмо берусь за перо, чтобы напомнить Вамъ объ одномъ изъ отсутствующихъ друзей изъ опасенія, какъ бы не исполнилась надо мной справедливость французской пословицы, что отсутствующіе виноваты тѣмъ, что они—отсутствуютъ (*Les absents ont tort*). Во второй разъ—говорю—потому что въ первый разъ писалъ къ племяннику о домашнихъ дѣлахъ; не знаю, напишу ли кому-нибудь въ третій, ибо все близкіе люди, за исключеніемъ ближайшаго изъ нихъ, т. е. Вася, тоже отсутствуютъ изъ Петербурга. Самъ я пребуду здѣсь яко два мѣсяца, да и того, кажется, не пребуду, а въ началѣ Іюля, съ сестрою ¹⁾ и ея дѣтьми, потеку Волгой до Нижняго, а оттолъ желѣзнымъ путемъ до Москвы, для помѣщенія тѣхъ дѣтей въ пансіонъ, а изъ Москвы, въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа потщусь прибыть на свое мѣсто, если только могу назвать какое-нибудь мѣсто своимъ на семь свѣтъ. Не трудите себя отвѣтомъ ко мнѣ: опасаясь, что таковой меня здѣсь не застанетъ, а паче всего зѣло веселюсь упованіемъ пасть симъ же лѣтомъ въ Ваши объятія.

Живу я среди своихъ, собравшихся тѣсною семьей около меня, въ маленькомъ домикѣ, набитомъ, какъ улей, все родными обитателями. Мнѣ тутъ пріютно, привольно, покойно и мирно—скучно. Эту мирную скуку и тихій сонъ души будятъ подчасъ неистовые, долетающіе оттуда, отъ Вашихъ мѣстъ дикіе вопли, плачъ и скрежетъ зубовъ съ пожарами. Что за ужасъ, что за безобразіе! Хотѣлось бы послушать правды, узнать, въ чемъ дѣло, кто, что, какъ? А здѣсь узнать нельзя: газеты на что-то намекаютъ и не договариваютъ, изустная молва гордитъ такіа чудеса, что береги только уши! ²⁾

Я здѣсь, какъ и вездѣ, ничего не дѣлаю: это, кажется, главное мое призваніе, насилу я догадался, а не дѣлаю ничего, сколько въ силу этого самаго призванія, столько же и по обстоятельствамъ: домикъ, въ которомъ обитаю, такъ малъ, что слово, сказанное въ

¹⁾ Александрой Александровной Кирмаловой.

²⁾ Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ петербургскихъ пожарахъ, вызвавшихъ большія волненія, т. к. подозрѣвались систематическіе поджоги, приписываемые тайнымъ политическимъ обществамъ.

одномъ углу, слышно въ другомъ и, мнѣ приходится теперь возобновить нѣкоторыя морскія привычки т. е: засыпать, напимѣръ, иногда, если не подъ шумъ бури, то подъ грохотъ увертюры изъ Вильгельма Телля, разыгрываемой племянницами; или набѣгутъ племянники, коихъ у меня много, и нашумятъ, накричатъ и я кончу тѣмъ, что начну шумѣть самъ, или уйду съ ними на Волгу и въ поля.— Ужъ я теперь окончательно рѣшилъ, что писанье мое минуетъ безвозвратно и что для меня опять настаетъ пора тяжелаго, служебнаго труда, если только съ Вашею ли, или иною помощью найду случай пристроиться какъ-нибудь. Если же нигдѣ меня не возьмутъ, если никто изъ тѣхъ важныхъ друзей, которые такъ ласковы со мной, пока ихъ о чемъ-нибудь не попросишь, не призритъ меня, то надо будетъ обречь себя на угасаніе, увѣ, можетъ быть, продолжительное, гдѣ-нибудь въ щели—и прощай благовонныя сигары, прощай Маріенбадъ, Дрезденъ и Булонь: независимое нищенство будетъ моимъ удѣломъ!

„Пиши“ говорятъ, иные лицемѣрно, а другіе отъ того, что не могутъ отличить канцелярскаго писанья отъ писанья литературнаго.—„Пиши“ твердятъ, когда нельзя писать, когда на носу бури и пожары, отъ которыхъ искусство робко прячется, когда надо писать грязью или вовсе не писать; „пиши“ твердятъ, когда все опротивѣло, на душѣ стоятъ слезы, когда чувствуешь, что пережилъ годы писанья, какъ пережилъ годы страстей и завялъ. Нельзя писать и не стану, развѣ только придется писать докладъ или записку. Забавно слушать, когда воображаютъ, что лѣнь можетъ удержать отъ творческаго дѣла, нѣтъ, не лѣнь—а миллионы другихъ психологическихъ, физиологическихъ и просто логическихъ причинъ.—Всего досаднѣе, что и Софья Алекс. Никитенко, которой, равно, какъ и всѣмъ Вамъ и Вашимъ дружески кланяюсь, полагаетъ, что одной такой пошлой причины, какъ лѣнь, достаточно, чтобъ положить перо человѣку пробужденному и уже бравшемуся за перо. Обнимаю Васъ въ ожиданіи пріятнаго свиданія. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 22.

Четвергъ, 18 Октября [1862 г.]

Ал. Гр.¹⁾ просить прислать теперь же къ нему *адресъ* По-

¹⁾ Александръ Григорьевичъ Тройницкій, извѣстный статистикъ; съ нимъ И. А. познакомился въ 1862 г., когда онъ былъ главнымъ редак-

домскаго дворянства ¹⁾: поэтому потрудитесь, почтеннѣйшій другъ, отослать къ Александру Григорьевичу помянутый документъ прямо отъ себя съ моимъ же разсылнымъ, которому я велѣлъ подождать отвѣта. Вѣроятно Вы уже знаете адресъ, а если нужно что-нибудь для памяти, то не извлечете ли на особую бумажку то, что можетъ понадобится для Вашего соображенія?

№ 23.

Воскресенье. [21 Октября 1862 г.]

Завтра, въ *Понедѣльникъ*, 22 Октября—прежній Главный Редакторъ Сѣверной Почты, въ торжественномъ засѣданіи у *Дюссо* (что въ Большой Морск., въ домѣ Жако), въ 5 часовъ по-полудни, передастъ свои права и обязанности, также пароль (словомъ, все, кромѣ привередничанья) новому редактору ²⁾, въ присутствіи редактора Политическаго Отдѣла той газеты, а также Редакторовъ СПб. Вѣдомостей, Отеч. Записокъ и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтелей, нарочно для сего приглашенныхъ новымъ Редакторомъ. Послѣ означенной передачи приступлено будетъ къ совѣщаніямъ о томъ, въ какой степени и размѣрахъ можетъ быть главному редактору предоставлено, при его обязанностяхъ, упражняться въ лѣтніи и склонности къ прекрасному полу,—а также и о вѣрнѣйшемъ изысканіи къ тому надлежа-

торомъ „Сѣверной почты“, Т-ій же былъ въ то время товарищемъ м-ра вн. дѣлъ; служебныя отношенія ихъ прекратились въ мартѣ 1867 г., когда послѣдній былъ назначенъ членомъ гос. сов., отношенія же добрыхъ знакомыхъ продолжались и впоследствии до смерти Тр. въ мартѣ 1871 г. Четыре письма Г. къ Тр. напечатаны М. О. Суперанскимъ въ „Вѣстн. Евр.“ 1908 г., № 12.

¹⁾ Дворяне Подольской губерніи въ поданномъ на высочайшее имя адресѣ 10 октября 1862 г. „требовали“ соединенія названной губерніи съ Польшею. Цитируемъ по соч. С. Татищева, Императоръ Александръ II. Т. I, стр. 458. Нѣсколько любопытныхъ строчекъ о подробностяхъ выработки, какъ можно думать, именно этого адреса, находимъ въ воспоминаніяхъ В. С. и О. Ф.-ка—„Изъ Подольской старины“. „Русск. Стар.“, 1911 г. № 12, стр. 547.

²⁾ По приглашенію П. А. Валуева, бывшаго тогда м-ромъ вн. д., Г. во второй половинѣ 1862 г. принялъ на себя главную редакцію официальной „Сѣверной Почты“. Въ слѣдующемъ году (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ) онъ уже сложилъ съ себя эти обязанности. См. Никитенко. Записки и Дневникъ. 1862 г. Іюля 7 и 1863 г. Іюня 6. О намѣреніяхъ Валуева, вызвавшихъ появленіе этого органа, см. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. СПб. 1904, стр. 92.

шихъ способовъ и средствъ. Главнымъ руководствомъ въ семъ случаѣ будутъ приняты совѣты и указанія бывшаго Главнаго Редактора Сѣверной Почты ¹⁾ и многолѣтняя опытность Редактора С.-ПБургскихъ вѣдомостей ²⁾.

Въ заключеніе новымъ редакторомъ предложено будетъ на общее обсужденіе нѣсколько важныхъ вопросовъ, которыхъ онъ намѣренъ касаться въ издаваемой имъ газетѣ, а именно, о пониженіи платы за сохраненіе шубъ у скорняковъ на лѣтнее время и о неусыпномъ преслѣдованіи бродяжничества собакъ въ ночное время по улицамъ ³⁾.

При окончаніи засѣданія обращено будетъ строгое вниманіе на то, чтобы не произошло умышленнаго обмѣна верхняго платяна господъ членовъ собранія.

О вышеозначенномъ симъ доводится до свѣдѣнія Его Превосходительства бывшаго Главнаго Редактора Сѣверной Почты и ожидается благосклоннаго отвѣта.

№ 24.

Мнѣ кажется, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, большая часть недоразумѣнія, между прочимъ, падаетъ и на меня. Александръ Григорьевичъ [Тройницкій]—противъ помѣщенія въ газетѣ адреса, какъ онъ есть, но не прочь отъ краткаго о немъ упоминовенія, каковое упоминовеніе, сколько я могъ его понять, и должно бы подать поводъ къ статьѣ. Я тоже съ своей стороны допускалъ *нѣкоторую, но мзую* цитату на адресъ, такую цитату, которая бы касалась только того пункта, гдѣ говорится о *присоединеніи Западнаго края*, оставляя все прочее рѣшительно въ сторонѣ, ибо все остальное судить не наука, не литература, а Сенатъ, Госуд. Совѣтъ и даже III-е Отдѣленіе. Слѣдовательно, я настаивалъ только на томъ, чтобы отдѣлить бездной авторитетъ газеты, какъ литературнаго органа, отъ авторитета правительственной власти,

¹⁾ Т. е., Никитенка, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что послѣ него и до Гончарова главнымъ редакторомъ „С. Почты“ нѣсколько мѣсяцевъ былъ Н. В. Варадиновъ.

²⁾ Т. е. А. А. Краевского, который редактировалъ эту газету въ теченіе десяти лѣтъ (1852—1862).

³⁾ Постоянное раздраженіе, вызываемое у Г—а уличными собаками, выразилось въ нѣсколькихъ любопытныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ Г—мъ въ „Голосъ“ 1864 г. №№ 50 и 124; 1865 г. №№ 1 и 70 и перепечатанныхъ А. Мазономъ въ „Русск. Стар.“ 1912 г. № 3, стр. 555—568.

чтобы они не впали въ одну поту, чтобы первую т. е. литературу и газету, а съ ними и насъ съ вами, не обвинили въ сообщничествѣ съ уголовнымъ уложеніемъ, поэтому я и настаивалъ, чтобы статья писана была не по поводу адреса, или—если по поводу его, то чрезвычайно осторожно. Вы сами, можетъ быть, съ перваго раза инстинктивно, но и сами чувствовали это, ибо поставили первымъ условіемъ не подписывать имени подъ статьей, тогда какъ—не будь этого несчастнаго столкновѣнія съ адресомъ—Вы бы не усомнились подписаться.

Вы будете у Алекс.[андра] Григ.[орьевича] и я тоже завтра и послѣзавтра увидаюсь съ нимъ—мы объяснимъ ему все это и, можетъ быть, онъ найдетъ возможнымъ отложить статью до того времени и случая, когда литературѣ можно будетъ произнести и свой судъ, не совпадая съ короннымъ судомъ предрѣшающей власти надъ этимъ адресомъ, какъ надъ политическимъ преступленіемъ ¹⁾.

И такъ до 5 часовъ у Дюссо (въ верхнихъ комнатахъ).

Всегда Вашъ И. Гончаровъ.

22 октября [1862 г.].

№ 25.

[Октябрь ?] [1862 г.].

Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, потрудитесь прислать, если Вы дома, теперь же, съ этимъ посланнымъ, а если Васъ нѣтъ, то хотя послѣ обѣда, всѣ материалы по Подольскому адресу въ Редакцію Почты. При свиданіи объясню, какъ съ ними и съ предполагаемою статьею будетъ, съ согласія Александра Григорьевича [Тройницкаго], поступлено. А теперь такъ некогда, что могу только мысленно Васъ обнять. И. Гончаровъ.

Четвергъ.

¹⁾ Особой статьи объ адресѣ подольскаго дворянства нами въ „Сѣверной Почтѣ“ за время редакторства Г--а найдено не было; только въ № 270 отъ 12 декабря 1862 г. въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, въ статьѣ о депутаціяхъ и письмахъ по поводу совершившагося тысячелѣтія Россіи, появилось глухое указаніе на этотъ адресъ въ словахъ: „Начальникъ губерніи [волинской] приписываетъ общее настроеніе къ представленію вышеупомянутыхъ писемъ желанію заявить такимъ образомъ протестъ противъ стремленій, выраженныхъ въ противузаконномъ всеподданнѣйшемъ прошеніи подольскаго дворянства состоявшемся на послѣднихъ выборахъ“.

№ 26.

Вторникъ. [Октябрь ?] [1862 г.].

Пожалуйста, Александръ Васильевичъ, не говорите ничего Арсеньеву [И. А.] ¹⁾, не повидавшись со мной: Вы увидите, что это необходимо. Я еще слышалъ кое-что о немъ, послѣ чего всякіе разговоры дѣлаются бесполезными. Дай Богъ, чтобъ это были обыкновенныя сплетни, но все-таки надо быть осторожнымъ.

Посылаю Вамъ Отеч. Зап., гдѣ въ *Современной Хроникѣ* за дѣта Почта, Вы, я и многіе другіе ²⁾. До свиданія. Вашъ

И. Гончаровъ.

Если у Васъ есть уже прочитанные журналы, то передайте ихъ разсылному, а онъ отнесетъ въ редакцію.

№ 27.

[1862 или 1863 г.].

Вотъ, прилагаю при этомъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, одну изъ трехъ тетрадей Г. Ржевскаго [В. К.] ³⁾: ихъ всѣхъ было три; двѣ уже напечатаны и листки отъ нихъ не найдутъ въ типографіи, которая, какъ извѣстно, переѣзжаетъ, а если найдутъ, то будутъ къ Вамъ доставлены.

Эти три тетради переданы были мнѣ Г. Варадиновымъ [Н. В.] ⁴⁾ уже съ намѣченными карандашемъ исключеніями и прочтены мною только въ корректурѣ, слѣдовательно, если авторъ будетъ ими недоволенъ, то мнѣ нельзя его успокоить даже объясненіемъ причинъ этихъ исключеній въ цензурномъ отношеніи.

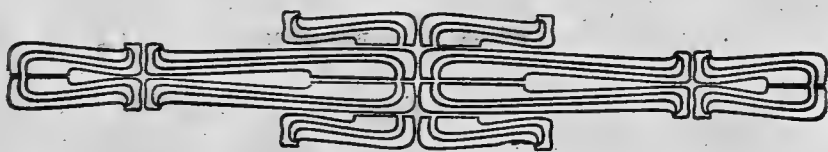
(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сотрудникъ и одно время редакторъ политическаго отдѣла „Сѣверной Почты“. Впослѣдствіи (въ 1865—1866 г.г.) редактировалъ „Петербургскій Листокъ“, а съ 1867 г. открылъ свою собственную „Петербургскую газету“.

²⁾ Въ „Отеч. Зап.“ 1862 г., въ томѣ 144, вышедшемъ въ октябрѣ, въ отдѣлѣ „Современной Хроники“ на стр. 49—50 говорится съ проницей объ объявленной „Сѣверною Почтою“ программѣ.

³⁾ Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Сѣверной Почты“, состоявшій нѣкоторое время редакторомъ отдѣла внутренней лѣтописи.

⁴⁾ Въ 1862 г. послѣ Никитенка, до Гончарова былъ редакторомъ „Сѣверной Почты“. Съ 1863 г. состоялъ членомъ въ учрежденномъ П. А. Валуевымъ совѣтѣ м-ра вн. д. по дѣламъ книгопечатанія, въ составѣ котораго былъ также Никитенко, а нѣсколько позднѣе и И. А. Гончаровъ.

Встрѣча.

(Изъ воспоминаній портъ-артурла).

Было далеко за полночь. Холодная промозглая петербургская ночь давала себя чувствовать. Порывистый вѣтеръ, врывающійся въ прямыя линіи улицъ Васильевского острова, ударялъ въ вывѣски, окна и налеталъ на прохожихъ. Мигающія звѣздочки, переливаясь, смотрѣли на запоздалыхъ пѣшеходовъ, унылыхъ, какъ эта ночь, и дразнили ихъ своимъ блескомъ. Фабіанъ Ѳедоровичъ только-что покинулъ своихъ друзей. Очутившись среди теми и пронизывающаго до костей холода, онъ закутался въ свою шубу и быстро зашагалъ по переулку, гдѣ фонари бросали свѣтъ возлѣ себя. Идя по темному переулку, онъ только теперь могъ свободно, не горячася, обсудить неправильность ходовъ послѣдняго робера, гдѣ онъ на маломъ шлемѣ остался безъ трехъ. Страстный любитель винта и довольно порядочный игрокъ онъ долго не могъ простить себѣ своей ошибки, за что, конечно, поплатился деньгами,—играли по крупной. Чтобы сократить путь, мой пріятель повернулъ налѣво. Поворачивая за уголъ, онъ наткнулся на извозчика, который, сидя на козлахъ и опустивши голову, какъ бы дремалъ, а вся его съежившаяся фигура казалась въ темнотѣ какимъ-то чернымъ комомъ. Но извозчикъ не дремалъ и могъ ли онъ въ такую страшную ночь дремать, когда она ему напомнила прошлое и передъ нимъ воскресли картины боя и человѣческія страданія. Та ночь была такая же темная, также бушевалъ порывистый холодный вѣтеръ...

Извозчикъ, сидя на пролеткѣ, переживалъ прошлое такъ реально, такъ живо, что ему казалось, что онъ въ окопѣ, а не на козлахъ и въ рукахъ у него не возки, а винтовка, а тощая лошаденка, которая довольна продолжительной остановкой—его

врагомъ, которому онъ всадилъ въ животъ штыкъ и всей грудью навалился на японца, стараясь по самую шейку штыка вогнать его въ безусаго мальчишку, еще мало познавшего жизнь, но полного сознанія ради блага страны жертвовать ею. Лошаденка отъ холода вздрогнула, извозчикъ натянулъ возжи и съ такимъ остервенѣніемъ, какъ будто онъ вытащилъ окровавленный штыкъ изъ трепетавшей жертвы, которая грохнулась, выпустивъ изъ рукъ винтовку...

— Много въ эту ночь я взял на свою душу грѣха... Господи прости... зашептали уста, сидящаго на козлахъ и онъ чуть не свалился.

— Извозчикъ, на Лиговку!

— Пожалуйте, баринъ,—очнувшись отъ своихъ мыслей и весь встрепенувшись, сказалъ извозчикъ.

— Сколько?

— Пожалуйте, дорого не возьмемъ!

Фабіанъ Ѳедоровичъ сѣлъ. Закутавшись еще плотнѣе, онъ теперь, кромѣ согнувшейся фигуры извозчика, ничего не видѣлъ.

Проѣхавъ темный переулочекъ и выѣхавъ на четвертую линію, извозчикъ, время отъ времени, сталъ поворачиваться въ полюборота къ моему пріятелю, какъ бы желая его вызвать на разговоръ. Но Фабіанъ Ѳедоровичъ упорно не желалъ обращать вниманія на его полюобороты и согнувшуюся фигуру.

— Холодно, баринъ,—не вытерпѣлъ и какъ бы жалѣя позднего сѣдока, спросилъ извозчикъ.

Моему другу не хотѣлось отвѣчать: „Перекинься словомъ, и разговоръ начнется, наши извозчики любители съ запоздалыми сѣдоками разговаривать“,—подумалъ мой пріятель.

— Эхъ, баринъ, не унимался извозчикъ,—вы вотъ штатскій. Вамъ сегодняшняя ночь, что вчерашняя, все единая и не понятная. Я до васъ часа два стражалося, не то чтобы стражалося, а такъ переживалъ значить, вспоминалъ страшныя минуты. Сидя вотъ на эфтихъ козлахъ, мнѣ казалось, что я въ страженіи. Ночь была точь въ точь такая же: вѣтеръ вылъ, кругомъ гудѣли орудія, стонали и умирали солдатишки, и у меня отъ эфтова душа ныла, вырывалась наружу, а сердце раздирало на куски, ну словно внутри у меня окопъ былъ, вотъ и теперь то же самое...

— Я, баринъ, въ Портъ-Артуръ былъ.

При послѣднемъ словѣ мой пріятель привскочилъ, насторожился, и эта ночь теперь встала передъ нимъ, словно вчерашній день. Человѣкъ на козлахъ всколыхнулъ прошлое, потревожилъ

еще не зажившія гноящіяся раны и заставилъ каждое слово извозчика, пережившаго осаду, сналету хватать.

— Десять дней насъ японцы засыпали снарядами,—продолжалъ онъ,—сегодняшнюю ночь полѣзли на насъ цѣлыми колоннами. Что было, не приведи Богъ...

— Въ какомъ же ты полку былъ?—сгорая отъ любопытства и нетерпѣнія, спросилъ мой пріятель и, затаивъ дыханіе, впился въ его фигуру, ожидая отвѣта.

— Я-то!?—переспросилъ извозчикъ и добавилъ.—Да вамъ-то, баринъ, не все ли равно? Вы штатскій, въ полкахъ не разберетесь. Былъ въ Портъ-Артуръ и все,—закончилъ съ ноткой гордости и раздраженія извозчикъ, а затѣмъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ.—Нашъ полкъ что ни есть въ самомъ пеклѣ былъ, на сѣверо-восточномъ фронтѣ, подѣ Орлинымъ Гнѣздомъ. Въ аду, я думаю, мнѣ будетъ легче, чѣмъ тамъ было. Эти самые косоглазые лѣзли, словно муравьи, и откуда только они брались...

Умолкъ извозчикъ, и погрузился въ мысли не столь отрадныя, мой другъ. Дѣйствительно, что какъ не прошлое тяжелое, можетъ больнѣе встревожить людей, сильнѣе ударить ихъ по сердцу и заставить снова переживать. Такъ было и съ этими двумя затерявшимися, между громадинъ петербургскихъ домовъ, страдальцами, и еще не отраднѣе имъ было, когда сдача явилась темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ лѣтописи героизма.

— Такими колоннами шли—началъ онъ послѣ минутной остановки,—что всѣ пригорки, лощинки, покрыли своими тѣлами: нашъ 14-й полкъ работалъ на славу...

„Не ослышался ли я, не сонъ ли это“, мелькнула мысль у моего пріятеля. „Нашъ 14-й полкъ...“

Цифра 14, словно электрическій токъ, заставила его приподняться и слегка выпрямиться. „Нѣтъ, это не сонъ. Вотъ Исаакіевскій соборъ, вотъ Морская. Поворотъ направо и ровная полоска огней Невскаго...“

— Въ какой же ты ротѣ былъ? волнуясь, съ дрожью въ голосѣ, спросилъ Фабіанъ Фёдоровичъ, и тамъ, гдѣ-то глубоко у него начало стучать, онъ ясно слышитъ удары сердца, чувствуетъ, что къ вискамъ приливаетъ кровь и голова становится тяжелѣе. Еще моментъ, и онъ свалился бы съ пролетки, но высокая фигура на козлахъ съ презрѣніемъ бросила фразу:

— Штатскій вы, баринъ, чай въ ротахъ-то тоже мало смыслите?—въ 3-й ротѣ, по счету отъ первой, былъ я. Всю осаду пробылъ при ней. Три раза былъ раненъ. Одинъ разъ въ жи-

вотъ—затянуло, другой въ ногу, третій разъ въ руку, это легкая рана, пальцы не много скрючило, но ничего, возжи и кнуть держать могу, а вотъ тяжелое поднимать не въ силахъ, изъ руки такъ и валится, словно кто ударяетъ по ней. Совсѣмъ безсильная стала. Эхъ, штатскій вы баринъ,—добавилъ онъ, стегая лошаденку,—кабы военный, поняли бы все. Вотъ вы вѣрно на меня за эфто обижаетесь, коли молчите, право, я... Вотъ примѣрно теперь про себя сказать. Бѣжу я по петербургскимъ улицамъ, сижу на козлахъ, а кто знаетъ, что я артурецъ? Никто. Да оно и лучше. Съ вами разговаривалъ потому, что очень мнѣ тяжело, эта ночь напомнила все, взбредила всю душу.

Фабіанъ Федоровичъ весь погрузился въ прошлое. Мысль одна за другой летѣла, картина смѣняла картину, и въ то же время онъ боялся проронить хотя бы одно слово наболѣвшей души извозчика, онъ далъ волю ему высказаться, онъ его понималъ, и этотъ человѣкъ на козлахъ былъ ему теперь роднымъ, но ему хотѣлось знать изъ устъ сѣраго мужичка про полкъ и его мнѣніе безхитрое, откровенное дороже боевыхъ реляцій.

— Кто же у тебя былъ командиръ полка?

— Командиръ-то? Генералъ Савицкій,—царствіе ему небесное,—умеръ здѣсь, въ Питерѣ. Такой былъ... бывало какъ закричитъ на ученіи, такъ стѣны дрожать, а не только мы. А въ бою и не говори—храбрецъ... Былъ августовскій штурмъ, самъ батальонъ повелъ въ штыки,хватила его пуля, но батарею-то, заредутную, взяли, японцевъ всѣхъ докончили. Ротнымъ моимъ былъ сначала капитанъ Ушаковъ, а затѣмъ все мѣнялись, убывали, значить. Мѣсяца за два до сдачи нашу роту принялъ—упокой его душу, Царство ему небесное. При этихъ словахъ извозчикъ снялъ шапку, встряхнулъ головой и, перекрестившись, продолжалъ,—поручикъ М—скій, хорошій былъ человѣкъ, отецъ, а не командиръ...

Невскій проспектъ, съ вереницей огней, домами, пѣшеходами, потемнѣлъ въ глазахъ моего друга. Чувства радости наполнили его сердце. Къ горлу подступили спазмы, дышать стало тяжело, и слезы мѣшали видѣть окружающее. Онъ слышитъ свою фамилію, онъ слышитъ... гулъ снарядовъ, стоны раненыхъ, предсмертные хрипы умирающихъ... слегка откинувшись въ глубь пролетки онъ замеръ... При поворотѣ на Лиговку налетѣвшій холодный вѣтеръ заставилъ моего друга очнуться, и онъ слышитъ:

— Съ самаго утра японцы засыпали насъ, отъ дыму и пыли

почитай было такъ, какъ бы вотъ теперь, энъ вонъ тамъ, въ томъ переулкѣ—ничего не видно: Поручикъ М—скій, значить, бѣгаетъ между нами, подбодряетъ насъ... Дальше извозчикъ не могъ продолжать, замолкъ.

Вся картина этого дня и ночи воскресла передъ моимъ другомъ, и сидящій на козлахъ казался ему теперь тѣнью прошлаго величія, а настоящее: осталась затерянность въ массѣ людей чуждыхъ воспринимать и цѣнить страданія пережившихъ кровавую эпопею и страшные дни, минуты нечеловѣческихъ мукъ сѣрыхъ людей.

— Бѣжить это онъ около меня, какъ ахнетъ снарядъ, такъ онъ, „Царство ему небесное“ и покатылся. Я, значить, кричу: „Ротный, ротный убить“. Подлетѣли санитары, на носилки его и ходу, а что скажите, баринъ, мертвого-то поднимешь, спасешь его,—снарядъ-то онъ какой... Только что его унесли, какъ хлынуть японцы, и пошла работа... сразу они фельдфебеля положили, взводнаго, насъ осталось горсточка. Вотъ тутъ то мы, значить, остервенимшись, и наложили же ихъ... Что же, баринъ, вы молчите-то; чай, Лиговка-то кончается? Номеръ-то какой?

Дѣйствительно, Лиговка кончилась. Пришлось повернуть обратно. Эти страшные минуты, пережившія эти чудныя, искреннія слова извозчика, заставили моего друга забыть и улицу, и домъ, и все.

— А что, если я тебѣ скажу, что твой ротный живъ?

Фигура на козлахъ вся перевернулась, сверкнула глазами, а затѣмъ все лицо расплылось въ улыбку, и небольшая черная борода затряслась.

— Хе... хе... хе... шутникъ вы, баринъ, право слово, шутникъ!

— Ну, а если ты своего ротнаго везешь?

— Съ нами крестная сила, какъ же такъ, я мертвого-то съ того свѣта везу, чай, еще я въ своемъ умѣ. Какъ ихъ убили, девятый годъ пошелъ. Что дурака-то изъ меня строить, да и покойника тревожить, „Царство ему небесное“. Извозчикъ не на шутку разсердился и теперь отчаянно нахлестывалъ лошаденку. Съ вами, опять забылъ, какой номеръ дома-то?

— А ты узналъ бы своего ротнаго, если онъ сейчасъ бы явился тебѣ?... и не ожидая отвѣта мой другъ у фонаря добавляетъ, повернувъ свое лицо на свѣтъ.—Ты посмотри хорошенько на меня, взглядишь въ мое лицо.

Фигура опускаетъ возки и быстро поворачивается. Лошаденка, почувствовавъ свободу, поплелась шагомъ.

— Баринъ, вотъ что я вамъ скажу... шутить надъ покойникомъ грѣшно, а надъ собой смѣяться въ такую ночь я не позволю. Хотя вы и баринъ, но... Затѣмъ, немного смягчивъ гнѣвъ и голосъ, онъ продолжалъ. — Тотъ былъ офицеръ, а вы стряпчий, куда вамъ до него. Одно могу сказать, Богъ накажетъ васъ за такія шутки... Но! встала!.. Какой номеръ-то? Извозчикъ дернулъ возжами лошаденку, та куда-то шарахнулась въ сторону, онъ ее съ озлобленіемъ стегнулъ концами возжей, несчастная затрусилась по булыжникамъ Лиговки.

— Ну теперь, голубчикъ мой, слушай, я стану тебѣ рассказывать.

Мой другъ коротко передалъ нѣкоторыя подробности позиціи, боя, назвалъ нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ по фамиліямъ. На каждое слово сѣдока извозчикъ отвѣчалъ: „вѣрно, правильно, вѣрно!“ Но чтобы окончательно мой другъ убѣдилъ извозчика, что онъ везетъ своего ротнаго М—скаго, опредѣлить по его физиономіи было нельзя. Слишкомъ сдержанъ былъ извозчикъ и не проявлялъ еще довѣрія къ словамъ своего сѣдока. Онъ былъ обезкураженъ и, что называется, застигнутъ врасплохъ. И только когда остановились у дома, гдѣ свѣтъ фонаря бросалъ лучи на лицо моего друга, у извозчика разсѣялось сомнѣніе, онъ соскочилъ съ козелъ, и два артурца молча бросились въ объятія другъ друга, и свидѣтелемъ ихъ братскихъ подѣлуевъ была лошаденка, которая, понуря голову, смотрѣла въ сторону двухъ обнявшихся и, вѣроятно, недоумѣвала, по какому случаю хозяинъ обнимается съ бариномъ.

— Такъ вы живы, ваше... могъ только выговорить извозчикъ, и слезы радости хлынули изъ его глазъ по морщинистымъ щекамъ незамѣтнаго героя-артурца.

Г. Артуровъ.

Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 году.

Михаилъ Ивановичъ Каховскій, сынъ смоленскаго помѣщика, отставнаго гвардіи поручика Ивана Тимоѣевича и Агаѣи Андреевны, рожденной Храповицкой, родился въ 1788 году. Воспитывался въ Шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ прапорщикомъ въ 1805 году.

Въ 1812 г., 24 лѣтъ отъ роду, произведенъ въ полковники. Участвовалъ въ походѣ въ Пруссію въ 1806 году; 1807 года былъ въ сраженіи подъ Брауенсбергомъ; 1808 г. въ Финляндіи; 1809 г. въ Швеціи, за что получилъ Влад. 4 ст. съ бантомъ; въ 1812 г. подъ Клястицами сильно контуженъ въ голову—получилъ Анну 3 ст.; подъ Смоленскомъ раненъ осколкомъ гранаты въ правый бокъ—награжденъ Анной 2 ст.; за переходъ Березину произведенъ въ полковники; за сраженіе подъ Люценомъ—Георгія 4 ст.; за сраженія подъ Бауценомъ и Дрезденомъ—Влад. 3 ст.

Въ 1814 году состоялъ начальникомъ штаба гр. Витгенштейна. Имѣлъ золотую шпагу за храбрость, Краснаго Орла 2 ст., *Pour le mérite* и др. Въ этомъ же году назначенъ шефомъ Калужскаго пѣхотнаго полка.

Въ 1815 году вышелъ въ отставку за ранами и поселился въ своемъ имѣніи Смоленск. губ., гдѣ имѣлъ около 1.500 душъ.

Въ 1826 году былъ выбранъ въ уѣздные предводители Юхновскаго уѣзда Смол. губ., а 1830 г. былъ назначенъ Слободско-Украинскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ дѣйств. ст. совѣтники.

На этой должности Мих. Ив. получилъ Анну 1 ст.

Мих. Ив. былъ женатъ на дочери смоленскаго губернскаго предв. дворянства А. Карабановой и имѣлъ нѣсколько дѣтей.

Михаилъ Ивановичъ Каховскій скончался около 1840 года въ родовомъ имѣніи.

Б. К.

Великое герцогство Баденское.

Г. Рахтатъ 1-го января 1814 года.

Боже благослови начало новаго года, осчастливь въ оной міръ твой миромъ, и возврати насъ со славою въ объятія родителей, родныхъ и друзей;—вотъ первая молитва моя, которую сегодня проснувшись проговорилъ я на постели еще отъ чистаго сердца къ Владыкѣ небесъ и земли, да услышитъ Онъ ее и да благословитъ событіемъ оной. Вчера ровно въ 12-ть часовъ ночи, я лишь только-что уснулъ, какъ Брежинскій прислалъ звать проводить вмѣстѣ улетающій годъ и встрѣтить вмѣстѣ же наступившій съ бутылкою шампанскаго, но сонъ былъ самой сладкой и уже не до того. Утромъ сегодня по введенному обычаю былъ съ поздравленіями: у Довре, у Кикина, у гр. Сиверса, у Левенштерна, у Акличеева и, наконецъ, у графа ¹⁾; оттуда всѣ въ церковь, гдѣ выслушали обѣдню и молебень, оберъ-священникъ проговорилъ проповѣдь, и я, вышедши въ одномъ мундирчикѣ, продрогъ порядочно, морозецъ изрядной и особливо прескверный и холодной вѣтеръ.

У графа сегодня былъ большой обѣдъ, на которомъ былъ принцъ Генрихъ Прусскій и проѣзжавшій изъ главной квартиры обратно въ Карльсруе гротъ-герцогъ Баденскій, всѣ наши генералы и штабъ-офицеры, въ главной квартирѣ находящіеся. Столъ былъ хорошъ въ здѣшней картинной галлерей и, воротившись домой, когда графъ всталъ, долженъ былъ водить своихъ хозяекъ и еще двухъ здѣшнихъ генеральшъ къ графинѣ съ визитомъ. Приѣхалъ дѣйствительный камергеръ Жеребцовъ изъ Данцига, онъ везетъ ключи этой крѣпости Государю, гарнизонъ съ Раппомъ сдался военноплѣнными и все забрано; онъ же говорилъ мнѣ, что Петру Демьяновичу ²⁾ Богъ еще даровалъ сына, но онъ ничего не пишетъ.

Пилъ чай и пуншъ съ ромомъ Кирилла Федоровича у Брежинскаго, и пришедъ домой писалъ по обыкновенію письмо къ моимъ домашнимъ, получилъ отъ генерала Лисаневича и сейчасъ явился Серѣжа Микулинъ. Дай Богъ, еще-таки скажу въ заключеніе перваго дня новаго года, чтобы и этотъ былъ

¹⁾ Графа Витгенштейна.

²⁾ Ген.-м. Петръ Демьяновичъ Каховскій кавалеръ Св. Георгія 3 степени, нач. 1 кав. дивизіи.

мнѣ счастливѣ и сугубо возвращеніемъ домой и общимъ всей Европы спокойствіемъ.

Да, забылъ самое важное, сегодня надѣлъ я медали на обоихъ моихъ казаковъ и на Андрея солдатскій крестъ военнаго ордена, которой я давно уже ему обѣщалъ и который онъ заслужилъ по правдѣ, надо было вообразить себѣ ихъ радость и то, сколько это пріятно. Богъ да поможетъ цѣлый годъ дѣлать добро.

Рашиатъ 2-го января.

Утромъ сего дня читалъ долго книгу, послѣ писалъ къ сестрѣ и уже въ 11-мъ часу ходилъ къ графу съ представленіями къ прусскимъ орденамъ, онъ велѣлъ собрать ото всѣхъ и тогда представимъ снова къ Королю за Лейпцигъ. Обѣдали сегодня и ѣли пирогъ у Тишина, назвавъ его именинникомъ; сегодня переплели восьмой ежедневной журналъ отъ самаго перехода за границу по 1-е число этого года, и вотъ теперь вечеромъ принесли готовой, за то заплатилъ 2 гульдена и 48-мъ крейцеровъ. Далъ Михайлѣ на куртку и шинель 50-тъ, да и то Богъ знаетъ, достанетъ ли, все дорого. До сихъ поръ не могу дочитать der Dolch, а бросить не кончивъ не хочу, между тѣмъ есть много книгъ гораздо лучшихъ. Теперь раза два уже былъ у Тишина, въ послѣдній разъ выпилъ два стакана пуншу залпомъ и прибѣжалъ тотчасъ домой, чтобы заняться дѣломъ. Вотъ въ третій разъ, сію минуту пришелъ отъ Тишина, тамъ позакусили немножко и уже ужинъ не подѣжду. Сегодня мой Яковъ Михайловичъ насолил мнѣ хоть-бы и не племянничку, да за то и рѣшено уже, онъ ѣдетъ въ полкъ и пусть тамъ узнаетъ разницу между положеніемъ его до сегодня и впередъ; Богъ видитъ, что я сдѣлалъ болѣе, нежели должно, и точно столько, сколько только можно было, хотя бы и для родного сына, онъ ничего не чувствуетъ, и это легче.

Г. Рашиатъ 3-го января.

Вставъ очень рано, такъ что еще совсѣмъ было темно, куда подали чай, дочиталъ, наконецъ, der Dolch и связалъ въ связку прочитанныя книги, послѣ чего читалъ долго газеты, гдѣ очень интересное объясненіе Наполеоново сенату, всѣхъ происшествій войны и того, сколько онъ желалъ миру, адресъ послѣ этого сенату и отвѣтъ его на оной, гдѣ онъ говоритъ, что онъ желаетъ искренно миру и что радъ сдѣлать собствен-

ныя пожертвованія, не упоминая уже нисколько о возвращеніи земель завоеванныхъ, которыя уже возвращены союзниками прежнимъ законнымъ ихъ владѣльцамъ, пріятно видѣть такое униженіе въ гордѣйшемъ властелинѣ.

Графъ до обѣда ѣздилъ въ Форъ-Люи смотрѣть, можно ли навести опять мостъ, снятой отъ проходу льду. Сегодня отпустило и шелъ снѣгъ.

Рѣшившись вчера непременно отправить Яшу и рассчитавшись съ нимъ совсѣмъ, не могъ сегодня устоять въ своемъ предположеніи, слезы его и искреннее раскаяніе тронули меня и—я простилъ, дай Богъ, чтобы это послужило ему урокомъ и, чтобы впредь подобныхъ сценъ уже не случалось. Обѣдали у хозяина, который только-что пріѣхалъ изъ Карлсруе и ему за столомъ сдѣлалось дурно, такъ-что онъ весь день ничего не ѣлъ, приходили новые баденскія войска къ Келю, очень порядочныя. Хозяинъ мой рассказывалъ, что Талейранъ пріѣхалъ въ Базель для переговоровъ и будто-бы Оффенбургъ назначенъ для конгресса, Богъ знаетъ, правда ли это и чѣмъ все кончится. Далъ коляску мою Брежинскому, который съ Шефлеромъ и Яхонтовымъ поѣхали въ Баденъ за жалованьемъ и купаться, вечеромъ графъ присылалъ за мною и велѣлъ написать приказъ на переходъ за Рейнъ и особенно на счетъ баденцевъ, чтобы они обходились хорошо съ французами, а то уже и до сихъ поръ тѣмъ жалобъ, а нашими очень довольны и принимаютъ хорошо; выпивши чашку чаю, писалъ наскоро и не знаю, будетъ ли хорошо, завтра рано надѣюсь поправить, когда Богъ дастъ утромъ мысли свѣжѣе. Яшу обмануль было, пришедши отъ графа, что сейчасъ ѣду за Рейнъ, и заставилъ одѣться по-походному, хотя для смѣху, и самъ долженъ былъ то же сдѣлать. Брежинскій передъ отъѣздомъ съ товарищами своими вытянулъ по стакану добраго пуншу и въ дорогу еще утащилъ съ собою бутылку моего прекраснаго рому. Штевенъ не знаю за что-то прислалъ безъ меня шесть бутылокъ шампанскаго, и до сихъ поръ я не знаю, что у него за праздникъ. Смотрѣлъ сегодня моихъ верховыхъ лошадей, „Мальчикъ“ засѣкъ немного ногу, велѣлъ всѣхъ перековать къ походу. Теперь пора немножко закусить и спать, чтобы завтра поранѣе встать.

Рашиатъ 4-го января.

Спавъ дурно и безпокойно, всталъ сегодня очень рано и до чаю кой-какъ поправилъ вчерашній приказъ, списалъ съ него

копію и послалъ Ивану Сергѣевичу; послѣ читалъ его графу, онъ былъ очень доволенъ и велѣлъ для баденцовъ переводить на нѣмецкой языкъ и печатать пополамъ. Сегодня для меня день счастливой писемамъ, до обѣдни еще получилъ въ одномъ конвертѣ отъ Доливы-Добровольскаго два письма изъ Казани, отъ Алексаши и отъ баталіоннаго его командира Трескина. Первой плохо извиняется въ шалости, пишетъ, что получилъ уже отъ Григорія посылку, которую я велѣлъ отправить, и просить о переводѣ; другой, вспомнивъ старое знакомство, отзывается объ Алексашѣ очень хорошо и пишетъ, что онъ долго былъ боленъ лихорадкою, — послѣ обѣдни получилъ въ другомъ конвертѣ при письмѣ Добровольскаго и письмо изъ дому отъ 18-го ноября, слава Богу, они были здоровы, но Курошъ не могъ не написать дорогой своей сестрицѣ, что Вася раненъ, а та всѣмъ и расщебетала, до смерти досадно, кой-чортъ просить людей мѣшаться въ чужія дѣла. Масаловъ именинникъ 7-го числа, но какъ послѣ завтра мы переправляемся за Рейнъ, то и отпраздновали именины эти сегодня, онъ далъ славной обѣдъ, народу было куча, наши ѣздившіе въ Баденъ возвратились къ самому столу, было весело и даже шалили до такой степени, забросались было хлѣбомъ и пробкамъ, особенно же досталось бѣдному Паренцову, послѣ обѣда сидѣлъ за бумагами, отправилъ готовыя письма къ Добровольскому и читалъ немного книги. Сегодня сдѣлалась оттепель и мостъ опять наводять, 1-й корпусъ переходитъ завтра, а мы послѣ завтра идемъ въ Гагенау. По сегодняшнимъ газетамъ лордъ Веллингтонъ шибко побилъ французовъ и 10.000 въ плѣну, дай Богъ все скорѣе къ концу. Вечеромъ опять заходили къ Масалову, тамъ во всѣхъ углахъ картежъ, выпилъ чашки двѣ добраго чаю и чашку пуншу, тихомъ за двери и, вотъ, уже раздѣвшись въ халатъ мараю бумагу. Сегодня здѣсь клубъ, но я шуму терпѣть не могу. Завтра надо укладываться и собираться, а работы тоже скопилось изрядно, да и на письма отвѣчать надобно, уфъ! когда-то Богъ порадуетъ миромъ, ужъ мы ли не молимся и не просимъ объ этомъ.

Вотъ накрытъ уже столъ и надо немножко закусить на сонъ грядущій.

Райтатъ 5-го января.

Сегодня утромъ животь у меня такъ болѣлъ и такой былъ рѣзь, что право и не помню, когда такъ страдалъ, выпилъ вина съ мушкатнымъ орѣхомъ и самого крѣпкаго чаю чашки четыре

безъ сливокъ, но все не помогло и промучился до самаго обѣда, однакожъ надо было писать и два раза ходить къ графу; по вчерашнему письму Иловайскаго 12-го представили его за Лейпцигъ къ саблѣ съ алмазами и еще выпросилъ у графа представленіе 23-го Егерскаго полка къ серебрянымъ трубамъ вмѣстѣ съ Тенгинскимъ и Эстляндскимъ полками, которыхъ представили къ гренадерскимъ боямъ, въ сегодняшней день у меня вышло болѣе 13-ти номеровъ. Графъ поѣхалъ купаться въ Баденъ и будетъ тамъ ночевать, да и мы завтра еще не перейдемъ отсюда, потому что мосту до сихъ поръ не могли навести, при сдѣлавшейся оттепели вода сильно прибывла и все неудобно, однакожъ 1-ой нашъ корпусъ переправляется сегодня на лодкахъ и кавалерію будутъ переправлять на паромехъ.

Утромъ проѣхалъ здѣсь англійскій министръ лордъ Каткартъ въ главную императорскую квартиру для участія въ переговорахъ мирныхъ, Боже ускори. Графъ говорилъ, что Государь еще 1-го генваря перешелъ за Рейнъ, это славно, прошлаго году въ этотъ день Государь перешелъ Нѣманъ, а ноничѣ Рейнъ. Обѣдали дома и хозяйки мои лѣчили меня горькими вареньями, горькимъ ликеромъ и запрещали кое-что ѣсть, однакожъ я всталъ изъ-за стола сытешенекъ и гораздо здоровѣе, когда сѣлъ. Балагурили о многомъ, особливо же Шефлеръ съ хозяиномъ, я сегодня сказалъ племянницѣ, что передъ выѣздомъ отсюда, что-то у нее украду, — разумѣя ландшафтъ съ шитой, которой виситъ въ моей комнатѣ, но она не догадывается и обѣ въ хлопотахъ угадывать, что я украду. Послѣ обѣда писалъ, къ чаю позвалъ Шефлера, да еще пришелъ Штевень и человекъ три другихъ, отправивъ конверты, выпили по чашечкѣ пуншику для окрѣпленія желудка, читали новополученные приказы и послѣ, ходя съ Густавомъ по комнатѣ, и разговаривая о счастіи мирной сельской жизни въ кругу милаго семейства, молили Бога о благодѣтельномъ мирѣ и не видя вытянули по другой.

Ложась въ постель начну читать трагедіи Шекспира. — Звали меня къ вечерни, да нельзя было.

Рашиатъ 6-го генваря.

День Крещенія, — утромъ я опять былъ по вчерашнему же нездоровъ, однакожъ послѣ лучше; предъ обѣдомъ (былъ у Довре¹⁾)

¹⁾ Начальникъ штаба гр. Витгенштейна.

и послѣ у графа, которой къ этому времени пріѣхалъ изъ Бадена и опредѣлилъ завтра, непременно, хоть на плотяхъ, переходить Рейнъ;— послѣ обѣдни ходили на іорданъ на здѣшнюю рѣку, со всею возможною церемоніею, при всемъ томъ, что дождь лилъ проливной все время и мы воротились назадъ мокренскіе, какъ будто выкупавшись, зрителей не взирая на дурную и мокрую погоду было множество, весь мостъ и оба берега рѣки были устѣяны; послѣ заходилъ ко мнѣ оберъ-священникъ со всѣмъ синклитомъ и пѣвчими, прочѣтъ „Рождество твое Христе Боже нашъ“,— пѣвчимъ далъ червонецъ; а съ священникомъ выпилъ водочки и бутылку добраго розоваго шампанскаго для праздника;— за обѣдомъ было весело; по вчерашнему спору бился въ закладъ съ племянницею хозяйскою, она проигрываетъ кошелѣкъ, а я долженъ буду купить букетъ цвѣтовъ, — кажется, я выигралъ. — Вечеромъ ходилъ къ графу съ бумагами къ подписанію и испросилъ позволеніе остаться здѣсь еще дня на два, разъ что нездоровъ и второе и важнѣйшее то, что завтра вѣрно все не переправятся чрезъ Рейнъ на паромахъ; а верхомъ не надѣюсь ѣхать; Шефлеръ, Брежинскій, Яхонтовъ, Петрулинъ и многіе тоже остаются со мною и поѣдемъ вмѣстѣ караваномъ. — Графъ теперь только получилъ повелѣніе идти какъ можно скорѣе къ Люневилю и мы все отъ него не отстанемъ. — Чай пили у Брежинскаго въ большой залѣ, тамъ куча народу и теперь еще играютъ въ карты; а мы сію минуту поужинали.

Раштатъ 7-го января.

По утру сегодня писалъ къ графу Аракчееву, прося ходатайствовать о скорѣйшемъ утвержденіи нашихъ представленій, которыя графъ подписавъ уѣхалъ; насъ много здѣсь еще осталось, да и съ выѣхавшихъ многіе возвратились, не могли переправиться, обѣ переправы такъ набиты, что даже драки, кому скорѣе сѣсть въ лодку или на паромъ. До обхода былъ долго у Брежинскаго, заходилъ къ Мосолову поздравить съ настоящимъ ангеломъ; но обѣдать не остался, не хотя обидѣть хозяина, съ которымъ время провелъ очень пріятно;— боль живота моего все еще продолжается и завтра врядъ уѣду ли, а болѣе всего за переправкою. — Послѣ обѣда заходилъ опять на минуту къ Мосолову, графиня прислала записку, прося бумаги и перьевъ, теперь самъ заходилъ къ ней и отдалъ записку о дамахъ которымъ должна она визитами. — Ожидаютъ на дняхъ большого сраженія въ нашей большой арміи; Боже благослови и помоги намъ,

тогда вѣрно конецъ.—Опять заходилъ на часъ къ Мосолову и пилъ чай; послѣ сидѣлъ съ Шефлеромъ у хозяевъ, онъ толковалъ о политикѣ и Богъ вѣдаетъ о чемъ, а я о моемъ выигранномъ закладѣ; наконецъ уже знаютъ мою кражу и былъ превеликой споръ, однакожъ все приняли мою сторону и рѣшено тѣмъ, что сверхъ покражи долженъ я еще получить кошелекъ, хорошо, это останется пріятнымъ памятникомъ добраго и ласковаго приему, жаль, что здѣсь не дождемся мы миру.

Рассказъ 8-го января.

Утромъ былъ у графини, Игнатъевъ собирался было сегодня ѣхать; но за переправой остался, а Акличеевъ отъ Форъ-Люи опять воротился, да и много нашихъ съ Преженцовымъ, однакожъ дѣлать нечего, на волю Божию отправилъ послѣ обѣда свой ящикъ и верховыхъ лошадей, есть ли сегодня не переправятся, то хоть завтра рано, а я завтра уже пушусь самъ.—Завтракали у Брежинскаго, обѣдали дома и очень пріятно, ходилъ послѣ гулять, и у Брежинскаго пили чай, тамъ и теперь все чиновники, наши еще здѣсь оставшіеся, заходилъ къ хозяевамъ,—смѣялись долго, одинъ профессоръ, бывшій у нихъ вчера вечеромъ, счелъ Шефлера за меня, а меня за Яшу, послѣ рассматривали прекрасный и большой планъ Парижа со всеми подробностями; теперь должно опять идти туда ужинать и взять выигранной кошелькъ.—12-ой часъ, только что отъужинали, накормили какъ и обыкновенно болѣе нежели хорошо и выпили двѣ бутылки шампанскаго, садясь за столъ и открывъ салфетку, я нашелъ подъ оной навороченной въ бумагѣ прекрасной кошелькъ, Ей Богу, грѣхъ забыть такихъ добрыхъ, почтенныхъ хозяевъ; я далъ имъ слово по объявленіи миру непременно къ нимъ пріѣхать.

Рассказъ 9-го января.

Вотъ и переправились черезъ Рейнъ и уже ночуемъ по крайней мѣрѣ въ Гагенау;—утромъ распрощавшись съ графиней, съ моими хозяевами, которые увѣряли, что мы непременно воротимся, и не вѣря казаку, который пріѣзжалъ отъ переправы, увѣряя, что никакъ нельзя переѣхать, пустился въ путь въ сопровожденіи оберъ-священника и другихъ; погода была предурная, мокрый снѣгъ и вѣтеръ; но не доѣхавъ немного до деревни Ау, вотрѣтили: Акличеева, Бота, Тишина, Пота и всѣхъ прежде поѣхавшихъ; вода такъ поднялась, что даже дорогу за-

лила и пѣшимъ переправиться невозможно; 7-мъ орудій и весь обозъ стоитъ на берегу, нечего дѣлать, должно было уступить невозможности и воротиться;—остановясь въ 1-ой деревенькѣ, выпили по рюмкѣ дорожной водки и отпустивъ казака къ ящику и верховымъ лошадямъ съ приказаніемъ при первой возможности переправиться и ко мнѣ пріѣхать съ рапортомъ; посадилъ съ собою же Тишина и пріѣхали въ 1-мъ часу обратно; добрые хозяева мой приняли насъ съ искреннею радостію, въ то время какъ многихъ изъ нашихъ господъ уже и на квартиры не принимаютъ—Брежинскій, Шефлеръ и Яхонтовъ уѣхали въ Бадень къ Петрулину погулять. Ходилъ къ графинѣ и тамъ обѣдалъ съ Акличевымъ, Обертомъ и Игнатьевымъ, которой уже въ полубѣда явился, возвратившись съ самаго берегу: послѣ заставъ хозяина за столомъ, сидѣлъ съ ними и ѣлъ варенье.—Хозяинъ мой увѣряетъ, что еще дня четыре нельзя будетъ переправиться, мнѣ бы очень было это непротивно, да двѣ бѣды, разъ, что у графа теперь никого нѣтъ, а второе то, что онъ сегодня почуветъ уже въ Савернѣ и завтра идетъ далѣе, Богъ знаетъ какъ нагонимъ;—прежде графиня, а за ужиномъ и мой хозяинъ говорили, что въ Карльсруэ носятъ слухи, будто было въ большой арміи сраженіе близъ Дижона и продолжалось три дни: но объ успѣхѣ онаго никто ничего не знаетъ.—На вечеръ ходилъ немножко по городу, послѣ пилъ чай дома и играли у хозяина въ лото до самаго ужина;—сестра хозяйская подарила мнѣ прекрасной зубочистничекъ съ золотою зубочисткою, съ надписями Амѣіе, въ память и такъ уже у меня отъ тетки и племянницы по памятнику, я ихъ всѣхъ обыгралъ сегодня и завтра будемъ играть еще и рассчитывать.—Ужинали у нихъ и проговорили объ этой новости и положеніи солдатъ въ жалованьи нашей арміи и ихъ войскъ. Теперь взялъ хозяина книгу и легши немножко почитаю.—Что-то Богъ дастъ завтра.

Рассказъ 10-го января.

Сегодня ожидая казака отъ переправы съ увѣдомленіемъ, почти до самаго обѣда не одѣвался, читалъ взятую у хозяина книгу, путешествіе въ Египетъ вмѣстѣ съ Шефлеромъ, тоже газеты, — ходили немножко прогуляться, изрядной морозецъ; обѣдали, какъ и всегда, прекрасно и весело и при концѣ стола явился казакъ съ извѣстіемъ, что ящикъ и верховые мои лошади уже переправились чрезъ Рейнъ,—сегодня ѣхать было уже поздно, приходилъ Игнатьевъ для совѣта и рѣшились завтра

всѣ вмѣстѣ пуститься поранѣе; — ходили съ Шефлеромъ на здѣшнюю каретную фабрику, которую очень хвалилъ мой хозяинъ; видѣлъ нѣсколько колясокъ довольно хорошихъ и одинъ дормезъ, Шефлеръ хотѣлъ купить; но дешевле 150 червонцевъ не отдавали; — тутъ возвратились изъ Бадена Брежинскій и пр., и послѣ пили чай у оберъ-священника; отсюда пришедши играли въ лото, и я выигралъ болѣе трехъ гульденовъ; — Лосенковъ отдалъ мнѣ 175-ть ассигнаціями, слѣдующіе Васѣ на обмундировку. — Размѣнялъ 200, купилъ сукна на шинель, 8-мь локтей по 4 гульдена, голову сахару 11-ть гульденовъ съ половиною и пр.: — сію только минуту отъ ужина, это послѣднее время провели особенно весело; теперь я уже напередъ распрощался и завтра надо какъ можно ранѣе уѣхать, чтобы прежде другихъ переправиться, — Боже благослови.

Франція, городъ Лаутербургъ 11-го января.

Богу милосердному благодареніе, мы уже за Рейномъ, уже въ предѣлахъ Франціи, — кто могъ вообразить себѣ при началѣ войны и даже при самомъ вступленіи нашемъ въ Пруссію, чтобы такъ далеко забрели мы, поражая враговъ; промыслъ Вышняго управлялъ нами и Ему Единому слава. — Вставъ рано послѣ чашки чаю, я поѣхалъ, думая, что хозяйева еще спятъ; но добрые, почтенные люди, генералъ, сестра его и племянница стояли въ окнахъ, когда мы вышли садиться въ коляску; поблагодаривъ ихъ отъ чистаго сердца за квартиру, которой никогда не забуду, — какъ рано ни выѣхалъ, однакожъ на перевозѣ нашелъ уже все полно повозокъ, колясокъ, лошадей, казаковъ и Богъ знаетъ чего; погода пренесносная, снѣгъ и вѣтеръ въ глаза, на берегу не было никакого пристанища, выпили однакожъ водочки и съ помощію Божіею кой-какъ взбросилъ коляску свою на малую лодку съ парю лошадей, а самъ переѣхалъ съ Акличевымъ, Игнатьевымъ и другими на большомъ перевозѣ; между тѣмъ какъ мы забирались выше въ верхъ, мою коляску тамъ снесло быстриною въ низъ, что она не могла уже пристать къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ выгружались; но привалила уже верстъ десять ниже и гораздо послѣ насъ пріѣхала на парѣ лошадей; — мы же отъ перевозу пѣшкомъ добрались версты двѣ добрыхъ и притомъ дурной погодѣ, насилу дотащили ноги, вѣтеръ нанесъ все въ самые глаза; — здѣсь пока получили билетъ на квартиру, зашли въ трактиръ очень незавидной и пообѣдали за гроши изрядно вмѣстѣ съ Розеномъ, Мосоловымъ

Тишиннымъ и другими; всѣ уѣхали до Гагенау; а мы съ Игнатьевымъ и Шефлеромъ ночуемъ здѣсь отъ того, что лошади пришли очень поздно;—на первый разъ во Франціи квартира больно плохая; коморочка аршина три въ квадратъ да и та холодная; но между тѣмъ принимаютъ кажется съ усердіемъ;—городокъ этотъ маленькой и не хорошъ, говорятъ, что графъ нашъ сегодня уже въ Люневиллѣ и не знаю, какъ мы нагонимъ;—я хотѣлъ на половинѣ Рейна выпить бутылку шампанскаго, но какъ коляска была на другомъ перевозѣ, то и выпили уже здѣсь стаканчика по два, моля Бога о скоромъ и счастливомъ возвращеніи.—Игнатьевъ сейчасъ у меня домой и мы ожидаемъ ужина.

И сочиняемъ письмо къ ген. Гарранту.

Г. Саверне 12-го января.

Послѣ холоднаго ночлегу, напившись чаю, въ 8-мъ часовъ мы пустились въ путь до Гагенау, отдавъ хозяину письмо къ генералу Гарранту для доставленія по обѣщанію его въ Раштатъ, отъ Лаутербурга до Гагенау считаютъ 10-ть почтовыхъ часовъ и мы пріѣхали въ часъ пополудни, тутъ была уже квартира готова и мои верховныя лошади съ ящикомъ насъ ожидали; узналъ, что сѣраго жеребца не пустили на перевозъ за сапомъ и потому его бросили на той сторонѣ. Въ Гагенау остался нашъ Кривской и уже третій день тамъ кутить, вчера закупилъ весь тамошній театръ за 150 т. и велѣлъ играть для себя одного, непонимая ни слова по-нѣмецки; теперь всѣ наши прибывшіе были уже у него и мы, познакомясь съ хозяиномъ, старымъ, 80-ти лѣтнимъ капитаномъ, служившимъ въ семилѣтнюю войну противу Фридриха Великаго, который рассказываетъ много о своихъ подвигахъ, и его дочерью молодою и изрядною женщиною, женою одного французскаго офицера, находящагося теперь въ Магдебургѣ,—мы также пошли къ Кривскому, закусывали, пили шампанское и обѣдать воротились на квартиру. Столъ былъ уже парадно изготовленъ въ нижней залѣ, и мы обѣдали съ цѣлымъ семействомъ, состоящимъ изъ двухъ упомянутыхъ уже особъ, еще одной женщиною и маленькой 6-ти лѣтней дѣвочки, дочери хозяйки; она рассказывала, что въ продолженіе 7-ти-лѣтняго ея замужества, она жила съ мужемъ только три мѣсяца и что дочь видѣла отца своего только 17-ть дней; столъ дали прекрасный, вина хоть не пей и между разговорами хозяйка усердно приглашала поку-

шать и поить. Во время обѣда пріѣхалъ Бурнашевъ и сидѣлъ съ нами, выпили тоже бутылку шампанскаго, десертъ былъ славной и я очень доволенъ этими хозяевами и жалѣлъ, что нельзя было остаться почевать. Чтобы догнать скорѣе графа, который давно уже въ Люневиллѣ; и такъ съ порядочнымъ обинякомъ, что называемъ мы—навеселѣ,—поблагодарили за доброе угощеніе и въ 5-ть часовъ, выкормивъ лошадей, и давъ слово на возвратномъ пути къ нимъ заѣхать, рѣшились сдѣлать еще 7-мь часовъ до этого города, уже было поздно, но лошади бѣжали славно и послѣ скучной дороги, съ зажженными фонарями и опасаясь, не ошиблись ли дорогою,—наконецъ въ 10-мь уже часу достигли до Саверны и обрадовались какъ Богу, увидѣвъ огонекъ. Городъ этотъ кажется поменѣе Гагенау; но однакожъ довольно великъ, имѣетъ 5.000 жителей и послѣдней въ провинціи Эльзасъ; жители здѣшніе на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ говорятъ очень дурно, съ трудомъ можно понимать. Квартиру дали здѣсь не лучше Лаутербургской и ежели не холоднѣе, то истинно также холоднѣе;—ужинъ былъ пренегодной, да спасибо, послѣ добраго обѣда онъ не подѣлалъ нужды.—Купили бутылку коньяку за 2 франка,—выпили сейчасъ по стаканчику и ложимся спать всѣ трое, т.-е. я, Яша, Шефлеръ вмѣстѣ покоткомъ на землѣ, уже часъ ночи.

Г. Саарбургъ 13-го января.

Послѣ прехолодно-проведенной ночи, гораздо хуже прошлой въ Лаутербургѣ, гдѣ часто просыпались. Утромъ затопили маленькую чугунную печь и отъ сырыхъ дровъ такъ накурили, что нельзя было подняться отъ полу;—при всемъ холоду должны были растворить окна и какъ можно скорѣе одѣться; чай однакожъ подали поздно и послѣ вчерашняго большого переѣзду насилу могли выѣхать въ 10-ть часовъ; взяли проводника, прося Бога о мирѣ, скоромъ возвращеніи и о лучшемъ расположеніи въ квартирахъ, чего не ожидали во Франціи;—проѣхавъ два часа по большой дорогѣ подъ самыми картечными выстрѣлами съ крѣпости Пфальцбурга, гдѣ оставленъ французскій гарнизонъ и которую блокируетъ Лялинъ,—поворотили проложенною вновь, можно сказать тропинкою около крѣпости до выѣзду до большой дороги.—Право, дураки французы, что для смѣху не пустили ядра изъ крѣпости, обозовъ шло много и сверхъ того въ то же самое время проходили эту дистанцію команда выздоровѣвшихъ и самые караулы блокады

смѣнялись, Лялинъ былъ тутъ, съ эскадрономъ Баденцовъ, кой какъ съ превеликимъ трудомъ въ предурную и снѣжную погоду, наши выѣхали на шоссе, три часа отсюда и благодаря Бога за счастливый проѣздъ, въ 3-мъ часу пополудни пріѣхали сюда, сдѣлавъ только по большей мѣрѣ 8-мъ часовъ разстоянія, — послѣ вчерашней квартиры, здѣсь слава Богу досталась та, на которой стоялъ нашъ графъ, это фабрикантъ лѣпной работы, изъ особенной массы имъ изобрѣтенной, которая замѣняетъ рѣзную работу не только не уступая, но превосходя ея; сегодня мы уже переѣхали границу Эльзаса и уже въ Лотрингін, старой Франціи, однакожь нашъ хозяинъ нѣмецъ Іосифъ Рейнатъ, говорить, что служилъ капитаномъ; двѣ славныя комнаты, показывалъ намъ свою работу, говоря, что это нѣмецкой домъ, можно увести съ собою въ Россію. Графъ нашъ уже за Нанси и Богъ знаетъ, куда онъ летитъ, Акличеевъ и Игнатъевъ здѣсь обѣдали и оба уѣхали, первый на почтовыхъ, а другой на своихъ, а я пожалѣлъ лошадей, но завтра хочу ночевать въ Люневиллѣ 14-ть часовъ, — хозяинъ далъ намъ книгъ, Коцебу, Ифлянда и Шиллера, и мы съ Густавомъ все время читаемъ; за то обѣду дождали до 7-ми часовъ вечера, но поѣли прекрасно и попили добраго бургонскаго и по бокалу шампанскаго, теперь выпили по стаканчику съ стариннымъ славнымъ ромомъ, и теперь Шефлеръ читаетъ *der Magnitismus* и пора спать.

Г. Люневилль 14-го января.

Спавъ славно, вставъ сегодня въ 7-мъ часу утра и выправивъ ящикъ, въ 9-мъ сами пустились, поблагодаривъ хозяина за хорошее угощеніе, до Люневилля 14-ть почтовыхъ часовъ, и мы ѣхали порядочно, — погода все еще дурная и снѣгъ столько, что можно бы ѣхать и на санихъ, право, я не знаю, что такъ много наши господа обожатели французовъ говорятъ о Франціи, земля эта какъ и всѣ другія, и мнѣ нисколько не нравится; нищія останавливаютъ почти на каждомъ шагу и при всемъ холоду, которой имъ гораздо ощутительнѣе, нежели намъ, обѣгутъ нѣсколько верстъ за коляскою, пока дашь имъ что-нибудь, на половинѣ дороги въ городъ Блемонте мы останавливались пообѣдать и не выпрягая лошадей зашли въ лучшій трактиръ, который очень похожъ на обыкновенную нашу харчевню, намъ дали кусокъ развареной говядины съ дурною дижонскою горчицею, по куску утки и яичницу, да

въ десертъ по яблоку и миндали на тарелку, да при этомъ мы выпили двѣ бутылки бургонскаго, — которое подаютъ здѣсь обыкновенно въ каждомъ домѣ, какъ самое дешевое вино, и разговорчивая хозяйка за это угощеніе взяла съ насъ 9-ть франковъ; отъ Блемонта 7-мъ часовъ до Люневилля, мы проѣхали очень скоро и въ 5-мъ часу были уже здѣсь на квартирѣ въ домѣ графа Фермона. Люневилль городъ довольно большой и памятенъ мнѣ болѣе по рассказамъ нашихъ плѣнныхъ отъ Аустерлица и кампаній 1806 и 1807 годовъ, которые все время здѣсь содержались; — эта мысль рождаетъ много разныхъ воспоминаній, какъ-то о бѣдномъ Полторацкомъ, такъ много рассказавшемъ мнѣ о своемъ здѣсь пребываніи, и о Константиѣ Курошѣ, которые оба уже наслаждаются вѣчнымъ покоемъ, миръ праху ихъ, вздохъ, вылетѣвшій при начертаніи именъ ихъ изъ груди моей, да будетъ жертвою ихъ памяти, — но полно о мертвыхъ, еще много есть живыхъ, которые увидятъ хозяевъ своего плѣна, въ числѣ ихъ и Оранскій, жаль, что его теперь нѣтъ здѣсь, то-то бы посмѣялся. Здѣсь квартира у меня въ пребольшомъ домѣ, комнаты пышныя, но прехолодныя, печей совсѣмъ нѣтъ, а пока разложили огонь въ каминѣ, явился прежде зять хозяйской, послѣ старикъ 86 лѣтній и его жена еще здоровая баба, долго толковали, ихъ сынъ служить въ австрійской службѣ фельдмаршалъ — лейтенантомъ, на вечеръ пришелъ Набель, который идетъ съ сумскими эскадронами, и здѣшній комендантъ Вятскаго полка, майоръ Огонь-Догановскій, нашъ Порѣцкой помѣщикъ, просидѣли за чаемъ и дочитали драму Ифландта Gerbestag, которое нечаянно увезли съ ночлега, графъ завтра выходитъ изъ Нанси и маршрутъ до Трои.

Гор. Туль. 15-го января.

Ну, слава Богу, наконецъ, нагнали графа и теперь вмѣстѣ. Спавъ эту ночь отъ чрезвычайнаго холоду очень непокойно, встали не такъ-то рано и одѣвались у камина, послѣ чаю не видѣвшись уже съ хозяевами, съ которыми вчера еще распрощались, поѣхали до Нанси и я за угощеніе хозяевамъ забылъ мой носовой платокъ. Проѣхавъ изрядной городокъ Сентъ-Никола, въ 1-мъ часу пополудни явились въ большомъ и прекрасномъ городѣ Нанси, многіе говорятъ, что онъ только числомъ жителей и обширностію уступаетъ Парижу, но расположеніемъ и красивыми зданіями не хуже французской столицы, въ немъ жителей 24.000, проѣхалъ предлинную и широкую

улицу, составляющую форштадтъ, мы выѣхали въ ворота *Porte de la Constitutione* и по лучшей улицѣ подъ этимъ же названіемъ доѣхали до большой площади, прекрасно обстроенной съ главными по угламъ фонтанами, посрединѣ которой за желѣзною рѣшеткою стоитъ пьедесталь статуи Людовика XV, которую истребили въ революцію; пустота эта на высокомъ пьедесталѣ заставляетъ каждого спросить, что тутъ было и по полученіи отвѣта, какое-то невольное отвращеніе рождается къ народу, могшему истребить законнаго государя, памятники самые древнихъ владѣльцевъ и теперь рабски повинующемуся тирану, проливающему кровь ихъ для собственной славы.

Отыскивая своего квартирьера, мы прошли пѣшкомъ довольно часть города и послѣ дали намъ квартиру за воротами съ надписью: *A Napoleon Grand*, отъ которыхъ идетъ прекрасный бульваръ до огромнаго дому правленія и передъ онымъ вокругъ бульвара прекрасной цѣруль.—Наша квартира въ одномъ домѣ изъ принадлежащихъ къ правленію;—дали одну небольшую, по обыкновенію, весьма холодную комнату и пока развели огонь и велѣли готовить скорѣе обѣдъ, чтобы доѣхать досюда и нагнать графа, выѣхавшаго сегодня же изъ Нанси, рѣшились лучше осмотрѣть городъ;—утромъ сегодня былъ славной русской морозъ; но послѣ выглянуло солнышко и день сдѣлался прекрасной;—зашелъ къ намъ генералъ Левенштернъ и пошли вмѣстѣ бродить, онъ завелъ насъ въ тамошнюю каедральную церковь, построенную изъ плиты и очень недурной архитектуры. Церковь эта—какъ рассказываютъ жители, была отменно богата; но богобоязливые и набожные французы во время незабвенной своей революціи увѣряли, что богатство и пышность не принадлежить и святынѣ и смиренію, оголили ее совершенно; отъ церкви Левенштернъ хотѣлъ провести насъ къ монументу польскаго короля, бывшаго здѣсь въ изгнаніи, но какъ это надо было сдѣлать болѣе двухъ веретъ по той улицѣ, откуда мы въѣхали, то не дойдя еще до Конституціонныхъ воротъ мы воротились и долго гуляли по городу, сопровождаемые нищими мальчишками, которые на каждомъ шагу кричали „*Vive bon Roi Alexandre*“ и просили денегъ, Шефлеръ смѣясь кричалъ имъ: „ахъ вы, измѣнники, вамъ должно кричать *vive Napoleon*“ и они тотчасъ подхватывали: „вивать *Napoleon Австрійской*“,—при всемъ сокрушеніи сердца, видя такое множество нищихъ на каждомъ шагу, въ землѣ, которую наши господа называютъ счастливою, нельзя было не смѣяться этимъ восклицаніямъ.

Передъ лавкою итальянца, продающаго эстампы, мы нашли кучу народу предъ вывѣшеннымъ портретомъ нашего Императора, вовсе на него непохожимъ;—зашли въ лавку и я купилъ карту Франціи за 7 франковъ; эстампы такъ дороги, что за 6-ть представляющихъ Павла и Виргинію просили 12-ть червонцевъ; оттуда воротились домой съ такою же свитою, которая отняла у меня совершенно охоту опять прогуливаться.—Дали обѣдать довольно хорошо, и явилась баба-нѣмка, родомъ изъ Цвейбрикина, надобно сказать, что мы тамъ были и что даже знаемъ скотной дворъ, гдѣ она родилась; на десертъ явились новые нищіе и съ письмами въ стихахъ, а нѣмка, видя, что мы дали имъ нѣсколько крейцеровъ, приговаривались также безъ всякаго стыда и совѣсти, но слава Богу и тутъ—какъ пишетъ Густавъ, сейчасъ въ своемъ маленькомъ журналѣ—атаку эту отразили крейсерами же;—мы тамъ выбрились новыми бритвами, которыя я досталъ отъ Вильчинскаго и простившись съ хозяиномъ, ругавшимъ безъ милосердія Наполеона, пустились въ путь;—при выходѣ изъ дверей къ коляскѣ съ одной стороны ожидала ужасная толпа большихъ и малыхъ нищихъ; а съ другой нѣсколько такихъ же музыкантовъ, отъ которыхъ насилу, насилу могли ускакать за городъ; но и на большой дорогѣ нѣтъ покою отъ нищихъ.—Сюда пріѣхали въ 7-мъ часовъ, квартира маленькая, холодная и дрова до сихъ поръ дурно горять въ каминѣ.—Графъ въ концертѣ, и я не знаю, увижу ли сегодня.—Выпили по стаканчику пуншу, и вотъ я сѣлъ писать свой, а Шефлеръ свой журналъ; онъ давно уже кончилъ и, читая, заставилъ насъ смѣяться;—о, пріятно будетъ, когда Богъ благословитъ, дома въ миломъ кругу прочитывать эти записки и припоминать то, что теперь предъ глазами;—Туль крѣпость; но мы пріѣхали уже тѣмно и сегодня ничего не могу замѣтить.

Деревня Гудленкуръ 16-го января.

Сегодня по утру былъ у графа, засталъ его одного и много кой о чемъ говорили, онъ смѣялся, что я отсталъ и не могъ нагнать такъ долго;—Туль очень небольшой городъ и кромѣ одной площади, усаженной деревьями, я ничего порядочнаго не замѣтилъ; наша квартира была въ трактирѣ подъ знакомъ бронзоваго коня и хозяинъ называется Стиръ, за ковку лошадей, за которую заплатилъ я двадцать франковъ,—мы прождали въ

Тулѣ до 2-хъ почти часовъ за полдень,—обѣдали изрядно и маршъ до этой деревни. 9-ть почтовыхъ лье или часовъ сдѣлали въ 7-мъ часу вечера, дорога гориста; проѣзжали небольшой городокъ Вукулеръ. Деревня эта не больно большая и даже въ домѣ простого мужика, гдѣ мы квартируемъ, не нашли печки, въ передней, гдѣ хозяева, каминъ почаль; а въ нашей ничего и такъ холодно, что вмѣсто печки принесли горшекъ съ угольемъ и мы, выпивши по два стакана пуншу, не можемъ обогрѣться; ноги замерзли гораздо болѣе, чѣмъ въ коляскѣ, хотя и на дворѣ оттепель, все отъ каменныхъ стѣнъ;—купили пару бутылокъ вина и будемъ ужинать; къ графу не пойду—далеко,—читалъ драму и перебиралъ полученныя бумаги.—Какое же спать, хоть не раздѣвайся. О милая Германія.

Городъ Жуанвилль 17 января.

Снавъ еще хуже вчерашняго отъ необыкновеннаго холоду и дурной постели, нѣсколько разъ просыпался ночью и насилу дозвался Михайлу съ свѣчою и велѣлъ давать чаю;—ходилъ къ графу, и дорогою зашелъ къ Акличееву, который сильно напугалъ было тѣмъ, что мы обойдены неприятелемъ; но графъ имѣлъ уже рапортъ что корпусъ прусской прогналъ неприятеля и уже занялъ линіи въ параллель съ нами; потолковавъ съ графомъ довольно долго и узнавъ, что намъ важно остановиться въ Жуанвиллѣ, заходилъ къ Игнатьеву и пустились въ путь,—горы большія и досадныя; насилу доѣхали, сдѣлавъ 7-мъ лье; но и тутъ подъѣзжая къ городу встрѣтилъ какой-то офицеръ отъ принца Виртембергскаго и говорилъ, что съ экипажемъ нельзя нашимъ въѣхать въ городъ, потому что слышна вблизи перестрѣлка стрѣлковъ, однакожь на волю Божию мы пустились въ городъ и ничего не слышали; пока узнали гдѣ квартира; зашли къ Пышницкому, которой здѣсь же стоитъ; пили у него водку съ Акличеевымъ и Игнатьевымъ и послѣ сюда,—квартира холодная съ каминомъ какъ и обыкновенно; но впрочемъ очень изрядная; ходилъ къ графу, который получилъ курьера, что Вреде приказано съ баварцами подкрѣпить насъ и онъ уже сегодня прибылъ и былъ у графа;—неприятель велъ сегодня дѣйствительно перестрѣлку съ нашими аванпостами и по дорогѣ къ Сентдизьеру отступилъ, говорятъ, что тамъ первая позиція французовъ, а вторая въ Шалонѣ, Наполеонъ сегодня долженъ быть въ Витри; съ другой же стороны

говорять, что непріятель очень близко, и потому мы въ осторожности.—Мы стоимъ здѣсь подъ № 814-мъ, обѣды дали славно и что здѣсь рѣдко по чрезвычайной дороговизнѣ сахару, поподчивали кофею послѣ обѣды;—ходили къ Теслеву, который живетъ на самомъ форштадтѣ за мостомъ. Онъ еще подтвердилъ, что надо быть осторожнымъ, а у меня все здѣсь, коляска, ямщикъ и верховыя лошади—все Богомъ, право, на Него надежда.—Хозяинъ прерасговорчивой, и бранить безъ милосернія Бонапарте, сколько можно разсудить, онъ дѣлаетъ это отъ чистаго сердца и дѣйствительно сколько они пострадали отъ революціи и еще болѣе отъ Наполеона, всѣ единодушно желаютъ мира и—Боже, услыши общее желаніе всѣхъ.—Къ дому Бурбонскому они душою преданы и радость видна на лицѣ каждого, когда говорятъ, что Дюкъ-д'Ангулемъ въ главной нашей квартирѣ.—Теслевъ увѣрилъ меня, что завтра будемъ атаковать вмѣстѣ съ Вреде, но диспозиціи еще нѣтъ; должно спать на шинеляхъ и нераздѣваясь!

Г. Жуанвилль 18-го января.

Ночь спали тепло и хорошо, но не очень покойно, опасаясь тревоги;—утромъ былъ у графа и долго съ нимъ говорили какъ о теперешнихъ движеніяхъ нашихъ и расположеніи непріятеля, такъ и о неутвержденіи до сихъ поръ представленій нашихъ и по отправленіи принца Виртембергскаго съ корпусомъ его противу непріятеля къ Васси; писалъ къ Барклаю о нашихъ рекомендаціяхъ;—графъ ѣздилъ къ авангарду, и во весь день слышна была сильная канонада какъ у насъ, такъ и у Гюка отъ Баръ-ле-Дюка; графъ возвратился къ обѣду, погода прескверная, дождь, снѣгъ и вѣтеръ попеременно.—Писалъ между тѣмъ къ Трескину и Алексашѣ и отправилъ вмѣстѣ съ письмомъ домой при запискѣ къ Доливѣ-Добровольскому. Вечеромъ получили увѣдомленіе Блюхера, что онъ былъ вчера атакованъ Наполеономъ и даже выгнанъ изъ Бріена, но подкрѣпясь корпусомъ Сакена онъ поколотилъ порядкомъ злодѣя, занялъ опять Бріенъ и отнялъ нѣсколько пушекъ съ плѣнными, заставивъ непріятеля ретироваться; у насъ тоже отступилъ непріятель 1½ часа и завтра предполагаемъ быть порядочному дѣлу.—При канонадѣ сегодняшней въ городѣ была чрезвычайная тревога между жителями они прибѣгали къ намъ искать утѣшенія; но благодаря Богу страхъ ихъ прошелъ и мы здѣсь.

Говорятъ также, что Коленкуръ, прѣзжавшій въ Шалокъ съ предложеніями мира на томъ основаніи, чего требовали мы въ перемиріе при Швейдницѣ—очень смѣлномъ въ теперешнемъ нашемъ положеніи прогнанъ, и союзные государи не хотятъ уже болѣе толковать съ Бонапартомъ, но прямо съ націею; — Боже, благослови низложить злодѣя, угнетающаго человѣчество и проливающаго кровь для собственнаго властолюбія, — увѣнчай этимъ щедроты Твои, на насъ изліянныя, и осчастливь истиннымъ и прочнымъ миромъ. Завтра, кажется, рѣшено уже подраться; у принца сегодня ранили Вахтена и изрядно еще изъ корпуса, что-то завтра будетъ?

Сообщ. Б. В. Каховскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ архивныхъ документовъ.

I. „Непригожія рѣчи“ о патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ (1630 г.).

Въ 1630 году, послѣ Дмитріевской субботы (26 октября) въ Ельцѣ былъ посаженъ въ тюрьму попъ Черной слободы Григорій. Онъ отбывалъ наказаніе за какую-то провинность по указу рязанскаго архіепископа Антонія. Находясь въ заключеніи, попъ Григорій, однако, не забывалъ своихъ пастырскихъ обязанностей и въ неудобной тюремной обстановкѣ служилъ заутреню, часы и молебенъ. При этомъ попъ Григорій поминалъ на эктеньяхъ „святѣйшаго патріарха московскаго и всея Руси Филарета Никитича“. Къ окошку тюрьмы подошелъ боярскій сынъ Томило Толбузинъ, исполнявшій обязанности „десятильника“ при рязанскомъ архіепископѣ. Услышавъ возгласы попа Григорія, Толбузинъ, какъ архіерейскій чиновникъ, не могъ примириться съ такимъ умаленіемъ чести и власти своего владыки и набросился на узника съ бранью:

— Какъ ты, попъ, Бога молишь въ октеньяхъ и въ богомольныхъ за патріарха, а не за архіепискупа? Останешь, попъ, скуфьи и головы (т.-е. безъ скуфьи и безъ головы)... Кто тебѣ указалъ Бога молить за патріарха?...

— Какъ мнѣ за великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Бога не молить?—возразилъ попъ-Григорій: я отъ него, государя, воскресъ. Онъ мнѣ далъ свѣтъ видѣть: вышелъ я изъ полону, и онъ, государь, меня поилъ и кормилъ, и въ попы поставилъ безпощинно, и указалъ быть на Ельцѣ въ попѣхъ, въ Черной слободѣ. Радъ за него, великаго государя, Бога молить вѣкъ...

— Сидѣть тебѣ голомя (долгое время) въ тюрьмѣ—закончилъ споръ Томила Толбузинъ.

Этотъ разговоръ такъ и остался бы домашнимъ происшествіемъ, если бы одному изъ тюремныхъ сидѣльцевъ не пришло на мысль закричать за собой „государево слово“. На допросѣ въ сѣзжей избѣ по поводу этого оговора и разсказанъ былъ поступокъ попа Григорія, со ссылкой на свидѣтелей его столкновенія съ десятильникомъ. Воевода попытался было поставить попу Григорію въ вину, почему онъ, послѣ выхода изъ тюрьмы, побывалъ уже въ Рязани и въ Москвѣ, и, однако, нигдѣ о „непригодныхъ словахъ“ про патріарха Филарета не извѣщалъ. Попъ Григорій сослался на такое обстоятельство, которое слишкомъ часто въ то время встрѣчалось въ отношеніяхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ къ низшему духовенству: „боемъ отъ него, Томилы, надсаженъ, для того и не извѣщалъ“...

Когда результаты допроса сообщены были въ Москву, послѣдовала интересная резолюція. Всякое наказаніе боярскому сыну за его слова попу Григорію косвенно являлось внушеніемъ епархіальному архіерею, который нравственно и юридически отвѣчалъ за поступки своихъ агентовъ. Резолюція тонко обходитъ этотъ щекотливый пунктъ, и, оставляя незатронутой честь рязанскаго архіепископа, въ то же время, даетъ хорошій урокъ его ретивому десятильнику. „Указали государь и святѣйшій государь патріархъ отписать грамоту, что государю и святѣйшему государю патріарху то вѣдомо, что молятъ Бога во всѣхъ митрополіяхъ и архіепискупьяхъ за своихъ митрополитовъ и архіепискуповъ; а тотъ попъ, сидя въ тюрьмѣ, молилъ Бога за государя святѣйшаго патріарха и государскую святѣйшаго патріарха милость воспоминалъ, что его въ попы поставилъ и пошлѣ имать не велѣлъ; и десятильнику Томилу Толбузину за то бранить и унимать попу не за что, и того сына боярскаго за то посадить въ тюрьму на три дни“...

(Московск. Архивъ Минист. Юстиціи. Приказнаго стола столб. № 16, л.л. 514—520).

II. „Демонскіе лики“ въ Рязани (1671 г.).

31 марта 1671 г. въ Рязани у писчей избы на стѣнѣ оказался прилѣпленнымъ листъ съ „демонскими ликами“, а подъ ними были написаны „непристойныя и нелѣпыя слова“. На одной сторонѣ листа подъ тремя „личинами“ значались имена 3 подья-

чихъ: Авдѣйка Епихинъ, Артюшка Карповъ, Калистратка Суворовъ. На оборотѣ надъ одною личиною были слова: *царь, государь, царица*, а еще надъ двумя: *антихристъ*. Такъ какъ изба помѣщалась „въ торгу“, то листъ привлечь къ себѣ вниманіе толпы и вызывать оживленные разговоры. Подьячіе, имена которыхъ оказались на листѣ, знали, что имъ прежде всего придется отвѣчать за непристойныя надписи, а потому сами бросились отыскивать виновника—„вора, составщика и поругателя“. Воевода въ Рязани въ это время умеръ, и разслѣдованіе перешло въ казенный приказъ рязанскаго митрополита, тѣмъ болѣе, что главнымъ зачинщикомъ всего дѣла оказался молодой подьячій духовныхъ дѣлъ Тимошей Внифантьевъ. Его братъ, Иванъ Внифантьевъ, былъ вліятельнымъ лицомъ въ казенномъ приказѣ. Онъ попытался было какъ-нибудь замѣять непріятную исторію. „Безъ очныхъ ставокъ братъ мой никакой сказки не дастъ“—заявилъ Иванъ казначею монаху Тарасію, начальнику казеннаго приказа. Рязанскій митрополитъ Иларіонъ въ ту пору находился въ Москвѣ, и сношенія съ нимъ изъ Рязани задержались вѣшной водой. Только 3 мая митрополитъ распорядился передать все дѣло изъ казеннаго приказа новому воеводѣ для розыска. А въ случаѣ укрывательства Тимошки Внифантьева митрополитъ далъ приказъ вмѣсто него „принять накрѣпко“ самого Ивана Внифантьева и отдать въ руки воеводы. Теперь пришлось Тимошкѣ повиниться въ своей продѣлкѣ... „Писалъ я на листу перомъ лица по обѣ стороны, — показавъ Тимошка передъ воеводой, — не умысломъ и не хитростью, съ малоуміемъ. И въ тотъ листъ въ бумажкѣ завернувъ деньги, понесъ платить Входо-Іерусалимскому попу Михаилу. И въ то время, какъ деньги принесъ, въ церкви поютъ обѣдню, и въ церкви деньги отдать попову сыну дьячку Ѳеодосѣ. А тотъ листъ взялъ у меня смотрѣть пушкаря Тимошкинъ сынъ Карцова малый Исачка. И вышедъ на паперть, при мнѣ и при дьячкѣ Ѳеодосѣ на томъ листу съ одну сторону подписалъ подъ тремя лицами ямщика Авдюшкино имя Епихина да площадныхъ робятъ Артюшки Карпова да Калистратки Суворова, и подписавъ тотъ листъ понесъ къ робятамъ къ своей братьѣ. А я положилъ то впростѣ... И робята, межъ себя глумясь, положили тотъ листъ у писчей избы на окнѣ или будетъ прилѣпили. А на другой сторонѣ листа надъ парсунами никакого подписанія не было“...

„Робята“ на допросѣ подтвердили, что на оборотѣ дѣйствительно подписей не было. Затѣмъ этотъ листъ перешелъ въ руки племянника Авдюшки Епихина—Васьки Ульянова, который

спряталъ листъ въ свою коробью подъ замокъ. Но самъ Авдюшка, вѣроятно, былъ очень оскорбленъ насмѣшками толпы, читавшей его имя подъ „демонскимъ ликомъ“. Къ тому же, съ Тимошкой Внифатьевымъ у него была „старая недружба“. И вотъ онъ задумалъ жестоко отплатить за карикатуру. Въ свою лавку въ соляномъ ряду Епихинъ завелъ пришлаго „дѣтину“, по имени—Авдюшку, и началъ съ нимъ такой разговоръ: „У меня учинился закладъ съ однимъ человѣкомъ. Я хвалилъ твою руку: письмо ты-де лучше пишешь. А товарищъ мой хвалилъ иного дѣтины письмо лучше“... Подзадоренный грамотей сейчасъ же сѣлъ и сталъ писать на бумагѣ „складъ“ (т. е. стихотвореніе): „Стоить градъ“... Но Авдюшка Епихинъ возразилъ: „Не о томъ у меня закладъ стоитъ“ — и показалъ на порожнемъ столбцѣ три слова написаны: царь, государь, царица. „Вотъ о чемъ у меня закладъ стоитъ“. Посадивъ дѣтину, Епихинъ завернулъ листъ въ неписанные столбцы и изъ своихъ рукъ положилъ къ нему на колѣни. Листъ былъ сложенъ такъ, что „парсонъ“ не было видно. Не ожидая злого умысла, дѣтина написалъ три слова и былъ въ полной увѣренности, что онъ пишетъ на чистой бумагѣ. Другія подписи были сдѣланы Калистраткой Суворовымъ. Чтобы скрыть слѣды своей продѣлки, Епихинъ сталъ „ссылать съ города“ обманутаго имъ Авдюшку Ананѣина, дабы нельзя было „сыскать такой руки“... Въ тѣхъ же цѣляхъ Епихинъ сдѣлалъ „явки“ въ пригородныхъ слободахъ, а въ самой Рязани не объявилъ листа съ воровской и обманной подписью, между тѣмъ какъ на словахъ онъ о немъ распространялъ многимъ. Когда начались розыски, „дѣтина“ чистосердечно повинился и рассказалъ, какъ онъ по простотѣ вдался въ обманъ, „не чая воровского умысла отъ Епихина“. Остальные лица, замѣшанные въ исторіи „демонскими ликами“, также передали подробно весь ходъ дѣла. Но Авдюшка Епихинъ былъ, видимо, человѣкъ очень изворотливый. Онъ сразу нашелъ какіе-то пути къ новому рязанскому воеводѣ князю Лаврентію Горчакову и расположилъ его въ свою пользу. Вопреки обычному порядку дознанія, воевода не далъ очной ставки Епихину съ „дѣтиной“, медлилъ сообщить о результатахъ допроса въ Москву и безъ указа государя отпустилъ всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ, посадивъ на стѣзжей избѣ въ оковахъ одного только „дѣтину“ Авдюшку, да въ подклѣтѣ „въ чепѣ“ „въ желѣзахъ держалъ еще Тимошку Внифатьева“.

Такъ какъ участію послѣдняго узника былъ заинтересованъ митрополитъ Иларіонъ, то онъ счелъ необходимымъ обратиться

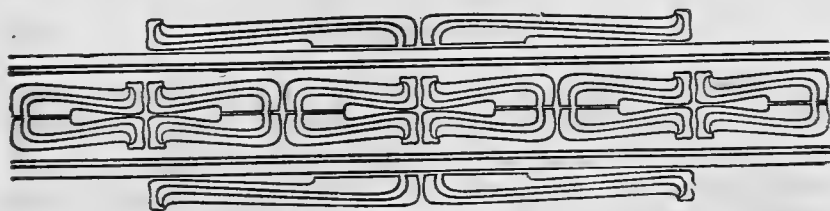
съ особымъ письмомъ лично къ царю Алексѣю Михайловичу. Описавъ подозрительное поведеніе воеводы князя Горчакова при слѣдствіи, митрополитъ нашелъ возможнымъ прямо заключить: „и то знатно, что воевода съ ямщика (А. Епихина) взялъ взятку и хочетъ его очистить и ту вину положить на неповинныхъ“... Такое обвиненіе, исходившее изъ устъ высшаго духовнаго начальника, было слишкомъ серьезно и не могло остаться безъ вниманія. Изъ Москвы посланъ въ Рязань дворянинъ Лаврентій Денисовъ съ полномочіемъ произвести подробный сыскъ. Воевода кн. Горчаковъ свою медлительность въ дѣлѣ объяснилъ тѣмъ, что онъ „подлинно про то не розыскалъ и за иными многими приказными дѣлами“; послѣ разспроса и очныхъ ставокъ всѣ оговоренные были не на свободѣ, и за приставами и на порукахъ; „дѣтину“ Авдюшку велѣно было держать въ желѣзахъ для береженья, потому что онъ человѣкъ гулящій — вѣрить ему некому, а не для поновки Авдюшки Епихина и своей корысти...

Только въ декабрѣ мѣсяцѣ состоялся приговоръ: ямщика Авдюшку Епихина за его воровство бить кнутомъ на козлѣ да у него-же отсѣчь лѣвую руку по запястье; дѣтину Авдюшку Ананьина и Калистратку Суворова также бить кнутомъ на козлѣ нещадно; Тимошку Внифантьева, пушкарскаго сына Исачка и другихъ участниковъ всей исторіи съ листомъ, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно и дать ихъ на поруки, чтобъ впредь имъ и инымъ такимъ воровствомъ не воровать; воровской листъ сжечь. „А князь Лаврентья Горчакова изъ Переславля Рязанскаго переимѣнить, а на его мѣсто послать иного, кого пригожъ“...

(Приказн. стола столб. № 420, л.л. 5—9, 14—16, 102—107).

Сообщ. С. Н. Введенскій.

Эпизодъ изъ жизни Императора Павла I.

Изъ записокъ Ивана Яковлевича де Виттъ.

Братъ моей бабушки, Маріи Яковлевны де Воллантъ (Swert de Wallant), урожденной де Виттъ, генералъ Иванъ Яковлевичъ де Виттъ, оставилъ послѣ себя записки и нѣчто вродѣ дневника ¹⁾, доведеннаго до 1846 г. Онъ начинается съ родословной, въ которой насчитываетъ съ отцемъ (а моимъ прадѣдомъ) тринадцать поколѣній. Мой прадѣдъ Яковъ-Эдуардъ де Виттъ былъ приглашенъ въ 1784 Екатериною II и поступилъ на русскую службу съ чиномъ полковника и 1.200 руб. жалованья. Умеръ онъ въ высокихъ чинахъ.

Скажемъ о маленькой подробности:

На первыхъ порахъ не могъ примириться съ вѣдой на телѣгахъ и всеподданнѣйше донесъ, что онъ пріѣхалъ изъ Голландіи не для того, чтобы потерять свое здоровье на отвратительныхъ телѣгахъ. Екатерина II приказала ему отпустить 1.200 р. на покупку экипажа.

Позднѣе въ 1799 г. Павелъ I приказалъ ему приготовить проектъ о разрушеніи крѣпости въ Ригѣ по случаю того, что этотъ городъ обращается въ порто-франко, и вмѣсто этого построить крѣпость въ Митавѣ.

Приготовивъ всѣ проекты, генералъ де Виттъ поднесъ ихъ лично Императору, который остался очень доволенъ всею работою. Разсматривая чертежи, Павелъ I замѣтилъ де Витту, что ни одинъ изъ чертежей не былъ подписанъ генераломъ де Виттъ. Тогда послѣдній неустрашимо отвѣтилъ Императору: „Ваше Величество, я долженъ былъ исполнить Ваше приказа-

¹⁾ Записки на нѣмецкомъ языкѣ.

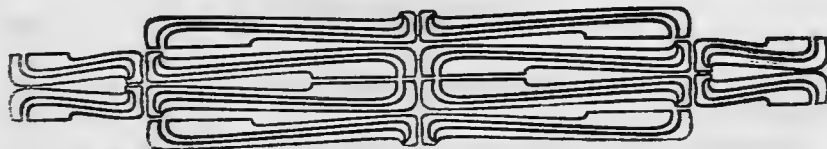
ніе—но подписать моего честнаго имени подъ такимъ дурнымъ дѣломъ я не могу...”

Павелъ I страшно вспыхнулъ и выгналъ отъ себя де Витта. Тотъ, конечно, отъ нравственнаго потрясенія заболѣлъ и слегъ въ постель. Можно бы вообразить, въ какомъ состояніи было семейство, когда въ полночь прибылъ фельдъ-егерь, который передалъ генералу де Виттъ большой конвертъ. Дрожащею рукою отрываетъ де Виттъ конвертъ и въ немъ находитъ грамоту и орденъ Св. Анны 1 степени.

Этотъ внезапный переходъ отъ страха къ радости все-таки отразился на здоровьи, и генералъ де Виттъ долженъ былъ пролежать въ постели еще десять дней. Когда онъ выздоровѣлъ и захотѣлъ представиться Государю, Павелъ назначилъ ему придти въ воскресенье во время парада. Завидѣвъ его издали, Павелъ I взялъ де Витта подъ руку и провелъ его такимъ образомъ передъ всѣмъ фронтомъ, сказавъ при этомъ: „Таковыхъ генераловъ мнѣ нужно болѣе“. Затѣмъ Павелъ I снялъ шляпу и дружески поклонился де Витту. Послѣ этого онъ отличалъ его своимъ милостивымъ обращеніемъ.

Григорій де-Волланъ.

Исторія повторяется.

М. о. О. А. Г.
III. оп. 161а. св.
534, д. 15, л. 5.
№ 32.

Рескриптъ вел. князю Константину Павловичу
за собственноручной подписью Императора
Александра I.

Его Императорскому Высочеству Цесаревичу.

Я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ донесенія Вашего Императорскаго Высочества отъ 21-го іюня справедливое замѣчаніе, сдѣланное Вами генералу Римскому-Корсакову, за не позволенный пропускъ виленскою цензурою артикула, помѣщеннаго въ издаваемомъ въ Вильнѣ журналѣ отъ 31-го маія подъ № 10-мъ.

Какъ губернія сія нынѣ состоитъ уже подъ начальствомъ Вашего Императорскаго Высочества, то повелѣваю Вамъ дать предписаніе редактору виленскаго журнала арестовать на мѣсяцъ, съ запрещеніемъ ему изданія сего журнала; цензурѣ же замѣтить, чтобъ она бдительно исполняла свою должность.

Александръ.

Въ Царскомъ селѣ
4 іюля 1822 г.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Открыта подписка на 1914 годъ на органъ финансовой
и торгово-промышленной жизни

Финансовое Обозрѣніе

(Годъ изданія 5-й). Журналъ будетъ выходить еженедѣльно,
при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ
экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ
рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ госу-
дарственного и народного хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ точныя сообщенія
о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ цен-
тровъ Европы, анализы дѣятельности акціонерныхъ бан-
ковъ и столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣ-
нія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и
Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ
Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣ-
нія и отчеты по Золотопромышленной, Нефтяной, Хлопко-
вой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной
промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является единственнымъ
еженедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ най-
детъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, по всѣмъ интересующимъ
его вопросамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ С.-Петербургѣ и въ провинціи на годъ, 8 р. на 6 мѣс. 5 р.
За границу „ 10 р. „ 6 р.

Контора и редакция: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редакціи жур-
нала и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Н. А. Нотовичъ.

СТАРЫЕ ГОДЫ

Ежемесячник для
любителей искусства
и старины □ □ □

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ.

„Старые Годы“ въ восьмомъ году изданія будутъ выходить по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ.

В. С. Арсеньевъ, Александръ Н. Бенуа, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, Wilhelm Bode, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fiegeus Gevaert, Max Geisberg, В. Ш. Георгиевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодской), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабаръ, Loys Dalteil, С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Лендъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергій Маковский, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, П. И. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, W. Norbert, А. В. Орфинниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спичкинъ, П. Н. Столпянскій, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Троицкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою 10 руб.,
безъ доставки—9 руб., за границу—40 франковъ.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка:
при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—3 р. и 1 июля—2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Ключкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова и Веркемейстера и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста; въ С.-Петербургѣ—Морская, 38 и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: страница 50 р., $\frac{1}{2}$ стр.—30 р., $\frac{1}{4}$ стр.—20 р., $\frac{1}{8}$ стр.—12 р.

За перемѣну адреса 50 коп.

Комплектовъ журнала за прошлые годы не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

ментовъ, получили совершеннѣйшее выраженіе въ русской рукописи. Буслаевъ писалъ о немъ: „русскій орнаментъ XIV вѣка (буду означать его этимъ вѣкомъ, какъ временемъ полнѣйшаго развитія) состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: изъ ременныхъ и преимущественно змѣиныхъ плетеній и изъ чудовищъ, куда причисляю и всѣ фигуры животныхъ и людей, потерявшихъ натуральность подъ печатью условнаго стиля“. Признаками русскаго тератологическаго орнамента авторъ считаетъ: „1) по отношенію къ рисунку: а) отсутствіе рельефа и одной точки зрѣнія (орнаментъ исключительно плоскій, и взглядъ слѣдитъ за нимъ, переходя отъ одного пункта къ другому), б) плетеніе ремней, при отсутствіи геометричности, съ утолщеніями и осложненіями или въ видѣ листьевъ или животной фигуры; 2) по отношенію къ колориту—противоположеніе трехъ тоновъ: а) контура плетеній, б) площади плетеній (тонъ пергамента); с) фона, проглядывающаго изъ-за плетень“. Прослѣдивъ развитіе этого стиля, авторъ пришелъ къ выводамъ, подтверждающимъ и отчасти расширяющимъ извѣстное мнѣніе Буслаева о происхожденіи русскаго тератологическаго орнамента отъ Византіи—и въ мотивахъ и въ формахъ: „византійско-болгарскій орнаментъ, осложненный болгарской тератологіей, а отчасти и римскимъ стилемъ, изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ (можетъ быть, и черезъ Волинь) притекалъ къ намъ въ Кіевъ; въ этомъ центрѣ нашей древней культуры онъ расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ и отсюда проникалъ на сѣверъ, въ другой нашъ центръ—Новгородъ“. Самая блестящая и самостоятельная черта русскаго тератологическаго орнамента—эволюція человѣческой фигуры. Къ книгѣ приложены интересныя таблицы рисунковъ.

Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ X. Полтава. 1913.

Объ иностранной колонизаціи въ Россіи писано еще очень мало, и даже плохо обследованы документальныя матеріалы, которыхъ особенно много въ южныхъ архивахъ. По такимъ даннымъ, изъ архива полтавскаго губернскаго правленія, И. Ф. Павловскій рассказываетъ исторію нѣмецкихъ колоній, существовавшихъ въ Полтавской губерніи въ 1808—1867 г.г. Туда были приглашены правительствомъ нѣмцы-суконщики для насажденія суконовдѣлія. Полувѣковой опытъ, стоившій казнѣ большихъ средствъ, былъ неудаченъ. „Нѣмецкія колоніи были устроены въ Полтавской губерніи по инициативѣ министра внутреннихъ дѣлъ кн. А. В. Куракина, для чего и были вызваны нѣмцы—суконные фабриканты изъ разныхъ мѣстъ Германіи. Цѣль была—развить суконовдѣліе и этими издѣліями снабжать армію и флотъ. Нельзя сказать, чтобы выборъ нѣмцевъ, вызванныхъ для поселенія въ Полтавской губерніи, былъ производимъ съ большимъ разборомъ. Помимо нѣсколькихъ лицъ, попавшихъ въ число колонистовъ и не имѣвшихъ ничего общаго съ суконовдѣліемъ, было не мало лицъ среди прибывшихъ колонистовъ, дурныхъ и плохихъ работниковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ черниговскій, харьковскій и полтавскій генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ. Колонисты, поселенные въ губерніи, составили отдѣльныя группы населенія, не подчинявшіяся, какъ другіе слои населенія, общимъ учрежденіямъ, а имѣли свои собственныя, сначала Инспекцію (до 1820 г.), затѣмъ Приказъ (съ 1820 г.) и наконецъ Комитетъ, которому были подчинены Приказы. Этимъ учрежденіямъ было поручено и наблюденіе за работами колонистовъ. Министерство почему-то не озаботилось поставить во главѣ челоѣка, хорошо знакомаго съ этою отраслью промышленности, челоѣка, который могъ бы руководить работами, и слѣдить за ними, отчего было бы меньше бракованныхъ суконъ, а браковка послѣднихъ сильно отзывалась на ихъ матеріальномъ состояніи. Причиной обидѣнія ихъ была и небольшая цѣна, которую платила имъ казна за выдѣлку половинки въ теченіе десятковъ лѣтъ, а жизнь, конечно, дорожала съ каждымъ годомъ. Помимо этого, появленіе въ Россіи большихъ фабрикъ, съ большими капиталами, съ машиннымъ производствомъ суконъ, должно было уничтожить ручное производство суконъ нѣмецкими колонистами. Это и будетъ главной причиной постепеннаго уменьшенія числа фабрикантовъ и наконецъ закрытія этихъ фабрикъ. Въ настоящее время въ Константиноградѣ есть еще домики, построенные для нихъ въ прошломъ столѣтіи; осталось нѣсколько дворовъ, гдѣ проживаютъ потомки колонистовъ, владеющіе землями, розданными колонистамъ въ 1820 году. Остались и въ Полтавѣ домики.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1914 г.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городекихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. Вольфъ, Гостинный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха). Въ Казани — А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. В. Ф. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственнѣхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзыви о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1913 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, В. Подъячская ул., 7.

Английская Рабочая
Библиотека-Читальня
при Католическом Союзе
Профессорских Семей.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

1256-3	I	700-30	I
1356-18	I	1683-2	I
162-11	IV	1701-15	VI
1399-12	IV	1735-22	VII
2241-24	XII		

